

А л ь б е р М а т ь е з

Т Е Р М И Д О Р И А Н С К А Я Р Е А К Ц И Я

Перевод с французского Гурвич

Предисловие Ц.Фридлянда

М.-Л.: соцэкгиз. 1931

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* И Век Просвещения, 2009

Формат pdf. Книга разделена на 2 файла, ссылки для скачивания – в нашей библиотеке (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm) и информационных блогах (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/>, <http://vive-liberta.livejournal.com/>)

Содержание

Предисловие Ц.Фридлянда

Глава 1. Конец диктатуры Комитета общественного спасения

Глава 2. Новые снисходительные

Глава 3. Процесс Карье и закрытие клуба якобинцев

Глава 4. Бабеф, Тальен, Фрерон и его молодежь

Глава 5. Возвращение жирондистов. Вынос праха Марата из Пантеона

Глава 6. Амнистирование вандейцев и шуанов

Глава 7. Открытие церквей

Глава 8. Первый голодный бунт

Глава 9. Белый террор

Глава 10. Прериальские дни III года

Глава 11. Киберон

Глава 12. Вандемьер

Книги и статьи к теме «Термидорианский переворот» в нашей электронной библиотеке

ТЕРМИДОР: основные
события 8-10 термидора II
года в документах

http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm.pdf

ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ
КОНВЕНТ: ликвидация
революционного порядка
управления

http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf

ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ
дискуссия

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

Е.Таланян. Переворот 9
Термидора глазами члена
Комитета общественного
спасения

http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm

О.Осипова. «Список
Робеспьера» - комментарий

http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm#list

Е.Киселева. Роль парижских
секций в перевороте 9
термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf
К.Добролюбский. Термидор (полный текст монографии)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book
К.Добролюбский. Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf
П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции	http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf
П.Щеголев. После Термидора	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf
Ц.Фридлянд. Девятое термидора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf
М.Доманже.	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommang.pdf
П.Щеголев. Заговор Бабефа	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf
В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор	http://narod.ru/disk/8364910000/thermidor_monosov.pdf.html

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Новая книга А. Матьеа «Термидорианская реакция» составляет четвертый выпуск его «Истории французской революции». Это научно-популярный очерк, посвященный пятнадцати месяцам истории Конвента после 9 термидора.

«Термидорианская реакция» вышла в 1929 г., том, посвященный геррору — в 1927 г. За эти два года Матьеа проделал, однако, весьма значительную кривую своего политического развития. Типичный представитель радикальной, мелкобуржуазной интеллигенции он никогда не был марксистом и всегда был чужд правильного понимания чисто политических задач, стоящих перед исторической наукой. В свое время, на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов СССР мы обращали внимание на отрицательные стороны теоретической концепции Альбера Матьеа, на непонимание им классовой природы исторической науки. «На Матьеа, говорили мы тогда, оказывают влияние различные силы, и в том числе силы нам враждебные». Углубление классовых противоречий в Европе за последнее время, приближение грозного дня международной социальной революции, успехи социалистического строительства в России — все эти характерные черты «третьего периода» не могли не повлиять на колеблющуюся часть мелкобуржуазной французской интеллигенции, в том числе и на Матьеа, — он оказался в стане наших врагов.

Уже в предисловии к «Термидорианской реакции» Матьеа пишет, что ему совершенно безразлично, какую позицию в отношении его писаний займут «красные», «черные», и «белые», ему безразличны их попытки использовать его книги в интересах своего дела: «он готов переносить эту неприятность с полным хладнокровием». Не подлежит сомнению, что подобные утверждения Матьеа оказывают наилучшую помощь прежде всего представителям белой и черной реакции, — хочет или не хочет этого Альбер Матьеа. Политическое развитие мелкобуржуазного историка получает, таким образом, свое завершение. Мы лишь раз получили иллюстрацию тому положению, что высказывать симпатии марксизму, еще не значит быть марксистом, т. е. в наше время быть «другом коммунизма». *Казус Матьеа* служит лишним доказательством, что защита объективной истории, в ходе обостренной классовой борьбы, неизбежно, с железной логической необходимостью, приводит «объективного историка» в лагерь врагов пролетарской революции. Матьеа, защитник дела Робеспьера, оказался в наши дни — защитником «невинного» Тарле. Не это ли ирония истории!

Политическая эволюция автора сказала, естественно, в последние годы и на развитии его исторических взглядов. Все те антимарксистские положения, которые были в его концепции Великой французской революции, постепенно превратились в целую систему. Они получили свое отражение и в книге «Термидорианская реакция». Исходным пунктом рассуждений Матьеа является его концепция, так наз. ванто-

зовских декретов, т. е. весенних декретов 1794 года о распределении между бедными санкюлотами имущества «подозрительных», врагов революции. А. Матъез рассматривает эти декреты, как попытку Робеспьера и Сен-Жюста пойти дальше программы политической демократии и вступить, как он пишет, «на путь социальной революции», — что послужило решающей причиной 9 термидора.

В нашей марксистской исторической литературе необходимость критики Матъеза привела к совершенно неправильным утверждениям и отрицанию роли и значения утопических социальных проектов Сен-Жюста и Робеспьера весны 1794 года, так наз. «вантозовских декретов». Не подлежит сомнению, что после выполнения основных задач буржуазной революции идеологи мелкой буржуазии — триумвираты (Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон) — попытались осуществить свою идею эгалитарной республики «равных товаропроизводителей». Во главе революционного правительства считали возможным создать «равных собственников» путем раздела имущества богачей, — то, что 9 термидора.

Матъез и называет «социальной революцией Робеспьера». Эта попытка натолкнулась на жестокое сопротивление всей буржуазно-собственного чской Франции, и 9 термидора покончило с утопистами-демократами, не понимавшими тех исторических задач, которые стояли перед Великой французской революцией.

Если буржуазия допустила плебейскую расправу с феодализмом во Франции, то она не намерена была допустить торжества плебейских принципов в области социально-экономических отношений. Об этом в свое время писал Маркс, утверждая, что весенние постановления II года не могли уничтожить основ буржуазного общества. Каков был результат постановления Конвента? — спрашивает Маркс. «То, что на свете стало одним постановлением больше и что спустя год после этого Конвент был осажден женщинами, умирающими с голода». Мысль подчеркнул в свое время и Ленин: «Мы подошли вплотную к этой разнице, — говорил В. И. 23 марта 1919 г., — которая характерна для Великой французской революции, когда французский конвент размахивался широкими предприятиями, а для проведения не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры». («О работе в деревне», 23/III — 1919 г.).

Матъез не понял специфической мелко-буржуазной сущности «вантозовских декретов» и этим обнаружил свою действительную позицию по отношению к мелко-буржуазному радикалу. Марксистская критика «вантозовских декретов» под этим углом зрения, конечно, гораздо более целесообразна, чем огульная попытка отрицания всякого значения проектов осуществления эгалитарной утопии весны II г. и приводит целый ряд авторов к чисто устряловской концепции о буржуазном «перерождении» якобинцев, к совершенному непониманию того контр-революционного перелома, который произошел 9 термидора 1794 года. Термидорианская реакция была контрреволюционным переворотом. Вульгарно и бессмысленно историческую неизбежность торжества буржуазного общества в конце XVIII века изображать так, будто термидорианцы, т. е. типичнейшие представители хищнической буржуазии, бедители в борьбе с мелкобуржуазными утопистами, были «прогрес-

ивными» элементом исторического развития, а их победа была торжеством прогресса над реакционной утопией Робеспьера и Сен-Жюста. Французское буржуазное общество могло развиваться в дальнейшем, и так демократическое общество. Победа буржуазной республики в 1795 году была торжеством контрреволюции. Это необходимо подчеркнуть для того, чтобы критика мелко-буржуазной концепции Великой революции А. Матъеза не приводила нас к оправданию устряловских и троцкистских попыток изобразить 9 термидора только как «эпизод» истории кровавого торжества буржуазного общества во Франции, как спуск революции «на тормозах».

Русская литература в последнее время «обогадилась» целым рядом работ, посвященных эпохе термидорианской реакции (П. Щеголев — «После термидора» «Добролюбский» — «Экономическая политика термидорианской реакции»). П. Щеголев в отличие от Матъеза совершенно не заметил роли и значения вантозовских декретов и изобразил, пию эгалитарной республики «равных товаропроизводителей». Во главе революционного правительства считали возможным создать «равных собственников» путем раздела имущества богачей, — то, что 9 термидора.

Вот почему для него, например, отмена максимума, государственного регулирования снабжения нуждающегося населения хлебом и предметами первой необходимости, является не торжеством политики, а естественным продолжением политики триумvirата II года. П. Щеголев, вслед за Я. Захером, другим фальсификатором марксизма, готов утверждать, что Робеспьер был представителем «крепкой мелкой буржуазии», капиталистических элементов в ее среде, но тем самым они не замечают тех внутренних противоречий в идеологии якобинизма, — революционно-передовых идей и мелко-буржуазной утопии, — противоречий, которые определили ход и исход французской революции. Матъеза обнаружила и вторую слабую сторону его концепции Великой французской революции. Матъез обнаружил в этой работе насколько, даже самое элементарное и частичное применение метода исторического материализма, может послужить в руках историка блестящим оружием познания прошлого. Но и для книги «Борьба с дороговизной» характерна недостаточная увязка социально-экономического анализа с объяснением основных этапов политического развития французской революции.

«Термидорианская реакция» возвела этот недостаток в принцип. Книга, посвященная истории французской революции, где дано только изложение политических событий, но совершенно опущена социально-экономическая характеристика эпохи, свидетельствует о том, что «марксизм» Матъеза, в лучшем случае, весьма элементарный экономический материализм, который пользуется ныне большой популярностью среди буржуазных историков Запада и служит прикрытием вульгарного либерализма. «Термидорианская реакция» Матъеза совершенно не дает нам соц.-экономического анализа эпохи, поэтому политическая история пятнадцати месяцев после 9 термидора неизбежно искажает картину событий.

Слабым местом в книге Матьеа является объяснение политической реакции. Непонятно, почему Матьеа представляет для нас историю жерминаля и прернала, а не историю термидора. Социальные конфликты этих месяцев изображаются как чисто групповая борьба отдельных фракций и факций, как распад аппарата революционной диктатуры на почве личных грызней хищников, и читателю-марксисту самому, на основании массы фактов, приходится восстанавливать картину классовой борьбы. В этом смысле обращает на себя внимание изложение Матьеа термидорианцев (Бильо-Варенн, Вадье), той группы, которая нападала 9 термидора на Робеспьера, по их словам, вступившего «на путь милосердия», на путь примирения с анти-террористическими элементами Франции. Матьеа не объясняет нам ни в чем «Термидорианская реакция», ни в предшествующих своих работах, а Робеспьер — родоначальник социалистической мысли XIX века. «Термидорианская реакция», ни в предшествующих своих работах, а Робеспьер — родоначальник социалистической мысли XIX века. «Термидорианская реакция», ни в предшествующих своих работах, а Робеспьер — родоначальник социалистической мысли XIX века. «Термидорианская реакция», ни в предшествующих своих работах, а Робеспьер — родоначальник социалистической мысли XIX века.

Для Матьеа террор был только неизбежным злом, вызванным реакцией. Он доказывает, что Бабеф, некоторое время настроенный враждебно к террору и диктатуре и даже присоединивший свой голос к демократии на много десятилетий. Матьеа скатывается таким образом термидорианцам, вступил в соглашение с руководителем буржуазных даже в объяснении французской революции на позиции либеральной молодежи — Фрероном и на деньги термидорианцев издавал свою школы Олара. Последний находил только «смягчающие вину обстоятельства». Утверждения эти пока только догадка; доказательств Матьеа школы Олара. Последний находил только «смягчающие вину обстоятельства». Утверждения эти пока только догадка; доказательств Матьеа школы Олара. Последний находил только «смягчающие вину обстоятельства». Утверждения эти пока только догадка; доказательств Матьеа школы Олара.

Но благодаря этому остается Матьеа непонятной позиция представителя «бешеных», молодой Варле, который заявил, что «для группы депутатов-якобинцев, которая, как Лекуантр, доносилась к террору и диктатуре и даже присоединивший свой голос к на «охвосте Робеспьера», на оставшихся в живых членах Комитета». Но и Матьеа показывает, что эти настроения Бабефа, в отличие от Варле, его критическое отношение к революционному правительству и диктатуре, длились очень недолго — буквально несколько недель. И если Бабеф первое время утверждал: «нужны принципы, но не надо террора, нужны революционные законы, но не надо революционного правительства», то он вскоре приходит к выводу, вместе со всеми честными республиканцами-демократами, что они совершили жесточайшую ошибку, поддерживая противников Робеспьера. Необходимость революционной диктатуры становится очевидной для Бабефа, и он включает ее, как составную часть в свою теорию грядущей коммунистической революции.

Односторонне, увлекаясь, однако, своей предвзятой точкой зрения о необходимости изобразить Робеспьера, как родоначальника социальной мысли XIX века, Матьеа заостряет внимание читателя на вопросе о временной политической связи между Бабефом и термидорианцами, оставляет в стороне, — совершенно не понимая его значения, — тот постепенный процесс формирования бабуизма, т. е. органического соединения идей диктатуры и коммунизма, которое и составляет сущность истории заговора разных.

Наконец, при анализе последних выступлений парижских предместий — в жерминале и прернале — он дает нам яркую картину хода событий, но не вскрывает тех социальных сил, которые участвовали в движении и направляли им. В прернале рабочие парижских предместий, гонимые голодом, выступили на борьбу с Конвентом, стремясь

осуществления чаяний народа — создания общества не только фактического равенства». Но рабочей толпой руководили бывшие эбертисты и «бешеные». Они стремились к осуществлению демократии и не желали повторения террора и восстановления диктатуры. Парламентское представительство якобинцев — последние публиканцы в Конвенте — своей нерешительностью помогли эбертам, и восстание было направлено по ложному пути. Рабочие парижских предместий потерпели в прериале поражение именно потому, не смогли сделать программой своего выступления борьбу за «революционную диктатуру четвертого сословия». Этого не понял, мелкобуржуазный демократ, Матьез.

Характерно, что и русские историки термидорианской реакции (Щеголев, Моносов) не обратили внимания на это внутреннее противоречие прериальского восстания, они не обратили внимания на то, что толпа, ворвавшаяся в Конвент во главе с Этьеном Шабром, старшим членом Революционного Комитета секции Арсенал, и Пьером Франсуа Дювалем, сапожником той же секции, настаивали на оглашении с трибуны Конвента того пункта Декларации прав человека, в котором шла речь о праве на восстание, и при поддержке других инсургентов требовали разгона Конвента. Инсургенты заявляли: «Мы сами составим Конвент!»; другие требовали назначения новой Коммуны в Париже. До сих пор остается невыясненным, была ли сделана восставшими попытка создать новое революционное правительство в ратуше.

В кратком предисловии нет возможности проанализировать в ее строгой марксистской критике. Но не подлежит сомнению, что ее работы Матьеза были огромным шагом вперед в сторону марксизма по сравнению со «школой Олара», то в настоящее время марксистская историческая наука в области Великой французской революции должна преодолеть его взгляды, подвергнуть работы членов и сторонников «Société Robespierriste» внимательному критическому анализу под углом зрения опыта пролетарской революции в России, — под углом зрения марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинской исторической науке в настоящий момент не приходится больше рассчитывать на тех «популяристов», которые объявляют себя марксистами, но солидаризируются открытыми врагами коммунизма.

Матьез оказался в стане наших врагов, вместе с Онкеном, Моммзеном, Сеньбосом и др. — тем хуже для него. Торжество марксистской исторической концепции теперь более чем когда-либо связано с успехами международной пролетарской революции и социалистического строительства в СССР, — с успехом коммунизма.

Ц. ФРИДЛЯНД.

Москва, 1 января 1931 г.

ГЛАВА I.

КОНЕЦ ДИКТАТУРЫ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Я намерен здесь подробно изложить историю последних пятнадцати месяцев Национального конвента, со времени падения Робеспьера 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.) до появления Директории, 4 брюмера IV г. (26 октября 1795 г.). Эти пятнадцать месяцев получили вполне заслуженное название термидорианской реакции (реакция значит возвращение назад, отступление). И в самом деле, мы здесь присутствуем при постепенном разрушении учреждений и порядков предыдущей эпохи, эпохи террора, а также при устранении и преследовании всех людей, пользовавшихся прежде властью или участвовавших в администрации.

До 9 термидора, под давлением политической и экономической необходимости военного времени, для победы над внутренним и над внешним врагом и для прокормления городов и армии, находившихся под постоянной угрозой голода, происходит все большая централизация власти. Комитет общественного спасения мало-по-малу поглотил всю власть и свел роль Конвента только к палате регистрации. Диктатура Комитета опиралась на очищенные (épurés) клубы, которые во всей Франции занимались в одно и то же время и надзором и управлением, потому что большая часть должностных лиц состояла членами их и пользовалась там влиянием. Чтобы добиться от масс необходимого для победы напряжения, Комитет общественного спасения под влиянием клубов вел решительную демократическую политику. Принудительным установлением цен товаров, другими словами, введением максимума он приостановил обесценение ассигнатов. Он увеличил пособие родителям солдат, помощь неимущим, косвенно поддерживал ремесленников и рабочих, оплачивая усердное посещение ими собраний секций, находя им занятия в революционных комитетах, в многочисленных продовольственных органах и в фабрикации снабжения армии. В течение года санкюлоты были в моде, в почете и в выгодном положении. Богатые люди считали необходимым оправдываться в своем богатстве, вошло в моду равное для всех обращение на ты, брюки были заменены короткими панталонами, куртка (carthagène) заменила фрак, красная шапка треугольную шляпу.

Представителем этой демократической политики и был Робеспьер. Именно Робеспьер проводил ее в Конвенте, благодаря своей огромной популярности среди ремесленников. Накануне своего падения Робеспьер при поддержке своих друзей С. Жюста и Кутона добился от Комитета общей безопасности и общественного спасения в их заседаниях 4 и 5 термидора проведения в жизнь декретов вантоза, до сих пор

остававшихся на бумаге, декретов, посредством которых С.-Жюст хотел лишить собственности подозрительных (внутренних врагов) и бесплатно распределить их имущество между бедными санкюлотами, что бы создать таким образом новый класс, всем обязанный революции так как он был бы обязан ей имуществом, и который поэтому стал бы ее защищать. Робеспьер таким образом пошел дальше политической демократии. Он шел к социальной революции, и это было одной из причин его падения.¹

Когда Робеспьер и его друзья были свергнуты, смещены, посажены в тюрьму и отправлены на эшафот, демократическая политика, воплощением которой они являлись, лишилась главной своей опоры. Она становилась даже подозрительной, так как она была тесно связана с робеспьеризмом. Монтаньяры, которые оставались еще в Конвенте, смирились при этом ужасном обвинении в робеспьеризме. Они не старались уже всеми силами защищать демократические учреждения. Получалось впечатление, что в своей борьбе против термидорианцев и они в такой же мере имели в виду свои личные интересы, как и принципы, к которым они все еще взывали.

С этих пор уже закончился великий период Республики. Личное соперничество берет верх над идеями. Общественное спасение исчезает или ступенчато перед частными интересами или перед чувствами озлобления и пристрастия. Вместо политических деятелей на сцену выступают политиканы. Все государственные деятели умерли. Их преемники с жадностью оспаривают друг у друга власть и так ничтожны, что неспособны организовать вокруг себя прочное большинство. Их минутные успехи не имеют будущего. Они толкают друг друга, самым удивительным образом конкурируют друг с другом, неожиданно меняют свои убеждения и свои мнения, чтобы иметь успех в своих мелких делишках; очень часто они делают это в ущерб стране. Теперь внезапно прорвалось все, что есть нечистого, разлагающего и порочного в парламентских режимах, когда их не оживляет и не сдерживает моральная дисциплина достойных управления руководителей или бдительность осторожного и организованного общественного мнения.

Конвент стал ареной, на которой более или менее ловкие дельцы проявляют свои таланты. Дельцы оспаривают друг у друга галерку, но, когда настал час закрытия, они столковались за кулисами, чтобы увековечить себя под новыми флагами. Появляется парламентская солидарность — вещь, до тех пор неизвестная. Частные и общие интересы депутатов скандально столкнулись с национальными интересами. Подтвердилось выражение Монтескье:

«Без добродетели, т. е. без преданности общественному благу, республика есть только внешняя форма, и сила ее есть только сила нескольких граждан и распушенность всех...»²

После казни Дантона прошло уже четыре месяца, но его циничская программа восторжествовала, дантонисты добились наконец власти. И осуществилось все, что предсказывал Робеспьер.

¹ О декретах вантоза и их применении см. мой труд, появившийся в «Annales historiques de la Révolution française» за июль 1928 г.

² Esprit des Lois, ch. III, M. III.

Гнусность разнузданных в настоящее время аппетитов составляет резкий контраст с великим героизмом и великими преступлениями предшествующей эпохи, и контраст этот производит тяжелое впечатление. Романтические историки не все могли выдержать зрелище этого контраста. Мишле закончил свою Историю революции 9 термидора, точно все, что произошло после этого, не стоило рассказывать. Даже монархистские и консервативные писатели, которые, казалось бы, должны были бы радоваться этому банкротству, не скрывают своего отвращения войти в эту клоаку, в которую погрузился Конвент...

«В учебниках всеобщей истории, — говорит Тюрю Данжен, — когда писатель доходит до 9 термидора, чтобы перейти к следующим годам, мрачным и печальным в одно и то же время, бурным и бесплодным, вплоть до 18 брюмера, он как бы чувствует усталость и отвращение... Все мелко — и события и люди... На сцене только статисты, все так ничтожны, что Талльены и Баррасы являются персонами».¹

Историк не имеет права делать выбор между предметами своего исследования, принимать то, что ему нравится, отбрасывать то, к чему он питает отвращение. Все прошедшее требует его внимания. И в самом деле, темновые стороны лучше оттеняют светлые. Реальность представляет одно целое. Если ее рассматривать вблизи, следить за ней шаг за шагом, день за днем, — термидорианская реакция дает много поучительного по вопросу о разложении парламентаризма и обратной стороне демократий. И моралисты, пожалуй, могут извлечь из этих грязных картин уроки высокого мужества. Чтобы излечить своих детей от склонности к пьянству, лакедемоняне показывали им пьяного илота.

9 термидора было результатом коалиции, которую заключили с Равниной, бывшей до сих пор пассивной, все, кто оставался еще от старой дантонистской партии, временно соединившейся с большинством правительственных комитетов. Активный элемент этой коалиции состоял из прежних друзей Дантона, из Талльенов, Фреронов, Баррасов, Мерленов из Тионвилля, Куртуа из Об, Гюффруа, Реубелей, Дюбуа-Грансэ, Лежандров, из всех этих прежних проконсулов, запятнанных преступлениями или лихоимством, которых Робеспьер отозвал из их командировок и у которых он предполагал потребовать отчет. Чтобы спасти свою жизнь, эти беззастенчивые дельцы сумели привлечь Равнину, обещав ей противиться применению законов вантоза, которые затрагивали частную жизнь подозрительных и их имущество. Равнина в конце концов предала Робеспьера, опасаясь его социальной политики. Но она издавна привыкла играть в Собрании безмолвную роль, и ей нужно было время, чтобы увидеть, что падение Робеспьера пошатнуло революционное правительство и, следовательно, открывало для нее перспективу выйти из своего продолжительного безмолвия и вознаградить себя за него, играя в свою очередь активную роль в делах. Она еще в течение целого месяца после термидора продолжала играть совершенно бесцветную роль.² Освободило ее не столько 9 термидора,

¹ «Royalistes et républicains», 1888, p. I.

² См. Durand de Maillane, Mémoires, p. 255.

сколько его последнего, сколько раскол, происшедший почти тотчас же среди монтаньяров — победителей. Этот раскол по существу был делом дантонистов, которые уже взяли на себя инициативу нападок на Робеспьера.

Они упрекали в прежнем влиянии оставшихся в живых старых членов правительственных комитетов, которые помогали им в момент 9 термидора. Они знали, что многие из них, как Барер, Колло, Билло чувствовали к ним только недоверие и презрение, что они содействовали отзыву их из командировок, что они только в одиннадцатом часу и как бы с сожалением порвали с Робеспьером. Они полагали, что не должны чувствовать к ним никакой благодарности; наоборот, они питали к ним злобу.

При таких условиях союз между подкупленными членами комитетов, которые только чудом избегли наказания за свои преступления и оставшимися в живых не мог иметь будущего. Как те, так и другие, те, которых иногда называют правыми термидорианцами, и те, которых называют левыми, — не совсем точное название, которое во всяком случае не было известно современникам — и те и другие, монтаньяры дельцы и принципиальные монтаньяры и члены правительства объединились только на отрицательном пункте, на необходимости подавить робеспьеризм и помешать ему возродиться. Во всем остальном они были в оппозиции одни к другим. Стремясь, с одной стороны, с лихорадочной поспешностью освободить своих креатур, они с другой стороны, в то же самое время сажали в тюрьмы всех, кто имел какие бы то ни было отношения к Робеспьеру и его друзьям: все семейство Дюпле, даже женщин, Германа, комиссара в Комиссии гражданской администрации, полиции и судов, обвиненного Андре Дюмоном хотя он оправдывался в так называемом промедлении исполнения декретов, объявлявших заговорщиков вне закона, полицейского Герона, служившего предметом ненависти дантонистов, которых он разоблачил, Жюльена из Парижа, которому Робеспьер доверял важные поручения (Жюльена, обвиненного в одно и то же время Талльеном и Куртуа), Эва Демайо, который был учителем Сен-Жюста и который был послан в командировку в Тулон, эмиссара Лебона, хотя Робеспьер содействовал его отозванию из его кровавой командировки в Па де Кале, вплоть до неизвестных членов клуба, которые вероятно никогда не имели ни малейших личных сношений с Робеспьером, как в Метце купца Досда и его жену, музыканта Тротба¹ и др. . . Мы видели офицеров, которые выдвинулись благодаря Сен-Жюсту, отсылавших в Конвент или в его комитеты акты о назначениях, подписанные его именем, и просивших заменить их другими документами без этого проклятого имени, пред которым они преклонялись еще накануне.

Однако наказание робеспьеристов не должно было, по мысли членов правительства, повлечь за собой перемену политики. В трагическом заседании 9 термидора Билло-Варенн обвинял Робеспьера в умеренности (*modérantisme*), Вадье упрекал его в покровительстве свя-

щенникам и для подтверждения своего упрека сослался на дело Екатерины Тео.

«Частичный удар, который оставляет правительство в неприкосновенности в политических, административных и революционных делах, как внутри, так и извне», так определял событие 9 термидора Барер в Конвенте 11 термидора при одобрении всех его коллег из комитетов.

Но Барер был слишком умен, чтобы не понимать, что думали и чего хотели дантонисты, его временные союзники. Чтобы успокоить их, он подтвердил в заголовке своего доклада 10 термидора, что

«только Конвент и должен управлять, составлять законы, объявлять войну, отправлять правосудие, налагать наказания. Конвент — все».

Он ловко стушевал комитеты перед Конвентом. Но, сделав эти уступки, которые, как он надеялся, останутся устными, он провозгласил, что революционное правительство останется неприкосновенным:

«Странная уверенность со стороны тех, которые хотят остановить величественное, грозное развитие французской революции и отодвинуть назад судьбы первой из наций».

Противникам террора надо было твердо держаться. Барер заранее обвинял их в заговоре против интересов отечества. . . Обвинение было совершенно определенное:

Это там, — продолжал он (т. е. в секциях Сент-Антуанского предместья) — несколько переодетых аристократов говорили о снисхождении, как будто революционное правительство не приобрело больше власти посредством самой революции, созданием которой оно являлось, как будто сила революционного правительства не увеличилась в сто раз, с тех пор как власть в самом источнике своем вдохнула более энергичную душу в комитеты, подвергнутые хорошей чистке. Снисхождение можно проявлять только по отношению к невольному заблуждению, но маневры аристократов — злодеяния, а их заблуждения — преступления».

Это значило заявить, что событие 9 термидора придаст новую жестокость террору. Никто не ответил Бареру. Представленная им от имени комитетов прокламация к французам была принята без дебатов.

«31 мая народ совершил свою революцию, 9 термидора Национальный конвент совершил свою, свобода приветствовала обе».

Но в тот же вечер дантонисты спохватились. Один из них, Лекуантр, исполняя обещание, данное им Равнине, потребовал и добился того, чтобы в народных комиссиях, учрежденных для отбора подозрительных и конфискации их имущества, прежде чем они будут продолжать свою деятельность была произведена чистка и чтобы чистка производилась не как всегда одними только комитетами, а самим Конвентом, который, в последней инстанции, будет выносить решения по поводу предложений. . . Это наносило жестокий удар законам вантоза, которые в сущности были отменены. Четыре новые народные комиссии, создание которых было постановлено 6 термидора, никогда не были составлены. Что же касается двух прежних комиссий, которые заседали в Музее, то оба их председателя, Треншар и Сюлейра, были тотчас же арестованы как робеспьеристы, и им никогда не назначили преемников.¹

¹ René Paquet, Bibliographie de l'Histoire de Metz pendant la Révolution, t. II, pp. 937 et 951. — Досда был арестован вместе со своей женой 17 термидора по инициативе клуба. Они были освобождены 7 фруктидора II г., но Тротба был отвезен в Париж.

¹ Очутившись в тюрьме Сент-Пелажи, Треншар пытался 12 термидора перерезать себе горло куском стекла. Он многие месяцы оставался в тюрьме, прежде чем предстал перед Революционным трибуналом. — Доклад 12 термидора в бюро полиции Комитета общественного спасения («Archives nationales», F. 7. 3822).

После Лекуантра, бывший епископ Кенталя, Тибо, также принадлежавший к партии Дантона, в том же заседании потребовал чистки Парижского революционного трибунала, составленного, по его словам, из креатур Кутона и Робеспьера. Конвент отослал его предложение на рассмотрение комитетов.

Симптоматично, что несогласия комитетов обнаружились уже в заседании следующего дня. В то время как Эли Лакост, докладчик Комитета общей безопасности, шел дальше самого Тибо, автора предложения о чистке Революционного трибунала, и 11 термидора предлагал упразднить Революционный трибунал и заменить его временной комиссией переводчик Комитета общественного спасения Билло-Варенн протестовал против упразднения Революционного трибунала именно в тот момент, когда ему предстояло судить грязную шайку сообщников Робеспьера. В то время как дантонисты Бреар и Тюрро поддерживали упразднение, монтаньяры Маларме, Файо боролись против упразднения трибунала, а Тюррио и Талльен высказывались примиренчески. В конце концов упразднение, которое уже было вотировано, было оставлено под вопросом, и дело было опять отослано в комитеты.

Комитеты истолковали это голосование как признак того, что Конвент решил поддерживать революционное правительство в целом. В тот же вечер Барер от их имени (комитетов) в искусной, может быть, слишком искусной, речи, так как она сильно противоречила истине, обвинял Робеспьера в том, что он был против учреждения революционного правительства и организации исполнительных комиссий. Он еще раз предостерегал против

«этого гибельного модерантизма, который, говоря о мире и милосердии, умеет извлекать пользу из всяких обстоятельств, даже из самых тяжелых. Пусть аристократия знает, что в этом храме законов есть только постоянная месть и беспощадные судьи».

Барер тогда высказал похвалу Революционному трибуналу,

«этому спасительному учреждению которое уничтожает врагов республики и очищает почву свободы».

Его нужно только очистить, но не упразднить. И Барер предложил новый список судей и присяжных, в котором он оставил Фукье-Тенвиля. Заканчивая, Барер просил Конвент присоединить к Комитету общественного спасения до 25 термидора, срока его ежемесячного обновления, трех новых членов взамен трех казненных накануне. Согласно закону 14 сентября он назвал трех новых членов: Бернара из Сент-Пьера, который во время своей командировки в Франш-Конте вел отчаянную борьбу с Робеспьером младшим; Ш. Дювала, редактора «*Journal des Hommes Libres*», монтаньяра, который некогда протестовал против обвинения Марата и который принимал большое участие в событиях 9 термидора, и Эшасерио старшего, зятя Монжа, очень темную личность, но который голосовал за смерть короля, как и оба предыдущие.

Уже раздавались крики: «голосуйте». Уже более года лица, предложенные комитетом, не подвергались обсуждению. Но Мерлен из Тионвилля, который составлял часть свиты Дантона, потребовал предварительного обсуждения предложенных кандидатов и отсрочки голосования до следующего дня. Он прибавил, что название новых членов комитетов должно производиться тем же способом, как и председателей

и секретарей Собрания, т. е. без предварительного представления их Комитету общественного спасения. В заключение он заклинал Собрание опять восстановить право инициативы, которого оно было лишено. Обладая большей храбростью, чем красноречием,¹ Мерлен из Тионвилля очень редко поднимался на трибуну. Весьма вероятно, что его к этому побуждали другие, может быть, те, которые составляли его речь.² Во всяком случае его заявление встретило такой отклик, что трудно допустить, чтобы оно не было заранее согласовано. После него член, имя которого не указано, потребовал замещения Геро (Hérault) де Сешеля, место которого в комитете оставалось вакантным со времени его казни, и кроме того, чтобы избрание происходило не провозглашением (*par acclamation*) и аплодисментами, как обычно, а посредством правильного голосования. Дантонист Тюрро потребовал еще вдобавок, чтобы голосование происходило громогласно и поименно. Раздраженный этим непривычным неслыханным недоверием, так сильно проявленным по отношению к Комитету общественного спасения, Билло-Варенн сделал ошибку и бросил нечто в роде вызова своим противникам, этим дантонистам, которых он ненавидел.

«Так как обнаружилась оппозиция, то я настаиваю на поименном голосовании. Этим путем народ всегда узнавал своих истинных друзей».

Но эта брошенная оппозиции угроза уже была несвоевременна. Чтобы поддержать ее, у Билло-Варенна не было уже авторитета Робеспьера. А затем он сделал еще большую ошибку, сказав по поводу Геро (Hérault) де Сешеля, который не был никем заменен:

«Здесь сказали, что были причины, почему Геро не был заменен. Да, у нас были причины, мы не хотели увеличивать число заговорщиков, находившихся уже в комитетах...»

Это оскорбление возмутило Собрание. Поднялись сильные протесты:

«Председатель, призовите Билло к порядку, он оскорбляет Конвент».

Поименное голосование было принято. Затем Фрерон, этот развратник, проливший потоки крови в Тулоне и Марселе, прежде чем присоединился к Дантону, чтобы требовать открытия тюрем, после того как он был отозван из командировки, Фрерон, который накануне термидора считал себя уже на краю эшафота, этот фат Фрерон взмог

¹ Вот его характеристика, сделанная журналистом Дюссо: «Более энергичный, чем ловкий, скорее годный для командования батальоном, чем для того, чтобы стоять во главе Собрания, более страшный для своих врагов, чем грозный для союзников, отличавшийся большей храбростью, чем красноречием, с истинно воинственной физиономией, прославившийся своей храбростью, которую он проявил при осаде Майнца, Мерлен из Тионвилля считался большинством очень изворотливым человеком. Но любовь к удовольствиям с трудом мирится с той выдержкой характера, которая так необходима для торжества мнения, имеющего сильных противников, и Мерлен был Геркулесом, в руках которого часто с удивлением можно было заметить веретено вместо дубинки». (*Fragment pour servir à l'histoire de la Convention nationale depuis le 10 thermidor jusqu'à la dénonciation de Lecointre*, p. 25.) Этот памфлет носит дату 29 фруктидора II г.

² Известно, что Мерлен из Тионвилля подписал карикатуру на Робеспьера, который целиком составил его соотечественник Редерер и которая помещена Редерером в его «*Oeuvres complètes*». (Собрание сочинений).

на трибуну, чтобы истолковать речь Билло, чтобы открыто напасть все то, что оставалось еще от прежнего комитета:

«Если бы Комитет общественного спасения был в полном составе (т. е. если бы Геро был заменен), он восстал бы против тирании Робеспьера. Очевидно, что обвинив этого изменника, члены комитета покрыли бы себя славой и, что ра- повязка спала бы с глаз, изданный жестокий закон о Революционном трибунале (т. е. закон 22 прериаля) совершенно не был бы принят».

Сделав этот выпад, встретивший глубокий отклик у всех тех, кто имел основание бояться, Фрерон в заключение сказал, что в Комитете общественного спасения следует заместить также Жанбон Сент Ан- и Приэра де ла Марн, которые оба были посланы эмиссарами, и что впредь комитет не должен иметь права посылать своих членов эмиссарами, так как он всегда должен быть в полном составе.

Барер напрасно старался возразить Фрерону:

«Когда у нас было большинство в пять человек против заговорщиков (т. е. против Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста), — сказал он, — мы не знали, не оклеветали репутация патриотизма, которой пользовался Робеспьер, влияния на предлагаемого нового члена и не увеличим ли мы число сторонников этого злодея; мы же были так уверены в себе, что нам достаточно было только посмотреть друг на друга, чтобы обсудить дело...»

Но удовлетворенный произведенным им впечатлением Барер совершенно некстати похвалил Билло-Варенна, который, по его словам, первый обвинил тирана. Его прервали замечанием: «Это был Талльен».

Затем Дюбуа Крансе, который за несколько дней до этого чуть не был отправлен к Фуке-Тенвиллю, воспользовался случаем удовлетворить своему чувству злобы, поддерживая Фрерона и прибавляя к его нападениям:

«Вы свергли Робеспьера и его сообщников, но не думаете ли вы, что привычка к власти может создать новых честолюбцев. Тому, кто однажды был опьянен ядом власти, трудно стать обыкновенным гражданином. Вы победили тирана, но оставьте регайтесь тех людей, которые, отождествляя себя постоянно с правительством, утверждают, что на них нельзя нападать, не нападая в то же самое время и на правительство. Я требую, чтобы член Комитета общественного спасения не мог оставаться эмиссаром больше двух недель (многочисленные возражения: никогда). Я вношу еще другое предложение: мы видели, как опасно слишком долго оставлять власть в одних и тех же руках. Я не требую, чтобы состав Комитета общественного спасения менялся каждые две недели, но я предлагаю, чтобы каждый месяц трое его членов выходили из него и уступали место другим».

Тогда Камбон, меры которого, направленные против лиц, имеющих пожизненный доход, комитет прежде критиковал, Камбон, который жаждал диктатуры и который, несмотря на свою власть в финансовом мире, никогда не мог утешиться в том, что он был изгнан из комитета во время его обновления 10 июля 1793 г., Камбон не ограничился одной только поддержкой Дюбуа Крансе. Он развил перед Собранием совершенно новый план правительственной организации. Он предлагал прикрепить каждую из 12 исполнительных комиссий к отдельному комитету, между тем как до сих пор они зависели только от Комитета общественного спасения. Он указал, что 12 членов Комитета общественного спасения недостаточно для исполнения дел. Ленде, например руководил 3 или 4 исполнительными комиссиями, в числе которых были торговая комиссия и продовольственная комиссия. Он проводил

«Тот, кто заменит его там и кто не будет обладать ни его здоровьем, ни его активностью, принужден будет либо замедлить темп работ, либо доверить их начальникам отделений. Но не подлежит сомнению, что понемногу все комитеты Конвента или очутятся без дела или будут конкурировать с Комитетом общественного спасения».

Работа отныне должна производиться в 12 комитетах Собрания, и каждый должен сноситься с одной из 12 исполнительных комиссий. Отныне, говорил он, Конвент должен стать центром правительства, заседания его должны стать более интересными, благодаря трудам комитетов, все члены Конвента должны следить за правительством и делать ту работу, которая при настоящем положении может очутиться в руках начальников «отделений». И Камбон счел нужным напомнить, что Комитет финансов, единственный комитет, который никогда не был отчислен Комитету общественного спасения, требовал, чтобы комиссары казначейства ежедневно отдавали ему отчет о своих операциях. Другие комитеты должны действовать точно так же по отношению к исполнительным комиссиям, и Комитет общественного спасения, куда другие комитеты делегируют одного из своих членов, должен быть только органом связи между комитетами, чем-то в роде регулятора их мурдов.

Предложения Камбона могли быть только благожелательно приняты Собранием, которое устало от своей бездеятельности и жаждало пять завоевать свою независимость. Довольный произведенным впечатлением, Камбон не требовал немедленного голосования своего проекта. Но, когда некоторые сторонники комитетов потребовали, чтобы все предложения были отложены, Талльен горячо воспротивился этому:

«Мы свергли триумвиров, мы не хотим заменить их децемвирами».

Он потребовал обновления каждый месяц четвертой части всех комитетов.

Предложение Талльена было поддержано. Но Бурдон де л'Уаз, друг Билло-Варенна, игравший большую роль в падении Робеспьера, энергично выступил против:

«По характеру прений сегодня вечером я узнаю продолжение низкого заговора Робеспьера (ропот). Его тайные сторонники распространили в этом помещении мнение, что на него и на его сообщников нападали только потому, что хотели на его место посадить другого. (Другой это Билло-Варенн, которому в самом деле приписывали стремление занять место Робеспьера) ¹ Я предлагаю Конвенту опозорить свою победу поспешностью, которая только может оказаться гибельной для общественного дела... Подумайте о том, что у нас есть 14 действующих, сильное и могущественное правительство, которое заставляет их действовать; мы не должны его дезорганизовать слишком поспешным решением».

Сама мудрость говорила его устами.

Дантонист Лекуантр пошел уже на попятный и сам поддерживал срочку решения на три дня. Но Талльен, гордясь своим совершенно новым престижем сокрушителя Робеспьера, опять бросился на трибуну: «Разве завтра будет менее верно, чем сегодня, что люди не должны слишком долго пользоваться властью, если не хотят, чтобы они ею злоупотребляли. Можно отложить способы исполнения, но я настаиваю».

¹ Thibaudeau, Mémoires, t. I, p. 82.

Матьез. Термидорианская реакция

19
ваю, что принцип этот должен быть подтвержден немедленно». Барр тогда счел уместным разыграть комедию беспристрастия. Он ссылаясь на то, что членам Комитета общественного спасения необходимо отложить дела, брат которого был подвергнут аресту как подозрительный, этот Он также высказался против отсрочки, очевидно, в надежде, что после Андре Дюмон, хотевший войти в Комитет общей безопасности, чтобы вленное перед необходимостью вдруг обновить весь комитет Собрание будет колебаться. Маневр не удался. Мерлен из Тиювилля потребовал немедленного голосования, и Собрание декретировало ежемесячное обновление четвертой части всех комитетов. Дантонист Дельмас с помощью образом объяснил голосование: «Вы уничтожили источник честолюбия людей. Чтобы дополнить эту меру, я предлагаю издать декрет, что ни один член не может опять войти в комитет раньше, чем через месяц после выхода из него». Новое предложение было принято без дебатов при громких аплодисментах.

Чтобы закончить, наконец, с этим важным заседанием 11 термидора, которое в один момент разрушило всю организацию революционного правительства, Собрание отказалось одобрить список новых членов Революционного трибунала, представленный Барером от имени комитетов; фактически трибунал был уничтожен. Через три дня, 22 термидора, по предложению Лекуантра был отменен почти без дебатов, при сильных аплодисментах, закон 22 термидора. Фрерон, который питал злобу к Фукье-Тенвиллю за его роль в процессе Дантона, добился в этом же заседании декрета об его аресте.

«Я требую, чтобы Фукье-Тенвиль испустил пролитую им кровь».

Никто не выступил в защиту Фукье, ни даже его друг Лекуантр. Никто не заявил, что Фукье был противником Робеспьера и покорным орудием врагов последнего, которые заседали в Комитете общей безопасности. Члены комитетов, которые за два дня до этого восхваляли Революционный трибунал, однако, теперь хранили молчание.

Это было следствием того, что накануне, 13 термидора, во время голосования о пополнении Комитета общественного спасения они терпели новое и жестокое поражение. При поименном голосовании были избраны: Бреар, Эшасерио старший, Лалуа, Тюрио, Трейль и Талльен. Только один из этих новых членов, Эшасерио старший, фигурировал в списке 13 термидора, представленном Барером на рассмотрение Собрания. Бреар входил в состав первого комитета, который был назначен в апреле 1793 г., и низвергнут вместе с Дантоном 10 июля. Его связи с Дантоном были всем известны. Лалуа имел братьев и шурина, которых революционная полиция обвинила в роялизме. Трейль защищал Кюстина и генералов из дворян. Он так скомпрометировал себя своей вечной оппозицией революционным мерам, а так же своими связями с депутатами дельцами из клики Шабо, что якобинцы вычеркнули его из своих списков. Трейлар, старый член Учредительного собрания, голосовал за отсрочку в процессе короля. Вместе с ним в правительство вступала Равнина. Талльен, наконец, пожинал плоды своей роли 9 термидора, он пользовался такой плохой репутацией, что он прошел последним.

Партия дантонистов не ограничилась этим успехом. Она хотела быть представлена в Комитете общей безопасности. Благодаря убийству Леба, там оказалось вакантное место. Андре Дюмон, ко-

рый, будучи эmissаром в Сомме, объявил жестокую войну священникам только для того, чтобы лучше скрыть свои связи с аристократами, брат которого был подвергнут аресту как подозрительный, этот Андре Дюмон, хотевший войти в Комитет общей безопасности, чтобы сделать себе защиту из своих функций, донес на «изменника Давида» (великого художника), который заседал в комитете. Хотя Давид выразил позорно свое раскаяние в том, что он поддался обману Робеспьера, Конвент исключил его из комитета и распорядился произвести следствие о его поведении. Вскоре после этого он был посажен в тюрьму. Два других члена прежнего комитета, Лавиконтери и Жаго, виновные в том, что они оставались нейтральными 9 термидора, точно так же были исключены. Таким образом было уже четыре свободных места для термидорианцев. Они не удовлетворились этим и провели решение — мне неизвестно, под каким предлогом, ¹ — что в список будет внесено 6 имен. Избраны были 14 термидора поименным голосованием: Лежандр из Парижа, самый близкий друг Дантона, Гупилье из Фонтене, известный своими раздорами с Россиньоном в Вандее и своей оппозицией старому комитету вместе с Бурдоном де л'Уаз, Мерлен из Тиювилля, который проявил наибольшую смелость в своих нападениях на оставшихся в живых членов, упомянутый уже Андре Дюмон, ставший жирондист Жан Дебри и наконец Бернар де Сент, которого Комитет 11 термидора. При объявлении имени Жана Дебри прежняя Гора юзмутилась. Файо напомнил, что этот жирондист подписал протест Кондорсе против событий 31 мая:

«Я, подобно многим другим, — сказал Дебри. — был обманут талантами, поименными в Конвент».

Но он прибавил, что всегда защищал единство и неделимость республики. Дюбау Крансе не был удовлетворен этим объяснением. Дебри, по его мнению, не мог быть членом комитета, одной из главных задач которого являлось преследование федералистов. Дебри среди аплодисментов подал в отставку.

Термидорианцы пользовались голосами депутатов Равнины и старой правой стороны, чтобы оспаривать власть у прежних членов комитетов. Они еще не приняли решения делить ее со своими союзниками. Но если они стремились к власти, то не столько для осуществления программы, сколько для приобретения безопасности. Робеспьер все еще пугал их, даже мертвый. Бонвиван Бентабол, который прежде называл себя «Маратом младшим», не мог успокоиться с тех пор, как он женился на мадам Шабо и получил в приданое фермы, мельницу, име-

¹ Ж. Гильом в своем труде о Комитете общей безопасности («La Révolution française», t. XXXIX, p. 236) объясняет, что выборы касались не только трех отпущенных от должности членов, но также и трех других, которых считали выходцами (в силу декрета, предписывавшего обновление одной четвертой части членов каждый месяц). Но не указано было, из кого будет состоять эта выходящая часть.

Объяснение Гильома кажется мне необоснованным, потому что к Комитету общественного спасения не применяли декрета о выходящей четвертой части и, кроме того, оба комитета должны были быть обновлены только 21 термидора. Жан Дебри, назначенный 14 термидора и подавший в отставку, не был заменен, так что Комитет общей безопасности оказался состоящим только из 15 членов.

ния, замок в Базош Гве в департаменте Эйр е Луар. Не откладывая в долгий ящик, он 12 термидора потребовал отмены декретов 12 ию и 3 октября 1793 г., подтвержденных 22 брюмера II года, которые давали право комитетам подвергать аресту представителей, не выслушав их предварительно в Конвенте.¹

Предложение Бентабола было принято с восторгом. Депутаты отныне были освобождены от стеснительного надзора комитетов, в которые они уже проникли.

Отныне было покончено с диктатурой комитетов, с трудом установленной за год перед тем во время великих опасностей и великих перемен, летом 1793 г. Комитет общественного спасения потерял верховную власть. Он уже не будет больше составлять по своему усмотрению список членов других комитетов. Раз была целиком восстановлена парламентская неприкосновенность, он не мог больше подвергать арест или обыску ни одного депутата. Это было равносильно амнистии прошлого и безнаказанности на будущее время. Тень Робеспьера не может больше беспокоить по ночам Талльенов и Бентабелей. Так как комитеты должны обновлять каждый месяц четвертую часть своего состава, причем выходящие члены не могут вновь быть избраны раньше чем через месяц, то они не представляли уже чего-то устойчивого. Предельная ответственность, без сомнения, должна от этого страдать, сменяющие друг друга новые члены едва будут успевать знакомиться с делами, они принуждены будут уходить именно в тот момент, когда они уже приобретут некоторый опыт. Но какое до этого дело термидорианцам? Общественное благо — это их собственное благополучие. Республика, которую они хотят установить, это республику которую их учитель Дантон называл Республикой обетованной землей. Правительственная анархия, неизбежная при таком режиме, нравилась им. Это значит ловить рыбу в мутной воде. Им не важно, что в этих канцеляриях в виде 12 исполнительных комиссий, которыми они пользовались прерогативами и выгодами правительства. С приветствием проект Камбона, предложенный им уже 11 термидора отнимавший у Комитета общественного спасения власть над исполнительными комиссиями и прикреплявший каждую из них к определенному комитету.² Но в Собрании оставались еще члены, которым общественные интересы были дороже их частных интересов. Их сопротивление продолжалось около месяца, и проект Камбона, с небольшими поправками, был принят только 7 фруктидора.

¹ См. мою книгу «La Conspiration de l'Etranger», в главе об отмене парламентской неприкосновенности.

² Этот декрет, — говорил он, — чуть не погубил республику, уничтожив боду мнений, потому что какой депутат, спрашивая я вас, мог сказать то, что думает? Какой депутат мог поделиться своими подозрениями? Какой депутат бороться против мер, которые, по его мнению, противоречили интересам республики, будучи уверен в том, что он тут же подвергнется аресту, не будучи выслушан Конвентом?»

³ Тибо в своих Mémoires, p. 82, резюмировал расчет термидорианцев, среди которых он сыграл свою роль: «Глава террористов исчез, — говорит он, — но тень еще существует. Комитет общественного спасения освобожден от Робеспьера, но Конвент еще не освобожден от Комитета общественного спасения. Если бы мы предоставили свободу действия, он не изменил бы системы. Результат 9 термидора свелся бы к тому, что стало бы несколькими человеками меньше».

Барер, который проглотил свои предыдущие неудачи и не думал больше об отдыхе, о котором он говорил, старался 14 термидора противоставить Камбону контрпроект, который он провел в комитетах. Выбрасывая балласт, он на этот раз осудил «бессмысленный террор», который он предлагал заменить «непоколебимым правосудием», он признавал, что Комитет общественного спасения не должен больше представлять Конвенту список членов других комитетов, он приписывал Робеспьеру инициативу и ответственность за эту

«трудную, тяжелую, гнусную операцию, которая унижала Национальное представительство и делала членов правительства ненавистными даже в глазах их коллег».

Он соглашался с Камбоном, что

«выше человеческих сил для 12 членов Комитета общественного спасения выполнять столько противоположных и неотложных дел»,

но пожертвовав таким образом мелочами, Барер предложил сохранить за Комитетом общественного спасения

«непосредственный надзор за 12 исполнительными комиссиями, чтобы поддерживать единство администрации. В противном случае получится 12 правительств, 12 законодательств и моральный федерализм вместо республиканского единства».

Камбон 18 термидора ответил Бареру, что необходимо вернуть Конвенту непосредственный надзор за администрацией, что посредством этой системы все представители почти поочередно будут призваны к участию в правительстве, что знание дел не будет больше сосредоточиваться у небольшого числа людей.

«Конвенту все будет известно, и не придется больше бояться личного честолюбия, этого бича республик».

Он предлагал, таким образом, поручить каждому комитету надзор за соответствующей исполнительной комиссией и, чтобы показать важность реформы, он предлагал изменить название Комитета общественного спасения, который отныне назывался бы «Центральным комитетом революционного правительства» и который служил бы только связью между другими комитетами.

Дебаты опять возобновились 23 и 24 термидора. Берлие, Камбасерес развивали контрпроекты, которые более или менее приближались к проекту Камбона. Бурдон де л'Уаз напомнил об огромных заслугах Комитета общественного спасения:

«Благодаря ему начались наши победы, благодаря ему сильно были подавлены внутренние враги, а внешние враги принуждены были защищаться на их собственной территории».

Барер сделал последнюю попытку.

«Мы были спасены революционным правительством, мятежники, интриганы боятся только революционного правительства. Поэтому все следует приписывать этой единственной основе, ускоряющей движение армий, охраняющей победу. Итак, признаем все, скажем все, что мы хотим иметь революционное правительство».

Все члены встали, стали размахивать шляпами и кричать: «Да, да, мы все хотим его иметь». Но через несколько минут они отвергли проект Барера, опять внесенный Бурдоном де л'Уаз, а 7 фруктидора, наконец, они в главном приняли проект Камбона, т. е. обезглавление

Комитета общественного спасения, конец централизации правительства, раздробление власти и ослабление ее.

По смыслу декрета Комитет общественного спасения сохранял руководство дипломатией и военными операциями, ведал снабжением армии

«ввозом, внутренним обращением, вывозом всякого рода товаров».

Ему продолжало принадлежать исключительное право реквизиции людей и вещей. Но отныне у него не будет больше права арестовывать за исключением должностных лиц и гражданских и военных агентов за которыми он имел надзор. Ему был открыт кредит в десять миллионов на его секретные расходы. Раньше он назначал, смещал, перемещал, следил за всеми должностными лицами всякого рода. Теперь администрации дистриктов и департаментов, муниципалитеты и суды были изъяты из его ведения и передавались в ведение комитета заведующего роль, принадлежавшую раньше министерствам внутренних дел и юстиции. В важных случаях Конвент настоящее время будет передавать рассмотрение дел трем комитетам Общественного спасения, Законодательства и Общей безопасности. Для обозначения правительства говорят кратко: три комитета.

Компетенция Комитета общей безопасности теперь расширена, потому что он не разделяет ее больше с Комитетом общественного спасения. Ему назначается секретный фонд в 300 тыс. ливров. Ему подчиняется непосредственно, без всяких промежуточных инстанций, вся парижская полиция. Он может издавать приказы об арестах во всей республике, но эти приказы отныне должны быть снабжены пятью подписями. Приказ о предании преступника Революционному трибуналу должен быть снабжен девятью подписями.

Десять других комитетов (число их теперь сокращено с 21 до 11) были: Финансов, Народного просвещения, Земледелия и ремесел, Туризма и продовольствия, Общественных работ, Путей сообщения, Поддержания общественного спасения, Образования, Общественной помощи, каждый из которых имеет под своим надзором исполнительную комиссию. Каждая из этих комиссий в своем ведомстве имеет право принимать постановления, исполнение которых обеспечивается исполнительными комиссиями, не обращаясь в Комитет общественного спасения. Они могут сменить или сместить агентов администрации, за которой каждый из них непосредственно следит. Отныне четвертая часть состава каждого из них обновляется каждые месяц избирательными записками, снабженными подписями; последнее голосование сохранено только для выборов членов Комитетов общественного спасения и общей безопасности. Последнее знаменательное нововведение заключалось в том, что вооруженная сила Парижа была подчинена непосредственному надзору Военного комитета, а не Комитета общественного спасения.

Этот закон 7 фруктидора, который оставался в силе до конца Конвента, послужил конституцией термидорианскому режиму, подобному как великий закон 14 предыдущего фримера служил конституцией для режима террора. Но между тем как закон 14 фримера концентрировал для обуздания анархии все в руках 12 человек, совещающихся тайно, переизбираемых в неопределенные сроки и облеченных ужасной

властью, которою они могли пользоваться и против самих членов Соборания, закон 7 фруктидора был прямой его противоположностью. Он вводил в принцип недоверие к власти. Он до бесконечности раздроблял власть и старался распределить ее равномерно между всеми депутатами чем-то в роде последовательной смены людей, точно все обладала одинаковыми способностями, одинаковой любовью к отечеству, одинаковой бдительностью и одинаковой честностью. Когда Жиронда пришла к власти, она установила власть снова, Гора заменила ее диктатурой лучших государственных людей и работников, термидорианцы, бессильные в созидании, умели только разрушать и вносить дезорганизацию, поставив завистливое парламентское равенство в услужение appetitов и страстей. К счастью для Франции великого порыва их представителей в деле национальной защиты было достаточно, чтобы помешать повторению наступления монархической Европы. Несмотря на то, победа продолжалась еще некоторое время. К несчастью постепенно восстанавливавшийся мир был уже лишен революционного идеала. Это были уже только передышки, которые ничего не разрешали и которые должны были породить новые войны.

Возможно, что, свергая Робеспьера и его друзей, большая часть членов Конвента хотела только избавиться от главарей, которые стали невыносимы своими высокомерными требованиями. Возможно, что они были искренни, когда они по призыву Барера 24 термидора все поднялись, чтобы провозгласить продолжение революционного правительства, но этому революционному правительству, этой диктатуре общественного блага был нанесен смертельный удар вместе с теми, которые ее основали и направляли ее. Теперь это был уже только пустой звук, лживый ярлык, плохо скрывающий банкротство режима.

Вместе с Комитетом общественного спасения, которому был нанесен удар меньше чем через месяц после казни триумвиров, другие учреждения общественного спасения быстро пришли в упадок или были преобразованы, если же они и сохранились, то они действовали только против их первоначальной цели. Еще вчера они были орудиями порядка и общественного спасения, завтра же они станут орудием смуты и анархии, оружием мести и угнетения. Вчера — еще был красный террор, а завтра явилось освобождение подозрительных и частичное возвращение эмигрантов. А послезавтра появился белый террор.

ГЛАВА II. НОВЫЕ СНИСХОДИТЕЛЬНЫЕ.

Мы уже указывали, что, разбив правительственное единство соединением каждой исполнительной комиссии к отдельному отделу, развенчав таким образом Комитет общественного спасения от прежнего первенства, термидорианцы фактически нанесли смертельный удар революционному правительству, каким оно было до термидора. Но мы сделали бы глубокую ошибку, если бы предположили, что они проводили определенный план, заранее обдуманное намерение. Главный автор реформы, Камбон, не только не думал, что нанес удар революционному правительству, но в своем заблуждении воображал, что укрепил его и обеспечил его будущее...

Только государственные люди способны предвидеть в момент своих действий все их последствия. Камбон, даже финансовая репутация которого была сильно преувеличена, действовал под влиянием импульса; он не видел противоречия в том, что, удовлетворяя свое честолюбие, с одной стороны, уничтожал самую суть режима, защитником которого он, с другой стороны, себя заявлял.

Сам Талльен, который поддерживал Камбона и вел вместе с ним борьбу, может быть не предвидел и не желал реакции, одним из главных главарей которой он был. Довольный тем, что он открыл себя и своим друзьям доступ в Комитеты общественного спасения и общественной безопасности, он тотчас же постарался добиться прощения за это несильственное вторжение туда.

Новые члены, введенные в правительство голосованием 13 и 14 термидора, вначале не требовали от старых членов ничего, кроме разделения власти посредством дружеского соглашения, и они, кажется, осуществили это соглашение, по крайней мере в первые дни.

Лежандр, который закрыл клуб якобинцев в ночь с 9 на 10 термидора и положил ключ в карман, вошедши в Комитет общественной безопасности, по своей собственной инициативе обратился к своим товарищам по обоим комитетам вечером 14 термидора с просьбой вновь открыть клуб.

И возражали ему не термидорианцы. Ему возражал Карно, который впоследствии хвастался этим в заседании 9 прерияля III г. Билло-Варени поддержал Лежандра и тем, которые предлагали ему подждать несколько дней, Лежандр возразил:

«не надо, чтобы аристократия торжествовала».

Он одержал победу и сам председательствовал в заседании при открытии клуба якобинцев.¹

¹ См. «Montieur», заседания 12 вандемьера III г. (речи Барера, Билло-Варени, Лежандра) и 9 прерияля III г. (речь Карно). Постановление Комитета общественного спасения от 14 термидора, разрешающее Лежандру вновь открыть клуб якобинцев, подписано Колло д'Эрбуа, Трейларом и Лалуа.

При отзывании или назначении эмиссаров в армии или в департаменты старые и новые члены Комитета общественного спасения действуют с общего согласия. На постановлении 13 термидора о посылке умеренного Буассе в департамент Эн имеется подпись Колло д'Эрбуа рядом с подписями Трейлара и Лалуа. На постановлении от того же дня о временном роспуске революционных комиссий Оранжа и Нима имеются те же самые подписи. Постановление об освобождении мэра Приваса, арестованного в Пуи по приказу эмиссара Бори, подписано Амаром и Барером. Постановление от следующего дня, 14 термидора, об аресте террористов Седана Мога, Вассане, Дюрежа и Варокье написано рукой экс-эбертиста Колло и д'Эрбуа. Тот же Колло д'Эрбуа 13 термидора составляет постановление о посылке Изабо в Бордо. Приказ об освобождении Гоша и Обера — Дюбайе, 17 термидора написан Барером. Зато умеренный Трейлар составляет 18 термидора приказ о посылке в Эльзас эмиссара Фуссдуара, которого прежний комитет отзывал как слишком эксцентричного. Многие приказы об освобождении генералов подписаны Карно (Кильмена, Шарнбурга, Дебрюлиса, Карто и т. д.). Постановление Комитета общественного спасения от 19 термидора говорит, что две наиболее террористические газеты «Journal Universel» Одуэна и «Journal des Hommes Libres» Ватара в течение следующего триместра будут посылаться в армии в обычном количестве экземпляров. Если бы Талльен и его друзья решились отныне положить конец террору, уничтожить революционные учреждения, они не допустили бы такого постановления.

Изучение работ заседаний Конвента за этот период подтверждает обзор дебатов Комитета общественного спасения.

Робеспьера обыкновенно упрекали в покровительстве дворянам и священникам. 15 термидора депутат Вершины Монмайо предложил исключить из всех общественных должностей бывших дворян и священников всех религий. Конвент высказался за исключение и отменил статью закона 26 жерминаля, которая разрешала Комитету общественного спасения зачислять в войска дворян, священников и иностранцев, т. е. давать им должности. Но на следующий день Мерлен из Тионвилля, приводя такие же аргументы, какие приводил Робеспьер при таких же обстоятельствах, заставил отменить неосторожный и несправедливый закон, не вызвав никаких несогласий ни в комитетах, ни в Собрании.

В том же заседании депутация секции предместья Монмартр явилась просить об освобождении нескольких граждан, содержащихся в течение пяти месяцев под арестом в качестве подозрительных. Это дало повод термидорианцу Гупильо де Фонтене, за два дня до того вошедшему в Комитет общественной безопасности, высказать взгляд того комитета по этому вопросу:

«Вы не ожидали, — сказал он, — что события 9 термидора дадут аристокра-ам случай подавить революционное движение. Их родственники собрались в секциях и там высказывались не против членов революционных комитетов, которые могли заблуждаться и с которыми мы еще встретимся, но против спасительного действия этих комитетов. Это брожение дошло до такой степени, что в несколь-

них секциях чуть было не назначили комиссаров для принятия доносов на люционные комитеты. Комитет общей безопасности будет считать своим освобождать всех граждан, патриотизм и невинность которых будут ему заны...»

Дело было ясно. Закон о подозрительных будет продолжаться. Комитеты будут освобождать только патриотов, став жертвами заблуждений или особой вражды, или безобидных людей.

В докладе, составленном на следующий день от имени двух комитетов, Барер говорил:

«Мы восстановим действие декрета о подозрительных, осуждая все гнусные и несправедливые злоупотребления законом, совершающиеся безнаказанно посредством интриг, контрреволюционных средств и неразумных мер».

Но тотчас же, почти в тех же выражениях, как Гупильо де Фонтен, Барер предостерегает против умеренных, которые находятся в страже у дверей Собрания.

«Ошибаются, мстят или виновны не революционные учреждения, — говорит он, — а их орудия, за действиями которых надо следить. Если разрешите аристократии уничтожение какого-нибудь республиканского учреждения, то завтра она потребует уничтожения самого слова «республика».

Этим было ясно сказано, что революционные комитеты, которые должны были применять закон о подозрительных, будут сохранены. И, чтобы лучше подчеркнуть каким-нибудь действием политики комитетов, Барер предложил изъять парижскую национальную гвардию ведения секций. Отныне она будет управляться Комиссией главного штаба, состоящей из членов, «набираемых поочередно из всех комитетов национальной гвардии секций». Эта Комиссия главного штаба будет находиться вблизи Конвента, под его непосредственной властью, и ее члены будут исполнять свои обязанности только в течение десяти дней. Декрет был принят 19 термидора.

Должность главного коменданта национальной гвардии была уничтожена. Какой-нибудь новый Анрио не будет иметь больше возможности возобновить попытку 9 термидора. Пять членов Комитета главного штаба, назначаемых поочередно только на пять дней, будут находиться в руках комитетов, которые отныне будут устанавливать весь распорядок службы. Таким образом национальная гвардия уйдя из-под руководства секций. Те из них, которые угрозами требовали освобождения подозрительных, не будут иметь возможности привести в движение вооруженную силу. Недоверие к Парижу, продиктованное этим декретом, было не меньше у термидорианцев справа, чем у термидорианцев слева. Фрерон 17 термидора предлагал снести Парижскую городскую думу, этот «Лувр тирана Робеспьера». Но Леонар Бурдэ возражал против этого предложения, и оно осталось без последствий. Фрерон не мог проделать с Парижской городской думой то, что проделал с помещениями марсельских секций, которые были разгромлены по его приказу.

Заседание 18 термидора показало, что между победителями Робеспьера существует соглашение по вопросу об освобождениях. Бурдэ предложил от имени комитетов: 1-е, освободить всех арестованных, причины ареста которых не входили формально в пункты закона о подозрительных (закон 17 сентября 1793 г.), и 2-е, обяза-

тельные революционные комитеты указывать родственникам арестованных причины их ареста. Декрет был принят с прибавлением Бассала, согласно которому эмиссары также будут обязаны, как и революционные комитеты, указывать причины предписываемых ими арестов. Монтаньяр Фейо, поддерживавший робеспьеровскую политику, хотел вернуться к голосованию; но Талльен резко возразил ему:

«Мы вновь завоевали свою свободу в ночь с 9 на 10 термидора, надо, чтобы народ воспользовался ею».

Очень любопытная фраза, показывающая, как Талльен стремился к популярности; это вскоре оттолкнуло его от прежних членов комитетов. Но в данный момент Талльен, далекий от мысли о разрыве, заговорил горячим призывом к единению:

«Необходимо, чтобы между людьми, которые свергли тирана, царствовало такое тесное единение для того, чтобы на развалинах старой не возникла новая Франция».

В заседании 22 термидора, казалось, существовало полное соглашение между Талльеном и Барером. Барер жалуется на слишком многочисленные и стеснительные просьбы родственников заключенных. В самом деле, полицейские отчеты отмечают 19 термидора, что у ворот тюрьмы собирается много людей, чтобы поздравить освобожденных граждан, а на следующий день, что собрания различных секций были очень шумны и что главной причиной дискуссий были дела заключенных.¹

Барер беспокоился по поводу этих симптомов. Он видел в них мажоры аристократии, которая «старалась развратить национальное правосудие и восстановить граждан против революционных учреждений».

Талльен поддерживал Барера:

«Аристократия уж было подняла голову в нескольких секциях; она хотела в этот день декады разбить революционный орган (комитеты надзора); но ее объекты были уничтожены».

Один журналист Ж. Ж. Дюссо закончил свои жестокие нападки на Барера в своей газете следующим напоминанием Фрерону:

«Вспомни твое прежнее мужество, вспомни в особенности, что ты должен отомстить за тени усопших», —

сделав намеки на тень его друга Дантона.² Талльен на трибуне с жаром поднимал вопрос об этом призыве к мести: «В газетах было сказано, что члены этого Собрания должны отомстить за тени усопших. Да, без сомнения, мы должны отомстить за тени усопших, но это тени 200 тыс. наших братьев, умерших в сражениях с неприятелем, это тени патриотов, задушенных аристократией и заговорщиками».

Фрерон хранил молчание, но неодобрение Талльена, казалось, доказывало, что между членами правительства все еще существует полное согласие. Обманчивая иллюзия! Это было спокойствие перед бурей. Правда, что она поднялась вне комитетов.

Освобождения производились в Париже с такой быстротой, и

¹ Aulard, Paris sous la réaction thermidorienne, t. I, à la date.

² Correspondance politique de Paris et des Départemens, № du 20 thermidor an II.

выход подозрительных из тюрем сопровождался такими манифестациями против членов революционных комитетов, которые их посадили и против клубов вообще, что депутат Монтаньяр Жан-Пьер Одувиль тревогу в своем «Journal Universel» от 20 термидора.¹

Возвратившиеся эmissары, как Дюгем (Duhem), сообщали своим товарищам об успехах реакции со времени 9 термидора. Уже 23 термидора комитеты были переполнены. В этот священный день, в пору шину 10 августа, Мерлен из Дуэ от их имени пытался провести закон о реорганизации Революционного трибунала, который перестал функционировать со времени ареста Фукье-Тенвиля. Он натолкнулся на неожиданное сопротивление. Шарлье, Дюгем, Эли Лакост, Гране зывали на патриотов, арестованных под предлогом робеспьеризма на аристократов, освобожденных массами. Шарлье упрекал проект Мерлена в том, что он отменял старый распорядок, устанавливавший дел для продолжительности дебатов в Революционном трибунале. Конвенте он одержал верх. Он устранил проект Мерлена и восстановил действие прежнего законодательства, выбросив только закон 22 термидора. Но по крайней мере Бурдону де л'Уаз удалось прибавить к отныне присяжные будут обсуждать вопрос об умысле. Затем Гропрел резольцию, полную угроз. Имена, патриотов, подвергших притеснениям, которым Конвент вернул свободу, будут напечатаны рядом с их именами будут также напечатаны имена тех лиц, которых удостоверили их патриотизм.

Не нужно длинных комментариев для того, чтобы показать важность этих двух голосований, предпринятых по инициативе Горы в ведома комитетов. Восстановленный Революционный трибунал с одолевой защиты к нападению. Затем Талльен торжественно заявил: из главарей восстания 31 мая, Добсеном в качестве председателя представлял монтаньярский трибунал, которому ничто не угрожает со стороны группы снисходительных. Затем напечатание списка ценных на свободу заключенных и их покровителей поставит, конечно, в неудобное положение членов комитетов, подписавших приказы освобождения. Большая часть этих приказов была подписана Бурном де л'Уаз и Лежандром. В числе приказов был также и приказ освобождения всех артистов Théâtre Français (Французского театра). Было известно, что Лежандо близко интересовался одной из артисток, которая стала его любовницей после того, как она была ранней любовницей графа д'Артуа, Луизой Конта. За пять дней, с 18 23 термидора в Париже Комитетом общей безопасности было освобождено 478 подозрительных.²

¹ «Я дрожу от негодования, когда под предлогом патриотизма аристократы говорят нам, что революционное правительство ужасно, что пора его сокрушить, что не надо больше демократических обществ, что надо послать на гильотину всех республиканцев, которые служили отечеству, что надо считать патриотами даже главарей федерализма. Как знать? Пожалуй, нам скоро скажут, что надо вернуть эмигрантов» (номер от 20 термидора). На следующий день он похвалил аристократию, шумевшую в демократических обществах и старавшуюся неметно вызвать гибель демократических обществ, уничтожение духа общности, торжественно бессильного болота, распыление силы монтаньяров.

² Это видно из цифр заключенных, опубликованных Оларом в его сборнике Paris pendant la Réaction thermidorienne, t. I. К 18 термидора общее число их составляло 7 771, к 23 термидора — 7 293. В виду этих цифр можно понять, что Ж

Лежандр и Бурдон де л'Уаз больше не давали себе труда отдавать отдельные приказы. Они давали целый ряд в 50 или 60 имен и более, ограничиваясь поименным опросом заключенных в их тюрьмах.¹ Многие видные аристократы воспользовались снисходительностью представителей. Талльен наконец добился 26 термидора освобождения своей любовницы, Терезы Кабарюс.² Из опубликованных списков обнаружилось, что он интересовался разведенной женой эмигранта, бывшей маркизой де Фонтене, дочерью главного банкира испанского короля, с которым мы находились в состоянии войны.

Но ободренные своим первым успехом монтаньяры стали еще более требовательными. 26 термидора, в самый день освобождения Терезы Кабарюс, Бурдон, Тайльфер, Вадье, Шаль, Монестье, Гране опять упрекали комитеты в облегчениях, которые по их приказам были сделаны аристократам. Вадье указал, что Комитет общей безопасности осаждается, чуть ли не берется с бою просителями. Он указал, что бывший герцог Омонский был освобожден под именем Гюи, помещавладельца в Омоне; герцог Валентинуа воспользовался такой же снисходительностью. Монестье издал декрет, что

«никто не может представить требования об освобождении, не указав своей профессии, своих имен в настоящее время, а также своих прежних имен».

Более требовательный Гране предложил возвращать в тюрьмы освобожденных подозрительных каждый раз, когда не явятся их поручители. Горячие дебаты вызвало освобождение генералов Келлермана и Де Брюлиса. Карно, подписавший приказ об их освобождении, свалил ответственность на своего коллегу Гупильо де Фонтене. Привлеченные к ответственности термидорианцы в свою очередь перешли для

«Пора, — воскликнул Мерлен из Тенвиля, — более чем пора, чтобы ни одна партия не пользовалась ступенями трона Робеспьера... Ничего не надо делать напополам, а между тем, мы должны в этом сознаться, Конвент многие вещи сделал напополам. Если среди нас существуют еще тираны, то они должны по крайней мере молчать... Не следует давать повода думать, что требуемые списки танут когда-нибудь проскрипционными списками (ропот), да, проскрипционными».

Затем Талльен торжественно заявил:

«Я считаю это заседание одним из самых важных с тех пор, как нет больше тирана. Да, да, надо, наконец, сказать Конвенту всю истину, нужно сказать, что вы ведете на край пропасти, надо ему сказать, что его хотят уничтожить».

И Талльен угрожал продолжателям Робеспьера:

«Мы хотим, чтобы невинные не подвергались больше притеснениям, мы хотим, чтобы меч правосудия не был больше ножом с двумя лезвиями... я искренне озабочен, что я предпочитаю, чтобы сегодня было освобождено двадцать аристократов, которые завтра опять будут арестованы, чем чтобы один патриот еще

Дюссо мог написать: «Двери тюрем были скорее выломаны, чем раскрыты. Невинные вышли оттуда толпой, но несколько виновных воспользовались этой поспешностью». (Fragment pour servir à l'Histoire de la Convention, p. 4, «Bibliothèque nationale» Lb. 41 — 1231).

¹ См. списки, снабженные их подписями об освобождении, в «Archives Nationales», 4428.

² Это число дано в заметке о Талльене в Dictionnaire des Conventionnels de Kusinski.

оставался в оковах. Как! Республика, имеющая 1 200 тыс. вооруженных граждан, должна бояться нескольких аристократов!»

Он закончил требованием отмены декрета об опубликовании имен освобожденных заключенных. Он затронул чувствительное место. Он показал Конвенту, что он погубит себя в общественном мнении, если будет продолжать террор. Напрасно монтаньяр Бернар из Савойи требовал, чтобы Талльен назвал людей, которые хотят идти по стопам Робеспьера. Бентабол, муж г-жи Шабо, поддержал Талльена, поставил правительственный вопрос:

«Если Комитет общей безопасности не пользуется больше вашим доверием, назначьте другой».

Бурдон де л'Уаз выступил в качестве примирителя. Он предложил вычеркнуть из печатаемого списка имена лиц, которые являлись почитателями за патриотизм освобожденных подозрительных. Его предложение было принято. Имя Талльена не будет стоять рядом с именем Терезы, имя Лежандра с именем мадемуазель Конжана.

Но Талльен, ободренный этим первым успехом, захотел больше. Он придумал ловкий и предательский маневр:

«Так как хотят напечатать список тех, которые были освобождены, то я предлагаю, чтобы указаны были также имена тех, кто велел их арестовать. Надо, чтобы народ знал своих настоящих врагов, тех, которые донесли на патриотов и велели их арестовать».

Удар был так силен, что он попал в цель. Сперва проголосовали за предложение Талльена. Затем тотчас же стали раздаваться протесты против голосования. Послышались крики: «Это гражданская война». Тогда Талльен саркастически заметил:

«Я заявляю, что мое предложение не имело другой цели, кроме той, чтобы показать, как опасен только что изданный декрет».

Оба декрета, которые друг друга отрицали и нейтрализовали, друг друга, были отменены. Не будут печатать никаких списков. Монтаньяры проиграли сражение. Дантонисты могли безнаказанно продолжать свои соглашения с аристократами. Но это был разрыв между союзниками 9 термидора, и реакция сделала еще один шаг вправо.

Талльен, Фрерон и их друзья не считали более необходимым скрывать свою новую программу. Чувствуя, что они имеют за собой общественное мнение, утомленное террором,² они решились по крайней мере требовать реформы от революционного правительства, если бороться открыто против него. 2 фруктидора монтаньяр Луше, тот самый, который издал декрет об аресте Робеспьера, заявил, что

«единство не может удержаться между членами Конвента, если сверх партийных главари групп, которая так долго и так скандально покровительствовала аристократии в законодательном органе, найдут в нем преемников».

¹ Комитет общественного спасения постановил 1 фруктидора, что больше не будут подписываться на газеты. Это означало отмену предыдущего постановления от 9 термидора, которое продлило на триместр подписку на «Journal Universel» и «Journal des Hommes Libres». Очевидно, что новый декрет был победой Талльена, который вскоре собирался издавать собственную газету.

² Депутат монтаньяр Одуэн сам намекает в номере от 28 термидора на «Journal Universel», что общественное мнение становилось все более враждебным к его партии: «Патриоты молчат. Потому что аристократия боится их Робеспьерами».

амская этими словами на дантонистскую группу: предложив затем пять посадить в тюрьмы бывших дворян, отцов и матерей эмигрантов, которые были уже освобождены, Талльен, в которого метили эти слова, на этот раз прямо обрушился против террора:

«Террор есть дело тирании... Робеспьер также говорил беспрестанно, что надо поставить террор в порядок дня. Я не признаю больше каст в республике. Вижу в ней только хороших и плохих граждан. Какое мне дело то того, что человек родился дворянином, если он ведет себя хорошо. Какое мне дело то того, что он плебей, если он мошенник».

Подобные заявления делались для оправдания отмены всех исключительных законов, всех законов, созданных для военного времени.

Но 11 фруктидора Талльен пошел еще дальше. В большой тщательно обработанной речи он занялся созывом всех тех, которые хотели кончить революцию. Для этого нужно было, чтобы ее любили, не боялись.

«Конвент не должен допускать, чтобы республика все еще была разделена на два класса: класс, который вселяет страх, и класс, который испытывает страх, преследователей и преследуемых».

Он очень ловко заставил Конвент опасаться возмущения общественного мнения, если он будет продолжать систему Робеспьера. Он предложил Конвенту сохранить от революционного правительства только его собственную диктатуру, продолжая до заключения мира запрещать всякие выборы; но пока он предлагал ему поставить в порядок дня правосудие, а не террор. Его речь произвела сильное впечатление, которого не уничтожило замечание Лефию, напомнившего, что Талльен более всякого другого принимал участие в террористических успехах, которые он теперь осуждает, ни замечание Тюрио, который назвал химерическими опасения Талльена о наступлении новой тирании, если Конвент разделит власть. Но Талльен все же не добился того голосования, которого он требовал.

Талльен, Фрерон и их сторонники стали душеприказчиками Дантона. Как и Дантон, они обращались к богатым, к имущим вообще, к тем, кто страдал от реквизиций и налогов. Дюбуа Крансе, который шел вместе с ними, в длинной речи, произнесенной в 3-й день санюлотиды, старался показать, что для восстановления торговли, промышленности и земледелия прежде всего необходимо политическое спокойствие:

«Везде торговля уничтожена, потому что всякий, кто пускал в оборот деньги, попал в подозрение и обвинялся в скупществе... Преследованиям подвергались уже не одни аристократы, а все богатые люди, все те, которые своим богатством поощряют таланты и прилежание народа, который подвергался грабежам и насилиям со стороны аристократов... Состояние миллиона людей во Франции держит в страхе промышленность 25 других миллионов...»

Сли этой речью о миллионных кормильцев Дюбуа Крансе заслужил большую непопулярность среди террористов, зато она пробудила надежду у имущих классов и бросила их в объятия «новых снисходительных» Призыв к социальному консерватизму находил теперь благодатный слушателей в Конвенте. Уже 4 фруктидора Бурдон де л'Уаз, который не был еще заодно с Талльеном, предлагал

«уничтожить роковой декрет, назначавший 40 су за участие в собраниях секций, этот декрет, который был предложен Дантоном и другими заговорщиками».

Камбон из духа экономии поддерживал меру, которая была принята. Он не понял, что в собраниях секций отныне будет отсутствовать мократический элемент и, что только люди зажиточные будут в состоянии участвовать в них. Камбон, не желая этого, играл на термидорианцам.

Когда за год до этого, в тот момент, когда разразился скандал с Индийской компанией, в которой он был скомпрометирован, Камбон готовил атаку на Комитет общественного спасения, он выступил вперед Камилла Демулена, который в «Le Vieux Cordelier» выставлял требование неограниченной свободы печати. И Талльен и Фрерон дражают Дантону и Демулену. Если до термидора революционное правительство не осмелилось еще ввести цензуру, оно, однако, строго наказывало провинившихся журналистов, что оставшиеся в живых не решались более позволять себе ни малейшей критики.

Но как только Талльен вошел в Комитет общественного спасения, а Мерлен из Тионвилля и Лежандр в Комитет общей безопасности журналисты, уверенные в поддержке, стали более смелыми. Один из них, который стал писать статьи, подписываемые Фрероном Ж. Ж. Дюссо, редактировавший «Correspondance politique», скрытый роялист, очень талантливый, с 15 термидора стал требовать свободы печати и, захватив ее, стал нападать, не называя его, но очень указывая на него, на Барера, которого он обвинял в том, что он хвалил Робеспьера за два дня до 9 термидора. В следующие дни упорно продолжал свою двойную кампанию за свободу печати и против Барера, которого он называл Скапенем. Но Скапен был еще в правительстве. До термидора Дюссо поплатился бы за свою дерзость революционным трибуналом. Теперь его не трогали.

До раскола между термидорианцами и Горой 26 термидора раскола, вызванного отменой декрета об опубликовании списка осужденных, голос Дюссо был единственным голосом, требовавшим свободы печати.

Но на следующий день его тайные покровители, которые нуждались в этой свободе для защиты против своих противников со стороны Горы и для нападения на них, поспешили присоединить свои голоса ораторов и депутатов к его голосу жалкого мелкого журналиста. Сначала нащупывают якобинцев. Один за другим два дантониста Реаль и Дюфурни на трибуне клуба 28 и 29 термидора требовали драгоценной свободы, описывая ужасы тюрем, откуда они только оба вышли. Затем сам Талльен произносит большую речь в клубе эту же тему и заявляет:

«Свобода печати или смерть».

С тех пор этот лозунг при всяком случае повторялся людьми партии. Фрерон перенес это требование на трибуну Конвента 9 термидора в горячей речи, начинавшейся следующими словами:

«Свобода печати не существует, если она не является неограниченной»

¹ Об отношениях Ж. Ж. Дюссо с Фрероном см. La Lettre de J. J. Dussault, citoyen Fréron, помеченное Auteuil. 20 жерминаля IV г. «Bibliothèque nationale» 27 — 6946. Дюссо (Dussault), которого не надо смешивать с депутатом Дюссо, позднее стал редактором «Journal des Débats», под управлением братьев Бер

Амар несколькими словами заставил отложить его предложение:

«Неопределенная свобода дает право говорить все без ограничения. Таким образом могло бы создаться такое положение, что люди, являющиеся роялистами, с помощью Вандей, могли бы выставлять и печатать свои контрреволюционные взгляды. Из этого вытекало бы, что люди чистые, люди честные могли бы поддаться нападкам, клевете как за свои частные, так и за политические действия».

Но как ни старались Амар и присоединившийся к нему Камбон и большинство Собрания устранить предложение Фрерона, свобода печати фактически уже существовала. Памфлетисты и журналисты пользовались ею без удержу и безнаказанно.

На почве свобод Фрерон и Талльен нашли, как некогда Дантон, союзников среди тех, которые оставались еще от старой группы эбертистов. Эбертисты, убежденные сторонники непосредственного управления, никогда не мирились с уничтожением свободы слова и печати, по крайней мере для республиканцев, а также с отменой выборов. Один из них, бывший одним из лидеров секции Музея г. е. Лувра) и членом его революционного комитета, некий Легрэ, только за несколько дней до термидора, в годовщину 14 июля, уже горечью высказался против правителей, каждый день нарушавших статью Прав человека и восстанавливавших Бастилию. На него был сделан донос, и он был арестован; только 9 термидора спасло его от нафота. Освобожденный затем, Легрэ, подстрекаемый другими, добился от секции, председателем которой он был, принятия адреса Конвенту с требованием двух вещей: свободы печати, с одной стороны, и затем восстановления выборов для назначения всякого должностных лиц (30 термидора). Петиция Музея была принята всем остальным секциям, которые ее обсуждали. Происходили сильные волнения даже в рабочих секциях. В докладе полиции 11 фруктидора мы, например, читаем:

«В Антуанском предместьи граждане жалуются на то, что национальный Конвент не предоставляет народу права выбирать своих судей».

Секция Монрейль, одна из наиболее санкюлотских секций, приняла, однако, петицию Музея.²

Эбертистская кампания развивалась параллельно дантонистской кампании, и обе кампании имели очень много общих точек соприкосновения. Обе нападали на то, что оставалось еще от революционного управления. Обе давали скрытым врагам режима надежду на реванш и средства для него. Комитеты, в которых еще преобладали монтаньяры, испугались агитации в секциях, становившейся угрожающей. Она велась главным образом против членов революционных комитетов, бес-

¹ Я рассказал дело Легрэ в «Annales historiques de la Révolution française» за 1827 г. Но тогда я не знал о той политической роли, которую играл Легрэ тот же после термидора. Раскрыл мне ее «Le Journal de la liberté de la presse» Бафа. Согласно «Messager du soir» от 12 фруктидора авторов петиции Музея было двое: «Легрэ, известный авантюрист, Сервьер, бывший священник, затем присяжный в Революционном трибунале и в то же самое время член революционного комитета секции Музея, и Шассан, бывший викарий королевского прихода Сен-Мермен д'Оксеруа, сперва фельетинец, затем файетист, потом брисотинец, затем эбертист, затем робеспьерист и, наконец, определенный контрреволюционер» (Aulard, Paris sous la Réaction thermidorienne, t. I, p. 65). Шассан впоследствии стал одним из главнейших теоретиков контрреволюции.

² Aulard, Paris sous la Réaction thermidorienne, t. I, à la date. Маттез. Термидорианская реакция

престанно обвиняемых в интригах и во взяточничестве родственники освобожденных подозрительных. Комитеты решили, что надо пригласить участие в агитации, отнимая у секций возможность мешать правительственной политике, которая все еще намерена была поддерживать революционные учреждения. И Гупильо де Фонтене от их имени предложил 1 фруктидора распустить все революционные комитеты секций и коммун, комитеты, которые часто подвергались обвинениям в страсти и в неспособности, и оставить только по одному комитету политической полиции на дистрикт и 12 для всего Парижа вместо Законодатели, обязанные довести революцию до ее конца, сами берут элементы, которые должны им в этом содействовать. Другими словами, члены новых революционных комитетов будут подобны самим Конвентом, подобно тому, как члены прежних избирались своими комитетами. Они не будут избраны. Предложение Гупильо де Фонтене абсолютно не ставило себе целью ослабление террора; наоборот, стремилось укрепить его. Будет легче набирать комитетов, власть которых будет распространяться на большую территорию, и они будут сильнее старых комитетов коммун или секций. Новые комитеты, поставленные во главе 12 парижских округов, тому что именно по этому случаю были созданы округа в столице, будут больше зависеть от секций, подобно прежним. Они будут даны к комитетам Конвента, который их назначил. Они будут в состоянии дать отпор возбуждению народа, раздуваемому коалицией ¹ дачистов и эбертистов.

Обсуждение проекта Гупильо показало, что петиция Музея и сторонников даже в самом Конвенте. Депутат монтаньяр Шаль, бывший священник, который был ранен в сражении в бытность эmissаром в Северной армии, требовал 7 фруктидора, чтобы членов новых революционных комитетов избирались народом. Камбон возразил ему:

«Я спрашиваю у Шалья, который находил, что почти не осталось патриотизма, хотел ли бы он теперь, чтобы выбор членов революционных комитетов был предоставлен случаю?»

Это было равносильно признанию, что восстановление выборов подвергнет правительство серьезной опасности. Шаль не решился отрицать опасности, указанной Камбоном, он ограничился предложением, чтобы народ составил список кандидатов, из которого комитет Конвента будут выбирать. Затем он указал на эmissаров, посланных в департаменты, которые до сих пор производили назначения на должности; при их появлении эти должности были захвачены мускадинами ² и интриганам. Шарлье возразил Шалье:

¹ Достаточно просмотреть сохранившиеся записи дебатов комитетов, чтобы убедиться, что у них не было никакой инициативы. См. в «Archives nationales» записи F. 7—2491 (Комитет революционного надзора 6-го округа, учрежденного 4-го дополнительного 11 г. в помещении прежнего революционного комитета секции Гравильеров); F. 7—2523 (комитет 12-го округа); F. 7—1513 (комитет 11-го округа); F. 7—2476 (комитет 1-го округа); F. 7—2498 (комитет 1-го округа) и т. д. До сих пор эти комитеты не были еще предметом изучения.

² Muscadins было в 1793 г. прозвище французских роялистов, старавшихся обособиться от санкюлотов изысканностью костюма, надушенного по тогдашней моде мускусом. Прим. пер.

его проект избирательного совещания есть не что иное, как агитация к народу, предлагаемая господами Гюаде, Верньо и другими».

Гупильо де Фонтене прибавил решающий аргумент:

«Разве революция уже окончена? У нас имеется 1 200 тыс. человек на границах; почему же не предлагают, чтобы наши армии собрались и также высказали свои пожелания о составе революционных комитетов? Если Конвент должен быть центром революционного правительства, то нужно, чтобы именно он и руководил. Сколько есть департаментов, где не было бы аристократов и интриганов? Сколько есть департаментов, где эти люди не являлись бы единственными, которые говорят в политических клубах и в народных собраниях? Ведь именно эти люди будут руководить всем, если вы примете предлагаемый вам способ».

И Гупильо де Фонтене привел пример коммуны в окрестностях Парижа, которая недавно явилась просить об освобождении своего прежнего помещика. Так как предложение Шалья никем не было подано, то оно даже не было поставлено на голосование. Но один депутат, по имени Рюэль, обратил внимание Собрания на те серьезные последствия, которые может иметь закрытие тысяч революционных комитетов, коммун и секций:

«Новой организацией революционных комитетов вы лишаете более 50 тыс. человек их должностей. Придется поставить под особую защиту народа членов, которые выйдут из революционных комитетов. Если вы не примете этой меры, и граждане станут жертвами особенных чувств, мести, ненависти (ропот). Надо бышком мало знать человеческое сердце, чтобы думать, что те чьи отцы, родственники или друзья были брошены в темницы или отправлены на эшафот по вину революционного комитета, не будут питать ненависти к членам этих комитетов и не будут пытаться отомстить им, если вы не обуздаете этих чувств озлобления... Я предлагаю издать декрет, в силу которого новые революционные комитеты не будут иметь права издавать приказы об арестах членов старых комитетов за дела, предшествовавшие прекращению их функций».

Устами этого неизвестного члена Конвента говорила сама правда, и его опасения оказались пророческими. Агитация, которая велась в некоторых парижских секциях родственниками подозрительных против тех, по приказу которых они были арестованы, должна была доказать Собранию необходимость послушаться сделанного предупреждения. Но оно только роптало и ничего и слышать не хотело. Какой-то неизвестный протестовал против желания сделать невинными членов старых революционных комитетов, а Барер вызвал к священным принципам равенства, на которые не следовало возлагать. Предложение Рюэля было отвергнуто, и была предоставлена полная свобода индивидуальной мести и преследованиям мужественных людей, которые во время больших опасностей взяли на себя такую обязанность защиты республики и отечества применением революционных законов. По своей непоследовательности Конвент в том же заседании, в котором он отверг неосторожные советы эбертиста Шалья и пытался противодействовать агитации секций, возбуждаемой или поощряемой новыми снисходительными, в этом именно заседании Конвент отказался рассмотреть последствия своих действий и понять, что все те, которые принимали участие в терроре, были связаны между собой определенной общей солидарностью. Но в Конвенте было больше руководителей. Он вел политику сегодняшнего дня, загадывая о будущем.

Если Фрерон, Талльен и новые снисходительные так настоятельно требовали неограниченной свободы печати, то они делали это не так, как думают, а потому, чтобы протянуть руку прежним эбертистам. Они делали это потому, что они спешили воспользоваться этой свободой, чтобы обрушиться на главных своих противников. Фрерон оставался верным в своем первом «Orateur du peuple». Не имея никаких принципов, он заменял диалектику личностями. Но ему и Талльену с их терроризмом своих противников в «терроризме». Чтобы скрыть этот маневр, они говорили о Робеспьере. Ему новые снисходительные приписывали все преступления, истинные или предполагаемые. У Талльена и у его соратника, помощника, Меге (Mehée), бывший рыцарь де ла Туше (chevalier de la Touche), который был его коллегой в регистрационной Коммуне 10 августа и который был скомпрометирован вместе с ним в сентябрьских убийствах. Арестованный во время террора, Меге без сомнения обязан Талльену своим освобождением. 9 фруктидора он выпустил ядовитый, едкий и остроумный памфлет против тех, которых Талльен уже 26 термидора называл продолжателями Робеспьера, на манер Камилла Демулена, озаглавленный *Хвост Робеспьера или опасности свободы печати*.¹ В этом памфлете он обрушился на Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и на Барера в частности. Если бы прежних комитетов не хотели свободы печати, то происходило это потому, что они боялись разоблачения их преступлений и их сообщничества с Робеспьером. Меге затем напоминает бомбардирование Антверпена по распоряжению Колло д'Эрбуа. Ему легко было смеяться над устойчивостью Барера и над кротостью Билло-Варенна. Но особенно важно было ему показать, что они все были соучастниками Робеспьера и что если они старались поддерживать террор и революционное вительство, то делали это с целью скрыть свою ответственность.

Памфлет имел такой большой успех, что появилось много подражаний, которые все были направлены против членов прежних комитетов. Выражение «Хвост Робеспьера» для обозначения их и их сторонников стало ходячим выражением.

Этот именно момент выбрал депутат Лекуантр (из Версаля), чтобы внести на трибуну Конвента формальное обвинение против членов прежних комитетов: четырех из Комитетов общей безопасности — Вадье, Амара, Вуллана и Давида и трех из Комитета общественного спасения — Барера, Билло-Варенна и Колло д'Эрбуа, которые все были, очевидно, сообщниками Робеспьера, так как они участвовали в террористических мерах, в законе 22 прерияля и в так называемых решениях Революционного трибунала. Но донос этот не имел успеха. Собрание не только не дало ему хода, но оно закрыло доносчика.

Чтобы понять причину этого отношения, надо вспомнить, что Лекуантра последовал за многими другими, сделанными в этот период.

¹ Памфлет подписан Fethemesi вместо Felhemési, анаграмм Mehée fils (сын). Он был напечатан в типографии Rouguff (т. е. Guffroy — Гюфруа) в Нанте, № 45. Фуше сообщил якобинцам об «этом гнусном пасквиле» в их заседании 15 фруктидора.

¹ Переписка Ровера с Гупильо де Монтегю во время этой командировки была напечатана в Ниме в 1908 г. Мишелем Жувом и Жиро Манженом. Можно и должно игнорировать комментарии, которыми эти господа снабдили свое издание. Мишель Жув, потомок Журдана головореза, едва ли мог быть вполне беспристрастным. Но сами письма представляют большой интерес. Относительно командировки Менье в Воклюз см. две статьи М. П. Вайлянде в «Annales historiques de la Révolution française» за март — апрель и май — июнь 1926.

Лиона. Нравственный уровень доносителей вообще был не особенно высок. Человек, явившийся к решетке Конвента в качестве обвинителя Жозефа Лебона 3 вандемьера, был предан суду Революционного трибунала за растрату денег, предназначенных для фуража армии сарамы Дюгемом и Дюкенуа.

Мы видели, в какой атмосфере появился донос Лекуантра, более враждебным к их противникам, ко всем тем, которые управляли террора и в пользу свободы печати. Казалось, что между Лекуантром и Таллыеном существовало соглашение. Так называемые противники террора были снисходительны только к врагам республики. Они забыли казни тех, которые защищали ее от самых ужасных опасностей. Молодой эмиссар Гужон, недавно вернувшийся из своей командировки в Рейнскую армию, с глубокой грустью высказал свое чувство, переполнявшее огромное большинство Собрания:

«Сердце у меня разрывается, когда я вижу, с каким холодным спокойствием среди нас семена раздора, когда я вижу, с каким флегматическим спокойствием предлагают гибель отечества... Сегодня нам приносят документы, которые честно служили революции... Большая часть упреков, которые делают, относится к самому Конвенту. Жан Дебри нам только что сказал: «И воры». Вместо оправдания Билло-Варенн напомнил свою роль в падении бесперебыва в сообщничестве с которым его обвиняли. Затем он сделал выпад против дангонистов: «Здесь говорили о Дантоне. Ах! Кто же не видит, что патриотов хотят принести в жертву на могиле этого заговорщика!».

Несколько голосов:

«Да. Да».

«Если казнь Дантона преступление, то я в этом виновен, потому что я первый донос на Дантона. Я сказал, что если бы этот человек существовал, объединял бы всех контрреволюционеров... я заявляю, что, если бы могли отрезать верх снисходительные, воры я бы лишил себя жизни».

Бурдон де л'Уаз, который был другом Билло, прервал его:

«Слово сказано, нужно его доказать».

«Я берусь это доказать по отношению к одному».

«Мы докажем это по отношению к другим».

«Купец Лекуантр нажил на революции 50 тыс. ливров. Он уклонился от декларации имевшихся у него товаров», и он сказал нам об этом в комитете, где мы настолько добры, что спасли представителя народа от позора бы названным скупщиком».

Билло говорил правду. Лекуантр вскоре должен был признать, что он подвергся преследованию за нарушение закона о скупке. Билло обвиняет его еще в том, что он добился отмены декрета об осуждении против Бомарше «и он же еще обвиняет нас, что мы заставили Бомарше эмигрировать». После замечания Камбона, что именем Робеспьера создали новое преступление, после того как Вал с пистолетом в руках взойшел на трибуну, Тюрио без всякой оппозиции провел предложение, клеймящее Лекуантра, донос которого был признан клеветническим.

Такое заседание оставило сильное озлобление в сердцах прежних союзников 9 термидора, отныне состоявших в открытой вражде; снисходительные, с трибуны названные ворами, были жестоко задеты

Лекуантра, который был их орудием. Это была тем более жгучая обида, что их разбитый герой был довольно грубым и смешным существом. Но разбитые в Конвенте, они не потеряли надежды на реванш, потому что обрабатываемое ими общественное мнение становилось все более враждебным к их противникам, ко всем тем, которые управляли о II г. В тот самый вечер, когда происходило заседание Конвента, Тюильри, Карусель, бывший Пале Рояль, площадь Бастилии, бульвары наполнились возбужденными группами людей. Раздавались жалобы на то, что к такому важному донесению отнеслись так легко. Опять стали напоминать вещи, которые были неблагоприятны для обвиненных членов. Напомнили, что Барер представил Фукье-Тенвилля в качестве общественного обвинителя в возрожденном трибунале. Договаривались даже до того, чтобы заставить Конвент покончить с этим делом.² Как и можно было ожидать, шум в группах производили женщины.³

В начале заседания следующего дня депутат Ру упомянул об этом возбуждении общества и предлагал опять открыть дискуссию по поводу доноса Лекуантра, чтобы дать обвиняемым депутатам возможность уничтожить неблагоприятное впечатление, создавшееся в общественном мнении. Талльен и Лешандр тотчас же поспешили выразить недоверие Лекуантру. Их оклеветали, утверждая, что они подсказали ему его донос. Оба высказались против вторичного открытия дебатов:

«Разве вы не видите, — говорил Тюрио, — что система клеветы, которая ведется уже некоторое время, согласуется с предложением созвать съезды избирателей и избирательные собрания».

Он сам пытался помешать дебатам. Но Билло-Варенн потребовал прочтения документов Лекуантра, а Тибодо заявил, что Конвент находится в подозрении в глазах народа.

«Следует прекратить это состояние страха. Народ должен знать, достойно и национальное представительство представлять его».

Лекуантр был таким образом принужден опять прочесть свой обвинительный акт. При каждом параграфе его спрашивали: доказательств, документы.

«Они находятся в Бюро общей полиции» —

говорил он, или же:

«Факты общеизвестны».

Камбон спросил его, почему он обвиняет только 7 членов комитета, а не всех. Он ничего на это не ответил. Когда он упомянул о документе, идущем от Фукье-Тенвилля, Луше прервал его и заявил, что

¹ Так описывает его Дюссо в своем *Fragment pour servir à l'histoire de la Convention*, 27.

² Dussault (Дюссо), цитированный уже *Fragment*, стр. 28, подтвержденный отчетом полиции 13 фруктидора, напечатанным у Aulard в *Paris sous la Réaction thermidorienne*, t. I, стр. 66 — 67.

³ Цитированный отчет полиции Билло-Варенн заявил в заседании следующего дня, что в группах, окружающих Конвент, он слышал, как «люди, находившиеся вне закона, бывшие маркизы, бывшие графы агитировали за королевскую власть (несколько голосов: «Это правда»)». Билло назвал бывшего маркиза Тильи, прежнего лидера рыцарей Кинжала (по «Moniteur»).

¹ См. в «Moniteur», заседание 3 вандемьера III г.

Лекуантр обедал с Фукье-Тенвиллем перед его арестом и что его сообщником. В свое оправдание Лекуантр заявил, что Мерлен Тионвилля также принимал участие в этом обеде. В следующий момент Лекуантр сослался на свидетельство секретаря Фабрициуса, с которым прервал его:

«Это бывший приятель Дантона»,
а Карье прибавил:

«которому покровительствует Талльен».

Одно только имя Дантона, названное монтаньярами, было пощечиной фреронистам, настолько одно имя Дантона вызвало шее возмущение.¹

Когда Лекуантр, просивший пощады,

«будьте снисходительны к моим заблуждениям»,

кончил, Гупильо де Фонтене сделал следующий вывод:

«Хотят посеять раздор между вами, критикуя поведение людей, организовали победы в армиях, которые постоянно служили общественно. Хотели судить не 7 членов, а весь Конвент. И Гупильо возмущался, что самые люди, т. е. Талльен и Фрерон, которые всего за два дня до этого сщением говорили о системе террора, старались воскресить его, но уже республиканцев».

Конвент еще раз заявил, что донос Лекуантра является клеветот отказ.

На этот раз фреронисты потерпели поражение. Они не осмелились протестовать, как они сделали это накануне. Им определенно везло. Через день после того как Лекуантр был вторично заключен, произошел взрыв Гренельского порохового погреба. 400 человек были перенесены в военную школу, а число раненых было больше. Это произвело глубокое впечатление. На площади, где произошел взрыв, граждане говорили: «вот результат освобождения». На заседании Конвента Дельмас и Карье являлись отголосками народного обвинения.

«Взрыв произвели освобожденные подозрительные, рыцари Кинжал: Карье припутал к делу Талльена, который в клубе якобинцев общался о заговоре на 10 фруктидора».

«Мы увидим, — вызываясь сказал он, — на какой стороне истинны должатели Робеспьера, где хвост Робеспьера».

Бурдон де л'Уаз подчеркнул еще слова Карье:

«И опять в слащавой речи предлагают не считать никого подозрительным и судить людей только по их поступкам, т. е. напр., если человек вчера был подозрен в желании поджечь пороховые склады, его надо было арестовать только сегодня, а не вчера. Вот резюме речи Талльена... Я не могу видеть негодования освобождения друзей Дантона, Фабрициуса, его креатуры и агента».

Снисходительные мало реагировали и на это. Только Мерлен Тионвилля выступил в защиту Обер-Дюбайе, который был им освобожден и которого Бурдон де л'Уаз обвинял в сдаче Майнца.

¹ Дюссо в своей цитированной уже брошюре, очень благоприятной Талльена и Фрерона (он служил секретарем редакции у Дюссо, когда он составлял), так выражается по поводу Дантона, в характеристике Лежа: «Этот ученик Дантона, которым он был обманут...» Fragment, pp. 22 — 23.

На следующий день, при частичном обновлении Комитетов общей безопасности и общественного спасения Талльен подал в отставку. Билло-Заренн и Колло д'Эрбуа, подобно Талльену, также подали в отставку. Члены, назначенные Собранием, все были монтаньяры: Дельмас, Мерлен из Дуэ, Кошон и Фуркруа в Комитете общественного спасения, все четверо голосовали за казнь короля. Бурдон де л'Уаз, Коломбель, Меоль, Клозель, Матье, Монмайю и Лежаж Сено в Комитете общей безопасности, также голосовавшие все за казнь короля враждебно относившиеся к Талльену, за исключением может быть, Клозеля.

Якобинцы, которых привлекли новые снисходительные, как они этим хвастались, высказались уже против них еще до Конвента. Уже 3 фруктидора они послали в Конвент депутацию под предводительством Рессона с протестом против освобождения аристократов и с требованием напечатать список этих людей.

«Только преступники могут бояться напечатания этого списка»,

сказал Рессон, и в заключение он требовал принятия мер против чуждаемых, подкупленных людей, врагов народа. Но Конвент отказался отменить свое предыдущее решение. Якобинцы горько жаловались на

«Болото воскресло со вчерашнего дня»,

заявил депутат Мор с их трибуны. Чтобы оказать сопротивление двойной атаке как эбертистов, требовавших выборов, так и фреронистов, которые хотели неограниченной свободы печати, они организовали широкую пропаганду не только в Париже, но во всей Франции. В Париже несколько секций отвергли петицию Музея.¹

Из департаментов посыпались в Париж петиции в пользу революционного правительства. На следующий день после доноса Лекуантра на семерых членов комитетов Карье, который впоследствии дорого заплатил за свое нападение, обвинял Талльена в подстрекательстве Лекуантра и требовал его исключения из списков членов клуба. Депутат Дюгем, который начинал играть все большую роль и который становился лидером Вершины, «сварливый, едкий, язвительный, нахальный и болтливый», говорит его противник Дюссо, Дюгем поддерживал Карье:

«Я сказал сегодня в Конvente, что Талльен, Фрерон и Дюбуа Крансе убеждали Лекуантра составить обвинительный акт, который он представил, и я сообщил об этом факте, потому что знаю о нем из их же собственных слов».

Дюбуа Крансе и Дюфурни пытались ответить Дюгему и Карье. Клуб в этот день не принял никакого решения. Но отношение Конвента, волнение, вызванное взрывом порохового погреба в Гренелле, ободряли якобинцев, до тех пор довольно мирных в общем составе. 17 фруктидора Фейо опять вернулся к предложению Дюгема исключить из клуба Талльена, Лекуантра и Фрерона. Талльен, говорил Фейо, предложил нечто вроде амнистии для аристократов. Он говорил

¹ Отвергли адрес Музея секции Фонтен де Гренель, Пик, Бонне Руж (революционеров), Муция Сцеволя, Хлебного рынка, Арсиса (Convention, séance du 11 fructidor).

даже в самом клубе, что «необходимо 10 фруктидора и что он пользуется услугами убийц, чтобы совершить его». Фрерон требовал неограниченной свободы печати. Это было способом поощрять аристократов требовать восстановления королевской власти. Левассер Сарт, интерпеллируя Талльена, который присутствовал на заседании, требовал у него отчета о его связях:

«Пусть он скажет нам, в каких он отношениях с женой одного человека, которая является дочерью казначея испанского короля».

Талльен и Фрерон пробовали оправдываться. Талльен отрицал, что он подстрекал Лекуантра, он осмеливался утверждать, что он разубеждал его делать донос, он осмеливался еще на большее утверждать в ответ Карье, что он был одним из первых, который лавался на освобождение аристократов. Фрерон презрительно проговорил больше твердости. Талльен, Фрерон, Лекуантр были исключены из клуба.

Комментируя событие, Шарль Дюваль заявил в «Journal des Hommes Libres» на следующий день 18 фруктидора:

«Пусть они трепещут, говорю я, все, подкупленные золотом, местами, властью и дебошем. Приближается конец их гнусности, они исчезнут вместе с аристократией пред лицом народа, который отбросит далеко все, что есть нечистоты».

Талльен уже во второй раз был исключен из клуба якобинцев. Когда он был исключен в первый раз 24 прерияля, за полтора месяца до термидора, он сделал шаг вправо, чтобы приблизиться к Робеспьеру, которую ему удалось увлечь против Робеспьера. Через пять дней после термидора он опять был исключен на один день своими товарищами, которых он называет теперь продолжателями Робеспьера: «Трудно уничтожить остатки группы Робеспьера» (la queue de Robespierre), писал он 18 фруктидора. Депутатов, голосовавших вместе с Талльеном и Фрероном, было не больше 150, говорит он 22 фруктидора. Но в лице Ровера, Талльена, Фрерона, Мерлена из Тион-ла-Валье они имели решительных лидеров: «Надо решительно проявить силу и энергию, мой друг, в противном случае остатки группы Робеспьера (la queue de Robespierre) отрежут нам голову». Это не было метафорой, монтаньяры в самом деле думали использовать свой успех. Петиции провинциальных якобинцев побуждали их действовать. Одна из этих петиций, петиция Дижонского общества, требовала обнародования списка освобожденных из заключения подозрительных, строгого исполнения закона 17 сентября, исключения из их должностей дворян и священников, отмены свободы печати до тех пор, пока продолжается война, она требовала даже возврата к субординационному распорядку, который разрешал Революционному трибуналу выносить оправдательный приговор, принимая во внимание предварительное намерение. Прочитанный Луше в заседании Конвента 29 фруктидора эта кличка была ему дана, чтобы напомнить об его участии в ужасном бегстве аристократов, запертых в леднике в Авиньоне; гласьер значит французски ледник.

Correspondance intime du conventionnel Rovère avec Goupilleau de Montaigu mission dans le Midi après la Terreur, publiée par Michel Jonve et Giroux — Mangin, 1908.

Введение поучительно по отношению к Роверу и его новой жене, первый из которой эмигрировал.

ГЛАВА III.

ПРОЦЕСС КАРЬЕ И ЗАКРЫТИЕ КЛУБА ЯКОБИНЦЕВ.

17 фруктидора II г. Талльен, Фрерон и Лекуантр, уже за несколько дней до этого заклеенные Конвентом, были по требованию Карье исключены из клуба якобинцев. Через два месяца после этого, 3 брюмера III г., клуб якобинцев был закрыт по декрету, и тот же день Карье, декрет об аресте которого был уже издан за два дня до этого, должен был вскоре предстать перед Революционным трибуналом. Достаточно привести эти два факта, чтобы показать, с какой быстрой термидорианцы сумели изменить положение, которое вначале было так неблагоприятно для них.

Ровер-Гласьер, бывший маркиз Фонтвиель, который женился на маркизе д'Агу, в своих письмах к своему другу Гупильо де Монтегю, которого он послал эмиссаром в Воклюз, откровенно признавался в своих затруднениях и своих опасениях на следующий день после его ареста, которую потерпел донос Лекуантра на членов прежних комитетов. «Трудно уничтожить остатки группы Робеспьера» (la queue de Robespierre), писал он 18 фруктидора. Депутатов, голосовавших вместе с Талльеном и Фрероном, было не больше 150, говорит он 22 фруктидора. Но в лице Ровера, Талльена, Фрерона, Мерлена из Тион-ла-Валье они имели решительных лидеров: «Надо решительно проявить силу и энергию, мой друг, в противном случае остатки группы Робеспьера (la queue de Robespierre) отрежут нам голову». Это не было метафорой, монтаньяры в самом деле думали использовать свой успех. Петиции провинциальных якобинцев побуждали их действовать. Одна из этих петиций, петиция Дижонского общества, требовала обнародования списка освобожденных из заключения подозрительных, строгого исполнения закона 17 сентября, исключения из их должностей дворян и священников, отмены свободы печати до тех пор, пока продолжается война, она требовала даже возврата к субординационному распорядку, который разрешал Революционному трибуналу выносить оправдательный приговор, принимая во внимание предварительное намерение. Прочитанный Луше в заседании Конвента 29 фруктидора

Эта кличка была ему дана, чтобы напомнить об его участии в ужасном бегстве аристократов, запертых в леднике в Авиньоне; гласьер значит французски ледник.

Correspondance intime du conventionnel Rovère avec Goupilleau de Montaigu mission dans le Midi après la Terreur, publiée par Michel Jonve et Giroux — Mangin, 1908.

Введение поучительно по отношению к Роверу и его новой жене, первый из которой эмигрировал.

тидора дижонский адрес был встречен аплодисментами, и многие клубы одобрили его или подражали ему, даже некоторые секции.¹

Чтобы опять вернуть себе популярность в классе трудящихся, таньеры опять принялись за проекты реформ, оставшиеся без действия со времени 9 термидора. Продолжая ругать робеспьеристов, заимствовали у них их проекты. Так 21 фруктидора Барер произнес большую речь о необходимости организовать, наконец, республиканские учреждения, доклад о которых был поручен Сен-Жюсту, «одному из тех тиранов, который 9 термидора довел до крайности все принципы демократии и, для более верного ниспровержения республиканской работы над планом учреждений. Но какой гибельный дар преподнес нам этот заговорщик!» Барер добивался назначения специальной комиссии из трех членов, которая подготовила бы к 15 брюмера этих республиканских учреждений, без которых граждане не в состоянии будут отучиться от своих монархических привычек. Гужон поддержал Барера, но Реубель отослал проект в Комитет народного просвещения, как требовал этого Ж. Шенье. А там он был похоронен.

На следующий день 22 фруктидора монтаньяр Дюкенуа доложил о взятках, злоупотреблениях с национальными имуществами в тюрьмах и требует, чтобы Комитет законодательства представил проект, который сохранил бы национальные имущества для бедных и для богатых скупать их. Файо читает по этому поводу составленный им по этому вопросу проект. Он, подобно Сен-Жюсту, хочет тожить нищету.

«Не надо, чтобы несколько человек могли пользоваться плодами труда других, не работая... Там, где нет счастья, там не прочна и свобода».

А национальные имущества, проданные с торгов, послужат только в пользу богатых.

«Не все ли равно трудолюбивому бедняку, будет ли он поливать своим поле по приказу настоятеля бенедиктинцев или соседнего скупщика? опять-таки не один и тот же человек работает всегда для удовлетворения чуждой гордости и капризов туеядцев?..»

И Файо предлагал отменить торги и распределить национальные имущества между бедными гражданами. Распределение не будет изводиться совершенно бесплатно, как это было проведено Жюстом в декретах вантоза. Получающие при этом распределении участки должны будут платить в год двадцатую часть стоимости имущества, согласно сделанной оценке. Предвидя возражение: что так с обеспечением ассигнатов, Файо ответил, что обеспечением их служить в первую очередь долг лиц, получивших участки, а затем земля Франции, т. е. все земли, даже частные. Заинтересованным, чтобы привлечь на свою сторону армию, необходимую для

дабы дать отпор реакции, он требовал, чтобы защитники отечества тчас же получили ту часть национальных имуществ, которая была обещана.¹ И он с торжеством закончил:

«До сих пор счастье рисовалось нам еще только в будущем, признаем это откровенно; поспешим предоставить его народу. Какое влияние смогут оказать заговорщики на общественное мнение, если каждый гражданин почувствует благодеяния революции?»²

Барер горячо поддержал Файо:

«Грустно видеть, — сказал он, — что в то время как эмиграция изменников наказанием заговорщиков раздробила огромные состояния и обратила их в пользу свободы, банкиры, спекулянты, поставщики армии являются с большими деньгами, украденными у народа, и пытаются восстановить колоссальные состояния».

Барер хотел, чтобы был назначен максимальный предел для приобретения земель.

«Недостаточно думать о деревенских санкюлотах, создавать из них класс новых собственников, а надо, наконец, — говорил он, — учредить мастерские и лавки, дабы устроить в них несчастных рабочих».

Но Талльен не хотел допустить, чтобы кто-нибудь пользовался большей популярностью, чем он. И он также стал громить поставщиков. Он, может быть, еще не принимал участия в компании Уануэна (Ouen), которая приобрела большие партии военного снабжения.³ Предложения Файо и Барера были отосланы в четыре комитета: Государственных имуществ, Земледелия, Финансов и Общественной полиции для составления в течение недели, на их основании, проекта закона.

Ободренные якобинцы решили 19 фруктидора потребовать у Конвента исполнения декрета, прошедшего 24 брюмера, предписывавшего иречение в Пантеон останков Марата. Исполнение этого декрета было отложено, говорили они, благодаря зависти Робеспьера. Обращение к памяти Марата, воздание ему почестей посредством апофеоза, значало косвенным образом оправдание террора. 26 фруктидора по докладу Леонарда Бурдона, от имени Комитета народного просвещения, без дебатов⁴ Конвент удовлетворил якобинцев, а в 5-ю санкюлотиду II г. он фигурировал в первом ряду кортежа, переносившего останки Марата в храм великих людей, откуда был изгнан Мирабо. Во время перерыва 23 фруктидора якобинцы громили расхитителей и воров и решили донести на них Конвенту. Билло-Варенн угрожал тем, которые проповедуют разложение республики.

«Это прежние министры (надо понимать прежние проконсулы), которые боятся рокового часа, когда им придется отдавать отчет».

¹ Дижонский адрес был одобрен другими демократическими обществами. Кот д'Ора, в особенности обществами Бон и Семюра. Аналогичные адреса были оставлены в виде резерва для распределения их солдатам.
лучались в Конвенте из Экс-ан-Прованс (20 фруктидора), из департамента Рона (22 фруктидора), из Тулузы, Маноск, Кламеси, Сетта, Тулона.
² Речь и проект Файо напечатаны в «Moniteur», t. XXI, p. 746.
³ Joseph Turquign, La citoyenne Tallien, 1898, p. 192.
⁴ 29 фруктидора была сделана робкая попытка отложить праздник Марата, заменить его в 5-ю санкюлотиду праздником Жан-Жака Руссо. Но Колло д'Эрбуа настаивал на сохранении назначенного уже дня. Праздник Жан-Жака Руссо праздновали 23 вандемьера.

Шайка Талльена не могла не понимать, что Билло-Варенн при-
чет ее к делу, будет наступать на нее, будет угрожать ей казнью,
следующий день, как говорил Мерлен из Тионвилля.

Но два события, которые явились для нее providentialными,
можно помочь providению — одно за другим дали ей не только
возможность свободно вздохнуть, не только положить конец наступле-
нию монтаньяров, но и изменить роли, явиться в свою очередь в
жертвы и обвинителя и опять захватить все то, что было ею потеряно
со времени злополучного доноса Лекуантра. Эти два события, явля-
ющиеся поворотным пунктом в этой истории, были, с одной стороны,
покушение на убийство Талльена, а с другой стороны, процесс
сских федералистов в Революционном трибунале.

В ночь с 23 на 24 фруктидора, когда Талльен возвращался
своей матери — трогательная подробность — около 12^{1/2} по
ночи, на него, говорит он, напал какой-то субъект, на улице Quatre
который выстрелил в него из пистолета в плечо и затем нанес
удар в грудь. Убийца никогда не был найден, не была найдена и
которая, по словам хирургов, не проникла в мясо, но проскользнула
между жилетом и рубашкой, причинив только царапину, около дюйма
в длину и 6 линий в ширину.¹ Но Талльен, этот мученик свободы,
слег в постель. Счастливая царапина! Она дала возможность на
дующий день Мерлену из Тионвилля сделать патетическое заяв-
ление с трибуны Конвента, когда еще не был известен бюллетень вре-
мени и точные обстоятельства покушения. «Надо положить конец
царству убийц! — воскликнул Мерлен. — Ибо не подлежит сомнению,
удар нанесли якобинцы. Мерлен потребовал закрытия «этого притона
разбойников». Рыцари гильотины — это также одно из его
человек — хотели — несомненно — свергнуть Конвент. В доказательство
Мерлен приводил их заседание накануне, на котором они оговорили
представителей народа.

«Но я заявляю, что готов скорее пронзить себе грудь, чем когда-либо до-
пустить, чтобы они угнетали народ».

После Мерлена Бентабол, муж г-жи Шабо, обвинял якобинцев,
которым он прежде подобострастно льстил, в том, что они образовали
корпорацию, соперничающую с Конвентом. И Конвент должен был
снять с себя эту опеку.

«Мне кажется, что революционное правительство, которое могло при-
ступить к исполнению одной части конституции, имеет также право помешать господству
интриганов в этом обществе.

Оно имеет право помешать тому, чтобы они, по примеру Робеспьера, из-
брали из этого общества всех тех, мнения которых противоречат их планам».

Член партии Болота Дюран де Майльян, молчавший во время
террора, вдруг заговорил, чтобы обвинить якобинцев, эту опасную
для свободы корпорацию с ее 44 тыс. отделений.²

Монтаньяры только слабо защищались, точно бы это внезапно
сильное нападение смутило их и лишило всяких средств защиты.

¹ См. Медицинское свидетельство у Bouché et Roux, t. XXVI, p. 75.

² На самом деле клубов было не больше 2 500 — 3 000. См. статью де
депалля в «Annales historiques de la Révolution française» за 1927 г. и дополни-
тельную заметку Шобо в том же журнале.

(Dufrenoy) указывал на смягчающие обстоятельства. Тут исказили
то, что происходило накануне в клубе якобинцев. Это Гарнье де л'Обе,
Дантона, дал ложные указания Мерлену и обманул его. Дюгем
решился подвергнуть сомнению покушение на убийство Талльена:

«Я убежден, что, когда будет найден покушавшийся на убийство Талльена,
окажется, что это человек, недавно вышедший из тюрьмы».

Барер выступил более удачно. Он старался обнаружить ловкий
маневр, которым фрееронисты пытались расколоть Конвент и противо-
поставить ему якобинцев. Он показал, что аристократы везде поды-
мают голову, и он закончил тем, что надо во что бы то ни стало под-
ерживать единение между политическими клубами и Конвентом.

«Именно эти две непобедимые армии разрушают проекты Кобурга и монархи-
стские коалиции. И аристократы стараются разрушить это единение, потому что
они знают, что это единение раздавит их».

Но предостережение Барера было бесполезно. Яд недоверия оказы-
вал свое действие. Большинство Конвента помнило, что Робеспьер, бла-
годаря давлению якобинцев, вырвал у него меры, о которых он потом
жалел. Тут на карту было поставлено его самолюбие. Чтобы опять
приобрести популярность, он покажет всем, что он считается только со
своим собственным мнением. Когда 25 фруктидора якобинцы обра-
тились к нему с просьбой, о защите патриотов, которые голпами зани-
мают в тюрьмах места аристократов, председатель Собрания, Бернар
Сент, наговорил им много добрых слов, выразил им уважение Со-
брания, но когда монтаньяр Меоль выразил их желания в виде пред-
ложения и потребовал издания декрета о прекращении дел, начатых
не некоторыми трибуналами против членов прежних революцион-
ных комитетов, он натолкнулся на непреодолимое сопротивление. Сам
Мерлен из Дуэ, автор закона о подозрительных, который стал другом
Мерлена из Тионвилля и который теперь также хотел покончить с ре-
волюцией, чтобы спокойно наслаждаться своим огромным состоянием,
Мерлен подозрительный юридическими тонкостями помешал успеху
предложения Меоля. Такая же участь постигла все демократические
меры, прежде провозглашенные монтаньярами. Проект Файо и Барера
распределения национальных имуществ между бедными и между сол-
датами был отвергнут 27 фруктидора требованием предварительного
проката.¹ Лозо, Бурдон де л'Уаз, Камбон, т. е. те, которые до сих
пор шли вместе с монтаньярами, сошлись с фрееронистами, чтобы бо-
роться с монтаньярами. Лозо упрекал Барера в том, что он уменьшил
испечение ассигнатов; Бурдон де л'Уаз заявил, что разговоры о
спекуляциях национальными имуществами — басни:

«Существует известное чувство порядочности, которое всегда удержит бога-
тых и помешает им лишить бедных владения, которое им предназначено»

пикантная фраза, когда известно, что этот Бурдон приобрел зна-
чительное состояние именно спекуляциями на национальных имуще-
ствах. Камбон указал на то, что не следует беспокоить покупателей.
Потребовалось всего несколько дней, чтобы разрушить то боль-

¹ Question préalable — предварительный вопрос, значит постановление о том,
но Палата устраняет внесение предложения, не входя в обсуждение его. Прим.

шинство, которое, однако, так горячо высказалось против доноса куантра.

Теперь в Конвенте были три партии, правая из 150 членов, ставленная из части прежней Равнины, того, что оставалось от правосторонности и от перебежчиков Горы. Талльен, «самый красноречивый член нового большинства», согласно Дюссо, был ее лидером, он перенес Гору, чтобы усесться на правой стороне; однако ни

«в его лице, без выражения, ни в его речи без интонаций, ни в его стиле было ничего такого, что характеризует человека, рожденного влиять своим словом» (Дюссо),

но он был хорошо знаком с ведением дел и с тактикой Собрания.

На левой стороне, против правой, были те, которые оставались Горы, те, которых теперь называли Вершиной (La Crête), группа бывавших вокруг Дюгема, Гужона, Фейю и старых членов комитета, которых обвиняли в том, что они являются продолжателями Робеспьера. Но эти последние, из которых самыми красноречивыми были Колло и Барер, все реже решались появляться на трибуне. Число членов Вершины (Crête) с каждым днем уменьшалось. Скоро стало требоваться большое мужество, чтобы усесться на скамьях, над которыми витала тень Робеспьера.¹

Наконец между этими двумя сторонами находился Центр, не имевший определенных границ, который то расширялся, то суживался в зависимости от событий, в котором заседали по преимуществу сторонники золотой середины, искренние, но робкие республиканцы, искренние соглашатели, те, которые хотели покончить с революцией самой справедливой ценой, не слишком много принося в жертву ярости реакции и не слишком дурно обращаясь с бывшими террористами. Они охотно слушали Тюрио, который с первого же дня пытался посредником между партиями, со своими медоточивыми речами, горечивый, даже томный, скучный, холодный, поверхностный, манерный (Дюссо); они слушали также Бурдона де л'Уаз, Бурдона Красного или Бурдона пьяницу, которого до сих пор удерживала группа дружба Билло-Варенна и отвращение к дантонизму, но который уже начал свою эволюцию вправо. В противоположность Тюрио, Бурдон отличался пылкостью, горячностью, упрямством. Обладая кладет значительную тяжесть на весы (Дюссо). К Центру принадлежали также люди, которые работали в комитетах, законоведы в Конвенте Мерлена из Дуэ и Камбасереса, которые молчали во время террора и которые чувствовали, что, наконец, настало их время посредничества общей посредственности. Именно среди них Бонапарт впоследствии вербовал своих высших чиновников.

Прежде всего эти члены Центра, эти кабинетные люди, осторожные и богатые, чувствовали себя в состоянии властвовать над обеими партиями, правой и левой. Когда в третий день санкюлотиды произошла драка во Дворце равенства, бывшем королевском, между якобинцами и якобинцами, то Бурдон де л'Уаз не отдал преимуществ одной из обеих сторон:

¹ Это констатирует Субрани в своих письмах, опубликованных Дюссо.

«Я повторяю то, что я сказал уже в комитете: надо обуздать крикунов обеих сторон».

После него Мерлен из Дуэ предложил от имени комитетов выслать из Парижа всех вновь прибывших, которые не жили там до 1 мессидора. Мера эта была принята на следующий день. Она удалила из Парижа многочисленных демократов из департаментов, прибывших против преследований, жертвами которых они сделались после 9 термидора. Она лишила якобинцев важного подкрепления и испугала обидных.

Новая политика комитетов, по видимости одинаково далекая от обеих крайних партий, но по существу все более склоняющаяся вправо, была определена в 4-й день санкюлотиды Робером Ленде, выбранным председателем соединенных комитетов. Ленде, всегда проповедывавший умеренность в прежнем Комитете общественного спасения, старался сохранить равновесие, никому не причиняя неудовольствия. Он оберегал демократическим обществом и членам прежних революционных комитетов от мести освобожденных подозрительных, но он возмущался тем, которые хотели «перераспределения имущества». Это могло относиться к Фейю и даже к Бареру. Ленде пользовался для того времени большим благосостоянием. Он утверждал, что Конвент должен направлять все революционное движение. Это было предупреждением якобинцам, что они должны ограничить свое право критики. Он сообщал о предполагаемых новых освобождениях:

«верните свободу всем гражданам, которые были и могут еще оказаться пострадавшими».

Эта формула была чрезвычайно эластична, а то, что за ней следовало, было не менее знаменательно:

«Докажите исполнением принципов и вашим поведением, что все люди равны. Не обращайте внимания на те иллюзии, с которыми было связано их рождение, какими государственными или имущественными предрассудками они пожертвовали при деспотизме».

Другими словами, не остерегайтесь более à priori тех, которые были священниками, тех, которые были привилегированными, тех, которые были эмигрантами. Он распространял также свою политику на коммерсантов, промышленников, земледельцев. Он угрожал тем, кто спекулировал на революции, кто пытался объединиться после падения тирана, и он ясно говорил, что эти люди ввели в заблуждение демократические общества.

Ленде сам говорит нам в рукописной защитительной речи, которая увидела свет только спустя много лет после его смерти, что он смягчил

¹ Робер в следующих выражениях оценивает этот декрет, изгнавший из Парижа вновь прибывших: «Мы вчера сделали важное дело, издав декрет о выезде из Парижа в продолжение 24 часов всех тех, которые жаждут убийств, прибывших в Париж, начиная с 1 мессидора. Было замечено, что по отношению к большей части из них имелись приказы об аресте и что они бежали от казни, которую они столько раз заслужили своим ужасными преступлениями...» (lettre du sans-citté de an II. à Goupilleau de Montaigne).

² Его декларацию об имуществе я напечатал в «Annales révolutionnaires», 1920, XII, p. 66.

Талльен. Термидорианская реакция.

чил свой доклад по требованию комитетов. Он хвастается, что ложил им немедленно освободить

«всех граждан, заключенных или преследуемых по обвинению в федерме», «изменить или пояснить декрет 17 сентября о подозрительных сать должностным лицам воздерживаться отныне от участия в заседаниях кратических обществ».

«Я предложил, — говорит он, — проект декрета, который воспрещает союз обществ, всякое присоединение к обществу!»

Это значит, что Ленде в своем первоначальном докладе стар удовлетворить желание, которое Мерлен из Тионвилля и Бенг выразили на следующий день после покушения на Талльена. Он тогда хотел нанести клубам тот удар, который был им нанесен то через полтора месяца. Комитеты в то время еще не решили пойти далеко по пути реакции, как пошел этот старый член комитета Р перера.

«нашли, что я иду слишком далеко, и меня остановили».

Странное дело. В тот момент никто в Конвенте не подверг кри доклад Ленде, Дюгем (Duhem) молчал. Якобинцы хранили молча. Боялись ли они ухудшить свое положение оговорками? Надеяли, они еще, шадя их, вернуть себе комитеты? Излюбленный н снисходительных заключался в том, что якобинцы хотят соперни с Конвентом и даже ниспровергнуть его. Мюскадену, покорные тактике, для вида кричали:

«Да здравствует Конвент!»

Возглас «да здравствуют якобинцы!»

становился мятежным. Вершина (La Crête) без сомнения воо зила, что избегнет сетей Талльена, одоблив единогласно док Ленде, который по существу осуждал ее и угрожал ей. Возмо лосованием 160 голосами из 230 председателем Конвента. Незначи тельное число голосовавших указывает уже на опустошения, произве денные страхом среди членов Конвента. Они не соглашались

Вершины заключался в том, что она сбивала с пути своих сторо ков, оставленных без руководства, и что в комитетах она поощ ретроградные тенденции. Похвалы, расточаемые Фрероном док Ленде в его газете, должны были предостеречь ее.²

В 5-й день санкулотиды II года, в день апофеоза Марата, кото

¹ Самые важные выдержки из оправдательной речи Робера Ленде, озвученные «Conduite de Robert Lindet depuis la Révolution», были опубликованы в A. Montier, Robert Lindet, pp. 257 — 258.

² «Orateur du Peuple» № 6 1-er vendémiaire an III. На собрании секций 12 вандемьера несколько мужественных монтаньяров хотели воспротивиться члену адреса Ленде. Через два дня на них был сделан донос в Конвенте, и был декрет об их аресте (см. заседание 12 вандемьера в Конвенте). Подвергнуты аресту бывший присяжный в Революционном трибунале Кретьен, виновный в агитации в секции Ле Пелтье (по доносу Дюбуа Крансе), Клеманс и Мюскаден. Прежние агенты Комитета общественного спасения, виновные в агитации в секции Монблана, по доносу Клозеля; Рикер, прежний член революционного комитета секции Вильгельма Телля, по доносу Мерлена из Тионвилля и т. д. На следующий день, 11 вандемьера, несколько секций послали депутации к якобинцам, чтобы поддержать их: секции Пик, Лепелтье, Республики, Хороших Пуассоньер, Горы.

по словам члена Конвента Дизеса,¹ напоминал скорее похороны, чем празднество — настолько немногочисленна и индифферентна была публика по пути следования официального кортежа — монтаньяры могли видеть, насколько они потеряли свое влияние со времени псевдоубийства Талльена. В этот день умеренный Трейлар сообщил Конвенту от имени Комитета общественного спасения письмо эмиссаров Марселя, Серра и Огиса. Они рассказывали, что они издали приказ об аресте некоего Рейнье, который агитировал в демократическом обществе и готовил новое второе сентября; этот Рейнье был освобожден на некотором расстоянии от Марселя группой вооруженных людей человек в 100. Чтобы заставить уважать свои приказы, они вызвали войска из Тулона, произвели обыск в бумагах клуба и приказали очистить его. Тотчас же, без следствия и по предложению Трейлара упомянутый Рейнье был объявлен вне закона. Это дало повод Мерлену из Тионвилля разразиться новой филиппикой против парижских якобинцев, которые, очевидно, являлись сообщниками марсельских якобинцев, и потребовать запечатания их бумаг. В ожидании роспуска их клуба было приступлено к его очистке, как это сделали Огис и Серр по отношению к марсельскому клубу. Не обращая внимания на Басселя, который робко пытался выиграть время, Тюрио воспротивился всякому следствию и всякой отсрочке.

«Неужели вы хотите предоставить Марсель, — говорил он, — власти этих низких людей, которые так хорошо служат коалиционным государствам».

Одним словом Тюрио отождествлял марсельских якобинцев с агентами неприятеля.²

Волнения в Марселе принесли снисходительным почти такую же молдау, как покушение на убийство Талльена. 1 вандемьера один из их самых ожесточенных против якобинцев вождей, Андре Дюмон, брат которого был арестован при терроре, был избран поименным голосованием 160 голосами из 230 председателем Конвента. Незначительное число голосовавших указывает уже на опустошения, произведенные страхом среди членов Конвента. Они не соглашались

¹ В его письме 20 вандемьера Lettres de Dyzès, publiées par MM. C. Vergnion et R. Larquier dans la Revue de France de novembre et décembre 1926.

² Серр и Огис распорядились арестовать человек двадцать вождаков демократического общества. Председатель общества, Карлье, в отчаянии бросился с 4-го этажа и убили (см. письмо эмиссара от 5 вандемьера в Сборнике Олара, XVII). В своем письме следующего дня эмиссары живо рассказывают о своих препирательствах с жандармами. Видно, что их озлобление против марсельских республиканцев было вызвано возгласами: «Да здравствует Гора! да здравствуют якобинцы!», которыми было встречено их первое посещение клуба. Они превратили в мятеж препирательства 5 вандемьера, составили военную комиссию, чтобы судить виновных, и комиссия тотчас же приговорила пятерых к смертной казни (см. письмо эмиссара 8 вандемьера). Отметим еще позицию Жанбона де Сент-Андре, находившегося тогда в командировке в Тулоне. Он не только одобрил Серра и Огиса, не только без возражений послал требуемые ими войска, но еще донос на генерала Дюмербиона Комитету общественного спасения, как на своего члена у членов клуба, и определенно советовал комитету закрыть парижский клуб якобинцев, как «источник зла» (см. его письмо от 12 вандемьера в упомянутом сборнике). Старый член комитета II г. сильно изменился с тех пор, как он стал другом таких неистовых эбертистов, как Проли и Дефие. Он дружит с реакционерами, очевидно, чтобы заставить забыть фамилию, которую унаследовал Робеспьеру.

еще голосовать за какого-нибудь Андре Дюмона, получившего тогда голоса реакционной фаланги, о которой говорил Ровер в своих письмах к Гупильо де Монтегю. Но они воздерживались, и этого было достаточно, чтобы дать возможность управлять Роверам и Дюмонам. 15 вандемьера эти господа одержали, впрочем, более серьезную победу на выборах для частичного обновления комитетов. Если им удалось помешать Карно и Приэру из Кот д'Ор войти в Комитет общественного спасения, зато они присоединили к ним Роберта Ленде, который в это время еще мог сойти за их союзника, но в особенности они завладели Комитетом общей безопасности, куда они ввели четырех своих людей: Лапорта, Реубейля, Бентабола и Ревершона в числе трех своих противников Бернарда де Сент, Дюбаррана, Амара, так что теперь они имели бесспорное большинство в комитете.¹ Это был огромный успех, который Ровер приписывал себе. (Письмо от 17 вандемьера к Гупильо де Монтегю.) Комитет общей безопасности, писавший своему корреспонденту, представляет «центральный пункт правительства внутри страны» (письмо от 10 вандемьера), мнение, которое надо запомнить. Удивляет уже не Комитет общественного спасения, а полиция. Надежда Ровера не была обманута. Новый Комитет общественной безопасности начал из всех сил наносить удар вождям якобинцев, которые еще оставались в парижских секциях живых. Прежние агенты Комитета общественного спасения Клеман и Маршан, прежний присяжный в Революционном трибунале, Кретье, старый член революционного комитета секции Вильгельма Телла, Рикейр, были уже арестованы по декрету Конвента 12 вандемьера за то, что они осмелились критиковать адрес Ленде. Другие, менее известные, последовали за ними в тюрьму. В своем письме 21 вандемьера к Гупильо Ровер выражал удовлетворение по поводу того, что дела в Комитете общей безопасности «идут хорошо». Он говорил, что только что арестовал 40 или 50 негодяев, замышлявших движение накануне, в день праздника Жан-Жака Руссо, останки которого были перенесены из Эмиля, т. е. из Монморанси в Пантеон.

Уже с середины вандемьера монтаньяры решительно потеряли влияние в парижских секциях. Арестов главных вожаков по приказу Комитета общественного спасения было достаточно, чтобы сильно уменьшить в них большинство.² Но понятно, Комитет общей безопасности

¹ Членами Комитета общей безопасности к 15 вандемьера были: Бентабол, Реубейль, Лапорт, Ревершон, Коломбель, Меоль, Клозель, Матье, Монмелле, Лезаж-Сено, Бурдон де л'Уаз, Гоффруа, Лежандр (из Парижа), Гупильо (Фонтена), Мерлен из Тионвилля, Андре Дюмон. Курсивом напечатаны имена реакционеров (9 из 16).

² Я извлек из Национальных архивов F 7 2509 один из редких сохранившихся списков протоколов общих собраний парижских секций, список секции Фонтен де Гренелль. Именно 20 вандемьера III г. монтаньяры потеряли там большинство. До тех пор они отказали в свидетельстве о политической благонадежности (certificat de civisme) заместителю депутата Жану Руссо, который был объявлен недостойным заседать в Конвенте как федералист (заседание 25 и 30 фруктидора); они добились голосования, враждебного петиции Музея об избрании должностных лиц (10 фруктидора), благоприятного голосования по поводу женской петиции подозрительных (10 фруктидора), враждебного голосования по поводу петиции избирательного клуба, аналогичный с петицией Музея (20 фруктидора). Но после 20 вандемьера ветер подул в другую сторону. Начинают ин-

уже издавал еще больше приказов об освобождении, чем об арестах. 16 вандемьера число заключенных в тюрьме упало до 4 678 (23 термидора их было 7 293, разница на 3 615). Ровер сообщал своему корреспонденту 28 вандемьера, что он освободил от 3 до 400 заключенных всяких возрастов и обоего пола. Из Парижа движение перекинулось в провинцию. Это то время, когда эмисары Конвента вынесли наибольшее число приговоров об освобождении и обновили все власти, чтобы посадить на их места освобожденных заключенных, заменивших тех, которые засадили их в тюрьму.¹

Если новые снисходительные могли так быстро произвести такую большую перемену в политическом положении, если они могли в течение одного месяца вытеснить монтаньяров из всех важных для правительства мест и из администрации, то причина этого лежала не только в том, что возмущение, которое вызвало в Конвенте покушение на убийство Талльена и затем известие о волнениях в Марселе, облегчило им задачу; причина этого заключалась также в том, что разоблачение жестокостей, совершенных в Нанте Карье, дало им возможность окончательно завладеть общественным мнением и опираться на него в их реакционной политике, которую можно резюмировать в двух словах: милосердие и амнистия для всех тех, которые еще накануне боролись против режима и которых карали революционные законы и строгость и репрессии и по отношению ко всем тем, кто применял эти законы, думая этим защищать республику. Террор не исчезает, он переходит только в другой лагерь.

Первый большой процесс, разбивавшийся реорганизованным 23 термидора Революционным трибуналом под председательством Добсона, креатуры Тюрио, был процесс нантских федералистов, которые были арестованы и препровождены в Париж во время пребывания там эмисаром Карье. Первоначально их было 132 человека, но многие из них погибли в тюрьме, где они провели долгие месяцы без суда (с 16 нивоза, 5 января 1794 г.). Когда они, наконец, предстали перед трибуналом 22 фруктидора, их оставалось уже только 94. Главный обвиняемый Фелиппс, по прозвищу Тронжоли, прежний председатель уголовного суда Нижней Луары, признал, что он вместе с другими обвиняемыми принимал участие в федералистском движении, но они все были введены в заблуждение. Они затем присоединились к Горе и не переставали, даже во время своего заблуждения, бороться с вандейцами. Но Фелиппс не ограничился этим содействием защит-

ваться Бонкарьером, прежним агентом Дюмуре, прежним придворным шпионом, которого собираются освободить. Берут обратно одобрение, высказанное дижонской петиции (30 вандемьера). 30 брюмера Конвент поздравил с завоитием клуба якобинцев. Лидер монтаньяров Рессон, прежний член продовольственной комиссии II г., был заключен в тюрьму Комитетом общей безопасности. 10 фрумера Руссо получает свое свидетельство о политической благонадежности. Из протоколов с очевидностью следует, что до обновления Комитета общей безопасности 15 вандемьера, монтаньяры, группировавшиеся вокруг Рессона, господствовали в секции, что после этого до закрытия клуба якобинцев (21 брюмера) шла борьба и что борьба кончилась, после ареста Рессона, торжеством реакционных элементов.

¹ См. по поводу посылки эмиссара Гупильо де Монтегю в Воклюз статью M. P. Vailland в «Annales historiques de la Révolution française» за март — апрель

он стал нападать на членов нантского революционного комитета, которые совершили массу преступлений. Эти члены революционного комитета были уже подвергнуты аресту 5 термидора за растраты и поданы суду Революционного трибунала эмиссаром Бо,¹ — другом Робеспьера. Они были выслушаны как свидетели обвинения в нантском процессе. Обвиненные Фелиппом, разоблачавшим массовые потопления, в которых они принимали участие, они их не отрицали, они конце концов признали их, напр. Гранмезон. Но один из них, Гуа, ссылается на приказания, которое он получал от эмиссара Карье. Карье, выслушанный в качестве свидетеля, заявил, что в бытность свою эмиссаром он занимался только продовольствием и очень мало делами полиции, что аресты обвиняемых были ему неизвестны. Даже выразился с похвалой о некоторых из них, о Сотене, будущем министре Директории, о Вильнаве, знаменитом адвокате, который впоследствии был защитником Шарета во время его суда. Карье, без сомнения, надеялся этой тактикой обесоружить своих обвинителей. Но это ему не удалось. Фелипп утверждал, что Карье знает все, что ничего не делалось без его приказа. Нантцы были оправданы процессов, продолжавшихся целую неделю; оправдание сопровождалось трогательными сценами.

Это драматическое дело было большой удачей для Талльена, Брарона и всей их шайки. Именно Карье наиболее жестоко нападал на клубе якобинцев и в Конвенте, именно он добился их исключения из клуба якобинцев. Теперь они мстили ему. Нантский процесс не был еще окончен, когда на следующий день после покушения на Талльена 24 фруктидора Мерлен из Тионвилля, часто являвшийся застреленным, выступил в Конвенте. Он обвинял монтаньяров и Карье в том, что они еще раньше термидора посадили в тюрьму его друга Рюа, который должен был выступить защитником нантцев, чтобы помочь ему добраться до истинных виновников. В то же самое время велась сильная и умелая кампания в печати посредством газет и брошюр, которая волновала и вводила в заблуждение общественное мнение. Мерлен (Meheé), орудие Талльена, который уже дал образчик нападения на эмиссара Робеспьера (*la queue de Robespierre*), выпустил 7 вандемьера памфлет:² *Потопление или Карье в Революционном городе*. Гракх Бабеф, который вышел из тюрьмы благодаря термидорианцам и вел в то время параллельную с ними кампанию против революционного правительства и против террора, превзошел еще Мерлена. В брошюре, озаглавленной *Du système de dépopulation ou la vie et les crimes de Carrier* (О системе уничтожения населения или жизнь и преступления Карье),³ он делает сенсационное открытие, что, так как

¹ См. о его приговоре *Buchez et Roux, l'Histoire parlementaire, t. XXXI, p. 137.*

Письма, которые Бо писал из Нанта Комитету общественного спасения, чтобы предупредить его против интриг Фуше еще до термидора, показывают, что он был искренним робеспьеристом.

² См. доклад полиции за этот день в сборнике *Олара, Paris sous la Révolution thermidorienne, t. I.*

³ *Bibliothèque nationale, Lb 41 1527.* Так как Бабеф цитирует в своей брошюре *Les Causes secrètes* (Тайные причины) Вилатта, то его брошюра не могла появиться раньше 13 брюмера. В цитированном уже сборнике Олара указывается, что он

Робеспьера и его правительства было обеспечить каждому французскому средству прокормить себя и свое семейство, они не видели другого средства достижения этой цели, кроме уменьшения населения посредством гильотины, картечи и потоплений.

Карье являлся, таким образом, только орудием в руках прежнего правительства, которому приписывался целый систематический план истребления. Мере, Бабеф, целая масса пасквилянтов и журналистов¹ опять возвращались к доносу Лекуантра, придавая ему на этот раз определенное основание, ужасное основание, потопления, произведенные Карье. Тактика эта состояла в том, чтобы указать на солидарность с Карье всего революционного личного состава целиком, в возмущении такого отвращения к ним, чтобы легче было закрыть их клуб. Газета «*le Messenger du soir*» была права, когда писала в своем номере 2-го дня санкюлотиды, что процесс нантских федералистов ужасно повредил якобинцам в общественном мнении.

По поводу процесса Карье 8 вандемьера опять вспоминали всю историю репрессий на Западе. Гнусности адских колонн разоблачены были Ленжелотом, который теперь ведет кампанию вместе с Талльеном. Опять поднимается вопрос об ответственности прежнего комитета. Карно пытается свалить ее на одного только Робеспьера. Билло-Варенн трусливо покидает своих подчиненных, например, генерала Турро, который арестован по его предложению.

В драматическом заседании 12 вандемьера новые снисходительные опять начинают атаку против лидеров прежнего правительства по поводу ареста члена революционного комитета секции Бонне Руа, которые подделывали их списки.² Мерлену из Тионвилля удалось сперва добиться учреждения следственной комиссии для расследования поведения тех, которые донесли на Лекуантра. Но Барер, Билло, Колло указывали на солидарность правительства и требовали, чтобы Карно и Приэр из Кот д'Ор дали объяснения по поводу обвинений, предметом которых они были. После некоторого запирательства они сознались и повредили себе. Они выгораживали своих обвиненных коллег. Конвент взял обратно свое голосование. Следственная комиссия в данный момент³ была отменена.

Карье оставался предметом нападков. 22 вандемьера Мерлен из Тионвилля опять возобновил атаку. Он донес Конвенту на генерал-адъютанта Лефевра (это не муж г-жи Сан-Жен), что он утопил 6-го

именно тогда только что вышла. Бабеф одобрял цель, которую преследовал Робеспьер, находил ее заслуживающей похвалы, но он оспаривал, что земля Франции не может прокормить всех ее жителей, и возмущался гнусным способом произвестись имущественный переворот посредством гильотины.

¹ 29 фруктидора газетчики на улицах выкрикивали: *Разоблаченные якобинцы, тираж был огромный; в следующие дни выкрикивали: Якобинцы, улицы во лжи. Донос на якобинцев и т. д.* 26 вандемьера выкрикивали о брошюре *роландиста Мартенвилля: Якобинцы вне закона.*

² Привлеченные к уголовному суду Парижского департамента, 10 человек из 12 были приговорены к 20 годам каторжных работ после выставления их к позорному столбу. Из двух оставленных один был сыном музыканта Пичинни (см. извлечения из газет за 8 брюмера III г. в сборнике Олара (т. I, p. 281)). Но через три дня, как мы видели, при обновлении комитетов термидорианцев завладели большинством в Комитете общей безопасности.

вантоза предыдущего года в гавани Бургнеф на юге Луары человек сорок вандейцев, среди которых были женщины и дети.¹

Было постановлено, что этот «каннибал» и его сообщники будут арестованы и преданы суду Революционного трибунала.² После этого Андре Дюмон возмущался, что члены нантского революционного комитета, так же виноватые как и Лефевр, еще не подверглись суду.

«Не надо скрывать этого от себя, граждане, если бы высшая власть предписывала всех этих злодеяний, их бы не совершали».

Это значило метить в Карье и его покровителей. Конвент без колебаний постановил, что члены нантского революционного комитета и их сообщники будут немедленно преданы суду.

Декрет был исполнен, и ужасный процесс начался.

Очень многочисленные свидетели обвинения набирались главным образом среди нантских федералистов, оправданных за месяц до этого. Обвиняемые, т. е. члены нантского революционного комитета, взятые в защитники того самого Реаля, друга Дантона, который сперва согласился взять на себя защиту их жертв, нантских федералистов.

Против обвиняемых и против Карье накапливались тяжелые обвинения, чудовищные факты. У членов революционного комитета не оставалось других средств спасения, кроме обвинения Карье. Один из них, Нод, рассказал 28 вандемьера о постановлении, посредством которого Карье учредил знаменитую Компанию Марата, 40 членов которой, — негодаев, по большей части преступников, подвергшихся наказанию, получили право производить обыски как ночью, так и днем, требова вооруженной силы, немедленно производить аресты. 1 брюмера декой обвиняемый, Гуллен, в патетической речи требовал привлечения к делу Карье:

«Пусть человек, который наэлектризовал нас, руководил нашими действиями, деспотически внушал нам наши мнения, направлял наши действия, пусть Карье предстанет пред трибуналом. ... Мы были только пассивными орудиями его приказаний и его ярости. Карье принудил председателя суда производить без суда 40 вандейцев, взятых с оружием в руках. Карье принудил Военную комиссию расстрелять с соблюдением всех законных форм 3 000 бойников, которые отравили город. ... Карье дал Ламберти и Фуке (г. Кар Компании Марата), которые злоупотребляли своей властью, право на жизнь и смерть мятежников, чтобы приносить в жертву даже беременных женщин. Карье велел утопить 144 человека, принесение которых в жертву, говорю, необходимо для спокойствия тюрьмы и города. ... Пусть явится Карье, пусть придет оправдать своих несчастных агентов или пусть у него хватит величия узнать одного себя виновным».

Но Карье был защищен парламентским иммунитетом. Суд, по требованию общественного обвинителя, решил послать во время заседания требование Гулена и обвиняемых в Комитет общей безопасности. С этого момента неизбежное свершилось.

Уж 29 вандемьера Андре Дюмон добился у Конвента издания декрета о том, что правительственные комитеты будут производить следствие о народных представителях, которые обвиняются в каком-либо

¹ См. речь Мерлена и документы, помещенные им в «Moniteur», перепечатанные т. XXII, pp. 226 — 228.

² Лефевр, привлеченный к процессу Карье, был оправдан благодаря вопреку о преднамеренности.

либо преступлении. Мерлен из Дуэ представил свой доклад от имени комитетов уже 2 брюмера. Он вызвал продолжительные горячие дебаты. Гора знала, что в лице Карье, имели собственно в виду ее. Дюгем (Duham) установил принципиально, что не было ни одного такого представителя, на которого не было бы доноса. 6 брюмера он потребовал, чтобы прежде чем отменять парламентский иммунитет, была расследована нравственность доносчиков и чтобы были наказаны клеветники. Сам Тюрио предостерегал против опасности представления представителей произволу мошенников и замаскированных роялистов. Тем не менее, 7 брюмера был принят декрет, устанавливавший процедуру отмены парламентского иммунитета. Впредь всякий донос на представителя должен был отсылаться в три комитета — Общественного спасения, Общей безопасности и Законодательства, которые должны были решить, следует ли или не следует налагать арест и нарушать неприкосновенность Собрания. В случае утвердительного решения Собрание выбирает по жребию специальную комиссию из 21 человека для расследования дела. По докладу этой комиссии Конвент поименным голосованием решает отмену иммунитета. Декрет был применен к Карье уже на следующий день. Комиссия из 21 поручила доклад Ромму. Ромм ограничился разбором документов, и Карье был арестован 21 брюмера. Признанный единогласно виновным 3 фримера,¹ он был присоединен к членам нантского революционного комитета, процесс которых еще продолжался. Попытавшись против всякой очевидности отрицать свою виновность, он кончил признанием своих преступлений. Он просил трибунал оправдать его сообщников, которые были только его орудием. Трибунал приговорил его к смертной казни вместе с двумя его сообщниками, Пинаром и Гранмезоном, и оправдал всех остальных.

Карье умер мужественно.

Термидорианцы горячо протестовали против оправдания его сообщников. Лекуантр от их имени добился 28 фримера декрета, что они опять будут подвергнуты аресту и опять будут преданы уголовному суду их департамента под тем предлогом, что Революционный трибунал мог их оправдать только на основании публичного права, но пункты обвинения с точки зрения общего права остаются в силе.

Так термидорианцы, на словах всегда ратовавшие за справедливость и гуманность, проявляли на деле уважение к решению суда. По этому же самому поводу и в том же заседании они провели декрет о

¹ Исключительно политическая причина этого единодушия указывается в «Journal Universel» Одуена (№ 8 фримера III г.). Аристократия была огорчена этим единодушием по отношению к обвинительному декрету Карье, потому что она рассчитывала посеять раздор, называя остатками группы Карье меньшинство, которое высказалось бы в его пользу, но не было речи о его намерениях, надо было только высказаться относительно существования фактов. Что бы об этом ни говорили, но Карье внушил бы участие к себе, если бы он откровенно все признал и не свалил все на революционный комитет (нантский).

Заслуживает внимания фраза: «не было речи о его намерениях». Следует напомнить, что новый закон о Революционном трибунале (закон 23 термидора II г.) разрешил оправдание по вопросу о намерении. И Одуен надеялся на это оправдание.

кассировании решения Революционного трибунала, повинного в том, что оно не удовлетворило их ярости, и о возобновлении суда.

Прошел уже целый месяц с тех пор, как парижский якобинский клуб был закрыт, притянутый к падению Карье возмущением общественного мнения, умело подогреваемого термидорианской прессой. Этот конец якобинцев, которые играли такую большую и славную роль в революции, представляет нечто весьма печальное. Снисходительные упрекали их в конкуренции с властью Конвента. Вместо того чтобы принять этот упрек, чтобы сослаться на свое право контроля над оказанными услугами, они робко оправдывались. Они приняли принцип, выставленный их противниками, состоявший в том, что Конвент непогрешим и что ошибочно и преступно критиковать его политику, пытаться изменять его декреты. Их противники требовали неограниченной свободы печати и слова и пользовались ею. Они же держались за фикцию революционного правительства, которое предполагало диктатуру Конвента. Они, таким образом, были жертвами своих собственных принципов, которые фрееронисты очень искусно обратили против них же, проводя прямо противоположные принципы. Это произошло потому, что якобинцы слишком долго были связаны с правительством. В течение года они в нем расположились и сжились с ним. Не они толкали события, а, наоборот, события их толкали. Они становились рассадником должностных лиц и служащих. В минуту опасности они уже неспособны были на смелую инициативу, которая одна только могла еще спасти их.

Когда 25 вандемьера один из их среды, Дельмас, который только недавно¹ оставил их, провел от имени трех комитетов декрет, совершенно аналогичный тому, который внесли фельянтинцы в конце Учредительного собрания, запрещавший демократическим обществам объединяться друг с другом и даже собираться, подавать коллективные петиции, они очень слабо на него реагировали. Матадоры Горы молчали, предоставив Лежену, Крассу, Дюбаррану поднять теоретический протест. В тот же вечер в клубе Мор советовал добровольно провозгласить декрет. Сам Лежен дал такой же совет, без сомнения, в надежде обзавестись оружием термидорианцев таким быстрым повиновением. Лежен в крайней мере успокоил свою совесть. Он сожалел, что монтаньяры, которые привыкли к выступлениям, молчали во время дебатов.

«Я говорю это откровенно, граждане, в этих дебатах обнаружилась слабость... Если талантливые люди не хотели нас просвещать, то в чем будет заключаться основа для объединения друзей свободы... Я повторяю, я удивляюсь молчанию, которое хранят в течение двух месяцев те люди, которые еще недавно каждый день выступали на трибуне Конвента и якобинского клуба. Вы говорили о правах народа, Билло и Колло, почему же вы молчите теперь, когда надо их защищать?»

¹ В первую санкюлотиду, Дельмас, который председательствовал в ответной секции Финистер: «Якобинцы всегда были гренадерами революции и моей сильной опорой ее. Тираны Европы с яростью борются против них, угнетают свободу в иступлении клеветуют на них». Затем он ответил секции Бонконсе: «Модерантизм есть прикрытый путь к королевской власти, свобода печати — нечистое оружие, посредством которого хотят ее получить, но святотатство, совершенное заговорщиками требованием уничтожения демократических обществ есть свидетельство о смерти этой несчастливой партии».

Билло объяснил, что он осудил себя на молчание с тех пор как обвинили в желании подавлять Конвент и клуб якобинцев. Колло такой же жалкой форме жаловался на клевету пасквильантов:

«Когда я требовал, чтобы не откладывали празднества Марата, они писали, без сомнения, в этот праздник должна была произойти резня».

Люди, погубившие Робеспьера, теперь боялись. Это значило играть на руку фрееронистам, которые удвоили свои нападки и еще настойчивее требовали закрытия притона разбойников, как они называли клуб тех пор, как они там не принимали участия.

Наконец, якобинцы совершили последнюю ошибку, состоявшую в том, что мнения их разделились в деле Карье. Энергичные среди них, как Дюгем, хотели помешать процессу. Дюгем сообщил 12 брюмера Конвенту о заговоре, составленном против всех тех, которые в Вандее старались спасти общественное дело, следуя декретам:

«Если нужно, чтобы мы погибли, пусть нападают на нас всех, пусть учинят над революцией... Конвент не дал Фреерону определенной миссии требовать правды, а только новую голову...»

Но за Дюгемом не последовала вся его партия. Когда на следующий день Крассу опять пытался поднять вопрос в клубе якобинцев, когда он показал, что процесс нантского революционного комитета это тот рычаг, которым снисходительные поддерживают свою кампанию против монтаньяров, когда Барер напомнил, что те, которые нападают на Карье, это те, которые льстили ему, которые подражали ему и которые стали его врагами только после того как они были изгнаны из клуба, когда Билло-Варенн, очнувшись, наконец, от своего оцепенения, понял немного поздно, что после Карье скоро наступит его черед, и воскликнул:

«Славный лев еще не умер, и при своем пробуждении он уничтожит всех своих врагов», —

и достиг лишь того, что внушил страх и дал новое оружие новым снисходительным. Завсегдатаи клуба оставили его, и на следующем заседании, 15 брюмера, трибуна в течение нескольких минут была пуста, как говорит протокол. Определенно лев уже умер, и невозможно было его разбудить.

Неосторожный и поздний призыв Билло-Варенна был подхвачен термидорианцами, которые упрекали его в том, что он хотел поднять народное движение, чтобы спасти Карье. Он просто бросил Карье.

Бентабол, Талльен, Бурдон де ла Уаз, Лежандр, Гупильо де Фонтене, Клозель — один за другим объявили войну якобинцам:

«Заставьте трепетать бунтовщиков и заговорщиков, — говорил Бентабол. — Скажите, что побежденные державы ждут только момента, чтобы просить у вас мира; но разве вы думаете, что они когда-нибудь захотят вести мирные переговоры с Конвентом, когда они увидят в нем партию, которая ведет народ к возмущению, которая хочет все испровергнуть, партию, которая хочет задушить свободу, которые выступают против нее?»

Ловкий маневр, чтобы заставить народ, уставший от войны, повеселиться, это закрытие клуба якобинцев доставит ему мир.

Через несколько дней, 19 брюмера, в виду распространившегося слуха, что в этот именно день будет сделан доклад об обвине-

нии Карье, огромная толпа собралась у Конвента. Мюскадены, гровавшиеся вокруг авантюриста Сент-Гюрюж (Saint-Huruge), ув за собой толпу в залу монастыря, где заседали якобинцы. Жен участвовавших в заседании, избивали плетью, выбивали стекла с ками «да здравствует Конвент!» Такие же сцены насилия повтылись через два дня. Клуб якобинцев опять был осажден и подверг насилиям. На этот раз правительственные комитеты, которые не няли никаких серьезных мер для защиты членов клуба, пре декрет о закрытии залы на улице Сент-Оноре и о временном пре щении заседаний клуба. Декрет относился только к Главному о ству (La Société Mère). Термидорианцы пощадил клубы секции клубы департаментов, без сомнения, потому, что большая часть из в которых была произведена чистка эмиссарами, командированные туда, перешла на сторону термидорианцев (22 брюмера).

Один депутат Равнины, искренний республиканец, Дизес, образом толковал на следующий день событие в дружеском пис «Аристократы не могут сдержать своей радости. Я осмеливаюсь пр являю, что она будет непродолжительная. В противном случае и общ ственное дело подвергается величайшей опасности» (письмо от 23 брюмера).

Если Дизес был плохим пророком, потому что он принимал желания за действительность, если закрытие клуба парижск бинцев было окончательным, то несомненно в скором времени публика должна была очутиться в опасности. Но опасность заклю лась не только в закрытии клуба якобинцев, который так долго жил очагом революции, опасность имела другую причину и гораздо более серьезную. Процесс Карье, который начался в этот именно момент, когда исчезли якобинцы, отождествляя в умах масс на долгие револуционное правительство с кровавыми эксцессами, с позорн ужасными сценами. Все якобинцы без различия были похожи на Ка в глазах народа, потому что народ отличается односторонностью ким образом в нашей истории встает красный призрак, одно напо нание о котором столько раз останавливало движение прогресса.

Люди, одаренные философским умом, поняли, может быть, реакция не была только делом Талльена, Фрерона, Ровера, Мер из Тионвилля, Бентабола, поддержанных золотой молодежью, но в делом без различия всех тех, которые принимали участие в 9 термидоре. Робеспьер хотел наказать людей, подобных Карье. Он м представить их наказание нелицеприятным и неумолимым долгом волюционной справедливости, равной для всех. чтобы примирит ственное мнение с режимом. И потому он пал. Если бы Карье по требованию монтаньяров, то его преступления были бы безоб отношением к республике. Но когда Карье судили по требов золотой молодежи и когда его защищали более или менее открыто кто еще оставался от монтаньяров, то Карье стал символом. Он чал из демократии голову Медузы. Совершенно верно, что полит ские ошибки, как и моральные, носят в себе свое собственное на кание. Все имеет свое воздаяние и существует имманентная справе вость, как говорил Гамбетта.

ГЛАВА IV.

БАБЕФ, ТАЛЛЬЕН, ФРЕРОН И ЕГО „МОЛОДЕЖЬ“.

Когда якобинский клуб был закрыт при помощи дубинок мо лодежи Фрерона, то казалось, что нет уже больше такой силы, которая могла бы нанести удар Конвенту. Он назначал непосредственно или через свои комитеты все власти республики. Как единое целое он пр являл неограниченную диктатуру. Парижская Коммуна, все почти члены которой погибли на гильотине вместе с Робеспьером, больше не существовала. Собрание могло бы вновь составить ее по своему усмо рению, назначив туда свои креатуры. Но оно предпочло просто уни тожить ее, поставив Париж вне общего права. Термидорианец Кло асель издал 29 термидора декрет о том, что свидетельства о политиче ской благонадежности (certificats de civisme) и удостоверения лично сти по месту жительства, выдававшиеся до тех пор комитетами секций, впредь в виду отсутствия Коммуны будут выдаваться администра цией департамента. Но так как эта администрация департаментов, хотя и состоявшая из чиновников, могла проявить отсутствие дисци плины, то эмиссар Госсюен, от имени Военного комитета, провел 14 вандемьера постановление, что она не будет больше иметь права рас поряжаться жандармерией без письменного разрешения этого коми тета. Как мы уже видели, главный штаб Национальной гвардии был непосредственно присоединен к комитету Конвента, и посредством остроумной смены лиц его состав изменялся каждые пять дней.

Бедные теперь не участвовали в общих собраниях секций, происхо дивших теперь только один раз в декаду, вследствие отмены платы в 40 су, которую они получали прежде в виде жетонов об участии.

Теперь нечего было бояться, хотя бы уже потому, что им трудно было столкнуться относительно какого-нибудь общего решения. Число революционных комитетов было сокращено с 48 до 12, по одному на округ. Они ничего не делали, не доложив об этом предва рительно Комитету общей безопасности. И Камбон, который всегда относился с недоверием к Парижу, провел 28 вандемьера решение, что эти 12 революционных окружных комитетов будут обновляться каждые три месяца, точно бы все еще опасались их независимости. Таким образом термидорианский Конвент непосредственно управлял столицей, не оставив ей даже и следа какой-нибудь автономии. 14 фруктидора, в тот самый день, когда произошел взрыв порохового по гроба в Гренелле — уж не совпадение ли это, — Мерлен из Дуэ созда для замены Коммуны две комиссии из должностных лиц, одну, име

нуемую Комиссией административной полиции,¹ и другую, именуемую Комиссией контрибуций. Обе были подчинены непосредственно комитетам Конвента. Когда якобинский клуб был закрыт, Луи с Николасом Рейна провел 25 брюмера декрет о том, что отряды канониров парижских секций, демократического духа которых имели основания считать себя предоставлены в распоряжение Комитета общественного спасения, который будет иметь возможность посылать их в армии, был остроумный способ удаления их при малейших волнениях.

Но несмотря на все эти предосторожности термидорианцы чувствовали себя спокойно. 10 вантоза один из них, Ромер, заявил, Комитет общей безопасности принужден был учредить тайную районную полицию в дополнение к официальной полиции,

«потому что агенты последней всегда говорят (в своих докладах) только о роялизме, но ничего не говорят о проектах разбойников и переверстов».³

Это признание следует отметить, оно показывает на ту действительность, которую прикрывало всемогущество Конвента на бумаге.

Избавившись от так называемой тирании якобинцев, он подвергся под более реальную тиранию победителей якобинцев, тех, которые крыли клуб, бросая в него камни и действуя дубинками, я хочу сказать тех, которые составляли молодежь Фрерона, известную тогда под названием «золотой молодежи».

Крестным отцом сына Фрерона из «Année littéraire», против Вольтера и философов, был бывший польский король Станислав, бывший впоследствии герцогом Лотарингским. Старый режим осыпал дарами и милостями. Это, однако, не мешало ему перейти в ряды революционеров, стать одним из корифеев дистрикта кордельеров вместе с Маратом, Дантоном и Фабр д'Эглантинем. После бегства в Варенн он требовал в своей газете «l'Orateur du peuple», чтобы Людовик ХVIII сложил свою голову на плаху и чтобы для Марии-Антуанетты была установлена казнь Брунегильды, т. е. чтобы ее привязали к хвосту лошади и тащили по улицам Парижа. Во время его проконсульства в Тулоне и Марселе при терроре он прославился убийствами и грабежами. Он расстрелял без суда сотни тулонцев, взятых в плен, он должен был казнить в Марселе. Возмущенный Робеспьер велел отозвать его, а также его сообщника Барраса и отказался принять их, когда они вернулись, хотя Фрерон учился вместе с ним в старом коллеже в Гран. Когда Камбону и Рамелю, членам Комитета финансов предложено было проверить их счета по командировкам, они «нашли, что присвоили себе сумму в 800 тыс. ливров», и потребовали возвращения этой суммы. Но Фрерон и Баррас представили мнимый протокол

¹ Эта комиссия, заменившая бюро администрации полиции в прежнем муниципалитете и состоявшая вся из муниципальных чиновников, является предшественницей Центрального бюро из трех членов, которое функционировало при Директории и прекратило свое существование только при Консульстве, когда во главе полиции был прежний лейтенант полиции, называвшийся с тех пор префектом полиции.

² «Moniteur», т. XXIII, р. 579.

³ Muscadins был в 1793 г. прозвище французских роялистов, старавшихся обособиться от санкюлотов изысканностью костюма и употреблявших по тогдашней моде духи мускус, откуда и название muscadins.

Примеч. пер.

Мора, который удостоверял, что по дороге их повозка упала в колодезь и что портфель с ассигнатами был потерян. Камбон доложил об этом Комитету общественного спасения, который потребовал представления счетов. Эмиссары потребовали отсрочки для составления оправдательных документов, но 9 термидора освободило их от всяких обязательств.¹

Таков был тот человек, который еще более, чем Талльен, организовал оппозицию против якобинцев и с торжеством оспаривал у них парижскую улицу.

Вначале, т. е. в фруктидоре, когда Талльен и Фрерон были исключены из клуба, они, чтобы бороться против своих противников, все же искали содействия. Их первыми сторонниками были не только мяскаденцы, т. е. молодые буржуа, освободившиеся от военной службы или получившие отсрочки или отпуска, но также эбертисты, старые кордельеры, личные друзья прежнего Фрерона, Фрерона почитателя Марата, называвшего себя его доверенным лицом.

Когда Фрерон опять стал выпускать свой «Orateur du peuple» на следующий день после своего исключения из клуба якобинцев, 25 фруктидора, он поместил во главе своего первого номера лирическое обращение к Марату:

«О, Марат, ты, который так часто называл меня своим любимым учеником, своим избранным преемником, ты, смелые листки которого я так часто редактировал, когда ты изнемогал под тяжестью твоих трудов, о, бессмертная тень, дай мне твою сильную поддержку и зажги меня твоим огнем. Помоги мне спасти отечество, раздавить роялизм, модерантизм и аристократию, принимать новые формы, просветить народ и наэлектризовать его для защиты и сохранения своих прав, разбить эту новую партию, надежду и орудие иностранных государств, которая хочет надеть на народ цепи рабства и распустить Национальный Конвент, ибо, если не остыл еще прах тирана — его система террора и угнетения еще более чем когда-либо проявляется; она жаждет завладеть его наследством...»

Мы видим здесь демагогическую тактику этого человека. Он приписывает к себе всех тех, кто страдал от террора, всех тех, кто пострадал от законов подозрительных, всех тех, которые вышли из тюрем и должны будут вернуться туда, если преемники Робеспьера опять возьмут власть. Он вел ожесточенную, часто недобросовестную борьбу против членов прежних комитетов, которые требовали у него отчетов, против Барера, против Билло-Варенна и против их сторонников из клуба якобинцев. Вот образец этой борьбы: депутат Ионны, Мор, молодой революционер, немного наивный, но очень честный человек благодарил жителей По за присылку сала и ветчины парижанам, которые тогда голодали. Он говорил им:

«Этим салом смажут доску, и дело пойдет».

Фрерон истолковал это в своей газете:

«Это послужит нам зимой для смазывания доски гильотины».²

Он настолько циничен, что воспоминание о его кровавых подвигах

Kuscinski, Dictionnaire des Conventionnels, article Fréron.

№ 11 «Orateur du peuple» и протест Мора в клубе якобинцев, заседание вандемьера III г.

дидье, он составлял акты о продаже национальных имуществ. В просьбе председателя дистрикта Девиллера он согласился проверить акт продажи, в которой этот Девиллер был заинтересован. Его друзья донесли на него в суд и обвинили его в подделке. Сюда приносили политические расчеты, и уголовный суд Амьена заочно приговорил Бабефа к 20 годам каторжных работ (23 августа 1793 г.), оправдав его так называемого соблазнителя, председателя дистрикта Девиллера, по просьбе которого Бабеф действовал. Он бежал в Париж, эбертист Сильвен Марешаль нашел ему маленькую должность в Коммуне. Но он вскоре был открыт. Он провел несколько месяцев в тюрьме, сперва в Аббатстве, а потом в Сент Пелажи. Но у него были друзья среди членов Горы. По докладу Мерлена из Дуэ, одобренного декретом от 24 флореаля II г., его дело было передано в кассационный суд, который отменил его осуждение «по некомпетентности и превышению власти». По постановлению 21 прерияля II г. дело было передано в уголовный суд в Эне, где он был освобожден под залог 30 мессидора.

Он вернулся в Париж после 9 термидора, озлобленный против террора, который напоминал ему его заключение и его страдания. Имея на своем попечении жену и троих детей, он впал в ужасную нищету. Он сам сознается в этом.² Но нужда не помешала ему основать газету «*Journal de la liberté de la presse*», первый номер которого замечательное дело, вышел 17 фруктидора, т. е. именно в день исключения Фрерона и Талльена из клуба якобинцев.

Если мы примем во внимание, что в первом номере в вилле графа была помещена фраза из речи Фрерона 9 фруктидора:

«Свобода печати не существует, если она не будет неограниченной

если к этому прибавить, что газета Бабефа печаталась у депутата Гюффруа, владевшего типографией на улице Оноре № 35, во дворе бывших капуцинов, и что этот Гюффруа, принадлежавший к клубу Дантона, был одним из главарей заговора против Робеспьера, можно догадаться, откуда шли деньги, давшие возможность Бабефу основать газету. Он, впрочем, получал, вероятно, очень ничтожные авансы. Он косвенным образом сознался в том в письме, которое написал в Избирательный клуб и было прочитано в заседании 23 вандемьера:

«Я жертвовал своим местом³ и я отдавался целиком только защите народа. Моя жена и мой девятилетний сын, оба такие же республиканцы и же преданные, как их отец и муж, взялись помогать мне всеми средствами приносят те же самые жертвы. Они заняты день и ночь у Гюффруа, моего рафа, складываньем, раздачей, экспедицией газеты. Дом мой покинут младших детей, из которых одному всего три года, остаются целый день

наго собрания, послав ему эту улику. Комитет донесений одобрил и нич

Между тем 15 марта 1790 г Бабеф выпустил резкий плакат против го. По этой причине на него был сделан донос как на мятежника.

¹ См. страницы посвященные Бабефу Габриелем Девиллем в «*l'Ami du socie*», *Мореса*, *Directoire*, pp. 10 — 38. См. также *Domtingel*, «*Babeu*» № 27 «*Tribun du peuple*».

² Я не знаю, о каком месте идет речь. Вернувшись ли ему то место, которое занимал перед арестом в Продовольственном бюро города Парижа?

в течение месяца... Мы не готовим дома пищи. Все время, пока существует газета, мы живем только хлебом, виноградом, орехами.¹ Видно, эта правдивая картина домашней обстановки журналиста доказывает, что если термидорианцы и давали деньги Бабефу, то они были очень маленькие суммы.

Известно, что Бабеф примкнул к Коммуне с самого начала Учредительного собрания. Альфред Эспинас напечатал в своей «*Philosophie sociale au XVIII siècle*» (Социальная философия в XVIII столетии) письмо Бабефа к его другу, депутату Купе из Уазы, которое не оставляет никаких сомнений на этот счет.² Помогая Фрерону

и Талльену в их борьбе против террора и террористов он и не думал отступить от этого. Даже когда он в своей брошюре против Карье различает так называемую систему обезлюдения, приписываемую Робеспьеру, он заявляет, что он одобряет социальные намерения, которые преследует последний.³ Он подписывает первый номер своей

газеты «*Journal de la liberté de la presse*» своим новым именем Гракх и объявляет немного позже, что если он отказался от имени Камилла

которое он выбрал в начале революции, чтобы заменить свои имена Талльен, Туссен, Никез, данные ему при крещении, то это потому, что он считался более строгим». Он лучше узнал своего первого патрона, римского диктатора Камилла, и он отказался от него:

«Я не любил храма на площади Согласия, который был построен Камиллом, и для него это только памятник, освящающий сделку, в которой последний, преданный и преданный защитник сенаторской и патрицианской касты и мнимый защитник плебеев, вырабатывал соглашение между обеими партиями, которое без него могло бы быть гораздо более выгодным для народа»

Наивный Бабеф! Он не видел, что, поддаваясь влиянию какого-нибудь Фрерона, он шел не за Гракхом, но за другим Камиллом, мнимым и коварным защитником народа». Но пока он не заметил этого заблуждения, он, подобно Варле, с удвоенной силой нападает на монтаньяров именно в тот момент, когда они через Фейо и Барера принимают социальную программу Сен-Жюста и Робеспьера, протестуют против исключения Фрерона и Талльена из клуба якобинцев, заявляет, что готов принять обоих исключенных в свой батальон защитников печати (№ 4); он возмущается покушением на убийство Талльена, он приветствует Мерлена из Тиочвилля за его обвинение в измене и предательства крови и говорит:

«Нужны принципы, не надо террора, нужны революционные законы, но не революционного правительства, не надо децемвиров» (№ 5)

Так же не защищать ему Фрерона, который стал эгидой Марата. Он, Бабеф, посещает дом сестры Друга города, где он находится во время преследований. Он называет Фрерона своим соратником, он громогласно заявляет о союзе с ним (№ 12), и он в самом деле с одинаковой энергией преследует всех тех, которые управляют в вандемьера: Барера, Билло, Колло. Не удивительно, что якобинцы

Tribun du peuple № 27.

Philosophie sociale au XVIII siècle et la Révolution, p. 410. Письмо Бабефа к Фрерону 10 сентября 1791 г.

Tribun du peuple № 27.

тогда презирали его так же, как Фрерона, и преследовали палачи его разносчиков, подобно тем, которые выкрикивают: «l'Orateur peuple» (№ 12). Почему бы они стали делать различие? Бабеф одобряет ужасного «марсельского восстания», он предлагает Конвенту наказать якобинцев, которые, по его мнению, его организуют и которые замышляют убить его (Конвент) целиком (№ 15).¹ Он вторяет, что якобинцы не так страшны, как может казаться:

«Я утверждаю, что уж недалеко то время, когда будет считаться оскорблением сказать кому-нибудь: ты якобинец» (№ 16)

Он кичится именем Атиллы робеспьеристов (№ 17). Он возмущен тем, что ни парижские секции, ни демократические общества проявили никакого интереса к покушению на убийство Талльена, послали к нему ни одной из тех депутатий, которых они такое большое количество послали к Колло д'Эрбуа в прерияле (№ 21).

Но Бабеф вскоре заметил, что его друзья и сторонники из Избирательного клуба расходятся с ним, что они правее его. Изгнанные залы архиепископства,² они воспользовались гостеприимством секции Музея, где жил их председатель эбертист Легре. 10 вандемьера они представили петицию Конвенту, которая очень беспокоила Бабефа, так как они там подробно указывают на злоупотребления правом реквизиции и требуют отмены закона о скупках,

«который убил промышленность, начиная с земледельца до самого богатого купца».

и отмены максимума, которая повлечет за собой восстановление свободы торговли.³ Такая петиция должна была обрадовать Талльена

¹ Заглавие этого № 15 газеты «Journal de la liberté de la presse», помещенной 3 вандемьера III г., таково: *Неоспоримые доказательства организации диверсий и ужасного марсельского восстания и проект лидеров об убийстве вселенной Конвента.*

² По предложению Роже Дюкоса, который следующим образом выразился в заседании 22 фруктидора: «Избирательный клуб ведет свои заседания в одной из зал бывшего архиепископства, которое Конвент специальным декретом хранил для Большой богадельни человечества; я требую, чтобы это здание было целиком употреблено для той цели, для которой оно предназначено, и чтобы этот клуб не мог больше устраивать здесь своих заседаний».

Постановлено без дебатов («Moniteur»). В своем № 22 (10 вандемьера III г.) Бабеф рассказывает, что 8 вандемьера один архитектор в сопровождении 200 рабочих начал уничтожать скамейки, расставленные в зале архиепископства. Геростраты (sic) работали без перерыва до половины третьего следующей ночи. Это не уничтожение, говорит Бабеф, это разрушение... «Рвут, вырывают догие ковры и все, так симметрично расставленные скамейки этого прежнего помещения Учредительного собрания... великолепная печь совершенно разрушена. Ответственными за это разрушение он считает Амара, Бурдона из Палестрины (sic) и Моисея Бейля.

³ Текст этой петиции можно найти в отчете о заседании Конвента в «Moniteur», или в № 22 «Journal» Бабефа. Она подписана председателем Легре Алларом, секретарем. По Бабефу, № 23, петиция была принята в заседании при открытом небом, которое клуб устроил близ своего бывшего помещения Пю дьо Тампль де ла Резон, т. е. пред Нотр Дам, 10 вандемьера, прежде чем она была отнесена в Конвент. Впереди кортежа несли доску, на которой изложены

Фрерона. Она опечалила Бабефа, который был сторонником своего друга только в области политики:

«Мы вполне одобряем, — писал он, — только ту часть адреса, которая относится к декларации всех прав суверенитета. Вопрос о торговле еще должен быть изучен. Можно многое сказать о скупках, и у нас долгое время нужны будут законы против жадности».

Странное дело, в следующем номере Бабеф после этого инцидента изменяет название и эпиграф своей газеты. С 23 номера, напечатанного 14 вандемьера, газета называется:

Le Tribun du peuple ou le Défenseur des droits de l'homme, en continuité du journal de la liberté de la presse

(«Народный трибунал или защитник прав человека, продолжение газеты о свободе печати»), а эпиграф гласит:

«Цель общества состоит в общем счастье».

Меняется также и ориентация. Теперь он обращает внимание своих читателей преимущественно на бедствия голода, на неуспех социальной деятельности революции. Приближается час разрыва с Фрероном и Талльеном.

Бабеф наивно верил, что его «соратник» Фрерон хотел, подобно ему, полного уничтожения революционного правительства, восстановления выборов, конца олигархической (это выражение Бабефа) диктатуры, проводимой членами Конвента. Но с тех пор как Фрерон провел на пост председателя Конвента своего друга Андре Дюмона, он уже очевидно, не спешил ввести в силу Конституцию 1793 г.

В 10 номере «Orateur du peuple», помеченном 9 вандемьера, он оправдывал диктатуру Конвента тем, что он представляет «народ в миниатюре» (sic!). Слово, которое Бабеф подхватил (в своем № 26), начало открывать ему глаза. Он стал требовать полного суверенитета народа. Последний инцидент ускорил разрыв. Патриот Легре, председатель Избирательного клуба, который теперь устраивал свои заседания в месте собраний секции Музея, был арестован и посажен в тюрьму по приказу Комитета общей безопасности за то, что обсуждал, по словам Бурдона де л'Уаз, «Уничтожение Конвента», вероятно, введение в действие Конституции.¹ На этот раз нельзя было поставить в вину робеспьеристам это покушение на личную свободу, так это было сделано, когда такая же участь постигла Бодсона за месяц до этого Бабеф напечатал в своем № 27 (от 22 вандемьера) со-

¹ См. вмешательство Бурдона де л'Уаз в заседании 18 вандемьера («Moniteur»). Доклад полиции 18 вандемьера отмечает, что ораторы, которые выступали накануне в Избирательном клубе, утверждали, что мира не будет до тех пор, пока будет существовать революционное правительство (Aulard, Paris sous la Réaction thermidorienne, t. I, à la date). Избирательный клуб продолжал устраивать свои заседания в секции Музея до начала фримера. В № 36 (Ami des citoyens (6 фримера III г.) читаем: «Секция Музея постановила, что она больше не будет давать своего зала Избирательному клубу, в который проникло несомненно поджигателей, которых сильно привлекали беспорядки анархии и семена гриванской войны». Избирательный клуб, к которому присоединилась часть якобинцев, изгнанных из улицы Ст. Оноре, стал после этого собираться в прежнем помещении кордельеров в Музее, в улице Тионвилля, прежней Дофин, где были открыты трибуны («Vedette» за 30 брюмера)

ставленное им письмо к Фрерону, которое он дал подписать Альбертине Марат, прося его вернуть свободу Легре.

«А ты (Фрерон), который называешь себя апостолом Марата и который только что обещал идти по его стопам, вспомни, что он никогда не молчал, когда патриот подвергался притеснению; вспомни, что он никогда не вступал в союз с политическими разбойниками; вспомни, что он никогда не отказывался от своего имени, принятого им (имени Друга народа).

К письму Альбертины Марат Бабеф прибавил свои собственные соображения, показывающие, что он не питал уже больше доверия к Фрерону.

«Никогда он (Фрерон) не сказал ни слова об Избирательном клубе, предоставляла все своему течению, и он молчал. Ни брань Билло по адресу петитионеров этого клуба у решетки Конвента, ... ни нарушение права петиций, совершенная потеря стыда при скандальном аресте судьи Бодсона, члена этого клуба, в помещении суда, во время исполнения им своих обязанностей, за что он составлял петицию 20 термидора, ни декрет, отнимавший у общества помещение в епископстве, ни ужасное опустошение, последовавшее за возмущением разгромом, ни наглый и убийственной для республики ответ председателя Дюпюи на петицию от 7 вандемьера, все это не вызывало гонимых петиции «Orateur du peuple!».

Бабеф кончает свое требование чем-то в роде обвинительного акта.

«Если Фрерон в течение двух дней не ответит (на письмо Альбертины Марат), его молчание решит не в его пользу вопрос, решения которого общество ждет с беспокойством, вопрос о том, в достаточной ли мере оправдываются номера Фрерона, совершенно индифферентно относящиеся к великим правам народа, полные только злобы против четырех тиранов, без сомнения тиранов (против Барера, Колло, Карье и Билло), подозрение, что все хлопоты «Orateur du peuple» ограничиваются желанием занять их место и воодушевить нас только для выбора тиранов...

Я еще не обвиняю Фрерона, но я подозреваю его настолько, что считаю одним из главных столпов узурпаторов суверенитета».

Это была не только ссора, это был разрыв. Типограф Бабеф, депутат Гюффруа, друг Фрерона, подписал в качестве члена Комитета общественной безопасности приказ об аресте Легре. Он лишил Бабефа содержания и отказался печатать его номер, который увидел свет, только благодаря подписке Избирательного клуба.¹

С тех пор «Tribun du peuple» выходил только изредка. 3 брюмера Комитет общественной безопасности велел арестовать Бабефа за мятежную речь, произнесенную в Избирательном клубе. Тот же самый Мерлен

¹ № 27 кончается следующими строками, напечатанными курсивом: *Демократическое общество, называемое Избирательным, постановило в своем заседании 27 вандемьера напечатать № 27 «Tribun du peuple» и прилагаемое к нему письмо. Письмо представляет ряд обвинений против Гюффруа: «Гюффруа обманул мое доверие. Изменник! Начиная свою газету, я не скрывал от него принципов, на основании которых я намерен ее вести... Гюффруа бессовестно обокрал меня. Он собирает все плоды моих трудов. Мои первые номера расходились в двух изданиях, он продавал их в большом количестве, он получал весь доход, он получал все подписные деньги, я никогда не получал ни одного су... Гюффруа обманывает цвет патриотов, подписавшихся на мою газету... Гюффруа, наконец, объявляет отечество тем, что тушит светоч истин... Совпадение мер, принятых против превосходного защитника народа Легре, совпадение момента их исполнения по отношению к нему и ко мне, я думаю, дали мне по справедливости повод считать что нас считали обыкновенными заговорщиками... Я высказал свои чувства ужаса в доме семьи Друга народа...»*

Билля, которого Бабеф восхвалял, оправдывал его арест.¹ Но жиро́нды почти немедленно освободили его. Они хотели только дать ему предостережение. Напрасный труд! Бабеф теперь сжигал все, чему он поклонялся. Он громил якобинцев. Когда его заперли, он во имя принципов протестовал в брошюре, озаглавленной:

«Батые платят штраф».

Когда через месяц, 28 фруктидора, он опять выпустил «Tribun du peuple», он сделал это, чтобы указать на «ужасный регресс». Нагло обнаруживаются все пороки и все разложение старого режима, они отодвигают на задний план людей и принципы республики.

«Мы видим везде только унижение, извращение нравственности, prostitution, вранье, лживость».

Рабочие умирают с голоду. Недоброжелатели говорят, что Конвент закрыл клуб якобинцев только для того, чтобы открыть храм.² Бабеф удары он теперь направляет против Фреронов и Галльенов, своих прежних друзей.

Галльен вскоре стал обвинять Фуше в том, что он является вдохновителем Бабефа, этого анархиста, толкающего народ к восстанию.

«Этот человек, — сказал он 10 плювиоза, — манекен, выдвинутый вперед, и есть человек, который научает его, который имел корректуру труда Бабефа и собственноручно правил ее».

«Пикки:

«Назови его!».

«Это Фуше».

Фуше заявил:

«Республиканец отвечает за свои знакомства только перед законом; я готов сказать о них, когда закон предпишет мне это; у меня нет таких знакомств, которые позорили бы мою честь... Многие другие ведут знакомство с богатством и властью. Пока еще не запрещено вести знакомство с несчастием и угнетением. Да, я вел знакомство с Бабефом!».

Но Фуше утверждал затем, что он отсоветовал «Tribun du peuple» печатать брошюру против возвращения жирондистов.

За два дня до доноса Талльена мяскадены читали и сожгли в кафе номер «Трибуна», в котором Бабеф бичует их и возводит на руководителей Мерлена, Фрерона, Талльена, Бентабола, Лежандра ложные, но правдивые обвинения. Но не надо забывать, что раньше

Чтобы оправдать арест Бабефа, а также председателя и секретаря Избирательного клуба, Мерлен из Гионвилля ссылается на последний закон, запрещающий коллективные петиции. Бумаги клуба были опечатаны, но клуб не перестал существовать. Мере, креатура Талльена, выразил протест против ареста Бабефа, Бодсона и Варле в № 4 «Ami des citoyens» (4 брюмера). Но Фрерон молчал.

№ 28 «Tribun du peuple». В нем имеется следующее указание типографии: «Мерлен, rue de Cléry № 75. За напечатание этого номера Комитет общественной безопасности послал Франклену повестку о явке в суд. На следующую ночь был отпущен приказ об аресте Бабефа, уже второй раз в течение трех месяцев. Он скрылся. Его допрашивали целый день. См. «Tribun» № 29. Приказ об аресте Бабефа был издан 12 нивоза III г.

№ 29 «Tribun» помечен 1 — 19 нивоза III г.; № 30 — 4 плювиоза; № 31 — 17 нивоза. Последние номера крайне ядовиты. Новый приказ об аресте Бабефа издан 17 плювиоза III г.

чем он стал возбуждать предместья против золотой молодежи, Бабеф сам был одним из первых руководителей этой молодежи.

Среди этой молодежи Фрерона были самые различные элементы журналисты, женщины высшего общества и женщины не такого высокого общества, мюскадены всякого происхождения и всякого возраста. Всех их объединяла ненависть к прежнему режиму и общее озлобление. Среди них было много прежних подозрительных, которые, чтобы не вернуться опять в тюрьму, считали более безопасным послышать туда тех, которые прежде посадили их.

Из журналистов кроме Фрерона и Дюссо, который ему служил секретарем, продолжая в то же время сотрудничать в «Spectateur français politique», его прежней газете, были еще Меге и Талльен. Почему Талльен 1 брюмера III г. опять принялся за занятие журналиста, почему он опять стал издавать свою прежнюю газету 1792 г. «Ami des citoyens», придав ей многозначительный подзаголовок: «Journal de Commerce et des Arts»? Трудно ответить на этот вопрос, но можно допустить, что «Orateur du peuple» удовлетворял его только напоказ, потому что он не всегда бывал согласен с человеком, который был в глазах общества его помощником. В качестве главного редактора Талльен пригласил Меге сына, прежнего секретаря и регистратора Коммуны 10 августа, который всегда подписывался своей анаграммой «L'hémésé». И Меге стал сильно нападать на Камбона и его финансовую политику. Эти камбонады, как он говорил, должны доставлять удовольствие его клиентам из коммерсантов и промышленников, к которым обращалась газета. Надо подготовиться с падением «Робеспьеров» — этим эпитетом он клеймит Камбона, уничтожение всех законов, стесняющих свободу торговли. Когда Ленде захочет ввести интервенционистскую политику, которую он олицетворял в своем Комигете общественного спасения, он в свою очередь подвергнется обвинению. Но Талльен притворяется более левым, чем Фрерон, Меге. Когда в газете была напечатана заметка, в которой рекомендовалось относиться с уважением к молодому дофину, Талльен снял свое имя с газеты, написав по этому поводу письмо Меге, в котором он говорит:

«Снимая свое имя, мой друг, у меня не было другого намерения, кроме как лишить недоброжелателей возможности клеветать на защитников принципов справедливости и свободы».

Меге объяснил, что его заметка о сыне Капета была составлена из иронических выражений.¹ С этого дня, 13 фримера, газета выходила только за подписью Меге сына. Но направление газеты от этого не изменилось и даже не видно, чтобы охладела дружба Талльена и Меге. Отныне, как и до этого времени «Ami des citoyens» старался отстранять от себя всякие подозрения в роялизме и аристократизме. 18 фримера он пробрал Фрерона:

«Мы смело скажем ему громко то, что многие патриоты говорят шепотом: мы скажем ему, что они удивлены, что газета «Orateur du peuple» притворяется

¹ «Ami des citoyens» № 43, 13 фримера.

растическим спекуляциям и отвратительному ажиотажу книгопродавца. К тому же какой патриот захочет когда-нибудь пойти покупать «Orateur du peuple» у Маре. Кто решится пробираться через оскорбляющую толпу аристократов, осаждающих лавку и как бы желающих сказать республиканцам: «Поздравляю! Немного! Когда мы накажем убийц, настанет и ваш черед».

Это был не единственный камень, брошенный Меге в огород Фрерона. Когда Фрерон требовал свободы совести, Меге выразил удивление, что подобная инициатива исходила от ученика Марата.² А еще позднее он осмелился писать, что Фрерон «не единственный редактор своей газеты, и что если он не разрешит там появления роялистских статей, ему придется отказаться от 150 ливров, которые Меге дает ему каждые два дня. Мы не требуем от него такой жертвы, но почему же те, которые не потеряли еще всякого стыда, последуют примеру Фрерона.» Заняв место Фрерона, Дюссо остроумно ответил:

«Вот уже 4-й или 5-й раз я подвергаюсь нападкам в вашей газете. Это не мешает мне читать ее с удовольствием и удивляться тому, что она имеет так мало успеха. Называть меня роялистом, не зная меня, значит обращаться со мной, как с теми несчастными, которых без суда убивали 2 сентября. Они вам не напишут уже. Я же, по крайней мере, нахожу утешение в том, что пишу вам».

Этот кровавый намек на роль Меге в сентябрьские дни показывает, до какого диапазона дошла полемика. С этого времени Меге иначе не называл Фрерона, как человеком с 50 эку, а его газету «Orateur du peuple». Но Дюссо сказал правду. Газета Меге плохо продавалась. Она прекратила свое существование 10 жерминаля.⁴

Постепенное передвижение молодежи Фрерона вправо сперва изгнало из ее рядов Бабефа и прежних эбертистов. И вот Меге и Реаль, который присоединился к газете первого, через три месяца в свою очередь исключает себя из нее.

С Фрероном или, вернее, с Дюссо, его исполнителем, остались только журналисты, у которых от республиканского оставалось только имя и которые открыто перешли к роялизму при Директории, как только они нашли, что это можно сделать, не подвергаясь опасности. Один из них, Шарль Лакретель или Лакретель младший, в отличие от его старшего брата, также журналиста, оставил нам интересные воспоминания, которые носят на себе печать искренности.⁵ Он говорит нам, что он принимал участие в клубе фельянтинцев, участвовал вместе с Андре Шенье в «Journal de Paris», что он затем был секретарем герцога Ларошфуко-Лянкура, большого друга Лафайета, с которым он вместе оплакивал падение монархии. Во время борьбы жирондистов против монтаньяров Лакретель писал для жирондистов, не подписыв-

¹ № 48

² № 101, 11 плювиоза III г.

³ Номером от 30 вантоза III г. «Spectateur français ou l'Ami des citoyens». Новое название газеты Меге с тех пор, как он снялся 1 вантоза с «Journal de Proposition» Реаля

⁴ Меге объяснил, что так как число его подписчиков сократилось до 550, он не может продолжать свое предприятие.

⁵ Хотя они и были написаны позднее, в 1841 г. Les dix années d'épreuves (десять лет испытаний) Шарля Лакретеля составляют важный источник для изучения термидорианской реакции. Их можно впрочем проверить посредством сопоставления газеты «Le Républicain français», в которой он сотрудничал под своим именем, начиная с 4 плювиоза III года

вая, однако, своих статей, потому что его имя скомпрометировало бы его союзников. Во время террора он вступил в драгунский полк, чтобы избежать розысков полиции. Но после термидора, когда Талльен вступил в правительство, он легко получил отставку и вернулся в Париж. Почти тотчас же после этого он стал сотрудничать в «*Républicain français*», который только иронически был так назван. Он вел такую же стоковую войну против террористов, а под этим он подразумевал все тех, которые работали для революции, что Мере, наконец, донес его дерзкие выступления и обвинил его в роялизме.¹ Статьи Лакретелля имели такой большой успех, что мадам Талльен пожелала его видеть, чтобы поздравить его и дать ему указания:

«Она часо указывала мне, говорит он, самые лучшие средства достижения той цели, которую ставило себе тайное честолюбие».²

Фраза, дающая основание думать, что мадам Талльен преследовала такую же цель, как сам Лакретель. Однажды, чтобы наградить его, она позволила ему поцеловать руку, достойную Венеры Капитолийской.³ Правые журналисты, которые, по примеру Лакретелля, поддерживали политику Фрерона — они сгавновились все более многочисленными, потому что успех привлекает, — вскоре решили собираться один раз в неделю в ресторане на площади Лувра, близ Собрании, для огласования своих действий. В этих собраниях участвовали оба брата Бертен из «*Journal des Débats et Décrets*».

«И тот и другой, — говорит Лакретель, — обладали замечательной политической проницательностью, писали горячо, искренне и без чванства исповедовали религию дружбы».

Дюссо из «*Correspondance politique*» и из «*Orateur du peuple*», Мишо из «*Journal de Peuple*», Рише де Серизи из «*Accusateur public*», Лакретель и Шарль Гис из «*Républicain*».⁴

Республиканцы вначале стояли в стороне от этого кружка литераторов. Здесь были молодые люди, которые пили много шампанского, любили веселье. Но они принимали мудрые, даже немного лицемерные резолюции. Принята была тактика не пугать Конвент, умалчивая об ошибках тех его членов, которые раскаялись, но беспощадно бить тех, которые упорствовали в своих старых привычках. Бертен, которые умели заставить себя слушать, советовали последовательно атаку на революционные законы. Иногда Мишо, «сильно привязанным сердцем и по принципу к изгнанной династии», выражал нетерпение по поводу столь медленного, по его мнению, движения, но «он подчинялся советам осторожности». Один только Рише де Серизи, прежний оче-

¹ См. «*Spectateur français*» за 13 жерминаля III г. Мере сообщает о теле младшем, республиканце с недавнего времени, который скорбит о смерти тригиссы Монатко и который хочет, чтобы ее возмездие имело место.

² Dix années d'épreuves, pp 196 — 197.

³ «Ее отношение ко мне, — говорит он о мадам Талльен, — имеет красивый оттенок дружбы, я, ослепленный, остаюсь возле нее и не отрываю от нее глаз». Dix années d'épreuves, p. 243.

⁴ К этому списку, данному Лакретелем, надо прибавить Гида (Hyde de Neuvillat, будущего агента Людовика XVIII, и Фиеве Гид де Нейвилла (самый младший из троих (Mémoires et Souvenirs du baron Hyde de Neuvillat, p. 122).

ний друг и собутыльник Камилла Демулена, причинял беспокойство Бертену и Лакретелю. Он был арестован во время террора и был непримиримым роялистом. Необходимо было успокоить его.

Будучи старше нас, он гораздо больше жил удовольствиями и развлечениями. Его бледное лицо, почти потухшие глаза, чрезвычайная легкость сношений, — все говорило о горячей душе, но он писал с огнем, своим отшатыванием он сильно напоминал Камилла Демулена, но в совершенно противоположном направлении.¹

В то время как другие журналисты этого кружка щадили термидорианцев, Серизь беспощадно издевался, иногда довольно жестоко, над Редерером, над Мерленом из Тионвилля,² а также над Стейсом. Он не делал различия между революционерами. Все они были ему одинаково ненавистны. Революция представляла для него только пять лет убийств, бичи, несчастий, неизвестных до тех пор людям».³

Этой непримиримостью он нравился изысканному обществу, кумиром которого он был. Но он был исключением в своей собственной партии.

Заметим, что в то время как левая печать шла в бой врассыпную, в правой печати существовало соглашение, она имела определенный план, определенную тактику. Прибавим еще, что термидорианцы сумели поместить своих людей даже в газеты своих противников. Ни одна газета, даже «*Journal Universel*» Одуена, или «*Journal des Hommes Libres*» Шарля Дюваля не выступала более решительно против реакции, чем «*Ami du peuple*», первые номера которого, начавшие выходить с 29 фруктидора, редактировались членом Конвента Шалем, который не только заявлял себя последователем Марата, но и был им в самом деле. Гораздо раньше Бабефа он решительно нападал на буржуазную аристократию. Наконец, когда Шаль поссорился со своим типографом Лебуа, газета, сохранившая свое санкюлотское направление, редактировалась Анжем Питу, роялистом, который был учеником Шаля, когда последний носил еще рясу. Шаль ввел его в газету. Он остался в ней после отъезда Шаля. В письме к своему другу Симону от 25 нивоза III г. Бабеф утверждал, что Анж Питу играл в «*Ami du peuple*» роль агента-провокатора и в доказательство он указывал на то, что

в своей газете он выступал с апологией сентябрьских дней и что в момент крайнего раздражения фреронистской молодежи с очевидной целью довести до крайней степени озлобление умов и внушить гекатомбистам⁴ чувствование вины».

Гернанд Анжеран, у которого я заимствую эти интересные размышления, говорит еще, что Анж Питу, редактируя «*Ami du peuple*», в то время вел еще бюллетень Конвента в другой большой левой газете

«Dix années d'épreuves», p. 206.

¹ Он проявил черную неблагодарность к Мерлену из Тионвилля, которому он был обязан своим освобождением после термидора. См. в «*Annales historiques de la Révolution française*» за июль — август 1928 г. письмо, которое он писал Мерлену 19 термидора II г.

² «*Accusateur public*, № 6, 7, 8, p. 43. Номера не помечены числами и не издавались регулярно. Во время консулата Рише де Серизи был отправлен в изгнание в Мадрид. Он умер в Англии в 1803 г.

³ Гернанд Анжеран, Ange Pitou, p. 85. Анжеран прибавляет, что статья Питу о сентябрьских убийствах появилась в «*Ami du peuple*» с 17 до 19 нивоза III г.

«Annales patriotiques». Главным редактором ее был независимый и принципиальный республиканец, Салавилль, который не поддавался Метерну и Фрерону и давал обстоятельные отчеты о последних заседаниях клуба якобинцев, закрытие которого он осуждал.

Салавилль был изгнан из газеты после того как Конвент вернул в свою среду прежних жирондистских депутатов.¹ Себастьян Мерсье, один из них, который был собственником «Annales patriotiques», взял на себя руководство газетой и придал ей совершенно другую ориентацию, близкую к Фрерону.

Если во время термидорианской реакции печать имела очень большое влияние, то рядом с ней шло параллельное влияние салонов женщин. Во время управления монтаньяров салоны были закрыты. Ни один из членов великого Комитета общественного спасения не имел времени заниматься любовными делами. Они целиком были преданы своей патриотической задаче. Термидорианцы были другими людьми.

Когда Бабеф разошелся с ними, он написал в своем 29 номере

«Помпадуры, Дюбарри, Антуанетты воскресают, и теперь они управляют нами в значительной степени обязаны преследующими вас бедствиями и новой реакцией, которая убивает нашу революцию... К чему скрывать далее? Фрерон, Талльен и Бентабол решают судьбы людей, лежа на мягких подушках и на розах рядом с принцессами... Те, которые стали их сожителями, 9 термидора сидели в тюрьмах; им сказали: «Хотите вы избежать гилотин? Примите предложение моей руки». Знатные и могущественные дамы охотно «лучше выйти замуж чем лишиться головы», и таким образом они стали законными дамами».

Бабеф едва ли преувеличивал. Большая часть реакционеров, разбившихся террористов в самом деле женились на бывших актрисах, кралях; большая часть из них были очень богаты и не последовали за своими мужьями в эмиграцию, чтобы сохранить свои источники, так, например, Тереза Кабаррюс, которая 15¹ лет в 1788 г. вышла замуж за Фонтене, купившего себе звание маркиза. Он был сыном председателя Государственного контроля и имел недвижимое имущество в один миллион. Тереза развелась 5 апреля 1793 г. и познакомилась с Талльеном в Бордо, после знакомства со многими другими, как, например, с братьями Ламет, с герцогом Эгильоном, Феликсом Лепелетье, братом мученика свободы. Она не вышла замуж за Талльена сейчас же после своего выхода из тюрьмы, несмотря на оказанные Талльеном услуги. Выйти замуж за Талльена было для нее мезальясом, потому что Талльен был сыном слуги, швейцара или камернера маркиза Берси, и он сам долгое время занимал низшие должности (писца у прокурора, приказчика у купца, затем в банке). Чисто гражданская свадьба была отпразднована на следующий день после ждества 1794 г.²

¹ Бабеф протестовал в своем № 29 от 19 нивоза против изгнания «много и умного Салавилля». Он сообщает нам, что Салавилль сперва был избран в Комитет общей безопасности, чтобы дать отчет о своей последней статье.

² В ответ на нападки Камбона и Дюгема на Кабаррюс (заседание 9 нивоза III г.) Талльен через два дня сообщил о своей свадьбе Конвенту: «В этом»

Та, которую с этого времени можно было называть мадам Талльен, оставила свою квартиру на Chaussée d'Antin и поселилась в Ла Шомьер на Кур ла Рен, в роскошном жилище, которое построила одна из величайших комических актрис своего времени, мадемуазель Рокур. В то время мадам Талльен было всего 21 год, она была в полном блеске своей сияющей красоты: высокая, тонкая, с прекрасными плечами, великолепными руками, с блестящими черными волосами, маленькими ножками и музыкальным голосом. Это она ввела в моду среди зимы, самой суровой зимы того века, греческие костюмы, голые руки, прозрачные туники, голые ноги в сандалиях. Виктор Брольи видел ее, когда она пришла в Рanelagh (Ranelagh).

Одетая Дианой с наполовину голым бюстом, обутая в котурны и одетая, если можно так выразиться, в тунику, которая едва доходила до колен»¹.

Тогда было также в моде носить светлые парики с развевающимися локонами, независимо от натурального цвета волос.²

В Ла Шомьер собирались самые красивые женщины из термидорианской Прелестницы (Merveilleuses), среди них мадам Ровер, бывшая Анжелика Бельмон, маркиза д'Агу:

«27 лет, с светло-русыми волосами, с голубыми глазами, с очень красивым носом на овале ее лица, с приятным ртом»,

сказано в ее описании.³ Она также развелась со своим эмигрированным мужем. Ровер, ее новый муж, до 1789 г. назывался маркизом Фонтвиелль, он в самом деле был из дворянской семьи, служил мушкетером короля, что не помешало ему броситься в революцию в Венсенском графстве против папы. Ему приписывали ответственность за

они говорили об одной женщине... Я не думаю, что она должна была занимать заседания Национального Конвента. Говорили о дочери Кабарюсса. Так вот. Я знаю здесь среди моих коллег, среди народа, который меня слышит, что эта женщина моя жена (раздаются аплодисменты)... Я знаю ее восемнадцать месяцев и любовь. Прибыв в Париж во время тирании и притеснений, она подверглась преследованиям и была брошена в тюрьму. К ней был прислан эмиссар, который сказал ей: «Напишите, что вы знали Талльена как плохого человека, тогда вас освободят и дадут паспорт для выезда за границу». Она сделала это гнусное предложение и вышла из тюрьмы только 12 термидора. * В тюрьмах тирана была найдена записка о необходимости послать ее на эшафот. Граждане та, которая теперь стала моей женой» (ему нес-лько раз аплодировали). («Moniteur», перепечатка, т. XXIII, pp. 91 и 101 — 102).

Victor de Broglie, Souvenirs, t. I, p. 23. «Courrier républicain» за 18 нивоза описывает популярность мадам Талльен, только что вышедшей замуж: «Она появлялась, ей с восторгом аплодировали, точно обладание римским испанским лицом, прекрасной кожей, красивыми глазами, благородной походкой, улыбкой, в которой любезность смягчает покровительство, греческим жестом и голыми руками спасает Французскую республику» (Aulard, Paris sous la Réaction thermidorienne, p. 372).

Пикар написал комедию «La perruque blonde»: «Из ста человек, имеющих белокurые парики, большая часть содержанки. Теперь, когда порок ходит с открытым забралом, насмехаясь над добродетелью, очень немногие женщины хотят быть принятыми за публичных женщин...» («Courrier de Paris ou la Chronique du jour» № du 18 messidor au III).

По Мишлену Жув и Ж. Манжесу, введение в корреспонденцию Розера с де Монтегю, стр. 18.

Kazinski, который разбирал подлинные документы в архивах говорит в своем Dictionnaire des «monels», что Тереза была освобождена только 26 термидора.

ужасную резню в Гласьер Авиньона, в которой погибло много аристократов. Он также развелся со своей первой женой Елизаветой Шедде Кларе. Он женился на маркизе Агу только после Фруктидора. Она принесла ему в приданое замок Бельмон в Дофине, много и полей, дом в Гренобле, все стоимостью не меньше миллиона.

Мы уже знаем, что Бентабол также женился на разведенной, бывшей Роган-Шабо, имевшей прекрасное приданое. Лагарп, модный литератор, некогда вольтерианец, был в тюрьме переубежден прекрасной и интересной вдовой графа Станислава Клермон-Тоннера.¹ В этом обществе бывала также Жозефина Богарне, мадам Навайль и мадам Шаторено, жена поставщика Гашелена, впоследствии баронесса Сталь и жена банкира Рекамье.

Мерлен из Тионвиля удовлетворился прелестной Сольве. Оперы, а Лежандр утешился в своем вдовстве мадам Конта из Французского театра.

Вольность нравов была такова, что актрисы и дамы общества посещали на равных правах одни и те же салоны и участвовали в одних и тех же приемах. Весь этот мир спокойно забавлялся, не предаваясь никаким сомнениям. Везде давались балы. На балу Зефиров, угроенном на старом кладбище св. Сульпиция, танцовали на могильных плитах, не дав себе даже труда убрать их. Немного дальше, на улице Божиар, танцовали в саду Карм, где в сентябре 1792 г. происходила резня священников. Это был бал des Tilleuls (лип).

В высшем обществе давались привилегированные балы. Бал Мери был оставлен для семейств, в которых один из членов был гильотинирован. Кланялись жертве, т. е. делали движение головой, которое соответствовало движению осужденного в тот момент, когда его качали на доске, чтобы продеть его голову через кольцо. Отсюда брали начало прическа а ла Тит для мужчин. Волосы стригли коротко на латылке в такой же форме, как палач стриг их осужденным прежде, чем качать их на доске. Франты поднимали волосы на голове гребнем, они заплетали их в косички, которые падали на уши и на виски. Они носили четырехугольные фраки с черными воротниками, короткие штаны, серьги в ушах, широкие зеленые галстуки. В руках у них была большая дубинка, которую они называли своим мировым судом и своей исполнительной властью.

В течение нескольких месяцев произошла полная революция в костюмах, в нравах и даже на языке.² «Incoyables meveilleuse» выносили букву г, требующую усилия произношения.

¹ Lacretelle Dix années d'épreuves, p. 269.

² В «Journal de Paris» от 23 мессидора III г. появилась интересная статья, в которой были описаны в натуре молодые люди, которые были в моде. Статья носила заглавие: «О новой болезни молодежи, называемой Sencsa или Senc (сокращение слов: «qu'est ce que c'est que cela» — что это такое). Болезнь выражается в полном ослаблении зрительного нерва, которое принуждает больного постоянно пользоваться очками, охлаждением естественной теплоты, которое трудно поддерживать иначе, чем надевая застегнутое и тесное платье и галстук, сложенный в стерио, в который прячется подбородок и который грозит замаскировать лицо носом. Но самым характерным диагнозом является начинающийся паралич органов зрения. Несчастные молодые люди, пораженные этой болезнью, с крайним вниманием избегают согласных и доведены, так сказать, до необходимости в чтении

это не была безобидная революция. Во вновь открывшихся салонах не только предавались удовольствиям, там занимались делами общественной.

Первые вновь открывшиеся салоны, как говорят нам посещавший их Тибодо, были салоны банкиров и поставщиков, которые приглашали депутатов, чтобы приобрести себе покровителей для своих предприятий. Затем появились салоны дворян, которые не эмигрировали. Они также нуждались в депутатах, чтобы опять получить свои секвестрованные имущества или чтобы добиться исключения их родных и друзей из списка эмигрантов. Депутаты стали господами сегодняшнего дня, им льстили, как прежде льстили прежним господам; они были счастливы, видя, как перед ними раскрываются двери, так долго бывшие для них закрытыми:

Но их чествовали (однако), — говорит Тибодо, — только для того, чтобы послуживать их услугами или чтобы совращать их. В глаза их осыпали всякого рода соблазнами, а за глаза насмехались над ними. Это было в порядке вещей. Но многие из них не видели этого, они думали, что приобретают больше значения и уважения, посещая людей старого режима, и они поддавались на эту обманчивую удочку. В их присутствии осмеливались высказывать некоторые вступы по поводу революции. Как же можно было сердиться на это. Обыкновенно это позволяла себе красивая женщина. Их республиканизм не мог устоять перед боязнью не понравиться или казаться смешным. Приучив их к насмешкам, им незаметно приучали относиться с презрением к учреждениям... Таким образом в республиканской партии было много измен, одни делали уступки, а другие великом продавались роялизму.¹

Тибодо думает что трудно преувеличивать влияние золоченых салонов на термидорианский Конвент.²

Из языка Им запрещены сильные изменения звуков, сильные оттенки произношения, оттенки голоса, которые так привлекательны.

Убы у них едва движутся, и от легкого трения одной об другую происходит такое жужжанье, напоминающее звук пз, пз, пз, которым зовут маленькую собачонку.

Ничего более неприятного, чем разговоры больных. Единственные слова, которые можно раздвигать в этой серии гласных букв, это ma parole (вместо parole suprême), incavble (вместо incroyable) и другие исковерканные слова.

Mémoires de Thibaudeau sur la Convention», 1824, t. I, p. 131 — 139. Тибодо посещал в особенности салон мадам де Вен, жены друга Тюрго, бывшего сборщиком финансов, и салон мадам Ле-Гок (Le Hoc), жены дипломата. Тибодо председателем республиканцев в Гамбурге. Мадам де Вен «ненавидела республику, но она примирилась с ней, и ее салон наполнился членами Учредительного собрания и Конвента... Она в совершенстве умела примирять людей, двадцати лет бывших друзьями, как Сюар и аббат Морелли, с недавними друзьями, как Буасси д'Англа, Симеон и я».

Салон Ле-Гок посещали генерал Мену, адмирал Трюге, барон де Сталь, французский генеральный консул, Синьель, Марс, будущий герцог Бассано, Бурбонский посланник в Мадриде, генерал Фоше, позднее Талейран по своему происхождению из Соединенных штатов, его друг Сент-Фуа и другие люди этой категории хорошего тона и лучшего общества, которые эксплуатировали революцию в свою пользу».

Через месяц после падения Робеспьера, 10 фруктидора, монтаньеры о присутствии в Конвенте разодетых женщин, усаживавшихся внутри заседаний. Бурдон де л'Уаз издал декрет, что одни только депутаты имеют право сидеть на скамьях, предназначенных для них 25 фруктидора Колло заявил: «Против нас злоумышляют в самых презренных местах, в грязных кулуарах, в вдов генерального штаба эмигрантов и среди самых развратных оргий обсуждают великие судьбы республики» («Monteur»).

Предоставленные самим себе Таллены, Фрероны, Бентаболы, Ребеллы, Мерлены из Тионвилля, Баррасы, Роверы удовлетворялись бы тем, что составили бы себе состояние. Они не стали бы с ожесточением разрушать революционные учреждения, в которых они работали и которые они даже основывали. Они, может быть, не разнуздали индивидуальную месть. Но их толкали их жены, законные или незаконные. Революция уничтожила их удовольствия, уменьшила их угрожала их состояниям, изменила их привычки, как же им было ненавидеть ее. Мадам Таллен была привлекательной покровительницей всех бывших, которые в ее салоне называли ее божьей матерью термидора или божьей матерью Bon secours, но за ее спиной называли ее сентябрьской божьей матерью.

ГЛАВА V.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ.

Вынос праха Марата из Пантеона.

Эта глава могла бы с таким же успехом быть озаглавлена «Величие и падение Марата».

В 5-ю санкюлотиду II г., т. е. 21 сентября 1794 г. «Друг народа» с большой торжественностью был перенесен всем Конвентом в Пантеон. Через четыре с половиной месяца, 20 плювиоза III г., т. е. 8 февраля 1795 г. он был изгнан оттуда тем же самым Конвентом. Он был изгнан оттуда, когда рушилось почти все дело, с которым связано было его имя, когда пали один за другим все террористические законы, введенные которых он первый потребовал для осуществления «деспотизма свободы».

За этот короткий период времени меры милосердия и заглаживания обид по отношению к жертвам террора чередовались с репрессивными мерами и с проявлением мести по отношению к террористам.

Интересное сопоставление тех и других!

11 брюмера был снят секвестр с имущества подозрительных, т. е. были окончательно ликвидированы робеспьеровские законы вантоза.¹

22 брюмера был закрыт клуб якобинцев. 4 фримера постановлено передать суду Карье.

За обвинением Карье непосредственно следует 12 фримера декрет, дарующий амнистию тем вандейцам и Шуанам, которые в месячный срок сдадут свое оружие. И за этой первой амнистией тотчас же следует вторая: 18 фримера возвращают в Конвент тех из оставшихся еще в живых 76 жирондистских депутатов, которые были исключены и посажены в тюрьму за их протест против восстания 31 мая 1793 г. Одновременно с этим, 15 фримера, Лекуантр повторил свой донос на членов прежнего правительства, которых он обвинял в том, что они были сообщниками Карье и продолжателями Робеспьера.

7 нивоза Конвент назначает следственную комиссию из 21 члена для рассмотрения вопроса об ответственности членов прежнего правительства, на которых сделал донос Лекуантр. И эта комиссия 12 вантоза по докладу жирондиста Саладена вынесла заключение о предании их суду.

3 нивоза отменен максимум и восстановлена свобода торговли.

Но почти тотчас же после этого, чтобы избежать подозрения в ролях, термидорианцы учредили 19 нивоза национальное празд-

1. наш труд о законах вантоза в «Annales historiques de la Révolution française» mai — juin 1928.

Термидорианская реакция.

нество в память казни Людовика XVI, и праздник этот праздновался 2 плювиоза, в годовщину 21 января.

Спустя приблизительно месяц после изгнания Марата из Пантеона 18 вантоза в Конвент были в свою очередь призваны жирондисты, которые избежали преследований бегством или которые принимали активное участие в федералистских восстаниях.

Но зато декретом от 5 вантоза были отданы под надзор в своих жилищах все общественные должностные лица как военные, так гражданские, которые были сменены или устранены от исполнения своих обязанностей со времени 10 термидора, т. е. террористического персонала в свою очередь официально был взят под подозрение.

Таким образом термидорианское милосердие отличалось своей односторонностью. Оно применялось только к тем, которые в предыдущем боролись против республики, считались пораженцами и по этой причине признавались опасными. Это милосердие сопровождается все бо́льшей суровостью по отношению к тем, которые защищали республику и отечество. Это милосердие было двуликим, подобно Янусу.

Дела разворачивались так, точно бы они были результатом заранее обдуманного плана. А между тем эта внешность была обманчива. Кого бы мы ни были дурного мнения о термидорианцах, надо было бы приписывать им такое утонченное лицемерие, такой глубокий максимализм для согласования их действий с их словами, что при этом это становится невероятным.

Один умный роялистский наблюдатель, который день за днем ментировал события для австрийского правительства, женева Мадю Пан, хорошо видел, что члены Конвента, всемогущие в теории, теряли власть над политической машиной, которая уже не повиновалась им, но которая вела их за собой.

«Франция, — пишет он в своем письме от 18 февраля 1795, — является событиями, а не людьми. Сила обстоятельств увлекает их, и они никогда не обдумывают их заранее... Конвент абсолютно впал в зависимость от общественного мнения. Он подчиняется ему, не будучи в состоянии влиять на его развитие. В этом весь секрет преимущества умеренных и восторженных. Таким образом сила Собрания лежит вне его (П).»¹

Нет ничего более верного. Новое большинство, которое пыталось оказывать им сопротивление только при попытке ареста Фрерона, состоявшей из прежних фаяетистов и фельянтинцев из умеренных, более или менее роялистски и реакционно настроенных. Термидорианцы являются таким образом врагами своей армии. Если бы они были государственными людьми, они бы быстро заметили бы, куда ведут их меры от случая к случаю. Они были только несчастными людьми, злопамятными, находившими у своих страстей больше склонности удовлетворить свои мести, чем пожертвовать им для общественного блага.

Нет ничего более поучительного для понимания этого обстоятельства, которое влекли Конвент, чем история возвращенных жирондистских депутатов, если рассматривать ее в целом. 67 из них

¹ Correspondance inédite de Mallet du Pan, avec la Cour de Vienne, Paris, 1884, t. I, pp. 118 — 119.

протест против государственного переворота 31 мая 1793 г., они остались в живых, то они этим были обязаны Робеспьеру. Робеспьер три раза спас их от эшафота, которого требовали для них эбертисты, для данного случая соединившиеся с дантонистами.¹ На следующий день после праздника Верховного существа, 20 прерияля, те из них, которые были заключены в тюрьму Форс, написали очень горячее письмо Робеспьеру, благодаря его за его защиту. Можно полагать, что Талльенам и Фуше трудно было увлечь Равнину против Робеспьера 9 термидора. Они добились этого, только обещав ей облегчить участь заключенных жирондистских депутатов. Но они совершенно не обещали им вернуть им свободу и еще менее того вернуть их в Конвент, где давно уже заседали их заместители.

После термидора они ограничились тем, что перевели их в лучшие из возможных тюрем, что разрешили им получать пищу извне, перенести больных в больницы; и это было все. Назначенный в Комитет общественной безопасности 14 термидора депутат Жан Дебри должен был подать в отставку, будучи заподозрен в том, что он является их сообщником. Не подлежит сомнению, что, посвятив свою газету памяти Марата, Фрерон только хотел этим показать федералистам, что они всегда являлись для него врагами, так как Марат был ярким противником жирондистов и главным виновником событий 31 мая.

Заключенные жирондисты ждали целых два месяца, до 29 сентября 1794 г. (8 вандемьера III г.), прежде чем привлечь внимание Конвента к их судьбе. Это был момент, когда покушение на убийство Талльена, волнения в Марселе, процесс нантского революционного комитета начали разделять монтаньяров, момент, когда составители брошюры Фрерона беспощадно нападали на якобинцев. Заключенные в тюрьме Экоссе жирондистские депутаты в письме, впоследствии ими опубликованном, обращали внимание на то, что они были лишены своих депутатских мест и свободы за подписание протеста, который оставался тайным и который неизвестен был еще обществу даже в момент написания ими этого письма. Они требовали, чтобы этот протест был нако-

¹ См. Claude Perroud, La Proscription des Girondins, Paris, 1916, ch. X, «La déportation de Robespierre». Это было 13 ноября и 22 декабря 1793 г. и 7 февраля 1794 г., когда Робеспьер помешал преданию суду Революционного трибунала 67 жирондистов. 9 ноября 1793 г. обвинения жирондистских депутатов подал дантонист Осселен, затем на следующий день Базио и Шабо, также дантонисты, затем Эбер 11 ноября в клубе якобинцев и Дюфури от имени клуба в Конвенте 13 ноября 21 декабря, после ареста Венсена и де Ронсела кордаeliers, опять требовали в Конвенте предания суду Революционного трибунала 67 жирондистов. Якобинцы присоединились к ним в тот же вечер. Требование было отклонено на следующий день. В феврале и марте повторилась новая история, точно также отклоненная Робеспьером.

Относясь в № 52 «Ami des citoyens» на защитительные заявления Билло-Мере сын подтвердил, что «в тот день, когда федерализм был разбит». 3 октября 1793 г. Робеспьер требовал только 6 голов. Это Билло 22 головы. Робеспьер хотел издать декрет, что жирондистские депутаты будут подвергнуты надзору в целой коммуне. Билло добился постановления о заключении в тюрьму Во время отсутствия Робеспьера в Комитете стрым темпом пустил в действие гильотину.

не напечатан и чтобы они были преданы суду.¹ Председательство в Конвенте один из самых реакционных термидорианцев, Андре Дамон. Их письмо не было даже прочитано в Конвенте, а просто послано в комитеты.²

Но уже на следующий день дело их было предано гласности в Конвенте и представлено на суд общественного мнения, и кем же? Камбон, т. е. человеком, очень враждебно относившимся к термидорианцам. В большом заседании 12 вандемьера весь дантонистский генеральный штаб, побуждаемый многочисленными депутациями секций, Тюрю, Клозель, Мерлен из Тионвилля, Фрерон, Бентабол, Лежандр опровергли обвинение Лекуантра против «продолжателей Робеспьера» и в особенности против Барера, Билло и Колло. Камбон, который был коллегой Барера в первом Комитете общественного спасения, хотя и притти ему на помощь, напомнив, что Барер, подобно ему, Камбон пытался противиться восстанию 31 мая, которое было сфабриковано, говорил он, Дантоном и Робеспьером в тайных совещаниях вместе с членами Комитета общественного спасения того времени, т. е. вместе с Гюнтоном, Лендэ, Бреаром, Дельмасом и им, Камбоном, сообщив о заговорах Дантона в тайной записке за их подписями. Этим сообщением импульсивный Камбон думал совершить чудо и привлечь к себе симпатии Центра и правых и устроить дантонистов напоминанием о той роли, которую играл их умерший вождь, на позорную роль которого они не смели ссылаться. «Сообщники Робеспьера» бегли в этот день следственной комиссии, которой требовал Мерлен из Тионвилля. Состоявшееся уже голосование было опять подвергнуто обсуждению, и расследование было отменено. Барер, Билло и Колло успокоились на несколько недель. Но неосторожный Камбон доставил жирондистам превосходное оружие, которым они сумели воспользоваться. Отдавая отчет об этом драматическом заседании в *Orateur du peuple*, Фрерон упрекает Камбона в том, что он создал процесс 31 мая, чтобы защитить Барера.⁴

Заключенные жирондисты тотчас же воспользовались работорговлей Камбона и потребовали у Конвента своего освобождения. Можно было отказать им в этом, если Камбон уверял, что восста-

ние было контрреволюционным¹ движением и что большинство Конвента общественного спасения было на их стороне?

На этот раз трудно было похоронить дело. 22 вандемьера Конвент постановил без дебатов, что комитетами быстро будет составлен доклад. Не ожидая доклада, неизвестный член потребовал 29 вандемьера освобождения заключенных депутатов и возвращения их в Конвент.

На этот раз поднялись дебаты и, что замечательно, против поспешности протестовал термидорианец, который не был в Париже 31 мая; это был Мерлен из Тионвилля, который в это время был заперт в Майнце. Сперва нужно знать текст этого протеста, подписанного жирондистами. Амар объяснял, что протест находится в делах Революционного трибунала. Бентабол постановил, что он немедленно будет напечатан.

Позиция термидорианцев заслуживает внимания. Они поняли, что Камбон хочет их скомпрометировать с Дантоном, что процесс 31 мая может стать процессом Дантона и их процессом. Они, конечно, вовсе не спешили реабилитировать жирондистов. Это впечатление еще усилилось в заседании следующего дня. Друг жирондистов, Пеньер, еще раз пытается вступить за 67 депутатов. Дантонисты опять составляют оппозицию. Дантонист Тюрю настаивает на важности поставленного вопроса. Думают затеять процесс о революции 31 мая.

«Мы уже давно терпели гнет, когда революция 31 мая спасла Францию».

Дебаты приняли страстный характер. Талльен высказался в таком же духе, как Тюрю. Он осуждает Камбона за разоблачение того, что прежний Комитет общественного спасения выразил протест против этого дня.

«Это заявление было крайне неосторожно», и в заключение он говорит:

«В революции люди не должны оглядываться назад».

Затем Бентабол хитро старается показать, что Камбон противостоит одному из его коллег по старому Комитету общественного спасения Дельмасу по поводу тайного протеста, существование которого он разоблачил. Гюнтон, который также был членом прежнего Коми-

¹ Заключенные в арестном доме Экоссе представители народа во и поименованы в декрете Национального Конвента 3 октября 1793 (V. S.) своим коллегами — представителями народа, заседающим в Национальном Конвенте, и французскому народу. *Imp. F. Porte in-8* из 28 стр. Брошюра помечена последним днем сентября, т. е. 27 сентября 1794 г. Она подписана Бло, Форм, Варле, Дюбюк, Лебретон и Саладен.

² *Claude Perroud*, op. cit. p. 228, согласно протоколу Конвента.

³ В своем сборнике об Актах Комитета общественного спасения 00 он напечатал под ошибочной датой 7 июля 1793 г. «*Avis d'un rassemblement de conspirateurs à Charente*» (Сообщение о собрании заговорщиков в Шаранте) в записке рядом с этим сообщением мы находим следующее примечание на пометке: «Постановление, находящееся в папке документов и не зарегистрированное, как оно было передано секретариату только в фруктидоре II г.

⁴ № 12, помеченный 14 вандемьера III г.

¹ Заключенные в Экоссе уже на следующий день после заседания Конвента, т. е. 13 вандемьера, составили свое прошение, которое они напечатали под заглавием: Камбон, защищающий дело своих 73 заключенных коллег или истина о событиях 31 мая. *Imp. F. Porte*, 8 p., подписали: Бло, Фор, Варле (этот Варле, депутат Па де Кале, не имеет ничего общего с агитатором анархистом, о котором была речь в главе о молодежи Фрерона), Дюбюк, Корбель, Шастеллен, Лебретон и Саладен. Через три дня, 16 вандемьера 12 жирондистов, заключенных в Пор Либер, последовали их примеру: Двенадцать заключенных в Пор Либер представителей народа своим коллегам, заседающим в Национальном Конвенте, и всем французским гражданам, 28 p. Подписали Дюзо, Марбос, Мерсье, Казенав, Дюге-Дассе, Деразе, Мэсс, Блавиель, Серр, Гюнтон, Пейер и Дону. Заключенные в Пор Либер также послали свое прошение без даты: Представители народа, арестованные по декрету 3 октября 1793 г., старого стиля содержащиеся в арестном доме в Карм, Национальному Конвенту и французскому народу, 28 p. Подписали: Гекке, Блад, Боган, Кейнек, Обелен, Дюбре, Анри Флейри, Лоранс, Бенан, Рио.

тета, подтверждает и точно излагает заявление Камбона. Камбон опять припутывает к делу Дантона:

«Я сказал, что представленная первоначальная петиция с требованием членом была дана Дантоном, я видел ее, но только я один видел ее».¹

Затем, приходя все в большее возбуждение, он обвиняет джирондистов в том, что они первые ввели систему террора. «Надо сорвать маску», воскликнул он, и он обвиняет дантонистов в желании, после 10 августа, возвести на престол герцога Орлеанского и в организации сентябрьской резни для устрашения Законодательного собрания. Сопределенно припутал к делу Талльена, напомнив, что 31 августа 1792 г. в 6 часов вечера Талльен явился сообщить Собранию об аресте священников, от которых вскоре «будет очищена земля свободы». Талльен отрицал это, утверждая, что он был чужд резне и что он спас из рук убийц представителя Жуно, укрывшегося в аббатстве, когда Дюгем опроверг его, Талльен изменил тактику и перешел к уступлению.

«Раз вы хотите отвлечь общественное внимание от ваших преступлений, раз вы хотите перенести его с берегов Луары на берега Сены, я также призываю его сюда. Так как вы обвиняете меня в убийстве непокорных священников, я обращаю внимание народа на тысячи жертв, которые вы принесли на Юге, которыми переполнена Луара».

Это было объявлением беспощадной войны Карье и его сторонникам. В этом турнире, где велась борьба на жизнь и смерть, жирондисты служили только предлогом. Заседание закончилось вмешательством Роберта Ленде, который заявил, что 31 мая было «веселым, счастливым, полезным и необходимым днем», и который опять начал процесс жирондистов. Его несколько раз прерывали. Дебаты закончились ничем. Но в том же самом заседании левая одержала одну из своих последних побед, проведя в президиум Собрания Приера де Марн, а в секретариат Пемберто, Гужона и Крассу; все они были жирондистами.

Против жирондистской правой составилась коалиция из Центра Горы с целью отложить доклад о требовании освобождения 67 заключенных. Отсрочка продолжалась больше шести недель.² Конвент еще

¹ Петиция 15 апреля 1793 г. была подана Конвенту Александром Русселом. Счет за печатание этой петиции, найденный Fuetey, был оплачен министром внутренних дел Паре, прежним письмоводителем Дантона. См. статью о падении Дантона в «Annales Révolutionnaires», t. VI, 1913, p. 214.

В речи Камбона, напечатанной по его стараниям, мы читаем: «Другой факт, не менее важный, который, по правде говоря, не имел других свидетелей, кроме меня, заключается в том, что накануне того дня, когда вы получили новую петицию, которая требовала обвинения 22 членов Конвента, я видел, проходя через залу Конвента, как Дантон передал эту петицию оратору, который ее прочел». [Речь, произнесенная Камбоном в заседании 1 брюмера III г. «Bibliothèque nationale», Lb. 38 (1009)].

Известно, что Руссел де Ст Альбен, который вскоре после этого стал секретарем Барраса, был другом Дантона.

² Депутат Дизес в следующих выражениях объясняет заседание 1 брюмера в письме к своему другу: «Вчера у нас было одно из любопытнейших заседаний, речь шла об освобождении 60 депутатов... Партия примиренцев, которая хочет понизить скалу, а не опрокинуть ее, которая хочет поднять Республику, чтобы добиться ее господства, одним словом, которая хочет привести обе стороны

к тому, чтобы был поставлен вопрос о революции, из которой возникла диктатура монтаньяров, хотя он и осуждает ее в частностях. Но долго оставаться в таком сложном положении ему будет невозможно. Закрытие клуба якобинцев, процесс Карье вызвали глубокое волнение. Все, что связано с террором, позорно. Как говорит Малле дю Пан, Конвент принужден был идти за общественным мнением, и он должен был делать уступки, мелкие уступки, которые, как он полагал, избавят его от окончательного отречения. Но эти мелкие уступки неизбежно вели его к этому отречению, хотя он не отдавал себе в этом отчета.

В ожидании доклада по поводу петиции 67 заключенных жирондистов, доклада, которого они желали бы избежать, комитеты освобождают их одни за другими и разрешают им вернуться домой. Чтобы не нарушать закона, их считают находящимися под домашним арестом. Чистейшая фикция, потому что их оставили без стражи.

11 брюмера Удо от имени Комитета законодательства серьезно считает законы о подозрительных вантоза II г. и сентября 1793 г. Он делит подозрительных на 3 категории:

1. Тех, которые заслужили изгнание, которые будут преданы суду и имущество которых постигнет та же участь, какая постигла имущество эмигрантов. Их очень немного.
2. Тех, которые только заблуждались и которых из предосторожности будут держать в тюрьме только до заключения мира.
3. Наконец, тех, которые явились жертвами личной ненависти и чрезмерного усердия, которых освободят. Их огромное большинство. С этого времени тюрьмы будут освобождаться еще быстрее, чем прежде.

Многочисленные сторонники жирондистов, находившиеся в списках подозрительных, должны были воспользоваться благами этого закона 11 брюмера.¹

Города, принимавшие участие в федералистском восстании, были объявлены на осадном положении. Осадное положение снимается постепенно, сперва в Лионе² и в Лон-ле-Сонье, принимая во внимание интересы торговли, которым мешает осадное положение, а затем и в других городах.

Эти уступки только поощряли жирондистских депутатов опять поднимать кампанию о восстановлении их в правах. Прежний член Учредительного собрания Редерер, который был посредником между их главами и двором накануне 10 августа, выступал их защитником, хотя

в равновесии, не оставила никакого сомнения относительно своего существования и своего намерения. В данном случае она вмешалась в дело в пользу скалы; в других случаях она подходит со стороны Равнины. Это прекрасная роль, но трудно играть» («Revue de France» du 15 décembre 1926).

¹ Claude Perroud, La Proscription des Girondins, pp. 236 — 240.

² По докладу Виллера от имени комитетов общественного спасения, финансов и торговли (16 вандемьера III г.). Сперва решено было вернуть Коммюна ее старое название Лион. О снятии осадного положения в Лон-де-Сонье просил Барсала, которого поддержал Лежейн в том же заседании.

он не решался подписывать своим именем юридические справки, которыми он писал в их пользу. Его брошюра имела огромный успех.

Те, которым были известны близкие отношения, связывавшие Редерера с его соотечественниками из Метца, Мерленом из Тионвилля, могли уже, читая эту брошюру, угадать, что термидорианцы дантонисты сделали эволюцию и что они откажутся от своих воззрений против процесса 31 мая и против возвращения 67 депутатов.

Когда за брошюрой Редерера последовала брошюра некоего Баралера, настоящим именем которого было Жолливе, который был известен как одно из доверенных лиц Фрерона,³ у них не было никаких сомнений. И в самом деле, когда 18 фримера Мерлен из Дуэ представил, наконец, доклад, который задерживался в течение двух месяцев, и предложил восстановить в Конвенте в правах жирондистов исключенных 3 октября 1793 г., то по этому поводу не было никаких дебатов. Впрочем доклад Мерлена сводился к трем неопределенным фразам и проект его был лишен всякой мотивировки. Те несколько депутатов, которые взяли слово, просили только о новых восстановлениях в правах, которые точно так же были приняты без дебатов.

Монестье из Пюи де Дом прибавил к этому списку своего коллеги Дюлора, Гюиомара, Куппе из Кот дю Нор, Бреара, Деспинасси, Андре Дюмона, Деверите, Тибодо, Томаса Пейна.⁴

Повидимому, заседание было заранее подстроено соглашением

¹ Брошюра Редерера за подписью Жак озаглавлена: «De l'intérêt des Cémities de la Convention nationale et de la nation dans l'affaire des 71 détenus».

(Об участии Комитетов Национального конвента и нации в деле 71 заключенного депутата). 17 брюмера III г., 28 р. м — 8.

Среди других брошюр, которые восхваляли возвращение жирондистов, К. Перу цитирует: Le procès de 31 Mai, 1 et 2 juin ou la défense de 71 représentants par Michel Edme Petit (monvéectionnel); Lettre à Thuriot au sujet de ses 71 collègues 6 brumaire, par Veridique; Réponse aux objections proposées contre la demande de mise en liberté des 71 députés détenus dans la séance du 2 brumaire par S. R. Coysse 27 brumaire, Дюпюи (член Конвента, автор книги) «Observations du citoyen Dupuis ses collègues de l'Origine de tous les cultes».

² Редерер, как он сам говорит в своих «Oeuvres complètes» написал сатирический портрет Робеспьера, который появился после термидора за подписью Мерлена из Тионвилля. Факт этот был известен в то время, потому что Рише-Сери из № 5 своего «Accusateur public», где он выводил на сцену Мерлена из Тионвилля и Редерера, изображая первого простым орудием второго, который заставляет его принимать на себя его статьи (см. «Buche et Roux Histoire parlementaire», t. XXXVI, p. 199).

³ Эта брошюра, подписанная Баралером, озаглавлена «Rappelez vos collègues». р. 30 В своем 24 № «Orateur du peuple» за 11 брюмера Фрерон горячо рекомендует чтение «Ami de la Convention», политического листка, редактируемого гражд. Баралером. Последний написал много памфлетов против якобинцев, внесенных Турне в каталог его «Bibliographie».

⁴ Дюлор, которого предписано было арестовать 21 октября 1793 г., бежал в Швейцарию. Это был, таким образом, эмигрант, который был восстановлен в должности (см. Cl Perroud, pp. 289—291). Арест Деверите был произведен 8 июля 1793 г. по доносу того же самого Андре Дюмона, который теперь требовал его возвращения. Томас Пейн, скомпрометированный своей перепиской с Дантоном и своим иностранным происхождением, был заключен в Люксембург 28 декабря 1793 г. Его возвращение было равносильно отмене закона об иностранцах 27 жерминаля. И в самом деле этот закон был определенно отменен в том же заседании по докладу Бурдона де л'Уаз.

сочиненными в кулуарах между комитетами и главарями различных партий во избежание новых дебатов об ответственности за события 31 мая.

Камбон, который 12 вандемьера разразился чрезвычайно резкой филиппикой против Дантона и Талльена, на этот раз молчал. Не трудно угадать почему. Клуб якобинцев был закрыт. Семь членов прежних комитетов, Барер, Билло, Колло, Вадье, Амар, Вуллан, Давид, оговоренные Лекуантром, находились под судом, и Камбон хотел их спасти.

На самом деле, 15 фримера, т. е. за три дня до этого, когда процесс Карье приближался уже к концу, дантонисты сочли момент подходящим, чтобы опять начать свою вечную атаку против сообщников Робеспьера. Гупильо де Монтегю, друг отвратительного Ровера, вернувшийся из своей командировки в Воклюз, напомнил о пожаре в Бедуан, а его приятель Андре Дюмон потребовал следствия по поводу поведения Менье, виновника этого пожара. Тогда Лежандр, который без сомнения только этого и ждал, чтобы привлечь к делу весь прежний Комитет общественного спасения, который должен был знать все эти ужасы, все ужасные дела Карье, Лебона, Менье и которые не помешал им и не наказал их.

«Как! Топили людей в Нанте, расстреливали в 120 милях от Парижа (т. е. в Лионе), и комитет ничего об этом не знал!»

Лежандр напомнил, что Лебона, проконсула Арраса, защищал Барер.

«Я заявляю, что Конвент не должен проявлять мягкости. Граждане, привлечите виновных к суду, иначе потомство осудит вас всех!»

Когда Ровер перешел к Менье, своему личному врагу, и напомнил, что он был другом заговорщика Кутона, Лекуантр заявил, что он напечатал документы для подкрепления своего обвинительного акта о семи членах прежних комитетов. Конвент уже два раза отвергал этот обвинительный акт, считая его клеветой. Но процесс Карье так изменил атмосферу, что на этот раз он без дебатов решил послать на рассмотрение комитетов собранные Лекуантром документы. . . Таким образом дантонисты мстили за свое поражение 12 вандемьера. У них была заготовлена ужасная угроза против главарей монтаньяров, их противников, против самого Камбона, который молчал, на этот раз она оказалась действительной.

Процесс членов прежних комитетов и их сообщников витал теперь над Конвентом, господствовал там и фактически руководил debатами. Даже когда о нем не говорят, о нем всегда думают, и судьба Карье преследует воображение.

Благодаря дантонистам положение радикально изменилось. 12 вандемьера злополучный Камбон бестактно поднял в связи с жирондистами вопрос об ответственности Дантона и Талльена за террор и восстановление 31 мая. Талльен тогда воспротивился восстановлению в правах жирондистов и высказывался так же, как Ленде. Но с тех пор Талльен сделал резкий поворот.¹

¹ В № 5 «Ami des citoyens» от 15 фримера, т. е. в тот день, когда Конвент, высказав свое первоначальное мнение, уж готов был начать следствие о прежних

Армия Фрерона, в которой он нуждался, состояла из жирондистов и даже из прежних фельянтинцев, которые поддерживали требования 67-ми. Он и Фрерон в кулуарах входят в соглашение с теми, освобожденными уже 67-ю. Они соглашались восстановить их права с тем условием, что они не будут подвергнуты унижению и лишены общественного порицания их деклараций по поводу событий 31 мая. Это было причиной их молчания. . . Кроме того они нуждались в вернувшихся федералистах, пришедших для укрепления своей партии против возможных настроений сторонников Гораска. Касается монтаньяров, то они молчали по другим, но аналогичным причинам, я хочу сказать, объяснявшимся их собственным личным расчетом. Они чувствовали, что с переменой фронта Талльена и Фрерона окончательной изменой Центра вследствие закрытия клуба жирондистов, они составляли ничтожное меньшинство в Собрании. Чего бы они, вызвав дебаты, которые только озлобили бы против жирондистских депутатов, восстановлению которых они не могли мешать. Молчанием, участием в единогласном голосовании в их пользу они могли по крайней мере сделать красивый жест, теперь, когда они нуждались в своих прежних противниках и когда они в свою очередь могли оказаться обвиняемыми.

Восстановленные депутаты уже со следующего дня 19 фримера явились на заседание. Почтенный Дюссо, самый старший из них в прежней Академии надписей, обещал в своей благодарственной речи, что никто из них не будет заниматься репрессиями.

«Мы далеки от всяких чувств вражды, мы их оставили в наших темницах. Но еще до окончания заседания можно было видеть, как будет исполнено торжественное обещание. Один из 67-ми, Филипп Дюмон из Кальвадоса требовал пересмотра «всех изданных Робеспьером законов, большая часть из которых, говорил он, являются только орудиями тирании».

Он привел закон 23 вантоза. Знаменательно то, что Талльен поддержал его предложение и еще дополнил его. Он потребовал упразднения революционных комитетов в целях экономии и возвращения земель, делю и торговле тысяч людей, которых никогда не следовало лишать у них. . . Тюрио поддержал предложение Талльена, но по другим мотивам. Он говорил об актах мести, которым предавались революционные комитеты, намекая таким образом на аресты террористов произведенные со времени термидора. Тотчас же термидорианец Клод Бурдон де л'Уаз, Бентабол стали восхвалять новые революционные комитеты, которые преследуют «кровопийцев». Все, чего добивался Талльен, сводилось к уничтожению почтового контроля и восстановлению тайны переписки. Но принято было во внимание предложение Филиппа Дюмона о пересмотре всего предыдущего законодательства и оно было передано в комитеты. На следующий день, 20 фримера один жирондист донес на Паша и Бушота, мэра и военного министра II г., что они являются виновниками событий 31 мая, и предложил

членам комитетов, Меге подписал лирическую статью в пользу возвращении жирондистов, которого, как он говорил, требовала вся Франция

Комитету общей безопасности поручено было предать их суду.¹ Но жирондисты не находили, чтобы этим заглажена была совершенная по отношению к ним несправедливость. Оставалось еще восстановить в правах тех из их коллег, которые не ограничились, подобно 67-ми, одним только протестом — между прочим тайным — против резолюции 31 мая, но которые перешли к действиям, которые принимали активное участие в федерализме или которые скрылись от ареста. Они были поставлены вне закона и осуждены заочно. Их было еще 23 человек. Если 31 мая было государственным переворотом, гнусным актом угнетения и насилия, то почему же не коснулось восстановление в правах тех, которые обладали большим мужеством, чем первые, которые с оружием в руках защищали право? Почему они все еще находятся вне закона? Они уже, подобно Ланжюине, посылали из своих убежищ красивые и красноречивые письма Конвенту, в которых требовали справедливого суда. Уже многочисленные парижские секции дефилировали перед Собранием, восхваляя героизм жирондистов. Секция Горы, которая по этому поводу опять приняла свое старое имя Butte des Moulins, требовала проявления акта справедливости в пользу своего старого командира Раффе, несчастного соперника Анрио.²

Но если жирондисты были несчастными жертвами террора, то они не были единственными его жертвами. Неужели ничего не будет сделано для других? 20 фримера, в самый день возвращения жирондистов, в Собрание явилась депутация жен и детей гильотинированных, чтобы разжалобить его по поводу своей судьбы. Может быть им вернут по крайней мере их движимость, которая была у них секвестрирована и подвергнута продаже? Конвент решил, что этим вопросом стоит заняться. И не дожидаясь доклада своих комиссий, Конвент решил, что продажа имущества осужденных будет прекращена. Этим был создан прецедент на пути пересмотра всех решений по уголовным делам, вынесенным более чем за год до этого во всей Франции исключительными судами, трибуналами или революционными комиссиями. Обдумав это дело, Собрание испугалось его последствий. Орудием этого страха явился опять-таки Лекуантр, гот самый Лекуантр, который с самого термидора беспрестанно резко преследовал своими обвинениями членов прежнего правительства.

Лекуантр был коммерсант. Он умел считать. Он, конечно, хотел наказания некоторых главарей терроризма, в особенности тех, которые внушали ему страх, но Лекуантр ни в коем случае не хотел общего пересмотра политических решений, который принудил бы революционное правительство вернуть имущества, которыми оно завладело. Имущество

¹ О процессе Паша, см. работу Адриена Сея в коллекции Общества истории революции.

² Уже 17 фримера Порше требовал, чтобы Пьер Сер, прежний председатель департамента Жиронды, не находился больше вне закона. Сент Андре выставлял ему похвалу. По предложению Порше Будена Конвент решил, что находясь вне закона будет отменено для всех без изъятий, кто был объектом его 19 фримера аббат Грегуар высказал похвалу католику Ланжюине, находившемуся вне закона. . . 23 фримера были зачитаны в Конвенте письма Дефершонна и Анриера, которые требовали отмены декрета, касавшегося их, и т. д. См. заседание Конвента 21 фримера.

ства осужденных, как и церковные имущества или имущества эмигрантов, составляли обеспечение ассигнатов. Если вызовут беспокойство среди покупателей, то что станет с финансами республики? И Лекуантр уже несколько дней был настороже. 9 фримера он с сильным негодованием донес о злоупотреблениях властью, которые позволил себе эmissар в Бордо после термидора. Своею собственной властью Изабо учредил в этом городе 23 фруктидора комиссию для пересмотра решений прежней революционной комиссии. И эта комиссия пересмотрела уже реабилитировала нескольких осужденных и распорядилась возвратить их имущества их наследникам. Никто не выступил в защиту Изабо, Бурдон де л'Уаз поддержал Лекуантра, и Конвент кассировал действия Изабо, решения, изданные его комиссией пересмотра и отозвал проконсула, который предупреждал события.

Лекуантр был, таким образом, верен себе, когда 22 фруктидора он потребовал отмены Конвентом его решения, принятого за два дня до этого, о прекращении продажи имущества осужденных.

«Эта отмена, — говорил он, — вызвала сильнейшее беспокойство умов искренне привязанных к революции. Она даже заставляет опасаться, что прекратится также и на проданные уже имущества. Беспокойство идет еще дальше, оно распространяется на все имущества, приобретенные по судебным решениям, на конфискованные и проданные в пользу республики имущества. И теперь спрашиваю вас, мои коллеги, если вы сделаете один шаг назад в этом вопросе, что станет с доверием к казне, что станет с вашими финансами, так как необходимое следствие прекращения продажи национальных имущества неизбежно должно привести возвращение этих имуществ их прямым наследникам, то эта мера непременно должна привести вас к введению этих самых наследников во владение имуществами, которые уже проданы...»

Лекуантр однако допускал выдачу вознаграждения за убытки и вспомоществования

«наследникам несчастных жертв наших тиранов».

Клозель, один из самых решительных термидорианцев, поддерживал Лекуантра. Он принципиально допускал, что было не очень много несправедливых осуждений. Невинные были в небольшом числе. Возможно будет выдать пособия их семьям. Но

«если вы введете их во владение имуществами, вы нанесете тяжелый удар республике».

Все выступавшие ораторы были такого же мнения. Клозель указал, что со времени приостановки продаж ассигнаты упали в цене на 15%. Декрет, изданный за два дня до этого, был отменен, и кроме того Клозель предложил новый декрет, который постановлял, что Конвент не допустит

«никакого требования пересмотра судебных решений, имевших результатом конфискацию имущества, произведенных во время революции».

Для того чтобы Конвент нашел необходимым принять по отношению к самому себе такое обязательство, которое ограничивало в будущем его свободу, у него не должно было быть уверенности в том, что он долго в состоянии будет прогнаться давлению общественного мнения; чтобы жирондисты по крайней мере своим молчанием подчинились под этим обязательством, они должны были быть сильно заинтересованы в этом молчании. Легко догадаться, в чем они были

заинтересованы. Комитеты получили приказ составить доклад о требованиях восстановления в правах жирондистов, поставленных вне закона. Вернувшиеся жирондисты уже не хотели рисковать вызвать недовольство комитетов накануне этого доклада.

По своему обыкновению комитеты ограничились полумерой, которую докладчик Мерлен из Дуэ, Мерлен подозрительный, как его называли за его участие в голосовании закона о подозрительных, следующими словами характеризует в письме, адресованном после их совещания другому Мерлену, Мерлену из Тионвилля, Мерлену майнцскому, бывшему тогда эmissаром в рейнской армии:

«Ты знаешь, что Ланжюине, Инар, Луве и др. стараются вернуться в Национальный Конвент. Мне поручили сегодня ночью предложить декрет о том, что они не будут возвращены, но что они будут ограждены от всякого преследования. Я хочу, чтобы этот проект соглашения прошел без шума. Дебаты по этим вопросам могут привести к очень печальным результатам».¹

Когда Мерлен из Дуэ на следующий день (27 фримера) предложил в нескольких словах этот проект сделки, вернувшиеся уже жирондисты ужасным шумом выразили свое разочарование. Председатель, которым был Рейбель, должен был три раза надевать шляпу. Центр и правая обменивались ругательствами. Жирондисты требовали суда для своих друзей. Лежандр напомнил, что они

«с оружием в руках обошли департаменты».

Мерлен из Дуэ во время перерыва через головы членов комитетов заметил:

«Разве вы хотите дать общественному мнению превратное понятие о революции? Разве вы хотите дать недоброжелателям поводы, говорить, что вы закрыли клуб якобинцев, только с тем, чтобы открыть Тампль?»

Этот намек на тайное соглашение некоторых жирондистов, находившихся вне закона, с роялизмом только увеличил шум. Жирондист Рейбель бросился на трибуну председателя, чтобы вырвать у него колокольчик. Рейбель, заявив о принятии декрета, среди протестов и требований поименного голосования, закрыл заседание. То, что давал Конвент жирондистам, поставленным вне закона, была презрительная амнистия, подобная той, которую он дал, по докладу Карно, начиная с 12 фримера, вандейцам и шуанам, которые изъявляют покорность. Жирондисты же хотели полного удовлетворения, полной реабилитации. Им пришлось ждать этого еще три месяца.

Монтаньяры вступили в очень невыгодную сделку, согласившись затеять дискуссию по поводу событий 31 мая. Одни только жирондисты имели слово в газетах и в памфлетах. Бабеф, написавший брошюру в ответ им и для оправдания событий 31 мая, не нашел типографии для напечатания ее. Щепегильный Фуше, бывший тогда его покровителем, отсоветовал ему печатать ее. Почему молчали монтаньяры? Очевидно потому, что процесс прежних членов комитетов, преданных в настоящее время суду, был дамокловым мечом, которым правительственные комитеты угрожали им. Члены комитетов, многие из которых были их прежними коллегами в террористическом прави-

тельстве, требовали от них благоразумия и делали им обманчивые обещания. Парламентские кружки притупляют мужество, и Гора все более теряет связь с общественным мнением, в котором она черпала свою силу и в котором она найдет свою гибель. Вернувшиеся жирондисты и фреронисты, все теснее объединявшиеся, в виду общности их интересов в данный момент знали это положение и эксплуатировали его.

Члены комитетов затягивали порученное им 15 фримера следствие о 7 децемвирах, на которых донес Лекуантр. После трех недель ожидания дантонист Клозель, указывая на так называемые ночные собрания якобинцев в улице Контрскарп, разразился 6 нивоза сильной филиппикой против безнаказанности децемвиров, которые еще продолжали мучить Францию:

«Как хотите вы, — воскликнул он между прочим, — чтобы европейские державы решились предложить вам мир или союз, когда вы оставляете в стороне главнейшие раздирающей республики?»

Любопытный аргумент, к которому мы еще вернемся впоследствии. Он закончил требованием, чтобы комитеты представили, на своем свой доклад. Конвент постановил, что доклад будет сделан в заседании следующего дня. Комитеты подчинились, и от их имени Мерлен Дуэ, человек, исполнявший всякие грязные дела для нового режима, как он делал это для старого режима, предложил 7 нивоза освободить от суда 3 децемвиров из оговоренных 7, т. е. Давида, Вула, Амару, и предать суду остальных четырех т. е. Барера, Билло, и Вадье. Тотчас же по жребию была выбрана комиссия из 21 века, которая должна была выслушать обвиняемых и подготовить вину заключение. Так как Революционный трибунал был открыт со времени процесса Карье, а между тем все же нужен был бучал, чтобы осудить четырех децемвиров то мастер на все Мерлен из Дуэ на следующий день провел декрет, необходимый для восстановления этого трибунала, который согласно смыслу нового декрета, должен был отныне обновляться каждые три месяца. председательствования в этом революционном трибунале, который являлся последним, Конвент назначил в последние дни юрисконсульта своим ясенистым благочестием, Ажье, ¹ национального комиссара в суде V парижского округа. Судьи и присяжные, которые должны были вступить в исполнение своих обязанностей 20 плювиоза, все были умеренные, которые отныне оправдывали истинных ² роялистов. Если бы децемвиры были преданы этому, в них было бы мало надежды на спасение. В довершение неслучайно комиссия 21, выбранная по жребию, не была бы к ним расположена. Эта комиссия назначила докладчиком вернувшегося жирондиста, очень мстительного, который повел бы дело решительно, он, однако, не мог действовать так быстро, как он бы этого хотел. Другие комитеты старались умерить его усердие и задержать его выступление, и он мог представить свой доклад только через два

¹ Ажье был назначен 19 нивоза вместо несогласившегося Мурико.

² См оправдания 29 плювиоза 3, 5, 11, 12, 16, 19, 22, 24 вантоза, включая оправдание подсудимого, обвинявшегося в сношениях с испанцами.

³ Уже 13 нивоза он жаловался, что комиссия 21 еще не получила тех, которые она просила в Комитета общественного спасения.

вантоза. В этот промежуток времени Вершина придумала выход, чтобы попытаться спасти 4 своих членов, находившихся под следствием. При помощи Дюгема она 8 нивоза донесла о брошюре с роялистскими тенденциями, озаглавленной «Французский зритель во время революционного правительства», подписанную довольно известным профессором права, Жаком Венсаном Лакруа. Дюгем прочел многочисленные извлечения из этой брошюры. Это произвело глубокое впечатление. Буасси д'Англа, человек из Болота, указал, что роялисты ведут агитацию среди парижского населения по поводу продовольствия. Леквинию потребовал изгнания из Франции молодого дофина, Лекзельо, предания революционному суду Лакруа. Камбон напомнил, что роялисты всегда пытались расколоть республиканцев и противопоставить их друг другу.

«Граждане, слово республиканец не является синонимом кровопийцы, как хотели заставить думать».

И Камбон сильно обрушился на Талльенов и Фреронов. Конвент постановил, что Лакруа будет арестован и предан суду.¹

Несмотря на рост реакции, подозрение в роялизме было еще так опасно, что Талльен и Фрерон поспешили принять меры для своей защиты. Они дали своей молодежи приказ ставить на одну доску роялизм и терроризм, и секции, которые были им преданы, стали представлять Конвенту адреса в этом духе. Баррас, принадлежавший к их компании, предложил 19 нивоза превратить в национальный праздник годовщину смерти Людовика XVI, 21 января, которая в этом году приходилась на 2 плювиоза. Декрет был принят единогласно, и жирондист Пеньер внес в него поправку, что праздник этот будет праздноваться каждый год.

Один человек из Болота, голосовавший за отсрочку казни и за обращение к народу в пользу Людовика XVI, Буден, депутат Эндр, пытался через несколько дней после единогласного голосования, 26 нивоза, помешать процессу 4-х и склонить Конвент к мысли о всеобщей амнистии.

«Нет, граждане мы не дадим нашим разбитым врагам воспитательное зрелище резни депутатов. Не верно, как утверждали некоторые, что нас против воли разделят на участки до тех пор, пока здесь останется только колонна предателя».²

Буден показал, что якобинцы опять станут опасными лишь в том случае, если их доведут до отчаяния бесконечными репрессиями.

«Чего вы достигнете, если беспрестанно будете показывать им изображение казни? Вы сделаете их более сильными, чтобы избавиться от нее... Нет оснований остановиться на 7, на 10, на 12 человеках».

Буден исключил из предлагаемой им общей амнистии только самих эмигрантов. Его красноречивая и искренняя речь произвела впечатление.

Он был оправдан новым Революционным трибуналом единогласно, оправдан было встречено аплодисментами 2 вантоза.

Буден таким образом пародировал фразу, которую Карье произнес в свою очередь перед Конвентом.

ние. Но дантонист Лежандр в грубой импровизированной речи требовал продолжения преследования.

«Разве у нас еще существует деспотизм, когда амнистию предлагали лишь в том случае, когда речь шла о больших преступниках. Никогда не говорили о милости нескольким неизвестным гражданам, тех, которые не исполняли своих должностей, тех, которые не злоупотребляли своей властью... Они должны преследовать только главарей, а не тех, кого они обманывали. Вино есть только среди тех, которые были во главе правительства. Я не слышал их от Робеспьера, потому что для меня Колло, Билло и Робеспьер — синонимы».

Среди аплодисментов прежний мясник величественно предложил перейти к порядку дня.

Через несколько дней, 29 нивоза, жирондист Байльель предложил формально изгнать из пределов Франции всех террористов без исключения. Разбитый, он несколько раз возобновлял свою попытку.

Фреронисты, без сомнения, удовлетворились бы, как говорит Лежандр, казнью 4-х. Но они должны были удовлетворить свою армию, которая будировала с тех пор как роялист Лакруа был предан революционному суду, а Баррас учредил праздник в годовщину 21 января.

Фрерон должен был 23 нивоза напечатать в своей газете горячий призыв, чтобы «пробудить молодых людей от их летаргического сна, как он говорил, и его призыв был повторен присоединившейся к нему печатью.¹ Но мюскаденцы хотели не одних только фраз. Они сожгли номер Фрерона, в котором содержалось несколько упреков по адресу.² С середины нивоза они задумали уничтожение памятника Марату, который возвышался в Тюильрийском саду.³ Чтобы попытаться их успокоить и помешать им перейти к действиям, фреронист Клозель решил 26 нивоза приписать якобинцам проект оскорбления в бюста Марата, с маккиавелевским замыслом приписать это оскорбление сторонникам Конвента. Но этот маневр провалился. Умеренный Буассье ответил Клозелю:

«Я требую свободы совести для этих святых, как и для других».

Надо было найти нечто другое. Чтобы заставить мюскаденцев огласиться на празднование годовщины 21 января, его превратили в праздник, направленное больше против терроризма, чем против роялизма. За два дня до празднества, 30 нивоза, в общем собрании секции Вильгельма Телля, певец и музыкант Гаво в первый раз спел кроважадные куплеты — *Пробуждение народа*, ставшего тотчас же Марсельезой мюскаденцев.

«Прочь эту постыдную вялость!
Торопись суеверный народ

Низвергнуть на все муки ада
Кроважадных всех этих гни!

¹ См. напр. в «Républicain français» за 25 нивоза резкую статью против вожаков, кончающуюся призывом к бдительности молодежи. Эта статья, вероятно, принадлежала перу Лакретеля младшего.

² См. у Aulard, Réaction thermidorienne, t. I, p. 347, «Rapport de 27 нивоза. Сожжен был № 59 «Orateur du peuple».

³ См. у Aulard, t. I, p. 372, доклад 19 нивоза: «В кафе Канонье, (ныне Шартр, громили Марата, перевозили Корда. Завсегдатаи этого кафе принимают решение отправиться туда с заступами и орудиями для уничтожения поставленного ему там памятника... Доклад 26 нивоза утверждает, что существовал проект сбросить во время представления бюсты Марата и Ле Пелетье».

Делам всем — война!
Их и смертный час!
Многи, страна!
Не уйти им от нас!

...как страх их глубок, —
...не посмеют они!

Проливой крови поток
Скоро зальет их следы.

Мы клянемся на ваших гробах,
Мы клянемся несчастной страной,
Сразу всех извести кровопийц,¹
Сразу всех уничтожить врагов.¹

Делегации от секций направились накануне празднования в Конвент с требованием смерти террористов. Собрание покорно решило, что в течение трех дней комитеты составят свой доклад о предании делу Жозефа Лебона. В тот же день оно назначило злополучного Жозефа председателем.

Празднество следующего дня, происходившее в зале Конвента, свелось к концерту, данному Музыкальным институтом. Концерт начался тихим и мелодичным номером, по поводу которого Гора с раздражением спросила, не собирается ли Музыкальный институт оплакивать смерть тирана. Госсек оправдывался, объясняя, что инкриминируемая Гора выражает умиление, которое испытывают чувствительные души от счастья быть освобожденными от тирана. По окончании концерта один из вернувшихся жирондистов, Оливье Жерант, произнес грозную речь против терроризма.

«В этот день, когда умер роялизм, терроризм должен точно так же умереть. Смахнет стереть с лица земли тех, которые извратили общественную нравственность, которые сделали убийство профессией и уничтожили целые коммуны».

До уничтожения террористов он требовал учреждения праздника в память 9 термидора, очевидно в противовес празднику 21 января. Несмотря на оппозицию Лежандра, который боролся против этого предложения, придававшего слишком большое значение Робеспьеру, который был только «школьником в преступлении», праздник был установлен, после того как Галльен возвеличил день, в котором он сыграл первую роль.

Мюскаденцы по-своему праздновали годовщину 21 января. Они носили по Пале-Рояль и по соседним улицам окровавленный манекен, изображающий «якобинца». Затем они его сожгли и собранную в ночной горшок золу бросили в помойную яму на Монмартре.

В следующие дни они заставили актеров-патриотов Триала, Фюмеля, Граммона петь кроважадный «Réveil du peuple» и покаяться в своих террористических грехах. Затем они, по примеру Мартенвилля, стали опрокидывать, а затем разбивать бюст Марата везде, где они могли до него добраться. Сколько ни приказывал Комитет общей безопасности полиции опять устанавливать сброшенные бюсты,² сколько

¹ Слова «Пробуждения народа» принадлежат Суригьеру, музыка Гаво. «Messenger du soir» напечатал новую песню в своем номере от 1 плювиоза, как раз накануне празднования годовщины 21 января. Гаво пропел свои куплеты в тот же день в кафе Шартр. (См. Constant Pierre, Les hymnes et chansons de la Révolution, Paris 1904, p. 716 et sq.).

² Ленъело от имени Комитета общей безопасности доложил 13 плювиоза, что молодые люди, введенные в заблуждение роялистами или террористами, сбросили накануне бюст Марата в театре улицы Фейеда. «Комитет общей безопасности» видел в Марате представителя народа, память которого торжественно должна была сохраняться, следовательно этот акт был покушением против нации... Бюст Марата. Термидорианская реакция.

ни заклинал сам Фрерон своих читателей уважать законы Конвента,¹ мяскаденны, уверенные в своей безнаказанности, должны были свое дело. Предместья, в которых Марат был очень популярен, возмущались. Были драки, протесты в нескольких демократических обществах, которые еще существовали, были устроены с бюстом Друга народа. Комитет общей безопасности поспешил удовлетворить мяскаденов, ссылаясь на якобинскую агитацию, ставив Бабефа за один номер его газеты,² закрыв клуб Лангского предместья Марсо и Кенз-Вен в Антуанском предместье, он в то самое время велел убрать изображение Марата из театров. Термарианское большинство одобрило это 20 плювиоза и решило по предложению Андре Дюмона, что почести Пантеона впредь будут вестись только через десять лет после смерти.

Этой мере придали обратное действие. Вследствие этого останки Марата, Ле Пелетье, Дампьера, Бара и Виала были вынесены из Пантеона и похоронены в общей могиле. Памятник, воздвигнутый Маратом на площади «Карусселя», был уничтожен. Из залы Конвента убрали картины Давида, посвященные памяти мучеников Марата и Ле Пелетье. На улицах продавали: *Преступления Жана-Поля Марата*.

Секция Марата опять стала называться своим старым именем — секция Французского театра. В то же самое время велась борьба против красных колпаков, которые были заменены трехцветными кокардами.

Из знаменитой надписи на фасаде каждого дома: «Свое

будет опять поставлен... Комитет, верный истинным принципам, не должен сбросил якобинцев, чтобы рядом поднялась анархия...» Депутат Мерлен кликнул: «Пусть общественное мнение судит людей, которых в моменты кризиса считали великими!» (Громкие аплодисменты.) А Куппе из Комитетов жиро-нидист, прибавил: «Мирабо был также помещен в Пантеоне, но он был вынесен оттуда».

¹ В своем номере 70 (15 плювиоза) Фрерон заклинал своих читателей трогать изображений Марата и Ле Пелетье. «Заметьте, что аристократы делают меньше злобы к Марату, чем к Свободе, чем к Национальному Конвенту, чем к правительству... Они поставили между собой и вами бюст Марата, они зовут вас золотой молодежью... Вы не идолопоклонники, вы... Но уважение к законам Конвента не идолопоклонство, это важность, это должно быть вашим законом... В своем номере 71 от 17 плювиоза он отвечает на упрек, сделанный ему молодыми людьми, на упрек в том, что он убивает Марата. Он извиняется: «Нам казалось мелочным заниматься тем, что убивать бюсты умершего человека, когда столько живых разбойников еще своим бесстыдным существованием Конвент, французский народ вечество...».

«Ami des citoyens» за 8 плювиоза (№ 98) осуждает унижение, совершил актер Фюзизля. Номер от 15 плювиоза (№ 105) заявил, что к порядку дня 13 плювиоза по докладу Ленгело Конвент ободрял людей: «Несомненно гипсовый Марат не причинял зла... Не переходите наши молодых людей, среди которых есть уже довольно зрелые границы, которые оно само себе поставило. Не привыкнет ли Национальный Конвент к пренебрежению к его декретам». После этого Меге объяснил, что эксцессы молодых людей, их беспорядки в театры, успехи роялизма усилили партию террористов. «Нас хотят убить, что нет роялизма, а я его вижу... Если бы на улицах кричали, что не якобинцев, я предвижу и сознаюсь, что я чувствовал бы себя в безопасности» (№ 112 22 плювиоза III г.).

² См. доклад Матье в заседании 20 плювиоза.

³ См. «Moniteur» за 25 плювиоза.

», слово смерть было стерто. Роялист Лакруа был 2 вантоза арестован Революционным трибуналом. 12 вантоза жирондист Саладен прочел, наконец, при аплодисментах трибуны свой доклад о 4 прежних комитетах, и эти четверо были по предложению Лежандра подвергнуты домашнему аресту под охраной жандарма, еще раньше чем доклад этот подвергся обсуждению.

Оставалось только вернуть жирондистов, поставленных вне закона. Мари Жозеф Шенье внес такое предложение 18 вантоза. Сиейс, только за несколько дней до этого выпустивший брошюру в оправдание своего поведения,¹ считал этот момент подходящим, чтобы подняться на трибуну, с которой он бежал почти два года тому назад. Он высказал осуждение событиям 31 мая. После него Мерлен из Дуэ, Мастер на все руки, одобрил от имени комитетов эту меру, против которой он боролся три месяца тому назад. Он объяснил, что если сразу не восстановлены были вполне в своих правах жирондисты, поставленные вне закона, то объяснялось это тем, что тогда якобинцы были еще слишком сильны и что боялись дать им этим оружие в руки. Но теперь, когда нечего больше бояться со стороны мятежников, Конвент может,

«обладая полнотой своей власти, выполнить этот акт справедливости».

Один только депутат голосовал против возвращения жирондистов, находившихся вне закона, молодой Гужон.² На следующий день Андре Дюмон отменил празднование годовщины 31 мая. И тут же жирондистский депутат Пемартен потребовал преследования виновников этого дня. Другой жирондист, Луве, потребовал, чтобы издан был по крайней мере декрет, что граждане, вооружившиеся для защиты Конвента после 2 июля, заслуживают благодарность отечества. Даже Талльен находил, что зашли уж слишком далеко:

«Не надо также превращать преследуемых в преследователей и сеять новые раздоры в республике».

Собрание перешло к порядку дня. Но оно не покончило еще со всеми трудностями. Навязанная ему внезапная реакция, которая убивала его почти против воли и у которой оно находилось в плену, еще не окончилась. Союзники против якобинцев, которых оно думало приобрести, эти молодые люди Фрерона, стали его господами. Оно хитрило с ними, но оно повиновалось им. Управляло, по выражению Малле дю Пана, общественное мнение, но мнение класса, прежде побежденного, а ныне торжествующего, который ныне с радостью приветствовал репрессии.

¹ «Notice sur la vie de Sieys» (anonyme), объявленная в «Moniteur» за 27 плювиоза.

² Правда, что на следующий день Лежант угавшийся теперь реакцией, которую он раньше поощрял, безуспешно требовал отмены декрета, восстановившего в правах лиц, находившихся вне закона.

ГЛАВА VI.

АМНИСТИРОВАНИЕ ВАНДЕЙЦЕВ И ШУАНОВ.

Эпилогом закрытия клуба якобинцев и процесса Карье было только возвращение жирондистов и вынос из Пантеона останков Мирабаля, но также широкая амнистия, слепая амнистия, дарованная мятежникам запада, и, как неизбежное следствие этого, прекращение антиклерикальной борьбы и открытие церквей, остававшихся закрытыми более года с осени 1793 г.

В середине лета 1794 г., перед 9 термидора, мятежники запада распались на две различные группы, отделенные одна от другой Луарой: на юге от Луары были вандейцы, в собственном смысле слова, и на севере шуаны.

Вандейцы действовали в стране, где республиканцы, синие совершенно исчезли, изгнанные из сел и деревень не только стрелами роялистов, но и формальными приказами эmissаров Конвента (Генц и Франкастель), которые удалили их на двадцать миль от театра военных действий.¹ В обширном четырехугольнике между Напье и Песками на западе, Ниортом и Шоле на востоке синие были представлены только летучими отрядами, беспрестанно проходившими через опустошенную страну, преследуя вооруженные банды Шаретты в бретонском Болоте, Сапино в Центре, в Лесу, Стоффле на востоке, в горной Вандее и в Мансе. Эти три предводителя, завидовавшие друг другу, кроме того были далеки от взаимного понимания. Шаретта очень исключительный, никогда не хотел уйти из Болота и с островов. Он не присоединился к большой экспедиции за Луару, попытка которой была сделана в предыдущем году, и это было счастьем для него. Хотя он находился в выгодном положении, вдоль берега моря, для получения помощи англичан, он не любил этих островитян и не верял также эмигрантам. Сапино и Стоффле собрали остатки великопобежденной армии, которой удалось перейти на юг от Луары после несчастия при Мансе. И эти банды увеличились неожиданно креплениями, которые доставило им грубое поведение генерала Тюрро со своими 12 адскими колоннами весной II г. с огнем и мечом прошел по стране, сжигая дома, не щадя никого, увозя скот упрямых владельцев и принуждая самых мирных жителей переходить к роялистам. Комитет общественного спасения

Тюрро, лишил его командования (17 мая 1794 г.), отозвал его лейтенантов, как только узнал об их опустошениях. Но зло было уже сделано, зло неоправдываемое. Больше 25 тыс. обозленных крестьян увлачили банды Шаретта, Сапино и Стоффле.¹ Началась вторая война Вандеи, более жестокая, более беспощадная, чем первая. Напрасно Комитет общественного спасения старался успокоить вандейских крестьян и вернуть их к их полям. Обещания прощения, которые давались им по его приказу агентами Комиссии земледелия, посланными в страну² во время жатвы, не были даже выслушаны. Крестьяне думали, что им расставляют сети. Вандейские предводители Нижней Луары ответили синим:

«Вы предлагаете нам вернуться к нашим очагам! Где же мы возьмем их? Вы сожгли наши дома и убили наших жен и детей. Теперь вы хотели бы получить наш урожай и наше оружие. Мы заявляем вам от своего имени и от имени всех солдат нашей армии, что мы не можем вас признать до тех пор, пока вы будете нам говорить о республике. Мы роялисты и всегда ими останемся. Жить и умереть за нашу религию и за нашего короля, вот наш девиз, считайте его постоинным».³

Шуанство уже появилось на севере Луары. В противоположность вандейцам, бывшим хозяевам в стране, в которой они действовали, шуаны, наоборот, были меньшинством противников режима, принужденных скрываться днем и действовавших только ночью, производя внезапные нападения на имущества и личности патриотов, на присягнувших конституции священников, на должностных лиц республики, на покупателей национальных имуществ, на дилижансы, на кассы сборщиков и т. д. Республиканцы называли их разбойниками, и многие вполне заслужили это название. В действительности шуанство состояло из трех различных элементов, во-первых, из его крепкого ядра, составленного из вандейцев, избежавших несчастий Манса и Савенна во время бегства большой католической и королевской армии в декабре 1793 г. Эти вандейцы доставили в общем кадры и предводителей. Большинство из них состояло из дворян, как Жозеф Дефе, Жозеф Огюст де Бежари, которые скрывались в Морбигане и вошли в сношения с несколькими бретонскими дворянами, как де Сильз, Колладо Рест, де ла Бурдонне Лантиви, Лейсег.⁴ Но в области Шато-де-Сегре, на границах Мена и Анжу предводителями являлись простые люди, которые первоначально хотели избавиться от реквизиций и скомпрометировали себя вместе с вандейцами во время переформирования большой армии. Здесь первые банды собрал знаменитый Кокеро,

Таково мнение Chassin в его Vendée patriote, t. IV. Тюрро был повешен 24 флореаля с большей частью генералов, находившихся под его командованием. Председатель Комитета общественного спасения от 2 прериаля положил конец системе угнетения, заменив ее системой деклараций и переписи жителей и урожая.

¹ Текст прокламации, адресованной вандейцам 21 июня 1794 г. агентами Комиссии земледелия и ремесел, можно найти в труде Uzureau, Les Amnisties promises aux Vendéens et aux chouans (1794) в Mémoires de la société d'agriculture, commerce et arts d'Angers (1915). Uzureau печатает также текст прокламации Виме, предназначенной для поддержания предыдущей прокламации. И другая обещала прощение вандейцам, которые сдадут свое оружие.

² Этот ответ предводителей вандейцев напечатан Uzureau в указанном труде. См. L'étude du Dr de Closmadeuc sur Les Débutés de la Chouannerie dans le 1794 (La Révolution française, t. LXL, p. 330 sq)

¹ Приказы Генца и Франкастеля от 20 февраля 1794 г. По словам республиканца Жозефа Клемансо этот приказ коснулся 40 тыс. вандейцев и партизан, который заставил их покинуть страну и удалиться на большое расстояние (Joseph Clemenceau, Histoire de la guerre de la Vendée, publiée par l'abbé F. Uzureau, Paris 1909, p. 263)

называемый Жаном Шуаном, при поддержке Пимусса и Моте, вавшихся советами священников Фейо и Жоне, который организовали первые банды.¹ Второй элемент составляли рекруты, бежавшие в бора. Рекруты не удалялись далеко от своих деревень и находились в родных и друзьях сообщников, которые осведомляли, убивали и защищали их.

Наконец третий элемент состоял из роялистов и местных чиновников, которые сожалели о старом режиме и которые более или менее скомпрометировали себя своим сопротивлением республиканским властям. Во главе их стояли непокорные священники, избежавшие наказания. Некоторые из этих священников не колеблясь стали предателями банд, как некий Метей в лесах Перша, как некий Ле Муары оба командовали отрядами.²

Все одеты крестьянами: дворяне, священники, рекруты в штаны из грубого полотна, круглые шляпы, короткие куртки, что дает им возможность лучше сбивать с толку республиканскую милицию.

До 9 термидора банды шуанов имеют мало значения, но их происходят довольно редко. Революционный трибунал действует с большой быстротой. Террористическая полиция хорошо организована. Боязнь репрессий уменьшает в деревнях число участников.

Первые банды составляются в Морбигане только в плохую погоду и в течение долгого времени они не имеют никакого успеха. Они потерпели поражение при атаке в Ванне в вантозе. В жерминале Бюдефе и Жеслен подвергаются преследованиям, их теснят, и они доведены до жалкого существования, Дефе был схвачен 11 июня 1794 г. и расстрелян по решению Революционного трибунала Морбигана 2 термидора II г.

В Майенне банда Кокеро приобретает некоторое значение. В перриале II г. после набора рекрутов первого призыва. Она захватила 10 мессидора около 5 часов утра в селе Даоне, месте рождения Кокеро, 7 патриотов отцов семейств. Но волонтеры 3-го батальона Ньевр рассеяли банду.

В Крапе, на границе Анжу и Мена положение было, повидимому, более серьезно. В этих древних марках Бретани жило суровое население старых и тайных торговцев солью, и контрабандистов, которые до революции вели партизанскую войну против агентов фиска. Преступления соляных приставов. Сообщения патриота Банселена, главноуправляющего в дистрикте Сегре (как в качестве сборщика, так и в качестве председателя Директории), носят уже тревожный характер с мая месяца 1794 г. Он нам показывает республиканцев трех кантонов Пуансе и Буас-Меара, которые всегда вооружены, всегда находятся на стороже:

¹ См. очень интересный *Memoire historique sur la guerre des chouans* dans le district de Chateau Contier, publié par J. Pallu du Gellay dans la *Revue historique et archéologique du Maine*, t. LXIX, 1911. Анонимный мемуар является продолжением одного синего, непосредственно замешанного в событиях.

² См. письма, адресованные Комитету общественного спасения в вантозе III г. эмигрантом Ботраном

«Торговля, земледелие, все уничтожено в этих центрах, дороги не безопасны, муниципальные чиновники прячутся или бежали (в города).»¹

Разбойники в числе 300 хорошо вооружены, у них есть картечь. Они добывают себе пропитание по ночам, грабя патриотов, и, иногда убивая их.

Тем не менее до 9 термидора шуанство ограничено и локализовано. Оно не распространяется, и Комитет общественного спасения так спокоен, что он убирает с запада много войска для подкрепления армий, сражающихся на границах.

Роялисты тотчас же увидели, какую пользу они могут извлечь из падения Робеспьера, из раскола среди правительства и из быстрой дезорганизации революционных учреждений. Один из их предпринимательных и честолюбивых предводителей граф Жозеф де Пюизе, крупный землевладелец в Нормандии и Перше, старый депутат от дворянства его балаяжа в Генеральных штатах 1789 г., где он заседал в либеральном меньшинстве вместе с Лафайеттом, затем стал жирондистом и даже помощником командира маленькой федералистской армии, концентрированной в Кане, чтобы направиться на Париж, переброшенный наконец в Вандею жирондистским несчастием для спасения своей головы, за которую назначена была цена, Жозеф де Пюизе со своей точки зрения предусмотрительного политика чувствует, что его час настал. До этого времени шуаны действовали изолированно, каждый предводитель в маленьком районе. Пюизе собрал их в Центральный роялистский комитет, в котором среди других фигурировали также граф Бурдонне, граф Буленвилье, г-да Белльзю, Шантро, рыцари Буагарди, Буагюи и др., представлявшие различные районы Бретани и соседних мест. Составив организацию, Пюизе, который до тех пор не эмигрировал, смело перебирается в Англию, чтобы связаться с графом Артуа и с Питтом. Уезжая, он передал вместе с титулом генерал-майора командование преданному ему человеку, который умел его понимать и мог ему помогать, Пьеру Марии Фелисите Дезоте, принявшему титул барона Корматен, по названию имения, которым владела его жена, мадам де Серси в департаменте Соны и Луары. Корматен, как и Пюизе, сперва служил революции. Он долго следовал за Ламетами. Он был генерал-адъютантом Булье во время изгнания швейцарцев Шатовье в Нанси, во время Учредительного собрания, затем последовал за своим начальником после Варенна и эмигрировал; но плохо принятый в Кобленце, он почти тотчас же вернулся во Францию, чтобы поступить на службу в конституционную гвардию короля с чином подполковника. Это был ловкий человек, которого не мучили никакие сомнения.

В Англии Пюизе действует решительно. Он предлагает Питту организовать французских эмигрантов в полки в Джерсее и перебросить их затем в Бретань для подкрепления шуанов, чтобы прогнать республиканцев. Покрыть расходы экспедиции было очень просто. Это не будет стоить ничего британскому казначейству. Пюизе все предусмотрел. Брат министра Каллона, аббат Каллон оборудует королевскую

Сообщение 20 мая 1794 г., напечатанное *Uzureau* в его труде о шуанах *Mémoires de la société d'agriculture, sciences et arts d'Angers*, 1907.

фабрику ассигнатов, которая превосходно будет подделывать брестские ассигнаты. Чтобы поставить на широкую ногу фабрику, которая пока представляла только небольшую мастерскую, Пуэзе дает несколько денежных вкладов.¹ Пуэзе добивается успеха у графа Артуа, подобно тому как он имел успех у Питта. Он дает ему для погашения нескольких неотложных долгов; легкомысленный принц награждает его титулом главнокомандующего католической королевской армией в Бретани, армией, которую надо еще потому что она состоит еще только из нескольких банд шуанов, правда, быстро увеличилась благодаря ассигнатам Калло, мидорианской реакции. Располагая полными бочками ассигнатов, Корматен платит теперь своим шуанам по 40 су в день.

Странное дело! Комитет общественного спасения почти тотчас был поставлен в известность о планах Пуэзе и о его способностях. 23 термидора один из агентов, высадившийся из Англии Сен Брие, Пико, замешанный уже в заговоре Ла Руари, попал в руки республиканцев, которые захватили у него депеши Пуэзе, адресованные главным предводителям шуанов. Эмиссар Алкье послал членами все дело в Париж с докладом Пико.² Алкье не сомневаясь, обнаружившееся усиление шуанства было результатом английской помощи, полученной Пуэзе, и объединения, которое он придал им перед своим отъездом.³ Не подлежит кроме того сомнения, что известие о событиях 9 термидора возбуждающим образом повлияло на шуанов. И это формально признавал депутат Ленсело в своем письме Комитету общественного спасения от 3 фруктидора, в котором он просил подкрепления.⁴

С этого времени шуанство принимает другой характер. Оно уже не ограничивается отдельными покушениями, нападениями, и имевшими будущего. Роялистские банды, подкрепленные и ободренные почти всеобщей безнаказанностью, которой пользуются конвентуальные люционеры с тех пор, как термидорианские представители произвели чистку среди властей, которые с каждым днем становились все более умеренными, применяют теперь единообразную и особенно жестокую тактику. Они намерены вызвать голод в городах и селах, в которых скрылись патриоты. Чтобы помешать земледельцам подчиняться реквизиции и возить на рынок съестные припасы, шуаны ломают и оси у телег, снимают колеса, которые они делают негодными, по-

¹ Постановление об организации фабрики фальшивых ассигнатов 1794 г. (Chassin, Les Pacifications de l'Ouest t. I, p. 17).

² См. в сборнике Олара, t. XVI, p. 55, важное письмо Алкье из Ренна 25 термидора II г.

³ Согласно письму эмиссара Брю, адресованному из Ванн Комитету общественного спасения 8 плювиоза III г., шуаны начали организовываться с июля 1794 г., а в эпоху, немного предшествовавшую, говорит он, тогда обнаружилось восстание в Сен-Жан-де-Бревеле, вызвавшее необходимость применения военной силы республики. Согласно д-ру Клодмайдеку Пуэзе выступил на сцену только после 9 термидора, но он проявил лихорадочную деятельность.

⁴ Ленсело боится, чтобы шуаны не злоупотребляли счастливым событием, происшедшим в Париже (9 термидора), и не попытались извлечь из него пользу. «Они распространяют слухи среди народа, говорил он, что многие представители народа в департаменте принадлежали к партии Робеспьера».

дороги, угрожают мстостью извозчикам, которые проезжают, несмотря на их запрещение составлять обозы для республики. Блокированные города, находящиеся в постоянной тревоге, могут добывать себе продовольствие только вооруженными нападениями на пригородные деревни. Крестьяне, терроризованные роялистами, плохо защищенные республиканцами, принуждены действовать заодно с инсургентами.

«Зло распространяется, — пишет президент дистрикта Сегре Банселен 14 октября 1794 г. — деревни пустеют. Во многих местах жатва не собрана, в других поля не засеиваются. Берега Луары плохо охраняются, вандейцы постоянно появляются в нашей несчастной стране... Никакое продовольствие не может попасть в города, так как разбойники занимают все дороги»¹.

Термидорианские правители, которые столько кричали по поводу ужасов репрессии, видят только одно спасение: обещать великодушное прощение мятежникам, чтобы оторвать их от их роялистских предводителей. Как только Комитет общественного спасения завладел бумагами Пуэзе, отнятыми у Пико, он снял с командования большую часть генералов, действовавших на западе, Гюше, Дютре, Гриньона, Бланша и т. д. и в тот же день 29 термидора Карно от его имени послал их преемникам и эмиссарам Конвента инструкции как военного, гражданского и политического характера; комитет старается умиротворить население раньше, чем произойдет высадка англичан и эмигрантов из Дюверса.² Войска, говорит Карно, будут расквартированы в лагерях, вдали от городов и деревень. Будут запрещены сношения между солдатами и населением, чтобы помешать дезертирству. Вдоль дорог будут уничтожены все плетни и изгороди.

«Можно будет составить несколько отрядов проводников, состоящих из избранных людей, но помимо этого никакое оружие не будет дано гражданам, не входящим в состав части платного войска».

А вот меры милосердия:

«Все предводители разбойников, все те, которые занимали среди них должности, будут преданы смертной казни. Те же, которые только заблуждались или были увлечены силой, будут помилованы».

Для исполнения этих мер комитет назначил Гоша (Hoche) командующим армией берегов Шербурга и вскоре присоединил к нему другую берегов Бреста. Канкло был назначен в западную армию, т. е. в Бандею. Оба, Гош и Канкло, пострадали от террора. Гош только что вышел из тюрьмы. Комитет надеялся, что их имена послужат рекомендацией для мятежников, и Гош не преминул в своей первой прокламации от 15 сентября 1794 г. поставить себе в заслугу свое заключение:

«Пусть они сложат оружие, пусть они мирно вернутся домой к своим обычным занятиям... Я обеспечу тем, которые сохраняют спокойствие в своих домах и

¹ См. доклад Банселена, президента дистрикта Сегре за 18 сентября 1794 г. в архиве, цитированный аббатом Уэуро о шуанах в Кране (Mémoires de la soc. d'Angers, 1907): «Разбойники, — говорит Банселен, — постановили, что фермер, который составит обозы для республики, будет расстрелян; и это постановление исполняется. Два фермера из коммуны Сен-Совейр, только что вышедшие флот (la marée — cis), были вчера зарезаны. Другой, который вез Канде, видел, как дышло его было отрезано и т. д.

² См. постановления и инструкции Карно в сборнике Олара за 29 термидора.

будут поддерживать общественный порядок и общее спокойствие, мир, безопасность, защиту, свободу, братство и гарантию их имущества. Мы ждем к этому все старания. Я также был несчастен! Я не могу и не хочу орать несчастных».¹

Эмиссары и генералы в самом широком смысле толковали инструкции Комитета общественного спасения, составленные Карно.

Уже 8 сентября 1794 г. эмиссары Дорнье и Гюарден освободили подозрительных вандейцев, интернированных в Ниоре и в Ле Конт.² 3 вандемьера, т. е. 24 сентября, постановлением, принятым Жантом, эмиссары Бурсо и Болле обещали полное прощение техникам, которые сложат оружие и дадут присягу оставить ружья. Только предводители были исключены из этой амнистии, которая распространялась на всю страну, находившуюся во власти шуанов.

Через три недели после этого, 26 вандемьера, 17 октября, Бурсо в прокламации из Ренна распространил эту первую амнистию на всех непокорных рекрутов, обещал награду в 20 ливров всем тем, кто сдаст свои ружья, и в особенности выражал преданность Верховному правительству, которое мы все должны почитать и благословлять во всякую минуту нашей жизни.

Но в тот же самый день, когда Бурсо издал это новое постановление, значительно превышавшее инструкции Комитета общественного спасения, один предводитель шуанов, командовавший в Морбигане, старый член Учредительного собрания, Ле Дейст де Ботиду, бывший, подобно Пюизе, участник в восстании федералистов, при переходе к роялизму, написал эмиссару Бурсо, прося у него прощения и предлагая ему сведения о «злостных проектах».³ Под этим он подразумевал соглашение шуанов с англичанами и проекты Пюизе. Бурсо, прежний директор театра и аферист, был человеком без предрассудков. Он принял Ботиду и воспользовался им не только для получения сведений, но и для распространения своих прокламаций между шуанами и для убеждения части их предводителей подчиниться. Но инструкции Комитета общественного спасения предписывали эмиссарам не оказывать никакой пощады предводителям. И многие коллеги Бурсо писали комитету, что постоянные помилования инсургентам делают их еще более предприимчивыми, так как они убеждены, что амнистия доказывает слабость республики.⁴ Бурсо чувствовал потребность в одобрении своих попыток, осуждавшихся многими из эмиссаров, находившихся на западе. В двух письмах от 21 и 22 брюмера он ставит

¹ Прокламация, которую приводил *Uzurcau* в своем труде об *Amnisties proposées aux Vendéens et aux chouans Angers, 1916, p. 16.*

² Эти постановления и те, которые я разбираю дальше, фигурируют в трудном цитированном *Uzurcau.*

³ По *Chassin Les Pacifications de l'Ouest, I, pp. 47 — 50.*

⁴ См. в сборнике Олара, t. XVIII, письма Лейриса и Буре, помещенные в 20 брюмера. Эти два эмиссара только что издали постановление, в котором приказывалось, чтобы во всех коммунах Морбигана на видном месте у входа в жилище был вывешен список жителей каждого дома. На всякую коммуну будет наложен штраф в 10 тыс. ливров, если она не будет преследовать убийц и если жители сообщат будут отвечать за уплату штрафа. За поимку разбойника была обещана награда в тысячу эю; 500 ливров за всякого непокорного священника; 100 ливров за всякого дезертира и т. д.

комитет в известность о своих переговорах с Ботиду и просит у него, насколько поздно, его одобрения. Он ручается, что мягкостью, гуманностью, прощением он умиротворит запад, говорит он в своем первом письме. Во втором письме он ставит более деликатный вопрос:

«Оба Буагюи, — говорит Бурсо, — очень опасные предводители, просят даровать жизнь им и их матери; за ними последуют многие другие. Что делать? Многие осужденные заочно просят помилования. Не будет ли возможным воспользоваться ими в наших морских экспедициях, переправив их на острова?.. Должен ли я даровать жизнь только предводителям и совершенно помиловать других, заставив их только служить на море».

Через несколько дней Бурсо изложил комитету целый план организации контр-шуанских отрядов (проводники Карно), в которые он примет патриотов беспокойных департаментов, платя им пять ливров в день.

Проекты Бурсо рисовали совершенно новую политику. Речь не шла уже, как прежде, о том, чтобы оторвать шуанов от их предводителей. Наоборот, речь шла о непосредственных переговорах с предводителями, чтобы воспользоваться их влиянием на их армию для умиротворения страны. Но необходимо было даровать предводителям полную амнистию. Однако трудно было сделать этот шаг. Эмиссар Болле в письме к Комитету из Ренна от 11 фримера решительно не одобрял переговоры Бурсо с Ботиду и заранее осуждал не только его проекты полной амнистии, но и его предыдущее постановление от 26 вандемьера:

«Завтра все атаманы разбойников, без исключения, которые сами совершили убийства и заставили других совершать убийства, спокойно придут в дома вдов, у которых они убили мужей и детей, у которых они зарезали отцов. Можно также опасаться, что под защитой этой прокламации все эмигранты, находящиеся на острове Джерсей, вернутся, заявив, что они отреклись от своих заблуждений, так как один непокорный священник, надеясь на помилование и под защитой прокламации Бурсо, вернулся во Францию и теперь арестован в своем прежнем месте жительства, в двух милях от Ренна...»

Эмиссар Брю был такого же мнения как Болле. Он осуждал даже организацию отрядов контр-шуанов. По его мнению опасно было вооружать жителей, даже тех, которые выдавали себя за патриотов.

Но в тот именно момент, когда Болле писал свое письмо в Ренне, Комитет общественного спасения решил удовлетворить Бурсо и просить Конвент одобрить его план всеобщей амнистии. Процесс Карье приближался к концу, парижские секции дефилировали перед Собранием, требуя суда над террористами. Гора, подавленная, хранила молчание. Карно от имени комитета заявил в кратком докладе 11 фримера, 1 декабря 1794 г., что для успокоения шуанов и вандейцев и для приведения их к покорности необходимо нечто другое, чем постановления эмиссаров, к которым инсургенты не питают доверия; нужен формальный декрет Собрания. Он с похвалой отзывался о Бурсо и представил текст. Депутаты запада просили отложить голосование до следующего дня, чтобы столкнуться и сообщить свои желания комитету. Через несколько часов они вручили Карно нечто в роде доклад-записки, подписанной 9 из них (среди них не было ни одного, оставшего за казнь короля), т. е. меньшинством. Они всеми силами поддерживали политику милосердия, провозглашенную Бурсо.

«Мы знали только два пути для окончания войны в Вандее; один путь — это уничтожение всех до одного жителей этих мест (странное утверждение, потому что и в шуанизированных департаментах оставались патриоты), но чтобы уничтожить оставшиеся еще население их в 200 тыс. человек (конечно под оружием не было 200 тыс. шуанов, была, может быть, 10-я часть этого числа) — надо пожертвовать по крайней мере 80 тыс. республиканцев. Такого средства нельзя предложить, и Конвент никогда его не хотел. Другой путь — это послать голоса гуманности, проявить милосердие, завоевать лучше эти департаменты убеждением, чем оружием».

9 представителей категорически заявили, что предыдущие амнистии не достигали своей цели, потому что они отделяли толпу от предводителей. Только декрет Конвента, который не будет делать исключения, победит нерешительность мятежников. Если Конвент издаст такой декрет, Стоффле и Шаретт будут покинуты их людьми, потому что, по их мнению, процесс Карье отнял у них сторонников.¹ Оптимизм который был опровергнут фактами.

Конвент тотчас же покорно ратифицировал предложения миродистских депутатов Запада, одобренные Комитетом общественного спасения. Декрет 12 фримера III г. давал полную амнистию всем мятежникам без исключения, которые сдадутся в течение месяца. Голосование было единогласное, но Гора сделала некоторые оговорки. Гастон напрасно требовал, чтобы приняты были меры предосторожности, которые помешали бы эмигрантам воспользоваться амнистией и возвратиться во Францию, выдавая себя за вандейцев.

Когда Гош получил известие о принятии декрета, он не мог не поделиться своими опасениями с депутатами Болле и Бурсо:

«Будучи сам жертвой системы террора, я не стану призывать к его возвращению. Но я, однако, должен вам заявить, что неуместная снисходительность может вызвать контрреволюцию в тех департаментах, где люди озлоблены. Представьте ли, я каждый день бываю свидетелем того, как разбойники насмехаются над нашим легковерием, и мне кажется, что чтение прокламаций, которыми их осыпают, побуждает их к преступлениям...»²

Что же касается эмиссара Бурсо, который должен был бы радоваться победе, потому что восторжествовала рекомендованная им политика, то он, наоборот, начал высказывать в комитете свои сомнения. Он учредил отряды контр-шуанов, под названием территориальной гвардии, от которой он ожидал чудес. Генерал Рей, переодетый шуаном, обошел берега Ламбаля в Динане со своим отрядом в 150 человек, также переодетых шуанами, допрашивая крестьян. По указанию непокорного священника, которому была обещана неприкосновенность генерал схватил в Сен-Бриге предводителя шуанов, Прижана, который только что выехал из Англии с 41 тыс. ливров фальшивых ассигнатов и с очень компрометирующей корреспонденцией.³ Когда Бурсо про-

¹ Этот документ, напечатанный Оларом в его сборнике, т. XVIII, р. 452 подписан Делоне младшим, Менюю, Лоффисалем, Годеном, Жар-Панвице, Мориссоном, Тало, Ж. Э. Жираром, Данденаком старшим. Из этих 9 депутатов ни один не голосовал за смерть короля. Делоне, Лоффисаль, Годен, Жар-Панвице, Жирар, Данденак старший голосовали за отсрочку для Людовика XVI. Мориссон защищал короля во время процесса. Что же касается Менюю и Тало, то они стали заседать только в сентябре 1793 г. в качестве заместителей.

² Письмо, цитированное Шассеном, Les Pacifications de l'Ouest, t. I, p. 54

³ Chassin описывает арест Прижана 13 декабря 1794 г. op. cit., p. 56

вступил в корреспонденцию, в нем поколебалась его вера в искренность предводителей шуанов, говоривших о своем подчинении. Один из них, Буагарди, за три дня до ареста Прижана писал Бурсо и предлагал свою покорность на известных условиях. Генерал Эмбер, начальник штаба генерала Рея, не ожидая ответа Бурсо, через десять дней после этого имел свидание с предводителем шуанов. Другой предводитель шуанов, Корматен, бывший лейтенантом Пюизе, представился эмиссару Бурсо и без труда завоевал его в свою пользу. Он представил ему постановление военного Совета роялистов, предписывавшее прекращение военных действий в Кот дю Нор. Болле, будучи в восторге сыграть роль умиротворителя, поручил генералу Эмберу сопровождать Корматена в восставшие департаменты, чтобы согласованно подготовить умиротворение. 24 нивоа, 13 января 1795 г. он написал реннскому комитету, что шуаны устали от той жизни, которую они вели, что они даже покинуты Англией и что «их желание состоит в полном прекращении этой войны и в содействии миру». Бурсо, поставленный в известность в письме, которое он со своей стороны написал правительству, в тот же день:

«В настоящий момент я боюсь всего и не верю в прекращение военных действий и искреннее возвращение тех, которые 3 января распределяли свои движения и приказывали произвести резню».

он прибавил с проницательностью, которую подтвердило будущее:

«Они видели, что англичане могут высадиться только после больших приливов: в начале апреля, поэтому считали политичным усыпить нас на бочках с горючим, в тишине организовать свое восстание и до того момента не обращать на себя внимания республиканцев. Ежедневные убийства вызвали бы приток новых сил (республиканских), и предводители поэтому считают остроумным прекратить их...»¹

Бурсо может быть и сам не подозревал, насколько он был прав. В этот самый момент, когда Буагарди и Корматен писали эмиссарам, предлагая им свою покорность, они предупреждали Пюизе, находившегося тогда в Лондоне, что они просто предполагают обмануть республиканцев.

«Мы никогда не сдадимся. Деньги! Деньги! Необходимо много денег».²

Предводители шуанов долго обманывали республиканцев, и обман принес им плоды. Одиннадцать из эмиссаров, посланных в мятежные департаменты, сошлись в Нанте 15 нивоа III г. после совещания с Комартемом и некоторыми другими предводителями шуанов об основах замирения. Они решили, прежде чем продолжать начатые уже переговоры, поставить Комитету общественного спасения целый ряд вопросов, которые необходимо было выяснить: будут ли прекращены военные действия во время месячного перерыва, предоставленного мятежникам для сдачи? не было ли благоразумно привлечь вандейцев, заплатив им за оружие? получают ли они вознаграждение за

¹ Письмо от 24 нивоа III г. в сборнике Олара, т. XIX.
² Письмо Корматена Пюизе от 31 декабря 1794 г. у Chassin, Les Pacifications de l'Ouest, t. I, p. 61.

их имущества, которыми завладела республика и которые она продала? получают ли наследники казенных мятежников из своих родителей? каким способом будут отличать эмигранта-мятежника? будет ли предложена отмена декрета, который обещал публиканским солдатам имущества роялистов Вандей? — Будут ли продолжаться предание суду непокорных священников и вернувшихся эмигрантов? — Будут ли учреждены муниципалитеты во всех нах покорившейся страны или только по одной муниципальной сии на кангон? — Будут ли отменены наложенные контрибуции?

Чтобы ускорить ответ на все эти трудные вопросы, 4-го Дорнье, Рюель, Безар и Делоне отправились в Париж. Рюель, который когда-то был последователем Марата и голосовал за смещение короля и который теперь совершенно изменился, заявил от имени 27 нивоза Конвенту, что декрет об амнистии 12-го фримера был принят с восторгом, что мятежники освободили республиканцев, взятых со времени 12-го фримера, хотя по этому поводу не было заключено никакого соглашения; что на аванпостах происходило братанье армий и что они вместе кричали: *да здравствует республика!*

«У нас ощущался недостаток в фураже на наших квартирах, мятежники снабдили нас им, хотя мы их об этом не просили».²

Зал ломился от аплодисментов. Клозель и Бурдон де ла Уэз представили формальный декрет, дававший неограниченные полномочия эмиссарам для заключения мира с мятежниками. Рюель теперь имел неограниченные полномочия.

Но Рюель обманул Конвент. Неверно, что не было никаких переговоров с мятежниками. Комитет общественного спасения знал из писем Бурсо и Болля, что велись переговоры с Ботиду, с Буагарди, с Корматеном. Он знал из писем Безара, что последний вел переговоры с шуанами Мена через посредство жены одного предводителя, мадам Тюрен де Криссе, которую он освободил. Он знал, что сам Рюель вел переговоры с Шареттом через его сестру, скрывающуюся в Нанте, и вышедшую из своего убежища для этой цели. Комитет знал, что Шаретт ответил на предложения эмиссаров и что он послал в Нант двух своих лейтенантов, де Брюка и Бежарри, которые прибыли в город в воскресенье 8 нивоза (28 декабря 1794 г.). Прибытие шуанов в Нант вызвало скандал. Комитет был об этом осведомлен и на требование объяснений Бурсо ответил 27 нивоза:

«Факт этот совершенно верен; разбойники появлялись в Нанте на улицах, в общественных местах, декорированных подарками цветами восстания. Постановление моих коллег положило конец этому скандалу, но этим нанесли не меньшее оскорбление республике в тот именно момент, когда она своим милосердием призывала их в свои ряды. Для меня нет ничего более смутного, чем возвращение этих заблуждающихся людей. Несколько предводителей воспользуются амнистией, но чего ждать от совершенно деморализованных 40 тыс. человек, среди которых всякий гражданский порядок разрушен в течение двух лет, лозунгом которых являются убийство и грабеж, которые всегда пьянствуют, проливают кровь и занимаются дебошем, у которых нет ни разума, ни отечества, ни правильного образа жизни».³

¹ Документ, напечатанный Chassin'ом, op cit, pp 126 — 127.

² «Moniteur».

³ Сборник Олара за это число.

Комитет, таким образом, знал, чему верить. Он не только хранил тайну и не проверял смелых убеждений Рюеля, но он через Карно поручил эмиссарам в Нанте заключить перемирие с мятежниками на западе.¹ Республиканцы должны были оставаться на своих позициях и отвечать только на нападения. Из предосторожности комитет послал, однако, на запад 12 тыс. солдат, снятых с северо-восточного фронта, под командой генерала Дюгема (Duhesme).

Как соблюдалось шуанами прекращение военных действий? Письма эмиссаров говорят нам об этом. Из Авранша Лсго сообщает 26 нивоза, что шуаны почти каждую ночь убивают нескольких муниципальных чиновников. Из Ванн Брю пишет в тот же день:

«Меры снисхождения произвели здесь очень малое действие, если не считать того, что дало разбойникам время собраться, укрепиться, добыть себе оружие и боевые запасы, разрушить те немногие пути сообщения, которые еще существовали между деревнями и городами. Мятежники, повидимому, укрепляются с каждым днем и число их возрастает...»

Из Ренн Бурсо повторяет 4-го плювиоза:

«Я думаю, что мы ведем здесь войну овец против тигров. Есть все основания опасаться, что это мнимое перемирие послужит средством к другим злодеяниям...»

10-го плювиоза Брю сообщает из Ванн, что шуаны завладели селом Ремене:

«Вот, таким образом, результат этих переговоров, этих совещаний с мятежниками, которые всегда были мне подозрительны, так как в них могла скрываться какая-нибудь ловушка, какое-нибудь вероломство со стороны их предводителей».²

Но Рюель и эмиссары, разделявшие его оптимизм, и слышать ничего не хотели. У них было свидание с Шареттом и главным предводителями Нижней Вандей и Леса, в присутствии Комартена, которое продолжалось четыре дня, в Ла Жоне в палатке, близ замка, расположенного в 5 километрах к юго-востоку от Нанта, с 12 до 15 февраля 1795 (24 до 29 плювиоза).³ Результатом этих совещаний был настоящий мирный договор, скрытый под видом трех постановлений о помиловании, изданных представителями народа (29 плювиоза).⁴

Предводители и мятежники, без различия, были поставлены под защиту от всяких расследований прошлого. Республика давала вандейцам пособия и вознаграждение за убытки, чтобы помочь им ремонтировать свои дома и восстановить земледелие, торговлю и промышленность. Все вандейцы, как бежавшие патриоты, так и повстанцы, вернувшиеся в лоно республики, имеют равное право на эти пособия и

¹ Письмо Карно от 23 нивоза. у Chassin Les Pacifications, t I. p. 128.

² Все эти письма помещены в сборнике Олара. Мы приведем еще следующее письмо писанное Алансоном 15 нивоза. «Если не считать главных городов департаментов, то весь департамент Сарты находится в самом ужасном состоянии. Совершающиеся кражи и убийства не имеют пределов. Есть уже 400 убитых патриотов, большая часть из них должностные лица. Амнистия, повидимому, убедила мятежников, что мы не в состоянии победить их».

³ Живое описание совещаний в Жоне можно найти в Histoire religieuse de la Révolution Пьера де ла Горс, t. IV, pp. 39 — 44

⁴ См. текст этих трех постановлений от 17 февраля 1795 г. у Uzurau Les Angers, 1918, p. 47.

вознаграждение за убытки. Повстанцы вступило *ioso facto* во владение всеми своими правами, имуществами, движимыми и недвижимыми. Снят был арест с секвестрированных в пользу республики имуществ, даже если их прежние владельцы были занесены в список эмигрантов. Наследники восставших и осужденных трибуналами вандейцев вступили во владение их имуществами или получали вознаграждение за те имуществы, которые были уже проданы. Кроме того вандейцы были организованы в территориальную гвардию и должны были получать плату из государственных доходов, в размере 2 000 для района Шаретт. Они были организованы в отряды, которые должны были находиться исключительно в Вандее. Молодые люди освобождались от рекрутчины. Другие условия, не вписанные в постановления, гарантировали полную свободу совести, даже для непокорных священников. Королевские боны, выпущенные инсургентами для ведения войны с республикой, должны были быть оплачены ею в сумме до 2 мил. ливров по земельному кредиту в 20 миллионов, предоставленному в распоряжение эмиссаров. Последние роздали главным предводителям начальные суммы ассигнатами и звонкой монетой.

Рюель передал 200 тыс. ливров Шаретту.¹ Тротуен получил 50 тыс. ливров звонкой монетой и 44 тыс. ассигнатами. Де Ла-Бож де Боже 69 тыс. ливров ассигнатами, Анри и Ж. Б. Мартен 56 тыс. ливров ассигнатами, Жибер 44 тыс. ливров ассигнатами, Рену 34 тыс. и т. д. и т. д.² Вандейцы сделали великолепную аферу.

«В общем, — говорит один из них, доверенное лицо Шаретта, Бежар, участвовавший в совещаниях в Лажонне, — на нас не налагали почти никаких жертв. Республиканцы проявили себя очень снисходительными. Главная ступень была получена: вандейцам было оставлено их оружие. Под именем территориальной гвардии каждый предводитель имел право содержать при себе в организованном виде отряд, численность которого изменялась в зависимости от ее важности. Почти все присоединили к себе избранных людей, число их легко было увеличить в случае возобновления военных действий. Это были ядра для образования новых сборных пунктов...»

Понятно, что предводители вандейцев с радостью подписали прокламацию, в которой они сообщали о своем подчинении, и что они затем отправились вместе с эмиссарами в Нант, где они были встречены демократическим обществом многочисленными речами. Вечером закончился общественным балом.

Перемирие с шуанами тянулось еще два месяца. Переговоры, в сущности руководимые Корматеном и Рюелем, происходили недалеко от Ренна в замке Ла Превале, любезно предоставленном в распоряжение шуанов. Последние, после долгих уговоров, в конце концов согласились на мир Ла Мабиле, который почти повторял условия мира в Лажонне (20 апреля 1795 г. 15 жерминаля III г.). Стоффле и Верней Вандее сдался последним. Его советчик, аббат Бернье сперва вы-

шел от своего имени манифест, сообщавший об измене Шаретта, и дал себя подкупить республиканцам, говорил он. Оставленный мало-по-малу своими лейтенантами, Тротуеном,¹ Кудедиком, Буссо, почти окруженный Конкло, доведенный до отчаяния, он, наконец, в свою очередь сдался 2 мая 1795 г.

Термидорианцы могли кичиться тем, что они умиротворили западную Францию... и деньгами. Чисто теоретическое умиротворение, которое, впрочем, продолжалось всего около двух месяцев. Республиканцы продолжали подвергаться притеснениям и даже убийствам по всей Вандее. Вандейские патриоты не могли вернуться в свои дома. Шаретт, Сапино, Стоффле оставались неограниченными господами в той восставшей стране. Шуаны, подобно вандейцам, не исполняли никаких обязательств. Они воспользовались бездеятельностью республиканских войск, чтобы распространить свои действия на страны, которые до сих пор были пощажены, как Сарта, Эйр, Ла Мание и Калав. Из Шаргра эмиссар Дю Буа дю Бе считает Гоша ответственным за распространение этих опустошений:

«... будет ли Гош всегда пользоваться вашим доверием (он обращается к кому-то, которого он не заслуживает... Можно думать, что он скорее отстаивает интересы шуанов, чем интересы республики, готовый по обещанию казней и т. д., чтобы поощрять их предприятия и усилить их дерзость...»

Это не единичное обвинение озлобленного эмиссара. Почти все эмиссары, посланные в департаменты Мена, Анжу и Нормандии, в это время высказывают такое же строгое и несправедливое осуждение генералу Гошу, например, Бодран, который из Лавала пишет в Комитет общественного спасения в тот же день, как Дю Буа дю Бе. «... была вина Гоша, если со времени мнимого перемирия шуаны разбегались среди солдат, ласкали их, увлекали их, покупали у них оружие и, наконец, привлекали их в свою партию, облегчая им бегство...»

Эмиссар Делоне младший, старый жирондист, но уроженец этой области (он был из Анже) признал ошибку в длинном и очень длинном письме, которое он писал в Комитет общественного спасения из Лавала 29 флореаля:

«... во время этого перемирия настроение в армии падало, дезертирство принимало размеры, власти в удрученном состоянии... Стоффле блуждал уже несколько по лесам, без лошадей, без подвод, попавших в наши руки; убежал от нас свое последнее оружие... Стоффле придал политическое значение тому, что у него не было. Не требовали, чтобы он ушел из Вандеи, хотя он был под стенами Мортани; наконец ему дали территориальную гвардию из 2 000 человек, хотя в Нанте было постановлено этого не делать. Эти 2 000 человек привели в уныние жителей дистриктов Вийера (Vihiers), Шоле и Монтевиля. Они не без основания опасались подобной территориальной гвардии, слухи о которой привели к объединению шуанов и роялистов, которые являются едиными... Рюель о Вандее, это роман. Я докажу вам, что вас обманули...»

Тротуен сообщил о своем подчинении в письме к Стоффле, в котором он писал: «Народ Вандеи взялся за оружие по двум причинам: первая причина — чтобы ему ее оставили; вторая причина — чтобы освободиться от необходимости стрелять в милицию, его оставляют в покое в его домах. Он никогда не стрелял за короля... Крестьянин больше любит своего быка, чем своего короля, свою жену, своих детей...» (Chassin, op. cit., t. I, p. 169).

Письмо напечатано в сборнике Ожю.

¹ Chassin, Les Pacifications de l'Ouest, t. I, p. 208.

² Chassin напечатал на стр. 188 и сл. список получивших пособий, который он проверил по спискам плательщика Анже. Имеется еще другой список, отличающийся от предыдущего, в письме эмиссаров на западе Комитету общественного спасения, 30 вантоза (Aulard, Recueil, t. XXI, p. 224).

³ По «Souvenirs Vendéens», напечатанным сыном Бежарри, цитируемым Chassin'ом, t. I, p. 155.

Делоне забывал только одну вещь, что он и сам ошибся, он поддержал 24 вантоза Рюеля на трибуне Конвента и содействовал усыплению Конвента.¹

Когда открыто возобновились военные действия, якобинцы и сургенты одинаково утверждали, что эmissары, подписавшие рне, хотели подготовить восстановление монархии. Они ссылались на существование мнимых тайных статей, которые, если им бы, держали это обещание.²

Агент роялистов Дюверн из Треля подхватил эту легенду и придавал ей вероятность, для подкрепления ее составил два подложных документа. Но лейтенант Шаретта, Безарри, опроверг существование мнимых тайных статей, и в наши дни Ла Сикотьер окончательно уничтожил этот аргумент, созданный позднее.

Нет, Рюель и эmissары, подписавшие договор в Ла Жоннаби, не ставили себе целью тайно восстановить престол. Их необдуманные действия особенно укрепили роялистскую партию.

Чтобы умиротворить Вандею, они должны были восстановить религию, даровать амнистию непокорным священникам, и эта амнистия ограничилась одним только западом, ее логически пришлось прострочить на всю Францию. Это была новая религиозная политика, которой не приминул воспользоваться роялизм. В таком случае когда возвращали вандейским мятежникам их секвестрированное имущество или когда им давали вознаграждение за проданные имущества, невозможно было поддерживать во всей остальной Франции революционные законы, которые конфисковали имущество осужденных революционным судом. Восстановление прежнего положения должно быть всеобщим.³ Таким образом принужденный отказаться от всего и осудить все, что сделало революционное правительство до термидора. Эта политика быстро завершилась банкротством, прямой противоположностью красного террора, но без тех самых оправданий. И роялистское пробуждение было так сильно, что оно чуть не уничтожило республику.

ГЛАВА VII.

ОТКРЫТИЕ ЦЕРКВЕЙ.

Ничто не предсказывало, что за 9 термидора последует, праздника 8 месяцев, настоящая религиозная революция, которую произвело открытие церквей и отмена гражданских праздников десятого декады (décadi) или республиканского воскресения.

На религиозной почве победители Робеспьера были левее. Старый Робеспьер в самом заседании 9 термидора упрекал Робеспьера в покровительстве старой безобидной иллюминатке, Екатерине Тео, которую и Комитет общей безопасности формальным декретом 27 термидора предал революционному суду. Робеспьер воспротивился исполнению декрета, и это было одной из причин его ухода из правительства за месяц до 9 термидора.

В термидорианцев было общим местом изображение «тирана» Робеспьера в роде римского папы, стремившегося основать новую религию, как какой-то Магомет, а также, несмотря на возражения, закрывавшим покровителем католицизма.¹

В самом деле Робеспьер осуждал дехристианизацию как грубую ошибку, которая могла отдалить, вызвать отчуждение между народом и республикой. Он пытался противиться введению революционного культа. Он не был верующим, ни даже деистом, так как он смешивал Верховное существо с Природой. Но он был государственным человеком. Он знал, что только избранная часть общества, образованная интеллигенция, которая читала философов, способна обойтись без веры и без культа. Когда массы были неграмотны и религиозны, истинно народная политика не могла быть нерелигиозной. Неверие было роскошью, непониманием к изысканному воспитанию. Как истинный демократ, Робеспьер уважал в народе все, вплоть до его предрассудков. Не будучи в состоянии помешать дехристианизации, он старался сделать ее менее опасной, придавая гражданским праздникам спиритуалистический характер, credo, которое могло бы сделать их приемлемыми для толпы. Успех его празднества Верховного существа показывал, что он был прав.

Чтобы дать представление об этой литературе, достаточно привести следующие строки из отчета о заседании якобинцев 11 термидора: (Робеспьер) «добились в одно и то же время скипетра и кадильницы, пожлаемый честолюбием Магомета, но не обладавший его гением и, в особенности, мужеством, римский папа и деспот в одно и то же время, он призывал французскую нацию к поклонению Верховного существа, точно французская нация отказалась от этого...»

...и, следовательно, государство, которое он оказывал священникам, удесятерило число его почитателей...»

...и мое критическое издание его Записной книжки в моей книге: «Robespierre et le Terrorisme».

¹ См. его речь в «Moniteur».

² Бабувистский памфлет «La vérité au peuple» формально обвиняет термидорианцев в том, что они «по тайному договору обещали вандейцам и восстановление церкви и престола» (Aux annexes de la Conspiration de Babeuf, par Buonarroti, t. II, p. 97).

³ 30 вантоза после большой речи Буасси д'Англа Конвент постановил, чтобы даже имущество осужденных революционными судами. 26 жерминаля, 1795, Конвент постановил возвращение имущества осужденным священникам стоимости тех имуществ, которые были уже проданы.

Когда он пал, религиозная агитация прекратилась. Больше церкви были закрыты или, вернее, превращены в храмы Св. республиканское воскресение или десятый день декады почти не теснил старое католическое воскресенье. Многие присягнувшие стипуляции священники отказались от своих функций, вернули самоты на право священства, некоторые женились и нашли работу в администрации. Что же касается непокорных священников, кроме Вандей, то те, которые не были изгнаны, принуждены прятаться и вести тайное богослужение. Шестидесятилетние и больные, которых нельзя было высылать, были вообще сконрованы в домах заключения. Другие, даже из старых конституционных, находились в списке подозрительных. Чтобы искоренить старую религию и старые привычки, Сен Жюс. товлял проект республиканских учреждений, который увидели через много времени после его смерти.¹

Ни один из победителей Робеспьера не подумал подвергнуть мнению совершившиеся факты. Никто не требовал отмены этого декрета 18 флореаля, который установил церемонии декадных праздники. Никто не поднял голоса в пользу фактически уничтоженной религии. Наоборот.

С разных сторон упрекали Робеспьера в том, что он вербовал свою партию среди старых конституционных священников, которые действительно занимали многочисленные места в общественных управлениях. Член Конвента Флоран Гио, будучи эмиссаром на севере, писал в Комитет общественного спасения 17 термидора и возмущался, что

«в то время как угнетают народ под предлогом его суеверий, повсюду административные органы, в комитеты и в другие общественные учреждения члуют священников»

За два дня до того, как было написано это письмо, депутат Монмелю провел в Конвенте декрет, что бывшие священники и дворяне будут исключены из всех общественных должностей как гражданских, так и военных. Эта радикальная мера, которой за год до этого напрасно требовали эбертисты Парижской коммуны, была, без сомнения, отменена на следующий день, 16 термидора, по требованию Мерлена из Тионвилля, но дух недоверия и враждебности по отношению к бывшим священникам, снявшим с себя сан, тем не менее существовал среди термидорианцев и их сторонников.

Мы приводим здесь несколько примеров этого. Эмиссар Буассе приезжает 20 термидора в Бург, главный город Эна. В своей первой прокламации он обещает прекратить акты притеснения и заботиться о защите патриотов, но он тут же прибавляет:

«Дворяне, священники и интриганы будут удалены из всех общественных должностей».

точно бы декрет Монмелю был в силе, точно бы священники и дворяне представляли одно и то же. Между тем этот эмиссар, выступавший на свободу федералистов и посадивший в тюрьму террористов, был, конечно, большим противником клерикалов, чем самые горячие

¹ Он был опубликован в 1800 г. депутатом Брюно под заглавием «Agitation d'institutiones republicaines».

января. Он настаивал на закрытии последних, открытых еще двей и на изъятии их имущества.

И это подтверждает то, что я только что сказал, что именно партия старой буржуазии проявила больше всего ярости против духовенства и против религии. В конце своей командировки, в 4-й дополнительный день 18-го, Буассе выпустил прокламацию в пользу празднования 10-го дня декады и против празднования воскресения. Он держал священников в тюрьмах.

Реакция против бывших священников после термидора была всеобщей. В Боне, главном городе дистрикта Кот д'Ор в общем собрании граждан Коммуны, происходившем 4 и 5 фруктидора, два бывших священника, члены администрации дистрикта, Дюбуа и Мюно, были объектом жестокого обличения со стороны населения. Они требовали в своем адресе Конвенту

«абсолютного изгнания (бывших дворян и священников из всех общественных должностей)».

Не подлежит сомнению, что конституционные священники, отказавшиеся от своих функций и отдавшие целиком республике, были объектом общего недоверия со стороны термидорианцев, но это не часто сопровождалось преследованиями.

Во 2-й день санкюлотид II г., г. с. 18 сентября 1794 г., Камбон, который всегда отличался своей непримиримой антирелигиозностью, провозгласил декрет, что с этого дня республика не будет больше платить издержек и жалованья служителям какого бы то ни было культа. Многие историки считают этот декрет началом отделения церкви от государства и свободы вероисповеданий. Если бы они внимательно прочитали речь, произнесенную Камбоном перед голосованием, и если бы они обратились к прежним декретам за сентябрь 1793 г., на которые постоянно и ссылается Камбон, они признали бы свою ошибку, они увидели бы, что декрет 2-го дня санкюлотиды не внесла ничего нового, что он только констатировал фактическое состояние и подтверждал законодательство, уже год тому назад вошедшее в силу, что оно было, несомненно, достигнутым, а не отправным пунктом.

От имени нашего Комитета финансов я буду говорить здесь с вами о священниках. Вы, без сомнения, спрашиваете себя, какое может существовать отношение между финансами Французской республики и священниками? Надеясь, что вы, уже довольно решительно повсеместно высказались против всех религиозных предрассудков. Может ли быть еще вопрос о расходах на культ и о жалованьях священникам? Это требование, правда, было возбуждено несколькими интересными лицами, но не подумайте, что ваш комитет финансов пришел к тому, чтобы объявить себя официальным защитником системы, которая могла бы восстановить религиозные предрассудки, он пришел только предложить вам проект декрета, чтобы усорить выдачу пособий, жалованья, окладов служителям культа, записавшим во многих местах благодаря ложным показаниям, которые хотели придать декрету 18 термидора (предписывавшему немедленно выплату запоздавших пособий).

Камбон затем делает исторический обзор законодательства о пенсиях служителями церкви. Он напоминает закон 18 сентября 1793 г. предоставленный им для сокращения сумм выплачиваемых епископам и

См. в «Archives Nationales» дело 2 III 31 (Комитет законодательства)
См. Philbert Leduc Histoire de la Revolution dans l'Est, t. V, pp. 257 — 331

наместникам епископов. С изданием этого декрета эти суммы уже не жалованьем, а временными пособиями, «пенсиями за церковную службу», употребляя соответственное слово.

«Выражения, в которых составлен этот закон, не оставляют ни сомнения относительно того, какого вы были мнения, издавая этот закон. Мы не намерены были впредь платить жалованья служителям каких бы то ни было религий. Однако, так как вопрос формально не решен, а слова имеют свое значение, богословы утверждали и, по их словам, доказали, что они общественными должностными лицами».

Нет ничего более ясного. Для Камбона отделение церкви от государства было уже совершившимся фактом в течение года, со времени издания закона 18 сентября 1793 г., который не считал священными общественными должностными лицами и оставил им пособия за церковную службу, а не жалованье. Камбон доволен этим. Он заявляет, что декрет 2-го фримера, который разрешал священникам прекратившим свои функции, вознаграждение за убытки, имевшие лучшие результаты, так как он значительно облегчил закрытие церквей; чего он желает, это не столько отделения церкви от государства, сколько полной отмены культа. С 1-го жерминаля пенсии служителям церкви, как и все другие пенсии, перестали выплачиваться. Сколько требовали те немногие священники, которые не сложили сана, свои прежние вознаграждения, которые никакой формальный закон не отменил, большая часть местных администраций отказывалась признавать их требования. Они не хотели платить жалованья священникам оставшимся без дела с тех пор как церкви были закрыты. Закон 18 термидора, который приказывал вновь выплачивать пенсии, воскресил надежды этих не сложивших с себя сана священников. Камбон хочет, чтобы претензии их были отвергнуты.

«Если епископы, kurie и т. д., которые не отказались от своих функций, утверждают, что они еще занимают должности, то они не могут получать плату на основании закона 18 термидора, так как закон говорит только о бывших служителях церкви».

И Камбон приветствует администрации

«отклонившие (почти все) на основании истины и справедливости претензии тех, которые хотели воскресить оплачиваемую религию».

Недопустимо, чтобы священники, которые не хотели сложить сана, но которые тем не менее не исполняли своих обязанностей, получали более высокую плату, чем те, которые стали на сторону разума и революции. Но с другой стороны было бы слишком жалко не давать им решительно ничего. Чтобы покончить со всякой неясностью со всякими спорами, Камбон предлагает торжественно заявить, что республика не платит больше жалованья и не оплачивает расценок какой религии, и уподобить священников, не сложивших сана другим присудив им всем одинаковую пенсию.

Таким образом декрет 2-го дня санкюлотиды ни в каком смысле не является началом эры отделения церкви от государства. Он регулирует прежнее положение, точно определяя последствия издания закона, которые можно было различно толковать. Речь все еще о введении свободы вероисповеданий. Вероисповедания продолжают оставаться отмененными, декрет 18 термидора не называется

именем, чем бывшими служителями церкви. Недоверие, враждебность Камбона ко всякой религии доходит до того, что в самой речи он высказывается против возможного создания революционного культа, декадного духовенства, которое заменило бы старое духовенство, присягнувшее конституции.

Ваш Комитет финансов, — сказал он, — получил различные петиции о том, чтобы Конвент определил жалованье служителей церкви, обслуживающих так называемые храмы Разума, Философии, или храмы, посвященные Верховному существу. Вот каким образом интриганы пользуются именем народа, чтобы добывать себе жалованье и поработить его. Вы получили много петиций, испрашивающих средства для постройки и ремонта храмов новых религий. Для этой цели уже много взято налогов, вызывая раздражение даже среди порядочных граждан. Стоит только провозгласить религиозный принцип, как тотчас же появляются храмы, которые должны будут охраняться лицами, претендующими на жалованья служителями; они потребуют жалованья или доходы. ...»

Камбон категорически высказывается не за отделение церкви от государства, а за уничтожение всякой церкви, даже философской или гражданской.

Было бы, однако, глубокой ошибкой думать, что Камбон требовал уничтожения так называемых храмов Разума или Верховного существа, которые открывались везде в старых оставленных церквях. Нет! Он считал, что гражданские церемонии последнего дня декады, заменившие отмененную католическую службу, полезны и даже необходимы для образования республиканского духа. Но он не желает захвата церемоний новым духовенством. Гражданские церемонии должны оставаться в руках городских служащих, являющихся представителями всего государства, не образуя духовенства, так как их выборное устройство имеет временный характер. Камбон, как все его современники, остается сторонником государственного единства. Он находит, что духовенство как старое, так и новое, может быть опасным для существующего государства. Он сохраняет исключительно за государством руководство гражданской пропагандой посредством декадных церемоний. Они благотворны, когда ими руководит одно только государство. Благодаря им государство завоевывает души, чтобы привлекать их, чтобы осуществлять моральное единство, необходимо для мнения для поддержания или, вернее, для образования республики. Камбон очень далек от нашего понимания нейтрального государства. Он убежден, что католицизм злейший враг республики. Он считает нужным уничтожить его, но из чувства гуманности он не решен дать в виде подаяния пенсию бывшим служителям церкви. Большинство Конвента в то время разделяло намерение Камбона, как оно доказало это единогласным принятием его проекта.

Комиссары Конвента, за весьма редкими исключениями, продолжали вести войну против фанатизма; так они называли католицизм. В Дуэ (Doubs) после термидора опять началось сложение сана. 11 сентября 1794 г. в дистрикте Безансона оставался только один священник, при-

чем Я разобрал эти вопросы в сообщении последнему конгрессу по истории французского духовенства, заседания которого происходили в Collège de France во время пасхальных каникул 1927 г. Текст этого доклада можно найти в протоколах конгресса и в «La Grande Revue» за май 1928 г.

сигнувший конституции, который исполнял свои обязанности приходский священник в Оксон-Делю. В дистрикте Бом-ле-Ду миadora было еще 20 священников, исполняющих свои обязанности. 14 сложили сан в последовавшие за этим декады. 1 Эмиссары и Бессон постановлением от 30 брюмера III г. распорядились закрыть священников, продолжавших богослужение, и закрыть церкви, оставшиеся еще открытыми. Их постановление распространилось на соседний департамент Верхней Соны. Они приказали арестовать упорных священников. Это тот момент, когда лютеранские церкви в Монбеллиаре в свою очередь слагают сан под угрозой. Евреи Безансона закрыли свои синагоги в октябре 1794 г.

Эмиссар Калес, один из наиболее озлобленных против термидорианцев, в соседнем с Кот-д'Ор департаменте приказал снять последние колокола, изъять священные сосуды и закрыть оставшиеся еще открытыми церкви. 2

В Верхней Гаронне и в Тарне эмиссары Малларме и Буилеро постановлением 14 вандемьера III г. 3 отдают под надзор в главном городе дистриктовых священников, даже сложивших сан, за исключением только женившихся священников. Малларме приказывает также арестовать частных лиц, которые будут праздновать воскресенье.

В Гарде, Авейроне и Эро эмиссар Перрен из Вогезов, который жестоко преследовал террористов (он велел арестовать мэра Ним Курбиса), удалил прежних священников за 20 миль от мест их жительства и лишил свободы тех,

«которые сопротивлялись делаемому им добру».

В Орне присягнувший конституции епископ Лефессье, который сложил сан, обратился к эмиссару Жениссье с просьбой разрешить ему опять совершать богослужение; только по этой причине он был арестован и просидел семь недель в тюрьме. 5

В Эре 2 нивоза III г. в дистрикте Верне было издано постановление о запрещении служить обедню. 6

Термидорианцы Конвент был убежден, что открытие церквей чрезвычайно опасно для республики. Один из наиболее популярных ораторов Равнины, Буасси д'Англа, сообщил 18 фримера III г. о протестах священников, присягнувших конституции, в его департаменте Ардеше. Они обезжиают деревни и вводят в заблуждение жителей. Есть такие, говорит он, которые в своей дерзости дошли до того, что отрекаются от присяги, принесенной конституции, и свое отречение правяют в дистрикт Мезан. Но администрация дистрикта

1 Coze (Sauzey), у которого я заимствую эти факты, составил список священников, присягнувших конституции, которые сложили свой сан после термидора («Histoire de la persécution révolutionnaire dans le département du Doubs», pp. 376—642).

2 См. письмо Калеса в Комитет общественного спасения от 1 нивоза III г. (Aulard, Recueil, t. XIX).

3 По La Gorce, Histoire religieuse de la Révolution, t. IV, p. 11. Histoire des sectes, p. 243.

4 См. «Moniteur», t. XXII, p. 609, речь, которую он произнес о своей миссии 6 фримера III г.

5 По La Gorce, t. IV, p. 15.

6 Grégoire, Histoire des sectes, p. 255.

бы, чтобы эти злодеи, которых он приказал арестовать, непременно если должную кару. Конвент одобрил администрацию дистрикта, присудил ей почетный отзыв. 1

Чтобы позорить усердие административных органов, Комитет общественной безопасности издал 12 нивоза III г. следующее постановление:

«Комитет общей безопасности постановляет, что члены административных органов дистриктов, национальные уполномоченные в этих административных органах и в революционных комитетах обязаны под своей ответственностью преследовать всяким религиозным или роялистским собраниям, арестовывать всех ораторов и главных деятелей этих собраний, а также немедленно доводить об этом до сведения Комитета общей безопасности. 2

Мы уверены, что это постановление не осталось мертвой буквой.

Ла Горс утверждает в своей «Histoire religieuse de la Révolution», что еще долгое время спустя после термидора применялись ужасные законы против вернувшихся из ссылки священников. В Верхней Луаре шесть священников взобрали на эшафот, в Ду — четыре, в Дордое — два, в Мен-е-Луар — два, два — в Нижней Луаре, один — в Кот-д'Ор, пять — в Морбигане, один — в Варе, восемь — в Париже и т. д. 3

Термидорианцы не ограничивались одним только упразднением течение долгих месяцев старого богослужения, они старались сохранить и поддерживать также новый культ, республиканский культ, выказавшийся в гражданских праздниках 10-го дня декад. Несмотря на свою ненависть к Робеспьеру, они никогда не отменили декрета 10 флореаля, который легализировал эти декадные праздники.

Храмы Верховного существа оставались открытыми, и демократические общества, эмиссары, местные городские должностные лица регулярно восхваляли там Республику и Отечество посредством гимнов, речей, чтений. Были даже такие города, как Лиаль, где культ даже испытывал как бы возрват активности. Там, в 5-й день санкюлотиды II г., в тот самый день, когда Конвент in сокрое провожал прах Марата в Пантеон, происходило освящение «храма предвечному орнаментации которого особенно позаботились. Там, как в раю, были леса, гроты, отдаленные холмы, пирамиды, гробницы в память наших друзей свободы. Посредине статуя свободы на скале, затем гробница Руссо, окруженная как в Эрменонвилле, тополями и ивами, статуями в честь Барра, Виала, Ле Пелтье и Марата. 4

Везде, где победоносные французские войска вступали во владение завоеванными странами, на стараниях возбуждались республиканские собрания.

«Moniteur», t. XXII, p. 701.

Подписали Матье, Ревершон, Ломон, П. Баррас, Монмейю, Леандр, Бур-де-л'Уаз, Рейбель и Буден. Это постановление было напечатано в «de Décade du Haut Rhin. Le Décadane feuille périodique consacrée à l'instruction des habitants de la campagne dans le département du Haut Rhin, начал выходить в Кольмаре 4 жерминаля II г. и выходил регулярно до 29 вантоза III г. Я справлялся с полным собранием его в библиотеке Огюстена Газье.

3 T. IV, p. 14.

4 См. описание на стр. 12 брошюры, озаглавленной «Discours prononcé au nom du Conseil général de la commune de Lillé par le citoyen Corbet l'un de ses membres à l'ouverture du Temple à l'Éternel le 5 jour sans-cultotide, 2-e année épubli-

Речь, произнесенная от имени Генерального совета коммуны Лилля одним из членов, гражданином Корбе при открытии «храма предвечному» в 5-й день санкюлотиды II г. республики) (Fonds Gazier).

ские храмы. В Антверпене был освящен памятник Разуму 2-го фримера III г., в Монсе 2 плювиоза III г.¹ В Ахене 30 фримера III г. Здесь храм был посвящен Верховному существу; привативную речь при освящении произнес конституционалист Порье из Уазы.

В старых, как и в новых храмах, регулярно празднуется 10-й день декады под страхом наказания, даже в Эльзасе.² Эмиссар Мелларме в Верхней Гаронне и в Тарне приказал арестовать всех, кто праздновал воскресенье.³

Гражданские требники выходят еще в большом количестве. Муниципалитет Безансона покупает 12 сентября 1794 г. за 400 ивров карету, которая должна служить триумфальной колесницей для общественных праздников. Эмиссар Пелтье, будучи проездом в Понтарлье, издает 21 сентября постановление о постройке за счет дистрикта здания театра для устройства там празднеств декад.⁴ Опять появляются боги свободы, сжигают книги и церковные предметы. 5 фругидора III г. национальный уполномоченный дистрикта Диез предлагает находящимся в его ведении коммунам заменить «изображение святых бюстами Марата и Ле Пелтье».

В общем можно сказать, что 9 термидора ничего не изменило в положении религии. Единственная разница, которую можно указать состояла в том, что после 9 термидора республиканские праздники местами сопровождались некоторыми манифестациями, имевшими, если не атеистский, то по крайней мере натуралистический и пантеистический характер. В годовую праздник 10 августа, 30 термидора II г. гражданин Симон, мэр Кольмара, произнес речь, в которой говорилось только о Природе и ни одним словом не упоминалось о Верховном существе.⁵ В Страсбурге тогда стало выходить периодическое издание под заглавием «La Religion de la Nature et de la Raison». Член Конвента Лавиконтери в своей («Essai sur la Morale calculée») речи произнесенной 17 вандемьера III г., излагает план чего-то в роде гражданской проповеди, если не атеистической, то по крайней мере в значительной степени пантеистической.⁷ Но это все отдельные проявления, к которым Конвент не присоединяется и которые он даже осуждает. Деизм остается официальной доктриной. Даже когда термидорианцы нападают на Робеспьера, называют его римским папой, они

¹ См. речь, произнесенную в Монсе 2 плювиоза III г. в «храме разума» в день его освящения и празднования годовщины смерти последнего тирана Франции гражданином Ланграном, членом администрации округа Энэ (Hainau) (ic), Bibl. nat., Lb. 41, 4228. См. также протокол того же праздника 2 плювиоза III г. в Брюсселе и речь эмиссара Роберто Lb. 41, 42247 и т. д.

² 8 нивоза III г. муниципалитет Страсбурга приказал купцам закрыть лавки в 10-й день декады (Grégoire, Histoire des sectes, p. 305).

³ Id., p. 243.

⁴ Essai d'un rite de célébration des décades et des fêtes nationales par le citoyen meau, de la Côte d'Or. nivôse, au III, Bibl. nat. L. 38 1146. Fête à la ruse, comme modèle pour les autres fêtes décadaires, par Opoix, représentant au nivôse au III, Bibl. nat. Le 36 1140 etc.

⁵ Sauzay, Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs, t. IV, p. 361.

⁶ По Le Déradeur du Haut Rhin (fonds Gazier).

⁷ «Archives Nationales», A.D., XVII, 22.

считают, что этот новый Магомет не обладал монополией на веру

в течение нескольких месяцев Конвент с ожесточением проводил гражданскую религию, дополняя ее организацию, начатую Робеспьером. Комитет народного образования получил три раза приказ: 21 термидора, в 4-ю санкюлотиду II г., 10 фримера III г. приготовить в кратчайший срок проект закона. Комитет народного образования ничего не достиг, если не считать доклада Мари Жозефа Шенье, не имевшего будущего.¹ Тогда Конвент 9 нивоза III г. принял решение предложить всем членам изложить свои взгляды на учреждение национальных праздников, в которых могли бы объединиться люди всех партий. Многие члены Конвента составили планы республиканской религии, имевшие вообще деистское направление. Их мемуары, которые были напечатаны, составляют несколько томов.² Все это огромное дело пропало совершенно даром. Конвент потерпел неудачу в обоих намерениях, с одной стороны, в намерении создать единообразный ритуал для патриотической религии и, с другой стороны, в намерении сделать ее единственной, упразднив католицизм.

Трудно угадать причины этой неудачи, и едва ли нужно их искать. Упразднение католицизма было связано с системой революционного правления. Но под давлением общественного мнения революционное правление отпадало по частям. Возрождалась свобода печати. Католики основывали газеты, издавали брошюры с требованием вероисповеданий, которая значилась в законодательстве (за 10 фримера II г.).

С другой стороны, термидорианский Конвент закрывал клубы, которые были очагом гражданской религии. Он мало-по-малу раскрывал тюрьмы, из которых выходили один за другим священники, приверженцы конституции. Реакция против людей и против идей II г. усиливалась с каждым днем все сильнее и настойчивее.

Наконец, патриотическая вера, бывшая душой церемоний декад, в какой степени ослабела, что совершенно исчезла, республиканский культ был только телом без души.

Надежды на возрождение, на социальное счастье, связывавшиеся с политическими учреждениями, оказались только отдаленной мечтой. С падением ассигнатов и с отменой максимума нужда в городах увеличилась с каждым днем. Как можно было еще верить в магическое действие республики, которая не могла даже обеспечить своим детям насущный?

Но самой слабой стороной республиканского культа являлось то, что он не был созданием народной души, а отражал стремления, страсти буржуазного класса, старавшегося заменить им католицизм. Он полон греческих и латинских воспоминаний. Его сим-

Доклад 1 нивоза III г. «Bibl. nat.» Le 38, 1108. Другой доклад того же 14 нивоза III г. «Bibl. nat.» Le 38, 1128.

Эти мемуары, подписанные Колло д'Эрбуа, Лекинно, Барайльеном, Лангье, Бонгню, П. Ж. Д. Ж. Фором, Фейолом, Дюраном де Майльян, Жозеф-Андреем, Матье, Атаназом Во и т. д., находятся по большей части в серии Национальной библиотеки или же в сборнике библиотеки Ле Пелтье из архива под литерой 12 272.

волизм, совершенно искусственный, заимствован из классической философии. Благодаря этому он почти непочтителен массам, которые прошли через среднюю школу. И это настолько верно, что даже те, которые работают в мастерских республики, всегда празднуют 10-й день декады и остаются, наоборот, верными старому воскресенью. Они находят, что декада слишком пуста и настаивают на праздновании старых христианских праздников. Искучны надуманные проповеди гражданских ораторов, и их единственное есть также способ высказывать свое неудовольствие хозяина дня.

Прибавьте также, что братоубийственная война революционных преступлений террора сблизил с толку людей и иссушила их энтузиазма, необходимого для основания новых лигий. Культ республики, преимущественно культ правительства, за себя только популярность правительства, а эта популярность с каждым днем падает среди республиканцев, которые одни только способны поддерживать ее.

Католическая реакция обнаружилась в Конвенте во время обсуждения проекта Шенье о праздниках декад в нивозе III года. Шенье, 1 нивоза, присягнувший конституции епископ Брегюар, который был стойким республиканцем, осмелился потребовать свободу для конституционного культа.

«Свобода вероисповеданий, — воскликнул он, — существует в Турции и в Египте, но не в Франции. Народ здесь лишен права, которым пользуются в деспотических государствах, даже в управлении Марокко и Алжира».¹

Брегюар хвалит патристическое духовенство, которое построило одно и то же время и за свою веру, и за свои республиканские убеждения. Он старался доказать, что республиканские учреждения несомненно с католицизмом; в виде доказательства он приводил Седанские штаты, Швейцарию, свой собственный пример. Он указывал на политические результаты преследований, уподобил положение протестантов во Франции в III г. положению протестантов при Людовике XIV. Он говорил о преследовании протестантов при Людовике XIV. В Конвенте, который проявил уже свое нетерпение, неоднократно возмущая оратора, поднялся шум. Брегюар пошел на попятный, он заявил, что он сторонник праздников декад, обещал, что присягнув конституции католики

«всегда сумеют примирить свои религиозные обязанности со своими гражданскими обязанностями»,

что, помолвившись своему богу, они соединятся с другими гражданами

«вокруг статуй Свободы для гражданских и политических праздников»

Он пошел даже так далеко, что просил Конвент издавать декрет, который бы в одно и то же время принял проект декрета о праздниках декад и его собственное предложение о разрешении

¹ Речь Брегюара была издана отдельно с прибавлениями: Виб. па. 1109. В предисловии Брегюар объясняет, что «войной одной части Собрания» он прочел свою речь целиком. Чтобы получить точную картину см. «Moniteur».

«...вниманием конституции» католиками публично совершать богослужения. Но эта уступка не успокоила Собрания. Лежандр выступил его защитником:

«Я полагаю, — сказал он, — что мы достаточно прогрессивны в своих революционных взглядах, что нам незачем заниматься религией. Если мы возобновим дебаты, мы вернемся к тем временам, когда священники стремились затемнить народ и не допускали, чтобы народ думал не по их указке. Быть хорошим мужем, хорошим сыном, хорошим отцом, вот единственная религия республиканцев».

В заключение он сказал, что речь Брегюара может причинить много вреда, и Собрание с презрением перешло к порядку дня.

Повидимому, именно эта речь Брегюара повела к пробуждению католицизма. До тех пор молодежь Фрерона была довольно индифферентна к религии и никогда не проявляла особенного почтения к священникам. Но в народе и в мелкой буржуазии сохранилась набожность. Речь Брегюара была напечатана в многочисленных изданиях. Многие газеты привели выдержки из нее. У Брегюара нашлись подражатели. Депутат Тарна, Жозеф Терраль в своих «Размышлениях о праздниках декад» (Reflexions sur les fêtes décades) сказал на его сторону. Он сказал мнение, что национальные праздники не должны стать «популярным, национальным, господствующим», исключительным.

Его коллега Дюран из Майяна в «Мнении о праздниках декад» (Opinion sur les fêtes decadaïres) был гораздо смелее. Он оспаривал свободу праздников декад, протестовал против насильственного празднования 10-го дня декады, гордо выступал в защиту святой религии и осуждал своего рода вызовом декристианизаторам:

«Пусть они откажутся от надежды уничтожить эту религию (католицизм) 18 столетий испытаний и существования. Можно изгнать всех священников, сжечь их, из их праха родятся другие, если вера язычников не будет найдена при последнем издыхании. Мы живем в стране, где больше трех четвертей населения не знает и не хочет знать другой религии... Французская оппозиция бы себя, если бы она основала правительство без религии; или, если бы она уничтожила все религии, чтобы его основать».²

Другой член Конвента, который называет себя деистом, а не католиком, Дидье Буассье, в анонимной статье — Размышления о манинстве (Reflexions sur la Festomanie) осмеял проекты праздников, разработанные его коллегами. Он показал их бессодержательность, отсутствие интереса, несвязность их; он, наконец, осудил их, как бедные Робеспьера, Шометта, Паша, Пейю, Сен Жюста, Эбера и других философов этого полета.

Эти брошюры и многие другие, как, например, брошюра Бодена из Фрерона «О фанатизме и о культах» (Du fanatisme et des cultes), брошюра епископа Одрейна, «Одно слово Лежандру» (Un mot à Legendre), разбавленные одна за другой, разрушили чары, окружавшие до сих пор праздников, благодаря которым они хранили молчание и безропотно все переносили.

У Брегюара это не было простой ораторской уловкой. 24 мессидора III г. он потребовал учреждения гражданских праздников, которые сделают более тесные узы дружбы между всеми членами великой семьи и отождествят народ с конституцией и с законами, которые составят его счастье» («Moniteur»). «Opinion de Durand de Maillane, как и речь Брегюара, выдержала много изданий».

Уже в некоторых департаментах частные лица и освобожденные священники, присягнувшие конституции, открывали церкви более или менее явном соучастии новых властей. Главные викары, уже начиная с нивоза восстановили богослужение в Шер.¹ В пограничных департаментах дело было серьезнее. И непокорные священники рискнули возвратиться. Уже с декабря их было много в департаменте Ду, и находившийся там эmissар Конвента Пелтье велел произвести домашние обыски, чтобы удостовериться в их личностях. Но эти репрессивные меры попадали в пустое. Власть, которую он сам назначил для замены старых, была в большинстве сообщниками непокорных священников. Муньи, маленький коммуны Вуаллан отказался принять посланного эmissаря, потому что он должен был бы поселить его в церковном доме, таким образом потерять надежду иметь священника.²

В этой коммуне церковь оставалась открытой по воскресеньям служили *слепую* обедню, т. е. обедню без священника, без даким образом служились многие слепые обедни во всей Франции. Но число вернувшихся священников было уже так велико, что Конвент пугался. 18 нивоза III г., после оживленных дебатов по поводу грантов Нижнего Рейна, которые последовали за австрийской Вурмсера в ее отступлении и которым часть Собрания хотела вернуть в Францию, Мерлен из Дуэ заявил о клерикальной опасности.

«Я требую, — сказал он, — чтобы общественным обвинителям в делах, членам административных органов и всем установленным властям было поручено немедленно и по всей строгости закона 14 фримера преследовать эmissаров и всех высланных священников, вернувшихся на французскую территорию».

Поддержанное Баррасом и Лежандром предложение Мерлена было принято огромным большинством при криках: *Да здравствует Республика!* Но гораздо легче было принимать законы, чем добиваться их применения. Число непокорных священников, которые принуждены были вернуться в изгнание, было, вероятно, не очень велико.

Сам Конвент находился при последнем издыхании. Его амнистия на западе делала невозможным продолжение его административной политики. Эmissары, находившиеся в тех департаментах, где господствовали шуаны, постоянно предупреждали его, что никакой мир, если не будет восстановлена свобода вероисповедания. Двое из них, Гезно и Гермэр, которые действовали в Морбигане, в соответствии с постановлением от 24 нивоза III г. (13 января 1795 г.) отменили все меры строгости и восстановили свободу вероисповедания для всех священников, как непокорных, так и присягнувших конституции. Комитеты не осмелились высказать им порицание. После долгих они решили примириться. Камбасерес от их имени 19 нивоза

¹ См. Augustin Galier, *Études sur l'histoire religieuse de la Révolution*.

² Sauzay, *op. cit.* t. VI, p. 376.

³ Постановление Гезно и Гермэра воспроизведено в труде *Usurpations*, предложенных ван-ейцам и шуанам (*Mémoires de la société d'Angers*, 1916, p. 41).

⁴ Письмо Камбасереса, адресованное эmissару Лего, было напечатано в его сборнике.

бил эmissарам на западе, что они поставят в Конвенте вопрос о восстановлении религии во всей Франции, ибо можно ли лишать католиков внутри страны тех преимуществ, которые предоставляются восставшим роялистам?

Через четыре дня после успокоения Жонне, 3 вантоза III г. (21 мая 1795 г. член Конвента от Равенны, Буасси, д'Англа, один из горячих противников католицизма, предложил от имени комитета долгожданный декрет о политике по отношению к культам. Напомнив презрительных выражениях, что

«католицизм по своей природе рабоподобен... является пособником деспотизма и его сущности... нетерпим и властен, отугляет род человеческий, является виновником всех преступлений королей»,

Буасси в принципе находил, что

«тайный культ более опасен для свободы государства, чем явный культ, находясь под надзором». «Следите за тем, чему вы не можете помешать, регулируйте то, чего вы не можете запретить. Религиозные люди уходят в темные и пустынные места, чтобы избежать преследования, там душа их раскрывается всем своим чувствам и погружается в состояние отупления, безумия и жестокости, что называют фанатизмом... Религии нужны мученики, подобно тому как и нужны препятствия. Священник, который подвергается опасностям за исполнение своей службы, получает награду за свое мужество. В глазах людей, которые его любят, он является существом, охраняемым самим богом».

Буасси соглашается разрешить открытие церквей, руководимый членом политической покорности. Впрочем церкви не будут возвращены католикам в полную собственность, они будут принадлежать коммуне, которые всегда будут иметь возможность использовать их для принимаемых церемоний декад или даже для избирательных собраний. Никакой религиозный признак изгоняется из общественной жизни. Священникам запрещается выходить в сутанах, запрещается устраивать процессии, носить крест снаружи, обозначать место культа надписью, разрешается коммуна материально поддерживать культ, запрещается священникам основывать корпорации, т. е. ассоциации. Запрещается частным лицам делать дотации религиозным учреждениям и т. д.

Для католиков создан, таким образом, очень строгий режим. Они должны добывать себе помещения, оплачивать своих священников. Им не дана настоящей свободы. Им бросают веротерпимость как податие. Тем не менее, несмотря на все эти ограничения, декрет 3 вантоза с радостью принят во всей католической Франции. Я говорю во всей католической Франции, потому что свобода была предоставлена только присягнувшим конституции священникам, но и всем тем непокорным священникам, которые во избежание высылки приняли принцип свободы и равенства после 10 августа 1792 г.¹ Католическая реставрация возобновилась. Те из присягнувших конституции священников, которые оставались еще в Париже, объединились вокруг Грегуара и выпустили циркуляр, «энциклику» к их коллегам.

Это вытекает из дебатов Удо. «Надо сказать, что этим законом вы не хотите отменить закон относительно людей, которые не присягнули Равенству... «Нет! Нет!» Исключены были, таким образом, из пользования законом некоторые, которых коснулся закон 26 августа 1792 г., т. е. ссылаемые в колонии».

легам из департаментов, предлагая им опять вернуться в свои приходы (15 марта 1795 г.).¹ В жерминале Грегуар основал общество христианской философии и журна *religieuses*, первый номер которого вышел 1 мая 1795 г.

Священники, сложившие с себя сан, требовали у администрации своих грамот на священнический сан, которые были у них силой, говорили они. Их просьбы были приняты, и духовенство, присягнувшее конституции, вновь конституировалось.

Непокорные епископы, оставшиеся во Франции, в свою очередь подверглись закону о высылке или по возрасту, или по тому, что их не заставляли присягать, в виду того, что должность была упразднена, или же потому, что они принесли присягу 10 1792 г., Боссе, епископ Алэ, Кюе де Лорри, епископ Антверпена, Тилье, епископ Оранжа, Майлье де ла Тур Ландри, епископ Сент-пуля и т. д. вышли из своих убежищ, принялись за розыски священников и реорганизовали католическую церковь. В нескольких их паства увеличилась прежними, присягнувшими конституции священниками, которые отреклись от своих заблуждений. Непокорные скоро противопоставили *Annales de la Religion* *Annales religieuses, politiques et littéraires*, редактируемые аббатами Жоффре и Карон.

Изгнанные из официальных зданий, конституционный и католический культ добывали себе оставленные (*désaffectées*) церкви, монастыри, которые они снимали по контракту или с торгов. В этих случаях, в особенности в деревнях, они проникали в официальные церкви, вопреки закону, при соучастии местных властей. Массы непокорных священников вернулась во Францию и открыла для себя более или менее тайные. Новые суды в случае ареста не давали им более. Конкуренция, соперничество между католического духовенства опять так же обострились как в 1792 гг.

Култ декад был при последнем издыхании. Церемонии, на которых присутствовали только власти, превращались в одну только видимость. Термидорианские власти заставляли теперь петь в республиканских храмах реакционные песни, вплоть до *Пробуждения Народа*.²

Чтобы прикрыть свое собственное отступление и отступление своей партии, Буасси д'Англа утверждал, что публичный культ опасен для республики, чем тайный и запрещенный культ. Министр извещал, делал ли он сам себе иллюзии на этот счет, но факты блестящим образом опровергли его утверждения. Непокорные священники принялись опять крестить и венчать верующих, над которыми эти обряды были совершены конституционными священниками.

¹ Уже в флореале 30 присягнувших епископов примкнули к этой организации. См. *Cazier, l'Histoire religieuse de la Révolution*, p. 24

² Конституционный епископ Мон-Блана Паниссе отрекся почти со всем духовенством.

³ Так в Лиможе во время церемонии 20 прерияля III г. храм Ветовного существа был открыт с пением *Пробуждения Народа*, этого любимого французом, освобожденных от тирании «кровавых людей». Эмиссар Шарль изнес речь перед собором «особой божественности» и издал в Сент-пале де-ла-Валь, «Bib. nat.» Lb. 41 4390.

...яты освящали церкви, они требовали выкапывания из могил конституционных священников, похороненных на кладбищах, они производили возвращение к старому режиму.

Их возвращение, уже 21 февраля 1795 г., писал историк Бом, производит реакцию, что люди, не участвующие в их собраниях, публично подвергаются обвинениям...¹

Реакционное умиротворение, продолжение и результат роялистского умиротворения запада было, подобно последнему, только лживым умиротворением. Своим отказом от преследования термидорианский Конвент думал обезоружить своих противников. Но он дал им только новые силы. Сколько ни поощрял Комитет общей безопасности уже с 4 жерминаля усердие своих национальных уполномоченных, предлагая им ослабить следить за непокорными священниками,² его циркуляры совершенно напрасны.

Непокорные священники не присоединились к республике за то, что им вернули церкви, притом очень неохотно. Они пострадали, они подвергались ужасным опасностям, как же могли они не проникнуться прозелитизма и угнетения. Термидорианцы, которых они презирали, оставались для них противниками или скорее врагами. Своим отказом от преследований последние не заслуживали в их глазах никакой благодарности, потому что они хорошо знали, что те уступили только принужденные силой. И их первый успех придавал им смелость добиваться дальнейших успехов.

Малле дю Пан с радостью отмечал в это именно время в своих докладах австрийскому правительству об усилившемся унижении Союзной:

«Никакой проект Собрание не принимало так близко к сердцу, — писал он 26 апреля 1795 г., — как устройство праздников декад, посредством которых рассчитывало похоронить все положительные религии, всякий культ, всякое общество... Общественное мнение заставило его отступить... Оно приказало в недельный срок уехать всем эмигрантам и вернувшимся священникам. Ни один из них не тронулся в путь, никто не исполнил декрета. Изгнанники появлялись везде, даже на трибунах Конвента...»³

Sauzay, op. cit., p. 641.

Так как для общественного спокойствия необходимо предупреждать беспорядки, которые фанатизм, суеверия и недоброжелательство хотели бы воскресить, не приведенные к присяге священники, выпущенные на свободу, должны находиться под постоянным надзором коммун, в которых они живут; надо следить всеми их действиями и мешать тому, чтобы они, злоупотребляя доверием коммун, не вводили их в заблуждение и не подрывали в них уважение к законной преданности, которые республика в праве ожидать от всякого честного гражданина. Мы рассчитываем в этом отношении на ваше усердие и на ваши доказательства, которые вы нам в этом дадите, вы покажете себя действительно достойными вверенных вам должностей.

Циркуляр 4 жерминаля III г., подписанный Клозелем, Мониейю, Огисом, Пемартеном, Лежандром, Буденом, Ломоном и Перреном. Я поместил этот циркуляр in extenso и другой циркуляр от 6 прерияля III г. в «*Annales historiques de la Révolution française*» за сентябрь — октябрь 1925 г.

Тот же самый Малле дю Пан следующими словами характеризует закон 10 прерияля: «Возрождая католиков, он (Конвент) возрождает роялистов. Всякий, кто не признает церковную службу, враг республики. Нет таких священников, которые не были бы своей паствой, что их привязанность к этому режиму есть дело религиозные чувства, которые в течение трех лет подвергались преследованиям, теперь распространяются с экзальтацией» (Письмо от 7 марта 1795 г. к Малле дю Пану).

Малле дю Пан Термидорианский роялист

Нанося сильный удар террористам, т. е. республиканцам, управлявшим во время величайших опасностей предыдущего года лорианцы не присоединили к ним старых партий, жаждавших, но они кроме того подвергались опасности контр-атаки тех же террористов, которых они принудили к отчаянному восстанию 12 жерминаля был уже недалек.

которые
терри
ности
самы
Дене

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ГОЛОДНЫЙ БУНТ.

(12 жерминаля III года.)

12 жерминаля III г. (1 апреля 1795 г.) толпа, состоявшая преимущественно из женщин и жителей предместьев, ворвалась в Конвент, требуя хлеба и конституции 1793 г. Толпа вскоре очистила залу без кровопролития. Но эти волнения послужили термидорианцам предлогом постановить выслать именно в момент беспорядков, без дебатов, без соблюдения каких-либо формальностей, без следствия четырех «децемвиров», предание которых суду не было еще решено, арестовать 16 депутатов монтаньяров, которые были заключены в крепости, как, например, форт Ам (Нан). Таким образом 12 жерминаля является чем-то в роде 31 мая наизуворот. 31 мая мятежники потребовали и добились ареста главных коноводов жирондистов. 12 жерминаля произошло как раз обратное. Бунт послужил реакционерам предлогом (Réacteurs) избавиться от мешавших им политических противников изгнанием главных монтаньяров в нарушение их собственного закона 8 брюмера III г. о гарантии национального представительства.

Бунт, или вернее манифестация 12 жерминаля, так как не было столкновений, имел в одно и то же время и экономические и политические причины, как показывает его лозунг: *хлеба и конституции 1793 г.* Разберем по возможности кратко и те и другие.

Обострение нужды, вызвавшей волнения в предместьях и наблюдавшееся во всех городах Франции, было неизбежным результатом финансовой и экономической политики термидорианского Конвента, жесткой и непоследовательной политики, которую объединяла только классовый интерес. Эта политика увеличивала по частям, ничем не компенсируя их, все бедствие, и, целую водопроводную систему, Кюмбастом общественное спасение.

Для прокормления городов и армии, а также для поддержания курса ассигната великий комитет, по редкой остроумной системе реквизиций, заставлял всем французским производством, которое он распределял при помощи Центральной комиссии. Пользуясь правом собственности на продукты и правом реквизиции, эта Центральная комиссия была по существу фактически разорена, а ее действия, устанавливая их по мере необходимости, не могли быть успешными. Но по мере падения ассигната, разрыв между государственным разрывом. Система эта не отдалась, а была сожжена. Система эта была противоположной системе, которая была на стороне, и

живущих наемным трудом, с другой стороны; и те и другие хотели бы оставаться господами своих цен. Для проведения реквизиции и для соблюдения максимума необходима была сильная полиция с большими правами. Экономический террор опирался на политический террор. Несмотря на все свои недостатки, несмотря на необходимые при этом огромнейший бюрократический аппарат, система эта держалась, функционировала и в значительной степени достигала своей цели. Буржуазия прекратилась. Выдача пайков по карточкам давала возможность бедным получать умеренную, но обеспеченную пищу.

Термидорианцы, разделенные на соперничающие группы, оспаривавшие друг у друга власть, уничтожили экономическую систему, которую война навязала их предшественникам. Они обыкновенно оспаривались на имущие классы, заинтересованные в восстановлении свободной торговли. Они устранили людей из народа от всех должностей и заменили их состоятельными людьми. Они прекратили террор и начали направлять его прогив своих противников. Первым делом было то, что революционные экономические законы потеряли силу. Они могли исполняться только посредством принуждения, так как они нарушали все частные интересы. Принуждение же больше не существовало. Крестьянин, всегда пугавший недоверием к бумажным деньгам и только неохотно подчинявшийся реквизициям, теперь эмансипировался. Нежелание отдать свой урожай не возмещалось у него, он соглашался уступать его только за действительную ценность, в особенности за металлические деньги. снабжение продовольствием терпит неудачу.¹ Одновременно с этим промышленники и торговцы хотели опять получить свободу распорядиться своими товарами, на которые торговая и продовольственная комиссии налагали запрещение. Им не трудно было указывать на неспособность этих комиссий и на крушение существующей системы с тех пор, как постепенно увеличивающееся разложение революционного правительства делало невозможным ее применение. Рабочие, в свою очередь, наивно воображали, что восстановление экономической свободы даст им возможность увеличить свою заработную плату, не подумав о том, что это увеличение будет более чем возмещено в ущерб им немалым беспорядочным повышением цен всех предметов, когда они достигнут максимум. Мы видели таким образом, что эбертисты и братам-близнецам после термидора вели кампанию с купцами и промышленниками за свободу торговли. Один Бабеф, более проникательный предвидел, в какую пропасть толкали бедных.

Конвент и его комитеты вначале смутно чувствуют, что существующая экономическая система требуется войной и что было бы хорошо

вернуть ее до заключения мира.² Но правительство не имеет уже определенного направления. Оно несет по волнам как опрокинутое судно.

Вряд отдельных случайных мер лишились прежние законы силы больше, чем они формально были отменены. Так декрет 8 фруктидора, предложенный по докладу Эшассерио, разрешает покупку зернового хлеба фуража вне рынков, т. е. разрешает спекулятивное взвинчивание цен на фуражные съестные припасы из сферы контроля продовольственных комитетов. Тот же самый декрет уменьшает наказания, которым подвергались за нарушение закона. Новый декрет, предложенный Изоре 16 фруктидора, разрешает земледельцам приобретать зерно для семьи. Это была новая брешь в системе общей реквизиции урожая. 8 ваннера III г., по докладу Удо, товары, перевозимые гужом, освобождаются от деклараций и от объявлений. Это новая трещина, через которую происходит утечка съестных припасов, подлежащих реквизиции. С каждым днем уменьшается контроль Центральной комиссии и положение ею запрещения на национальные богатства. В результате этого снабжение продовольствием становится более затруднительным. Чтобы бороться с этим, прибегли к паллиативной мере, которая только увеличила зло. Решено было увеличить максимум зерна, повысив его на две трети в сравнении с ценой 1790 г. (между тем как прежде он был больше только на одну треть).³ Так как официальные цены увеличились, то требовалось больше ассигнатов для уплаты, инфляция увеличилась, и реальная стоимость бумажных денег настолько же уменьшилась.

Чтобы помешать повышению цен и падению стоимости ассигнатов, республика не должна была, по крайней мере, отказываться от залогов, которыми она обладала. Но, чтобы удовлетворить торговые классы, поддержки которых они добивались, термидорианцы каждый день уменьшали стоимость залога, которым были обеспечены ассигнаты. Они постепенно снимали секвестр с товаров, отправленных во время восстания федералистов в мятежные города Лион, Бордо и т. д. 16 вандемьера, 12 брюмера и т. д.), они сняли секвестр с имущества наблюдательных (по докладу Удо, 12 брюмера), они вскоре сняли, без всяких чем-нибудь других (contre partie) секвестр с имущества подданных враждебных государств, проживающих во Франции (15 нивоза). Эта новая республика части ее имущества, они в то же самое время продолжали подрывать комиссию торговли и продовольствия. 26 вандемьера они отняли у нее право реквизиции ввозимого из-за границы сырья, предназначенного для фабрик. Декретом 19 брюмера ей впрямь запрещались неограниченные реквизиции, т. е. впрямь комиссия не могла

¹ В письме в Комитет общественного спасения от 25 фримера Конвента Перар приписывал недостаток хлеба «топизму» земледельца, т. е. его заработной плате, ладности земледельческих работ, которые, больше, занимаясь другими работами, боялись сельских жителей, о которых было сказано без хлеба, слабости власти, недостатка, энергии. Увеличивается недостаток масла, свечей, чина, сахара, бобов, жемчуга, очень дорого. От максимума отходят, уклоняются. В заключение рит. «Жизнь для бедных стала почти невозможной. См. его письмо Олара, т. XVI.

² См. доклад Виллард от 21 фруктидора II г. Заявляя, что Комитет торговли, докладчиком которого он состоял, хотел бы продолжать отмену максимума на год до 1 ваннера III г. по той причине, что с отменой надо подождать до заключения мира.
³ Этот новый максимум, установленный законом 19 брюмера III г., продержался только полтора месяца.
⁴ Секвестр был сохранен, в виде исключения, для имущества банка св. Карла, директором которого был Кабарро, отец мадам Тальен. Исключение было противозаконно, желание поглотить Тальену в лице

больше контролировать рынок какого бы то ни было Таллен, Лежандр, Дюбуа-Крансе, Тибодо, Мерлен из Термидорианцы повели теперь самую жестокую против бюрократов занимавшихся продовольствием, и против максимуме.

«Я считаю его, — говорит Тибодо, — единственным источником бед, которые мы испытали; он открыл широкое поприще всем мошенникам, Францию массой контрабандистов и разорил честных людей, уважая законы (17 брюмера)».

Но в чем ни Тибодо, ни другие не осмеливались признать, в том, что преступление названных бюрократов заключалось в том, что они оставались якобинцами. Исключение их из администрации явилось не только делом, приятным купцам, которым термидорианцы гонимыми, но также лишением монтаньяров горды.

Фактически максимум был уже почти уничтожен для частных товаров, когда он был окончательно отменен по докладу Жиро 1 нивоза III г. С этого момента рушилась последняя преграда, которая защищала интересы казны и поддерживала ассигнаты. Ограничение закупки для снабжения армии и для продовольствия городов уже больше не производилось по твердому тарифу, раз навсегда установленному законом и применяющемуся Комиссией торговли и продовольствия. Отныне государство принуждено будет платить такие цены, какие требуют собственники. Если принять во внимание, что война еще продолжалась, что существовала еще блокада морей, что запасы были истощены этой самой войной, которая уже продолжалась третий год, то легко будет понять, какие роковые последствия имела отмена максимума.

Государственные расходы сильно выросли. За месяц предшествовавший отмене максимума и восстановлению свободы торговли за месяц фример, расходы казны круглым счетом составляли 268 млн., а доходы 49 млн. В нивозе расходы составляли 428 млн., а доходы свыше 57 млн. В плювиозе доходы составляли 68 млн., расходы достигли 503 млн. Разница все увеличивалась. Параллельно с этим ассигнаты быстро падали. В термидоре до казни робеспьеров ассигнаты в 100 ливров стоили еще 34 ливра звонкой монетой. После закрытия клуба якобинцев, они стоили уже только в нивозе — 20, в плювиозе — 17, в вантозе — 14, в начале жерминала — 8. С тех пор как начали управлять термидорианцы, ассигнат потерял больше трех четвертей своей стоимости в термидоре. Для печатания кредитных билетов был перегружен. Чтобы успокоить народа важность последовательных эмиссий, они производились теперь не посредством декретов, принимаемых в публичных собраниях, а посредством простых постановлений Комитета финансов.

Члены Комитета финансов и Камбон, который был еще председателем, в спешном порядке составляли проекты для уменьшения ассигнатов. Некоторые обвиняли говорили для демонетизации республиканских бумажных денег. Камбон 13 жерминала декрет, что республика не обанкротится и что ассигнаты

демонетизации. 3 плювиоза он предложил изъять из обращения ассигнаты посредством устройства лотереи, посредством назначением тем покупателям национальных имуществ, которые уплачивали раньше срока, посредством продажи движимого имущества банкротов, посредством требования от новых покупателей более быстрых платежей. Большая часть его предложений была принята 6 нивоза. Но помимо того, что они запоздали, это были только паллиативные меры, которые могли возыметь действие только через продолжительное время. Параллельно с этим было бы необходимо сократить расходы. Но со времени отмены максимума это было невозможно. Делались попытки уменьшения числа служащих, выбрасывая несколько тысяч на улицу. Были, например, закрыты революционные комитеты в городах, имеющих менее 50 тыс. жителей. Решено было сократить советы департаментов и дистриктов, число членов директories, управлявших департаментами, было сокращено до 5 вместо 8. Но эта грошовая экономия не играла никакой роли. Она только уменьшила число недовольных.

Стремясь делать экономию с одной стороны за счет служащих, с другой стороны, ужасно увеличивали расходы на возмещение потерь жертвам террора. Вернувшиеся жирондисты предъявляли в том отношении все больше требований, и термидорианцы удовлетворяли их, потому что они составляли теперь часть их большинства. Списание этих «репарационных мер» очень длинен, и он очень дорого обходился государственной казне.

21 нивоза эмигранты 31 мая, т. е. те, которые эмигрировали во время восстания федералистов или после него, получили вознаграждение, которого они тщетно добивались в течение двух месяцев. Все те из них, которые могли доказать, что они занимались ремеслом или производством, могли вернуться во Францию. Им возвращали их недвижимое имущество. Им уплачивали из казны стоимость того имущества, которое было продано с торгов. Они тысячами возвращались на север, на восток и особенно в Прованс. Надо было затратить значительные суммы, чтобы вернуть им убытки, и горе тем покупателям национальных имуществ, которые приобрели их вотчины.

По новому декрету 8 плювиоза тем из осужденных революционным судом, супругам, которые остались в живых, возвращалось движимое имущество и вещи, принадлежавшие им. 11 плювиоза комитет продовольствия получил право слагать неуплаченные штрафы, отменять секвестр и конфискации, наложенные решениями судов, но не назначенные в исполнение; в случаях же, когда имущество было возвращено, возвращать стоимость его лицам, имеющим на это право.

Наконец 30 вантоза после ядовитой речи Буасси д'Англа была отменена продажа имущества осужденных. И немедленно после этой речи стоимость ассигната в 100 ливров упала до 8 ливров.

Таким образом ресурсы государства беспрестанно уменьшались. Обесценение ассигнатов сокращалось как нагретая кожа, и расходы

Декрет 1 вантоза III г.

В окончательной форме закон, повелевавший возвращением проданных и изъятых имуществ, был принят только 21 жерминала.

непомерно разбухали. Инфляция возросла с бешеной скоростью. Чем больше было эмиссий, тем больше повышались цены, и повышение цен влекло за собою новые эмиссии.

Служащие уходили из канцелярий, потому что им нечем было жить; приходилось увеличивать им жалованье, обыкновенно оно увеличивалось вдвое.¹ Жалованье депутатов 25 нивоа также увеличилось вдвое с 18 до 36 ливров, причем это увеличение с 1 января имело обратное действие. Обратное действие также сильно уменьшало популярность депутатов, которая и так была очень невелика. Парламентально с этим был увеличен транспортный тариф (почтовая перевозка, которая некогда приносила казне 12 млн, теперь обходилась с 8 млн). Но эти увеличения жалованья и тарифов были обманчивы. Становилось все труднее унять за быстрым падением ассигната.

В эпоху дороговизны обыкновенно поддаются самые слабые потребители, у которых нечего продавать и которым все приходится покупать, старики и больные, которые не могут больше работать, пенсия, пенсия которых не увеличивается вместе с падением денег, бедняки. Нужда увеличивалась с ужасной быстротой в особенности в городах. Люди буквально умирали с голоду. Продукты не только были недоступны народу по цене, их становилось все меньше. В довершение несчастия зима 1794 95 г. была одной из самых суровых зим за последние столетия. Реки замерзли. Перевозка дров и угля, которая производилась водным путем, остановилась. В Париже образовались очереди за топливом у ворот лесных дворов, так же как бывали уже очереди за хлебом и мясными лавок, иногда в продолжение всей ночи. Бедняки страдали и от холода и от голода. Каждый день на улицах несчастные погибали от истощения. Другие, которых было гораздо больше, совершали самоубийства, чтобы покончить со своими страданиями, умирая сперва своих детей. Донесения полиции, рисующие каждый день состояние улицы в Париже во время этих долгих месяцев отчаяния, собранные Оларом в его сборнике,² своим описанием наводят тоску. Нельзя не удивляться терпению, которое проявило это угнетенное население, которое считают таким неугомонным. Если чему, ничему можно удивляться, так это тому, что оно так долго ждало, прежде чем сделало попытку восстания.

Кризис замечался везде. Комитет общественного спасения знает в этом в конфиденциальном письме от 17 вантоза миссара Гупилье-де-Фонтене, который был тогда прикомандирован к 1-му восточным Пиренеям.

У нас очень критическое положение. В очень многих местах разорение, голод со всеми ужасами угрожает самым населением. Даже Париж, предмет наших главных забот этого рода, не защищен от опасности, и состояние его в этом отношении внушает тем больше беспокойство, во многих коммунах вспыхнули уже открытые бунты с целью остановить хлеб, предназначенный для его продовольствия.

¹ Начиная с увеличения жалованья содержателям почты, затем Национальной гвардии, затем, служащим таможен, жандармерии, конной полиции и т. д. (от нивоа до вантоза).

² Озаглавленном «Paris sous la Réaction thermidorienne et sous la Terreur» (При термидорианской реакции и при Терроре).

в заключение он говорит

«Ты чувствуешь по этому описанию как нам важно договориться с Испанией, чтобы нам надо воспользоваться тем бедственным состоянием, в которое привели нас наши победы, чтобы быстро заключить договор. Гупилье-де-Фонтене не упускал в этом письме, чтобы знать, чего держаться так как армии сами страдают от голода, и дезертирство в них увеличилось».

В Руане, в Амьене, в Вернейле, в Шартре, в Нанте, в Мане, в Ажане, в Монпелье, везде слышится гот же раздирающий душу крик. Из Ажана эmissар Паганель пишет 2 жерминаля Комитету общественно спасения.

«Мрачное молчание царит во всех коммунах. То что происходит в некоторых местах, доказывает, что это молчание граничит с отчаянием. Я слышал раздирающие крики и угрожающие жалобы. Ажиотаж доведен до такой степени, что в конце концов перестанут признавать собственность. Во время больших несчастий люди выкупают на все Черный хлеб обычно продается по 50 су фунт, в некоторых по 1 ливра, все остальное соответственно с этими ценами. Мешок ржи стоит по выбору покупателя 30 ливров звонкой монетой или 400 ливров ассигнатами. В деревнях хлеба много. Собственники там жестоки бесчеловечны. Они хотят все в обмен за свой излишек, кроме национальных денег. В Нанте гражданин принужден сообразоваться со своим желудком чтобы продлить свою жизнь».

В Амьене, пишет эmissар Бло, 7 жерминаля, «у рабочих нет больше сил работать, все граждане истощены. Через несколько дней в этом городе вспыхнули большие волнения. Тот же самый эmissар Бло был избит, затоптан ногами при возгласах *да здравствует король!* До прибытия в Руан, где серьезные волнения вспыхнули почти в то же самое время как в Амьене и в Париже, член Конвента Дюпор видел двух граждан, которые умирали от голода, вдову с шестью детьми, «совершенно голых», которые также умирали от голода.

Что же сделали термидорианцы для смягчения этого ужасного кризиса, который они вызвали своими ошибочными мерами, вынужденными самым узким классовым духом и дикой ненавистью ко всему тому, что делалось при великом Комитете общественного спасения? Они, конечно обвиняют террористов в том что те являются причиной всего зла, не приводя, однако, ни малейших доказательств для подтверждения своих ужасных оскорблений. Но они тем не менее принуждены отказаться от своей программы и вернуться к мерам примирения, против которых они ратовали, когда они требовали отмены максимума.

Они обещали полное восстановление свободы торговли, но они не могли исполнить своих обещаний. Они упразднили комиссию торговли и продовольствия. Но они принуждены были немедленно восстановить ее под другим названием. Они рекомендовали свободу торговли.

¹ Это письмо, которое помещено в сборнике Олара под соответствующей датой XX, написано Миссеном из Дуэ.

² См. в «Annales révolutionnaires», t. VI, pp. 505-643 важный труд Франсуа Вермала о дезертирстве в Альпийской армии после 9 жерминаля (На основе записей и бумаг эmissара Реалля).

³ Aulard, Actes du Comité du Salut public, t. XX, 37-е число.

⁴ По письму Шайлю и Лоффиспая от 1 нивоа III г. цитированному Мар Марионом Histoire financière, t. III, p. 279.

⁵ Волнения 14 жерминаля вспыхнули также в Бордо. См. письмо эmissара Бло от 21 жерминаля.

для обильного снабжения продовольствием городов и армии а дены были восстановить реквизиции, не имея, впрочем, неограниченной силы, чтобы заставить приводить их в исполнение. Буасси один из этих умеренных Равнины, которые свирепеют, когда нуты их классовые интересы, Буасси д'Англа был поставлен в главе продовольственного дела вместо Роберта Ленде, искал за терроризм. Буасси д'Англа принужден признать, 3 плювиоза если снабжение Парижа продовольствием потерпело неудачу является следствием злого умысла землевладельцев, которые свои амбары, продают гаиком свой хлеб, чтобы только не подчиняться реквизициям. Он провёл декрет, восстанавливавший прежние наказания преступников (штраф, реквизиции, с уплатой по цене, которая была в то время, когда реквизиции должны были произведены и т. д.). Но кто заставит исполнять декрет, власти, или почти все, были вычищены и «террористы» за контрбандисгами или сообщниками контрбандистов? Но это еще только началом. В видах экономии Буасси велел подмешивать большое количество отрубей в солдатский хлеб.¹ 19 плювиоза он велит реквизировать ячмень для производства хлеба.² 4 вантоза он поручил комиссару Фроже, ведавшему продовольствием Парижа, чтобы он пользовался отрядами кавалерии и силою обмолотил хлеб у земледельцев, не желавших этого делать, чтобы не иметь хлеба для себя. Но ничего не пошло. Буасси не умел заставить повиноваться Роберта Ленде. 5 жерминаля он издает постановление, что мука для солдатского хлеба не будет просеиваться, т. е. что в ней будут оставлены все отруби. Хлеб, сделанный из такой муки, был так тяжелый, такой липкий, что он приклеивался к стене, когда его бросали на стену. За день до этого Буасси принужден был признать в Конвенте, что 700 тыс. квинталов, полученных посредством реквизиции для снабжения Парижа, запоздали, и он должен был издать вынужденным постановлением, в силу которого приказывалось за реквизицию займа зерна и муки, признавая таким образом силу и заставить исполнять свои предыдущие постановления. 11 следующий день он пишет Фроже:

«Для ежедневного потребления необходимо приблизительно 1900 мешков в день. У нас сегодня вечером есть всего 115 с половиною мешков овсяной муки в запасе от такой картины. Скорба отечества в ваших руках».

Он старается заменить отсутствующий хлеб раздвоенным рисом, он приказывает произвести общую проверку всех мясных и мелочных торговцев. Три унции риса или шесть унций квикитов должны заменить полфунта хлеба. Но парижские мясники и торговцы его раздали, ответили:

«На чем же мы будем его варить, ваш рис? У нас нет ни дров, ни соли, не прикажете ли нам варить его на солнце».

¹ Декрет 23 нивоза III, который устанавливает 2 помола на душу для гражданского населения с очень малым количеством отрубей для солдат (с 10 фунтами отрубей на квинтал), который Буасси считал полезным и более здоровым, чем первый.

² См. доклад полиции 8 жерминаля в Олбра Паула Реакции, 10 жерминаля.

Не подлежит сомнению, что бунг следующих дней был вызван именно этим голодом. Но к своим требованиям продовольственного характера манифестанты прибавили в своих петициях целый ряд политических жалоб. Вместе с хлебом они требуют введения в действие конституции, т. е. роспуска Конвента, который не пользуется их доверием, выборов не только нового собрания, но восстановления выборов для избрания всех властей, властей секции и властей Коммун и департамента, выбора судей, а также выбора должностных лиц Конституция 1793 г! Эти слова, написанные на их плакатах, означали

«Депутаты, уходите, уходите с притесняющими нас вашими креатурами, которых вы насадили везде вместо избранных нами должностных лиц».

Они требовали, наконец, освобождения патриотов, заключенных со времени термидора, признания права собраний и открытия клубов и суда над молежью Фрерона.

Термидорианцы утверждали, что восстание имело тайною целью помешать голосованию о предании суду четырех диктаторов: Вадье, Билло, Барера, Амара. Замечательно, что нигде не было найдено ни какого намека на этих четверых, ни в официально представленных петициях, ни в анонимных афишах, которые были расклеены в Париже.¹ Я склонен думать, что манифестанты очень мало заботились о депутатах вообще, даже о монаньярах, которые, однако, внушали им меньшую антипатию, чем другие, заступничества которых они иногда просили. Голодный народ не питал больше доверия ни к кому кроме самого себя. Он опять хочет получить суверенитет, который ему обещали и который был отнят у него. Движение вдохновлялось доктринами о непосредственном правлении, усвоенными эбертистами, а затем воспринятыми Бабефом и Избирательным клубом.

Со времени закрытия клуба якобинцев почти постоянно происходили волнения рабочих, в особенности в оружейных мастерских. Несколько раз, в брюссере, в фричере, в ниводе угрожающие рабочие делегации являлись в Конвент требовать увеличения заработной платы.² Когда Буасси д'Англа в видах экономии заменил сделку плату поденной (постановление 16 фримера), волнение охватило Версаль и провинцию. Бентабол, Ришу, Клозель, Мерлен из Тионвиля и другие донесли 24 ниводе о так называемом террористическом заговоре с целью покушения на жизнь термидорианских газетчиков. Когда сбрасывали бюсты Марата, Мерлен из Дуэ писал 14 плювиоза Мерлену из Тионвиля, находившемуся тогда в Рейнской армии, чтобы он немедленно вернулся в Париж, где присутствие его было необходимо.

«Негодяи волнуются и уверяют, что они готовят твое убийство».

Но волнения, казалось, улеглись с арестом Бабефа и с закрытием клубов в предместьях Ангуанском и Сен Марсо, в конце плювиоза III. Это была одна только видимость. Партии аббатами друг за другом для новой атаки.

¹ Петиции были представлены секциями предместьи 12 жерминаля и в представленные дни 14 жерминаля найти в «Moniteur». Что касается плаката, то он разобран и воспринят в докладе Марте за 23 вантоза и в докладах политических, напечатанных в сборнике Олбра.

² См. заседание Конвента 27 28 29 30 сентебря 4 19 22 23 фримера 6 24 ниводе и т. д.

Один депутат Равнины, Дизес, богатый торговец фаянсово-дой в Ландах, убежденный республиканец, писал в это самое время в конфиденциальном письме своему другу, 6 жерминаля III бунт был желателен правительственным комитетам:

«Я глубоко убежден, что если бы правительственные комитеты твер-го хотели, в этом большом городе царил бы самое глубокое спокойствие. Их-няя власть, не нужно большого искусства, чтобы все вести по правилам, но я не знаю, в силу какой политики предпочитают поддерживать глухое и частичные восстания».¹

Монтаньяр Шудье, сделавшийся жертвой восстания, опреде-обвиняет в своих мемуарах находившихся у власти термидориан-в том, что они хотели одного дня восстания, чтобы иметь предло-навсегда покончить с оппозицией.²

Одно несомненно, что, несмотря на поддержку, которую оказыва-им 90 жирондистских депутатов, недавно их стараниями восстановле-ных в Конвенте, термидорианцы, хотя и являвшиеся абсолютно госпе-дами правительства, видели, что против них поднимается все боле-и более многочисленная, все более и более горячая оппозиция. Во-вращение жирондистов, объявленных вне закона, открытие церкви-так называемое умиротворение вандейцев и шуанов, которое являло-только замаскированной капитуляцией республики, вызвали гревос-реди людей, бывших такими горячими противниками террористов-как, например, Лекуантр, который теперь сожалел о составленном обвинительном акте против членов прежних комитетов и старал-даже спасти их. Затем 11 вантоза Фрерон, раскрывая свои планы-ребуя, с одной стороны, примерного наказания для «больших прес-тников», т. е. четырех членов прежних комитетов, находившихся по-следствием, в то же самое время требовал, с другой стороны, назнач-ния специальной комиссии для выработки органических законов ко-ституции 1793 г. Последние демократы, заседавшие еще на скамьях-Собрания, понимали, что под предлогом органических законов подго-товлялся пересмотр конституции 1793 г. Они, может быть, и согласи-лись бы с этим пересмотром, если бы он сопровождался всеобще-амнистией, той амнистией, которую напрасно требовал уже депута-Равнины Буден. Но в интересах собственного самосохранения он-должны были оказывать сопротивление. Они знали, что репрессии не-ограничатся одними четырьмя большими преступниками, казни ко-рых требовал Фрерон. Жирондист Байльель в длинной речи, произ-несенной 22 плювиоза, старался доказать, что тирания существовала-е правительстве и до термидора, и что единственное средство предуп-дить возврат этой тирании заключается не в том, чтобы нанести уда-с ним только четверем большим преступникам, а в том, чтобы соиз-

¹ Письмо, напечатанное R Lacroix Camille Vergniol в Revue de France 1 декабря 1926 г.

Mémoires de Choudieu, publiés par M. Baricand, pp 302 — 315

² вантоза термидорианцы издали декрет о том, что в комите-че будет больше заместителей, т. е. что меньшинство не будет больш-влено в него, потому что заместителями обязательно были депута-наибольшее число голосов после избранных. 16 вантоза реакционер Тибо-из самых ожесточенных противников террористов, был избран по-Собором я.

дарать всех террористов республики, их сообщников; и он не побоялся-сложить массовое изгнание их.¹ Все те члены Конвента, которых-утали эти широкие репрессии, сблизилась с Вершиной, которая те-ерь решительно выступала против термидорианцев. Заседания стано-вились все более бурными. Старые термидорианцы в роде Тюрио, Бен-табола, Эли Лакоста, Гупильо де Фонтене, Лекуантра резко отдели-лись от Фрерона и Талльена и боролись вместе с Вершиной против-требований нового большинства. Бентабол устранил предложение-Байльеля об изгнании сразу всех террористов, он пытался помешать-возвращению жирондистов, объявленных вне закона. Тюрио действо-вал в кулуарах, стараясь спасти четырех больших преступников, а-Мере (Mehée), креатура Талльена, осыпал бранью Тюрио в «Ami- des citoyens», называл его Сартин Тюрио. Лекуантр сильно проти-вился возвращению имущества осужденных (27 вантоза) и выступал в-защиту смещенных и отданных под надзор террористов (28 вантоза).

Когда наконец 2 жерминаля в Конвенте по докладу жирондиста-Саладена началось осуждение обвинения против четырех больших-преступников, было очевидно, что оппозиция настолько усилилась, что-было сомнительно, чтобы было принято решение о предании их суду. С-твердостью и единством, которого они до сих пор не проявляли, прежние члены комитетов при терроре, Карно, Робер Лэнде, Камбон, два Приэра, Моисей Бейль выказали себя солидарными со своими-обвиняемыми коллегами, выразили похвалу их управлению. И слова их-встретили отклик на скамьях центра.

Это шумное обсуждение, продолжавшееся почти до дня, предше-ствовавшего восстанию, совпало с обострением голода и возбуждения, охватившего уже секции в восточной части столицы и выражавшегося-или анонимными плакатами или угрожающими петициями, адресован-ными в Конвент. Члены правительственных комитетов, чувствовавшие-приближение восстания и, может быть, желавшие его, с первого же-момента думали только о подавлении его. Буасси д'Англа, который-был главой Равнины, не только не старался успокоить голодных-манифестантов, но отнесся к ним с презрением и бросил им вызов, точ-но желая довести их до крайности. В длинной провокационной речи, произнесенной 21 вантоза, он обвинял своих противников в том, что-они обещали народу равенство имущества, чтобы вызвать среди него-волнения.

¹ «Вывод, который следовало сделать из этой декларации (что существовала-тирания и до термидора), заключался в том, что нужно немедленно очистить-почву свободы от присутствия тиранов» (Moniteur)

² Малле-ю Пан, как внимательный наблюдатель, видел этот раскол, который-обнаружился в старой термидорианской партии со времени вынесения из Па-теона праха Марата. В своем письме от 1 апреля 1795 г. он отмечает, что Бен-табол, Тюрио, Эли Лакост, Лекуантр из Версаля и Гупильо де Фонтене ушли из-клуба умеренных и стали независимыми. Он констатирует, что они слабо пресле-довали якобинцев и что они голосуют с умеренными и с жирондистами только го-политическим соображениям и что они изо всех сил мешают их действиям. Малле-даже не вполне верно говорит, потому что те, которых он называет независимыми-открыто выступали против крайних мер, предполагавшихся возвращавшимися жирон-дистами.

³ «Ami des citoyens» 16 вантоза III г.

«Французский народ, открой глаза, посмотри на этих людей с дикими лицами, с бледными лицами, с сердитым тоном, которые вызывают у тебя озлобление и хотят вызвать в тебе чувство мести к одной части тебя самого, которую они предательски называют золотым миллионом, чтобы оглушить тебя и ввести в заблуждение твое сердце! Это слово, которое прежде всего было произнесено в зале якобинцев, возмущенных против Конвента, это слово, которое слишком часто повторяли на этой трибуне, это то магическое слово, которое содержит в себе весь секрет прошлой тираннии и на котором основана вся надежда той тираннии, которую хотят восстановить. Это лозунг, это оплот, за которым думают скрыть непомерное честолюбие, обмануть общественное мнение, выразить презрение справедливой строгости законов. Это сигнал к грабежу, к уничтожению, сигнал к беспорядкам и к преступлению, это сигнал к войне!»

И с диким классовым чувством Буасси попрекал рабочих, что Конвент кормил их, давая им работу в военных мастерских. Подобная речь в такой момент, когда рабочие как раз тщетно искали пропитания, должна была прозвучать для них как горькая ирония.

В следующие дни озлобленный жирондист Обри, видный член военного комитета, отменил по декрету (28 вантоза) право замещения в парижской национальной гвардии, чтобы заставить буржуа служить самолично, из опасения дать бедным в руки оружие. Затем 1 жерминаля Снейс от имени трех комитетов, общественного спасения, общей безопасности и законодательства, поставил на голосование среди протестов Горы, которая не приняла участия в голосовании, закон под названием закона о большой полиции для защиты национального представительства. Мятельные возгласы, оскорбления представителей народа при исполнении их обязанностей признавались преступлениями, подлежащими суду Революционного трибунала. В случаях скопления вокруг Конвента следует ударить в набат в павильоне единства для вызова вооруженной силы. Если Конвент будет взят силой, то его оставшиеся в живых члены соберутся в Шаассен-Марне, а эмиссары в армии тотчас же должны послать летучие отряды для восстановления порядка. Виновные в мятежных возгласах будут наказаны изгнанием:

«Если эти возгласы и эти угрозы были заранее обдуманы, виновные будут подвергнуты смертной казни».

(Параграф 16 глава II.) Термидорианцы подготовили оружейные прессии уже в тот самый день, когда начались первые стычки между москаденами и жителями предместий. В то время, когда Снейс читал свой доклад, Тионьеры оглашались враждебными криками, и из предместий бросали москаденов в бассейн сада.

Термидорианцы укрепили свою гвардию, молодежь Фанона, которую тогда руководили собственный секретарь Фрерона, Жюльен, закончивший свою карьеру сперва в полиции Фунье, а затем в полиции Реставрации, и Мешен, бывший потом префектом Бонапарта. Но они не питали большого доверия к молодым людям, набранным двумя вербовщиками. В виде меры предосторожности оба были военный и общей безопасности, приказали 30 вантоза убрать с Пон Нейв. 6 жерминаля они велели революционным жандармам 12 округов, члены которых были ими назначены, раздать по числу ружей «способным и заслуживающим доверия гражданам».

... протокол комитета 1-го округа).¹ 8 жерминаля они велели арестовать лидеров одного из последних существующих еще клубов. Верто-Вой в секции Гравильеров, одной из самых беспокойных секций депутатов монтаньяра, Леонарда Бурдона.² Они таким образом все предусмотрели.

Однако в последнюю минуту термидорианцы стали колебаться. Несмотря на свое самохвальство они не были героями. Они испугались. Собрания в секциях с рабочим и ремесленным населением приобретали все большее значения. 8 жерминаля женщины отказались принять предлагаемую им ничтожную порцию хлеба. Процесс четырех больших преступников в Конвенте мог плохо кончиться. Карно в предыдущие дни произвел сильное впечатление, возмущаясь тем, что собираются казнить республиканцев, когда амнистируют Шаретта (3 жерминаля). Но вдруг оба Мерлена, Мерлен Подозрительный и Мерлен Майнцский, стоворились, чтобы предложить соглашение. 8 жерминаля Мерлен из Тионвиля заявил, что есть только одно средство для прекращения беспорядков: тотчас же ввести конституцию и передать процесс четырех больших преступников следующему Собранию.

«Свидетели и обвинители не могут быть судьями в одном и том же деле». Он хотел, чтобы избиратели были созваны 10 флореаля, т. е. через месяц. Тотчас же при аплодисментах монтаньяров, удивленных, что Мерлен из Тионвиля стал на их сторону, Мерлен из Дуэ поддержал предложение. Дюбуа Краисе сделал то же самое. Предложение, принятое в принципе, было передано в комитеты. Но ночью комитеты спохватились и стали возражать. Жирондист Луве заметил, 10 жерминаля, что внезапный роспуск Конвента отдалит заключение мира. Конвент не закончил еще своей задачи. Ж. Шенье прибавил:

«Разве кровавый терроризм, жаждущий мести роялизм, фанатизм, предшествующий королевской власти, уже подавлены?»

Конвент проявил бы трусость, если бы оставил свой пост, испугавшись восстания.

«Останьтесь на своем посту, так как он еще опасен».

Камбасерес в свою очередь утверждал, что не может быть принята никакая-нибудь конституция и что органические законы не создаются в один момент. Наконец Камбон высказался в духе Шенье и Луве.

«Никогда иностранные державы, — сказал он, — не согласятся заключить мир с Собранием, которое должно быть распущено через четыре декады!»

Напрасно Мерлен из Дуэ заигрывал свое предложение. В Конвенте, говорил он, нет единства, и он не в состоянии сделать полезное дело. Он предложил амнистию за революционные дела. Он указывал, что

¹ Протокол комитета революционного надзора 1-го округа находится в «Национальных архивах» под литерой F⁷ 2476.

² Приказ Комитета общей безопасности, помеченный 8 жерминаля, получил революционным комитетом 1-го округа ночью с 8-го на 9-е. Он касался стычки гражданина Барбо (галентерейного торговца), экс-президента клуба улицы Верто-Вой, и предписывал задержать протоколы клуба и его бумаги («Archives nationales», F⁷ 2491). Собрания, состоявшие главным образом из женщин, образовались в этой секции уже с 26 вантоза.

процесс четырех вызывает волнения в республике. Но его не Конвент решил назначить комиссию для приготовления законов, т. е. этой новой конституции, которую Фрерон первый брал. Он решил также продолжать процесс четырех. Жесток был брошен

Тот именно день, когда Конвент отклонил амнистию, был днем декады (décadi), т. е. днем, когда происходили заседания секций. Рабочие секции приняли угрожающие петиции, а как буржуазные секции заверяли в своей привязанности к Конвенту и предлагали ему наказать больших преступников и остаться в постоу.

Нельзя отрицать, что некоторые члены Конвента, принадлежавшие к Горе, действовали в согласии с теми своими сторонниками, к которым они могли еще рассчитывать. Леонард Бурдон увлек за собой секцию Гравильеров, которая была ему предана. Ван Экк, Каторе, Тюрио, друг Добсен, другой креатуры Тюрио, привел 12 жермина в Конвент часть секций Старого города: Камбон произнес ряд угроз по адресу термидорианцев перед служащими казначейства. Но ни Леонард Бурдон, ни Тюрио, ни Камбон, ни другие монтаньяры, которые, может быть, помогали их действиям, не хотели насильственного переворота, нового 31 мая, направленного против Конвента. Дело ничуть не сводилось к тому, чтобы распустили Собрание или провести чистку. Дело сводилось лишь к тому, чтобы напугать его и заставить вернуться к своему голосованию, произведенному за день до этого, и вырвать у него принятое предложение обоим Мерленам об амнистии и о созыве съездов избирателей. Это ясно доказывалось поведением манифестантов, их предводителей и депутатов монтаньяров и самого Тюрио. Когда толпа нахлынула в залу Собрания, когда предместий продефилировали перед решеткой и представили требования через Ван Экка, в то время как Мерлен из Тионвилля следнее предложение которого восстановило его популярное отношение к толпе, разговаривал с рабочими и деловался с монтаньяром Гастон предложил манифестантам быстро дефилировать в залу, говоря им, что там душно. И немного позже, когда председатель Собрания Пеле, услышав звуки кабага, в который комитеты в павильоне единства, опять собрался с духом и с петиционерам, называя их убийцами то опять-таки Шудие успокоил их гнев:

«Я заявляю честным гражданам, которые слышат меня что, оставаясь здесь, им расставляются сети. Хотя иметь возможность сказать, что Конвент не имеет свободы и хотеть ударить в набат, чтобы вывести его из Парижа

(и применить закон Слейса от 18 жерминаля). Шудие ясно видел мысли правящих. Они приготовили мало сил для защиты помещенных в Конвент. Они дали почти полную свободу действий монтаньярам. Они, без сомнения надеясь, что монтаньяры скомпрометируют его. Но монтаньяры избегли расставленных им сетей, впрочем совершенно напрасно. Через несколько часов комитеты создали нацию гвардию секций запада, которые были им преданы, и поручили командование вооруженной силой завоевателю Голландии герцогу Пигрю находившемуся временно в Париже. Один из них сра-

оскорблен в секции Пантеона. Толпа нахлынула в зал Собрания. Это было для них довольно, чтобы избавиться от своих противников. В то время как Пишгрю ночью очищал подступы к Собранию и на следующий день заканчивал свои действия в Антанском предместии, термидорианцы предались мести. Бессовестный Андре Дюмон начал с доноса на Шудие, своего личного врага, с которым он в предшествующие дни вел в афишах полемику. К Шудие он присоединил Шалю, напоминая в своей газете о террористических успехах, которым Дюмон предавался 1793 г. в бытность его эмиссаром в Сомме. Он донес еще на его коллегу Фусдуара и прибавил:

«Я требую, чтобы три разбойника, которые убили отечество (он так называл Колю, Билло и Барера, Валье скрывался), были изгнаны уже этой ночью»

Ничто не указывало на то, чтобы эти разбойники, как он говорил, были хоть сколько-нибудь ответственны за волнения. Собрание постановило без дебатов, что они без суда будут высланы в Гвиану. Короткая расправа производилась при мюскаденах, которые теперь занимали трибуны и подстрекали своих друзей. Шудие, Шаль, Фусдуар, Гюге (Huguet), на которого донес еще Андре Дюмон, Леонард Бурдон по доносу Фрерона, Рюампс по доносу неутомимого Андре Дюмона, Дюгем (Duhem) по доносу Делеклюа Амар по доносу Мерлена из Тионвилля, который не думал больше об амнистии, Камбон по доносу Саладена, были все арестованы и посланы в форт Ам (Ham) или в другие крепости. Кареты, увозившие в Рошфор и в Гвиану пред больших преступников, были на минуту остановлены толпой у заставы Елисейских полей, умеренный комендант Бют де Мулен. Раффе получил по этому случаю несколько царапин от выстрела из пистолета, но порядок был быстро восстановлен. Пишгрю оправдал убийства своих покровителей.

Расправа продолжалась еще в следующие дни. 16 жерминаля были арестованы по доносу Мерлена из Тионвилля Генц (Heatz), сам Лекуантр по доносу Бурдона де л'Уаз и еще другие: Граче, Менге, Левассер с Сарты, Крассу. Большинство не играло никакой роли в манифестации. Им даже не вменяли в вину произнесения неосторожных речей в тот день. Они были главарями оппозиции. Этого было достаточно. Дантонист Гарнье де л'Об, требовавший ареста ско-

13 жерминаля многие манифестанты укрылись в прежнем соборе. Некоторые рассеялись по секциям Старого города и Quinze-Vingts (Письмо члена Конвента Бателье своему коллеге Альберу от 21 жерминаля III г., в «La Révolution française» за январь — март 1922 г.) Бателье прибавляет, что Леонард Бурдон, который «ввел в заблуждение» секции Гравильеров, был асоетован 13 жерминаля гражданами этой секции, которые привели его в Комитет общественной безопасности по рукам и ногам.

См заметки, в которых Раффе рассказывает о взятии 12 жерминаля прервала, в статье Анри Монен («La Révolution française», 1893, т II) По установлением Комитета общественной безопасности от 13 жерминаля Раффе был приговорен к Пишгрю. Он в этот день находился в авангарде, которому поручено было сопровождать осужденных на изгнание представителей «Между 5 и 6 часов вечера я был ранен выстрелом из пистолета, причем пуля прошла через мое плечо, куртку и рубашку и попала в живот выше пупа. Я вытащил эту пулю в самом месте, где я был ранен и спрятал ее в карман (Это было у заставы Маттез Термидорианской секции).

Маттез Термидорианской секции.

пом всех членов прежних правительственных комитетов, он ровенно сознался в этом 12 жерминаля:

«Когда дело идет об устранении тирании, не приходится считаться с формальностями. Разве мы соблюдали формальности для совершения 9 термидора?»

В самом деле ограничились объявлением робеспьеристов вне закона.

Шудие близок к истине, гредполагая, что термидорианцы стоявшие во главе Комитета общей безопасности, преднамеренно дали свободу развиваться восстанию, чтобы иметь повод объявить вне закона всех главарей Вершины.¹ Разве Фрерон не заявил в ночном заседании 12 жерминаля:

Революция 9 термидора получит свое дополнение:

Тибодо, которого так же мало смущали сомнения, как Фрерона и Гарнье де л'Об, впоследствии осмеивал в своих мемуарах нерешительность и отсутствие смелости у депутатов монтаньяров во время восстания.² Не подлежит в самом деле сомнению, что Шудие и его друзья успокоили манифестантов. 12 жерминаля только номинально таким образом 20 июня. Оно имело не больше успеха. Подобно тому как манифестантам 20 июня 1792 г. не удалось устранить Людовика XVI и заставить его отозвать жирондистских министров, точно так же манифестантам 12 жерминаля, оставленным депутатами монтаньярами без руководителей, не удалось напугать термидорианцев и вырвать у них амнистию и введение конституции 1793 г., принятой ими в принципе за четыре дня до этого. Но 20 июня Людовик XVI победил своим душевным спокойствием и тем престижем, которым пользовалась еще идея монархизма. 12 жерминаля термидорианцы не имели никакого престижа. Они были ужасно дискредитированы. Чтобы спасти себя, у них была только смелость, которую так рекомендовал их старый вождь Дантон, а к смелости они присоединили призыв к солдатам. Луи Барту прекрасно видел и высказал это в своей статье о следующем дне после термидора:

«Сила партии термидорианцев заключалась не столько в сильных военных, сколько в батальонах, группировавшихся вокруг Пишегрю. Пишегрю подготовил и был провозвестником Бонапарта»

он подготовил его в будущем, но пока что он приблизил наупление белого террора и в то же самое время подготовил тоже и своих изменников.

ГЛАВА IX

БЕЛЫЙ ТЕРРОР.

Белый террор, т. е. общая сумма репрессий, покушений и убийств, совершавшихся агентами прежнего правительства, продолжался больше года, столько же по крайней мере, сколько продолжался красный террор. Он продолжался спорадически в первые годы Директории и не вполне исчез еще и при Консульстве. Он внезапно опять развился после второго возвращения Бурбонов в 1815 г.

Луи Блан говорит, что по своим ужасам он превзошел даже сентябрьскую резню, даже произведенную по приказу Колло д'Эрбуа барбаризацию, даже потопления, совершенные Карье.

В самом деле, жестокости красного террора имели по крайней мере оправдание. Они были вызваны вторжением неприятеля, приближением или победой внешнего или внутреннего врага. Ремесленники и парижская национальная гвардия, которые, перед отправкой в Шалон, на следующий день после взятия Лонгви и Вердена, врывались в тюрьмы и убивали содержащихся там аристократов, не совершали акта личной мести. Они не знали арестованных, они видели в них только изменников, помогавших неприятелю и радовавшихся его успехам.

Между тем белый террор вспыхнул, когда наши армии везде одерживали победу, когда они завоевали Голландию и долину Рейна, когда они высадились в Испании и в Италии. Убийцы, называющие себя членами общества Иисуса или Солнца, не только не убеждены в том, что они делают патристическое дело, но большая часть из них не может привести в свое оправдание мотивов, что они работают для восстановления королевской власти или для защиты религии. Не все они были роялистами, не все были верующими, к тому же церкви только что были вновь открыты. Большинство предавалось личной мести. Они знали обезоруженного врага, которого они били без всякой пощады. Белый террор гораздо больше принадлежал к категории частных войн, какие практиковались в средние века, чем к категории гражданских войн. Это бояня без идеала.

Красный террор почти всегда действовал с соблюдением известных формальностей, на основании законов. Репрессии происходили среди белого дня в трибуналах или в военных комиссиях, аналогичных нашим военным советам. Белый террор, наоборот, нарушает все правила, издевается над законами, это ряд простых убийств, совершаемых часто ночью, в квартирах жертв или в тюрьмах, которые берутся прихотью. Сами участники сентябрьской резни организовали подобие трибунала под председательством Майяра и этот трибунал выно-

¹ Choudieu Mémoires, p. 304 et suiv.

² Mémoires de Thibaudeau, t. I, p. 153. *Revue de Paris* за 15 октября 1926

сил иногда оправдательные приговоры. Здесь не было ничего подобного. Здесь убивали без всяких формальностей и разговоров.

Что увеличивает еще гнусность, это то, что члены общества Иисуса говорят о гуманности и снисхождении. Убивая безоружных пленных, они взывают к морали.

Исполнители красного террора были темными и фанатическими людьми, которые считали, что действуют в состоянии законной необходимости. Они действовали с открытым забралом. Часто это были люди из народа.

Деятели белого террора часто из предосторожности маскировались, отправляясь на свое гнусное дело. В числе их были люди из гражданского общества, с хорошими манерами, которые, совершив свое гнусное дело, похвалялись своими подвигами в салонах прелестниц (Merveilleuses), которые одобряли и награждали их.

Этим можно объяснить то обстоятельство, что если красный террор иногда находил защитников, то, с другой стороны, мне неизвестны такие защитники белого террора.

Репрессии против монтаньяров начались не сразу. Они развивались вместе с правительственной реакцией. Если правильно признать как я это только что сделал, что они являлись преимущественно актами личной мести, то неправильно было бы держаться только этого утверждения и пренебрегать более или менее прямым участием в нем термидорианского законодательства. Государственная власть ответственна за порядок, не только долгое время предоставляла ее естественному ходу вещей, но она играла активную роль если не в прямой организации драмы, то по крайней мере в ее подготовке. И эту точку зрения Луи Блан, единственный из великих историков революции с которыми подробно рассматривавший этот вопрос, не освещал в должной мере.

Надо различать время и место.

Рассмотрим время. Кровавые репрессии начинаются только в панике, после того, как законом 21 нивоза разрешено было возвращение эмигрантов 31 мая, тех, которые принимали участие в восстаниях южных федералистов, в мятежах в Лионе и в Тулоне, или которые скомпрометировали себя на северной границе или на границе Эльзаса сношениями с австрийцами и с пруссаками во время их вторжения. Именно это массовое возвращение эмигрантов, так называемых жирондистов, дало белому террору его предводителей и исполнителей, а также мотивы для действия. Затем закон 3 вантоза о свободе вероисповеданий вызвал возвращение многих изгнанных священников. Месть с этого времени была направлена не только против членов прежнего революционного состава, против покупателей национальных имуществ, которых специально имели в виду прежние владельцы помещений, но также против всего духовенства, пришедшего к конституции.

Закон 5 вантоза, проведенный Мерленом из Дуэ, об отмене подгиздор в коммунах, откуда они были родом, всех членов административных дистриктов и департаментов, муниципалитетов, революционных комитетов, трибуналов и т. д., всех общественных должностных лиц вообще, гражданских и военных, под страхом ареста за нарушение

на шесть месяцев; этот закон, который был законом о подозрительных наизнанку, сильно содействовал ускорению взрыва белого террора, потому что он подвергал общественному презрению и мести тех, кто играл какую-нибудь роль в революционном правительстве.

Декреты 21 и 22 жерминаля, явившиеся эпилогом голодного 12 жерминаля, еще больше чем закон Мерлена содействовали участи террористов и предоставлению их мести их личных врагов. Первый из этих декретов, изданный по докладу Ж. Шенье, предписывал разоружение террористов, т. е.

людей, известных в их секциях как лиц, принимавших участие в ужасах, совершенных при тираннии до 8 термидора»

В Париже разоружение должно было быть осуществлено под руководством Комитета общей безопасности, в департаментах под руководством эmissаров Конвента или, за их отсутствием, директорией дистрикта. Этот декрет, применение которого наполнило тюрьмы, должно было особенно облегчить задачу убийц.

Наконец декрет 22 жерминаля, изданный по докладу жирондиста Саладена, широко раскрывал перед эмигрантами 31 мая двери Франции, которые предыдущий декрет 22 нивоза только чуть-чуть раскрывал. Декрет 22 нивоза применялся только к эмигрантам, занимавшимся физическим трудом, и не касался лиц, бывших представителями федералистского восстания и объявленных по этому вне закона. Декретом Саладена отменялись все объявления вне закона. Всем эмигрантам 11 мая без исключения разрешалось вернуться, причем им возвращались их имущества и они восстанавливались в их политических правах, т. е. эmissары Конвента могли передать им часть общественной власти. Во время дебатов монтаньяр Гастон спросил, воспользуется ли декретом Преси роялистский предводитель восставших лионцев, будут ли восстановлены все те, которые находятся в таком же положении, которые с оружием в руках действовали против своего отечества? Жирондист Анри Ларивьер ответил ему:

«Те, которые были против событий 31 мая, имеют большие заслуги перед отечеством».

Теперь, когда сеирепствовал уже белый террор, не ограничиваясь уже одним только разоружением республиканцев, но дали испуганных предводителей обществам Иисуса. Замечательно, что внушил этот последний закон 22 жерминаля — в своих мемуарах¹ он хвастался тем, что руководил Саладеном набожный Дюран де Майльян; но еще более замечательно, что Дюрану де Майльяну было поручено проведение его на юге в бытность его эmissаром, о чем он просил. Он взял себе в секретари вернувшегося эмигранта, и он применял закон и к тулонским эмигрантам, основательно скомпрометировавшим себя сношениями с англичанами и с испанцами. Восемь из них подписали

«акт о займе миллиона пиастров, заключенном от имени Людовика XVII под

¹ Durand du Maillanc, Mémoires, p. 262.

гарантией их превосходительства адмиралов Гуда (Hood) и Лангара, залогу гавани, магазинов, арсеналов Тулона и всей английской эскадры

По его собственному признанию, Дюран де Майльян назначил все места эмигрантов. Он облегчил этим эмигрантам обратное приобретение их имущества, даже проданных уже. Он разрешил им начать процессы против покупателей. Он аннулировал продажи, сделанные в соответствии с административными постановлениями. Не раз случалось, что покупатели из страха возвращали купленные ими имущества, за которые ими было уже уплачено. Дюран де Майльян покровительствовал этим сделкам и еще имел наглость осуждать покупателей, отказывавшихся согласиться на них.

Как мы видели, нельзя хорошо понять белый террор, если не принимать во внимание целого ряда декретов, которыми Конвент объявлял нечто в роде легальных репрессий против террористов.

При внимательном рассмотрении дела ответственность Конвента перед эмигрантами, хотя и косвенная и общая, обнаруживается такова: в истинном свете. И его декреты дают нам возможность рассмотреть несколько стадий в деле террора. До 21 нивоза репрессии были незначительными. Они не проводятся еще эмигрантами. После 22 нивоза и в особенности после 5 вантоза на сцену выступают эмигранты. Но они не могут еще вполне отдаться своим страстям, потому что террористы, хотя и находятся под надзором в своих коммунах, имеют еще оружие. Но когда входят в силу законы 21 и 22 жерминаля, начинаются ничем не сдерживаемые насилия. На этот раз они совершаются людьми, которые не только подняли оружие против республики, но и которые нашли поддержку и убежище у неприятеля. Белый террор достиг своего апогея в флореале и прериале. Это эпоха больших чисток. Наконец начинается новая фаза, когда в момент Киберона начинается война на западе Конвент решил, правда немного поздно, начать преследования.

Мы рассмотрели эпохи, теперь надо также отметить места, где в К чести нашей страны надо заметить, что белый террор, как и убийства протестантов после Варфоломеевской ночи, не был во явлением. Его действия обыкновенно ограничивались теми департаментами, которые стояли на стороне Жиронды и которые открытое сопротивление Конвенту летом 1793 г., т. е. Прованс и

¹ Цитировано у Луи Блана, Histoire de la Révolution française, édition de la librairie, t. II, p. 627 d'après le célèbre mémoire de Fieon, Mémoires historiques sur la réaction royale et les massacres du Midi.

Вот как он выражается в своем ответе Фреону, возглавлявшему департамент Midi ou Rapport de Durand de Maillane au retour de la Mission (12 IV г.): «Беглецы, вернувшиеся на основании закона 22 жерминаля, возвращенные имущество были скорее захвачены, чем проданы по формам, предписанным, и они на это жаловались (очевидно Дюрану). Они жаловались на то, что законным порядком установленным властями или судебным управлением. Многие из этих владельцев (он не осмеливается написать покупателей) им их имущества, другие входили с ними в соглашения, но большая часть бегла к клевете. Они опять подняли свои старые революционные протесты против возвратившихся эмигрантов, против непокорных священников, которые жаловались на шугану (chouannerie). Различные члены Конвента выслушали и дали им...»

едоком, долинами Роны и Соны и прилегающими местностями, в общем приблизительно десятью департаментами.

В других местах, во всей остальной Франции, где федерализм не возмущался в восстания, где, следовательно, не было эмигрантов, репрессии вообще ограничивались применением законов 5 вантоза и 21 жерминаля. Если там и происходили покушения, то они имели единичный характер. Власти и трибуналы, даже вычищенные термидорианцами, по временам умели оказывать сопротивление разжиганным страстям. В Кот д'Ор, на Марне, в Шере, в Об-терроне, подвергшиеся преследованиям, были почти все оправданы. Здесь репрессии ограничивались обезоружением и более или менее многочисленными и более или менее продолжительными арестами. Это географическое распределение белого террора объясняет его главный характер. Покушения и убийства были делом вернувшихся эмигрантов, которые хотели опять получить свои имения и мстили тем, кто отнял их или кто ими владел. Беглый взгляд на указанные места еще лучше докажет это.

В первой фазе, начинающейся уже на следующий день после термидора, ограничивались одними арестами террористов, в которых предполагали сообщников или сторонников Робеспьера. Конечно, сюда вмешивались страсти, и некоторые были арестованы как робеспьеристы, хотя они никогда не имели никакого отношения к Робеспьеру.

Термидорианские эmissары, посланные в департаменты, смешали сажностей и производили аресты. Так, Шарль Делакруа, посланный в Арденны в конце термидора, начал преследования против всех руководителей клуба Седана: Вассана, Варокье и т. д. Так, Меоль, посланный в Дрому, с ожесточением обрушился на родителей и друзей братьев Пейан, один из которых был казнен в одно время с Робеспьером. Флоран Гюо на севере, Перрен из Вогезов в Гарде, Серр и Огис в Марселе, Гупильо де Монтегю в Воклюзе, Пошолль и Шарлье в Лионе — не довольствуются преследованием робеспьеристов. В Воклюзе и вандемьере они смешивают и арестовывают всех революционеров, которые отказываются идти за Конвентом в его попятном движении, и, параллельно с этим, они сгоняют освобождают подозреваемых.

Там, где клубы были еще сильны, как в Марселе, эmissары, хотя и осуждают террор, тем не менее, не колеблясь, принимают самые террористические меры против членов клуба. После манифестации марсельских якобинцев Серр и Огис, считая себя оскорбленными, составили в начале вандемьера военную комиссию, которая упрощенным путем вынесла 5 смертных приговоров. Это была первая кровь, пролитая на юге после термидора. И она была пролита по приказу представителей народа.

С этого времени (т. е. со времени закрытия клуба в Марселе), — писал Гюо де Монтегю Роверу, — встречаешь только беглых членов Марсельского клуба, которых везде хватали революционные комитеты.

Письмо представителей Серра Огиса от 8 вандемьера III г. Среди 5 осужденных 4 жандарма.

Письмо от 20 вандемьера III г. в переписке, напечатанной Мишелем Жувом у Манженом.

Но везде начинала уж проявляться личная месть. Выпущенные на свободу подозрительные хотели знать тех, которые на них доносили и наказать тех, по приказу кого они были посажены в тюрьму.

Так, например, в Париже один гражданин, по имени Лангва, по требовал 16 брюмера у революционного комитета 6-го округа ния его дела. Комитет отказал ему в этом и получил одобрения от общей безопасности,¹ который запретил 15 фримера

«всякое объявление освобожденным мотивов их ареста, а также во вращении оружия, за исключением тех лиц, которые будут назначены гражданами».

Но Комитет общей безопасности в самом Париже вскоре это постановление. После вынесения праха Марата из Пантеона терри дорианские секции решили на общем собрании в конце платиоза в начале вантоза назначить специальные следственные комиссии для ознакомления с протоколами, ведомостями и другими бумагами, из которых можно было получить сведения об актах произвола, совершенных старыми членами революционных комитетов.² Комитеты округов ободренные Комитетом общей безопасности, пыгались сперва оказывать сопротивление. Но после 12 жерминаля они должны были уступить. Комитет общей безопасности сам предложил секциям составить список террористов, подлежащих разоружению. Некоторые секции уже приступили к этой работе задолго до того, как это было им предложено, например, секция Фонтен де Гренелль уже 20 платиоза; к примеру последовали секции Терм и Бютт де Мулен,³ Пикиньез Реушон, Ами де ла Патри и т. д. В Фонтен де Гренелль решено было записать красными буквами на доске, повешенной позади стола председателя, список 16 террористов, составленный секцией после дебатов в которых широко обнаружилась личная злоба.

После жерминаля список террористов постоянно увеличивался. На этот раз они были разоружены. После бунта в прериае они стали арестованы и имена их были вывешены уже не внутри залы, а у входной двери. По этому случаю произведены были расследования в демократического общества и даже в книгах братского общества, по тому что в роковой список хотели вписать наравне с мужьями и детьми террористов. Комитет общей безопасности испугавшись этого взрыва чувства мести. Чтобы положить этому конец, он приказал секциям закончить это дело в установленный им срок, а затем он освободил некоторых арестованных. Секции протестовали. Секция Фонтен де Гренелль постановила 30 прериаля сделать ему указания предостеречь ему никого не освобождать, не сообщив ей предварительно об этом и не узнав ее мнения. Ясно, что Комитету общей безопасности

¹ По протоколам Комитета 6-го округа в «Archives nationales», F⁷ 2491.
- См. в «Archives nationales» протокол F⁷ 2509 (протокол дебатов секции Фонтен де Гренелль).

² 23 жерминаля III г. Комитет общей безопасности потребовал список террористов в комитете 6-го округа («Archives nationales», F⁷ 2491).

³ См. «Archives nationales», F⁷ 2476 протокол революционного комитета 1-го округа 6 вантоза. Следственная комиссия секции Пик, состоявшая из 8 человек заседала в отделе Вилкье. См. также протокол секции Фонтен де Гренелль за 30 вантоза и 10 жерминаля.

новались только очень неохотно. Но зато в Париже по крайней мере не было убийств.

В департаментах, оставшихся республиканскими, разоружение террористов производилось не без сопротивления. В Руане, например, секции натолкнулись на сильную оппозицию муниципалитета. Секции прислали в красные списки 213 человек, муниципалитет оставил из них только 43. Вмешался эмиссар Казенав и вписал в список 66 имен. Но муниципалитет заупрямился и в конечном счете было только разоружено 37 террористов.¹

В Шере, эмиссар Лорансо, жирондист, принадлежавший к 75, не мог заставить местные власти проникнуться такой же яростью, какою сам был проникнут. Дистрикт Сансерр заявил ему, что он не знает никого, кто бы принимал участие в ужасах тирании. Сколько он ни домогался все власти с помощью присоединившегося к нему эмиссара Лорансо, он добился только того, что в Бурже был составлен список 33 имен. Специальным постановлением он запретил лицам, внесенным в этот список, собираться больше чем втроем. Но моральное действие, произведенное его командировкой, выразилось в возрождении подавленного роялизма и в том, что в деревнях начали вырубать деревья свободы и кричать

«Да здравствует Людовик XVIII! Да здравствует роялизм!»

В Обе и на Марне эмиссар Альбер, племянник Реубелля, разделил террористов на две категории, на главарей и на заблуждавшихся. В Труа первых было 43, а вторых 31. Альбер пыгался возбудить преследование против главарей в уголовном суде под предлогом преступлений против общего права, например, в Труа, против нескольких человек, которые уничтожили знаки феодализма и фанатизма в церкви. Большинство было оправдано присяжными. На Марне Альберу еще меньше повезло, чем в Обе. В Реймсе муниципалитет по его приказу открыл запись для приема доносов. Единственными доносителями были люди, которые хотели отомстить за личные обиды. Их, впрочем, было очень мало. Несмотря на обширное расследование, предписанное мировым судьям, не было найдено ничего серьезного. Суд присяжных оправдал большинство из тех, которых ему прислали как участников в сентябрьских избиениях. Всего было 2 смертных приговора. Наиболее скомпрометированным из этих участников сентябрьских убийств был дед с материнской стороны Ипполита Тэна, Безансон Гильом. Он опокончил самоубийством в своей тюрьме.²

Нет надобности приводить еще примеры. Мы теперь знаем, что

¹ По Clément-Bayle, La Terreur à Rouen pp 491 — 520.

² По Th. Lemas, La mission de Chenet et Lamoussot dans le Cher après thermidor, «La Révolution française» 1893 — В некоторых департаментах разоружение террористов было поручено известным роялистам, недавно освобожденным. Так было в Невьере, где действовал эмиссар Гильмарде. «Я сам содействовал, — говорит роялистский агент Hyde de Neuville. — этой полезной мере» (Souvenirs, t. I, p. 114).

³ См. Albert Babeau, Histoire de Troyes, t. II, pp 362 sq.

⁴ См. С. Блюм Командировка Альбера на Марну в III г. («La Révolution française», t. XLIII et XLIV) и Гюстав Лоран (Deux ancêtres maternels de Taine, le jacobin Hurtaux-Pinchart et le septembriseur Bezanson Cailhau (Annales historiques de la Révolution française) de sept — oct 1927).

представляли собой репрессии, когда они принимали легальные формы. Необходимо, однако, отметить одну сторону вопроса, которую обычно пренебрегают. Часто арестованные до термидора подпольные возбуждали гражданские дела против прежних членов революционных комитетов, подписавших приказы об их арестах, или о вознаградении за убытки. Я могу привести по крайней мере два примера, один в Руане, другой в Эне. В Руане экс-прокурор (теперь скажи бы поверенный) Маланден возбудил судебное дело против террориста Ламбера, виновника его ареста. Присяжные заявили, что обвинение вполне обосновано. Ламбер был арестован и за тем приговорен 19 мессидора уголовным судом Нижней Сены к шести годам принудительных работ и к 20 тыс. ливрам в возмещение убытков Маландену. Но приговор не был приведен в исполнение. Маланден подал петицию в Конвент с просьбой отмены приговора. Вскоре, уже в другую сторону. Это было уже после Киберона Конвент удовлетворил его прошение. Приговор был отменен. Историк в Руане, Феликс Клерамбре, у которого я заимствовал этот факт, сообщает, что на Нижней Сене были еще такого же рода прошения, отмечает тот главный факт, что в числе судей террористов, арестованных по просьбе частных лиц, часто фигурировали прежние зрительные, которых террористы раньше сами засадили.

В Эне один юрист по имени Жозеф Бюинан, арестованный до термидора и освобожденный благодаря уплате революционного налога в 4 тыс. ливров, преследовал судом в Амберис члена революционного комитета, подписавшего приказ об его аресте, некоего Монте. Он требовал от него, кроме возвращения 4 тыс. ливров, внесенных в кассу дистрикта, еще 25 тыс. за убытки. Но ему было отказано.

Но с другой стороны были случаи, когда террористы развуженные по частным доносам, жаловались в суд на своих доносителей. Я знаю по крайней мере один пример. Это было в секции Ливра дело гражданина Паскье, который заставил приговорить к уплате 1 тыс. ливров в пользу бедных в возмещение убытков с процентами доносителей, велевших арестовать и разоружить его после восстания в префектуре.

Но я спешу перейти к белому террору в собственном смысле к тому террору, который проводился под прикрытием законных средств покушений, убийств, резни в южных департаментах, восставших уже против Конвента в 1793 г.

Как и можно было опасаться, убийства начались в Лионе. Он выдержал осаду против Конвента в течение нескольких месяцев. Своими расстрелами Колло д'Эбруа и Фуше вызвали неискреннюю ненависть. Когда декретом 21 нивоза разрешалось роялистам возвращаться за Преси в его бегстве в Швейцарию, вернуться не захотели, у них была только одна мысль о мести. Они организовали в Лионе тайное общество, общество Иисуса, о происхождении и функциях которого очень мало известно, но о котором можно судить по его де-

ам. Судя по докладу Ж. Шенье от 6 мессидора III г. это общество Иисуса, как указывает его имя, соединяло, говорит он, религиозные идеи с убийством.¹ Оно сделало себе печать, на которой соединены были оба имени, Преси и Людовика XVII. Шенье утверждает, что оно вербовало своих наемных убийц не только среди роялистов, но и между прежними террористами, которые таким образом получали прощение. Комитеты сделали ошибку, позволив в Лион эмиссаром Гиацинта Ришо, человека слабого, который только льстил лионцам и сажал на места людей, принимавших участие в осаде. Под предлогом примирения партий он устроил большой праздник в честь декрета 13 плювиоза, которым отменялось осадное положение в Лионе. Во время праздника, говорит он, сжигали «злополучные» списки, которые могли бы увековечить разделение». Но уже на следующий день после праздника республиканцы, названные здесь матевонами (Mathévons), подверглись оскорблениям, избиениям на улицах; их убивали и бросали в Рону. Ришо должен был быть предостережен и быть настороже: уже 13 плювиоза, за три недели до знаменитого праздника примирения лионский муниципалитет, хотя и очень умеренный, принял следующее постановление:

«Принимая во внимание, что число драк и эксцессов, заслуживающих самого сурового порицания, увеличивается и что зачинщики их не ограничиваются уже только нападениями на свои жертвы на улицах, но нападают на них даже в домах и в публичных местах, что многие граждане были уже изувечены, а другие лишены жизни, муниципалитет запрещает носить толстые пальто и пальто с шагами и всякое другое оружие нападения».

Это постановление не выполнялось. Патриот Ферне, старый член революционной комиссии Оранжа был убит членами общества Иисуса, когда его под конвоем сопровождали в тюрьму, а конвой этот состоял из 8 жандармов, 20 пусаров и 20 пехотинцев. Труп его был брошен в Рону.² Затем очередь дошла до патриота Сотмуша, который был разоружен на части и брошен в Сону,³ патриотов Лафажа, Бержере, Робба и др. В течение нескольких месяцев каждый день убивали какого-нибудь матевона. Власти, эмиссары не обращали на это никакого внимания, иногда они только призывали к спокойствию. Они не арестовывали ни одного из убийц, которых все знали. Убийцы не ограничивались убийствами мужчин: они не щадили ни их жен, ни их дочерей. Члены общества Иисуса, не найдя дома портрета картины Ришо.

Имена членов общества Иисуса (создание Jehu) абсолютно неизвестны современникам. Это выдумка Шарля Нодде, который к сожалению составил себе представление среди романтических историков (Louis Blan Histoire de la Revolution des Docks de la libranie, t II pp 618).

Lettre de Richard du 4 ventose an III в сборнике Олара. См. протокол убийства Жозефа Ферне за 26 плювиоза III г в Записках и воспоминаниях, изданных Альбером Мецгером под заглавием Lyon en 1795, p 11. Постановление было просмотрено Жозефом Везеном. Постановление муниципалитета от 13 плювиоза помещено в том же труде, p 7.

См. Buchez et Roux Histoire parlementaire de la Revolution t XXXVI p 412 — 413.

«Надо заметить — говорит Альбер Мецгер, — что в течение двух предыдущих месяцев (предшествовавших избиениям 15 и 16 флореала) было очень мало убийств, которые не были бы запятнаны каким-нибудь актом особенной жестокости и что очень мало этому противились», op cit, p 46.

¹ Felix Clémentray La Genève a Rouen pp 506 — 520

- Протокол нач. Книжки общих собраний секции Фонтен де Гренель термидора III г (Archives nationales F 2509)

схватили его семнадцатилетнюю дочь, повели ее в тюрьму. Они застрелили женщину Ру возле ее лавки. Они избили женщин Таво, Жув и Жакоб. Они даже убили 70-летнюю бросили ее в Рону за то, что она насмеялась над костюмами. Трупы привязывали к первой проезжавшей мимо тащили по улицам и бросали в реку. Члены общества Иисуса список 4¹ в два столбца, в котором с одной стороны были имена террористов, а с другой — людей, которые были осуждены.

Не было произведено никакого следствия для выяснения этого публичного призыва к убийству.

Отдельные убийства завершились большой резней в тюрьмах происходившей 16 флореаля. Когда 15 флореаля суд приговорил к ка торжным работам старого члена революционного комитета Веса, тор говца Этьена Боино, толпа протестовала и требовала его смерти. На следующий день, 16 флореаля, члены общества Иисуса разделились на три группы, из которых каждая наметила себе тюрьму. Они сло мали двери и убили политических арестантов, оказавших отчаянное со противление. Насчитывали 99 жертв, среди них было 6 женщин. Эмиссар Буассе, заменивший Ришо, появился на месте уже тогда когда все было кончено и одна из тюрем горела. В своем письме в Кон- станте он оправдывал убийц и в заключение говорил, что во избежание повторения подобных сцен нужно как можно скорее наказать террори- стов:

Если вы не примете общих мер для наказания угнетателей, если вы не зай- метесь судьбой тех, которые терпят притеснения, возникнут некие меры бед- ности.

Он преуменьшил число жертв, насчитывая их от 60 до 70. Он не предпринял ничего серьезного для наказания предводителей бунта. Человек пятнадцать молодых людей, преданных суду в Роанне, были оправданы и с торжеством принесены в Лион, увенчанные цветами при их возвращении туда.

Комитет общественного спасения знал положение в Лионе потому что за два дня до убийства он приказал эмиссару Кадрю — ранний выбор — отправиться в город:

«Порядок там сильно нарушен. — писал он Кадрю, — роялисты и ин- тервенционисты или сообщники Преси, занимают там как грабиданские, так и военные должности».

Кадрю прибыл в Лион в конце флореаля. Вместо того, чтобы при- няться за пресечение беспорядков, он стал выразителем требований желаний членов общества Иисуса.

«Молодые люди, — писал он комитету 29 флореаля, — удивляются, что им не оказывают таких же милостей как вандейцам».

Buchez et Roux t XXXVI p 413

Ibid t XXXVI, p 412

¹ Письмо Буассе от 16 флореаля можно найти в сборнике Огюста Мейс- сера *Albert Meitzer op cit.* p 48, Buchez et Roux t XXXVI p 414 со списком готв

что хотят их послать в армию. II Кадрю требовал для них специального декрета об освобождении их от военной службы. Он с гордостью прибавлял,

«что смерть террористов глупенно обещана». Лионцы не потерпят, чтобы разрывали их отечество, но мы с грустью видим, что в этой коммуне очень ценят общество эмигрантов. Нельзя даже сказать, что они не пользуются им с уважением. Там уже не преследуют открыто дезертиров, и эти два класса, кажется, соединились с молодыми людьми подпадавшими в «защитную сеть».

Кадрю ничего не сделал. Он оставил Лион, чтобы отправиться в Марсель, где он отличился позорным поведением. Буассе, его кол- лега, которого Комитет общественного спасения имел слабость оста- вить в Лионе, думал только о наказании террористов. При известии о восстании в Париже 1 прериала он выписал 1 тыс. ружей из Сент-Этьенна и раздал их лионской национальной гвардии, целиком со- ставленной из членов общества Иисуса и их сторонников. В своем письме от 8 прериала он сообщает, что несколько террористов были взяты в Монбризоне и в Лионе и что он предвидит, что тюрьмы еще будут взяты силой.¹

Белый террор, поощряемый безнаказанностью, распространялся в соседние департаменты, в Эн, в Юру, на Луару. Энских террористов, арестованных Буассе, должны были судить в Лон-ле-Сонье.

Когда увозившие их подводы выехали из Бурга, 30 жерминаля, на них напала толпа людей, бросала в них камнями, избивала палками, стреляла из пистолетов. Так как они предварительно были закованы за шею и за руки к стенкам повозок, они не могли защи- щаться и были убиты на месте, причем конвой не сделал ни малейшей попытки защитить их. Через несколько недель после этого, ночью с 6 на 7 прериала, человек пятьдесят членов общества Иисуса сло- мали двери тюрьмы в Лон-де-Сонье и убили там террористов. Коман- дир национальной гвардии Лост (Lhoste) принимал участие в этом деле и кричал: «Стреляйте!» Лозунгом убийцы взяли себе 81/2 и 81/2 что означало Людовик XVII. Муниципалитет ничего не сделал для за- щиты заключенных и для преследования убийц. И они явились в сле- дующую ночь закончить свое дело, которое они не успели закончить накануне. Еще через несколько дней, 13 прериала, партия политиче- ских арестантов, препровождавшихся в Бург, была задержана в миле от этого города бандой замаскированных людей. 9 террористов по- били в этот день. В письме, в котором он рассказывает об этом факте,

¹ Депутация патриотов департамента Луары обрисовала Ксавьеру 29 вэдем- ра IV г. положение их страны. В дистрикте Монбризон 6 тыс. семейств патриотов бежали в леса, чтобы укрыться от убийств. В дистрикте Сент-Этьенн 2 тыс. рабо- тных принуждены были покинуть мануфактуру, перешедшую во власть 5 тыс. шуа- нов, организованных под предводительством Преси. В Сент-Этьенне 28 арестован- ных, переведенных на площадь Брейль, были расстреляны при криках «Да здрав- ствует республика!», затем 14 из них были убиты, как и первые. В Монбризоне женщины и девушки были привязаны голые к дереву свободы и подвергнуты жестокому бычьим перьям и т. д. («Monteur»). О белом терроре в бассейне Луары см. Galley, Saint Etienne et son district, t. III, et B. Palluat de Besset, Les Con- ditions de Jésus dans le district de Montbrison. 1927. Убийцы Луары воспользовались этой безнаказанностью, как и убийцы Роны. Возбуждаемые против них пресле- дования кончались оправданием.

мэр города Бурга заявил, что убийцы принадлежали к обществу. Ни один из них не подвергся преследованию. Они жили своими преступлениями, и их приветствовали в салонах и театре. В их числе был один дворянин и генеральный секретарь департамента. Те, которых впоследствии преследовали, были оправданы приговором 3 термидора IV г. Филибер Ледюк, роялистский историк, рассказывает, что после первых убийств в Бурге и в Солье оставшиеся в живых арестованные, например арестованные в Нантуа, оставляли свою тюрьму с разрешения тюремщика в течение ночи и укрывались в лесах, чтобы вернуться опять в тюрьму с восходом солнца. Он приводит доклад жандармерии, который констатирует это.

Лион был главным штабом роялистов юго-востока. Эмиссары описывают его комитету как город, совершенно потерянный публики.

Я видел — пишет он 1 мессидора — как целый роялистский город кричал: *Да здравствует Конвент! Да здравствует Преси!*

Он показывает лионских эмигрантов, командующих национальной гвардией в соседних департаментах, особенно в департаменте Луары. В этом департаменте, где он жил тогда, когда писал свое письмо.

Обращают в бегство, убивают террористов. Но и здесь, как в Лионе, убивают роялисты. Легион из 600 священников явился туда, чтобы захватить деревни Верхней Луары. От 4 до 500 молодых людей, скрывшихся от него на берегах, собрались между Пуи и Иссенжо. Лион теперь может найти в соседних департаментах больше сил, готовых помочь ему, чем можно было найти в это время в Лионе. Для нападения на него. Эмигранты в Лионе, священники во всей стране, как же свободны, как если бы они вернулись вместе с коалом. Убийства все еще продолжаются.

(Письмо от 1 мессидора.) В Сент-Этьенне и в Монпелье тюрьмы были взломаны силой, как в Лионе и в Лон-ле-Сонье. Роялисты организовали дезертирство в регулярных войсках, в тех, которые находились на фронте. Эмиссар Реаль, находившийся в Альпийской армии, рассказывает, что в тот день, когда узнали о смерти молодого Капета, все театры были закрыты, в течение нескольких дней в знак траура носили креп на руках.

И тем не менее, как ни были многочисленны и дисциплинированы общества Иисуса, когда Конвент серьезно захотел положить их действиям, ему удалось это без особенного труда. В мессидора комитеты решили отнять у лионской национальной гвардии 1 тыс. ружей, которые Буассе распределил между ней в награду. Достаточно было послать несколько отрядов в Треву, мандатом эмиссаров Пуллея Гранпье и Ферру, чтобы заставить себя разоружить без сопротивления. Но было уже поздно и это было уже сделано. Легкость этого разоружения

О обо всех этих фактах см. *Philibert Leduc Histoire de la Revolution* т. I, стр. 36—212.

См. в сборнике *Олара* письмо Реаль, помеченное Греноблем 5 мессидора, и письмо Шамбона, помеченное Марселем 2 мессидора.

что если бы Конвент хотел, если бы он с самого начала принял необходимые меры, то не было бы убийств.¹ Еще более чем в Лионе, в долине Роны, в Лангедоке и в Провансе террор был облегчен, я сказал бы даже, что его поощряли террористские эмиссары, которые держали там в своих руках власть. В это время как в Лионе республиканцев всегда было очень мало, в Марселе, в Тулоне, в Арле, в Ниме, во многих городах, они были в постоянном состоянии защищаться, если бы на них не нападали систематически в интересах их противников.

Убийства начались в этом районе только после прибытия эмиссара Жиро-Пузоля, Кадроя, Мариетта и Шамбона. Комитет общественной безопасности постарался, однако, посоветовать им не сажать на места террористов или крайних революционеров, ни тех, которые во время сексуальных были мятежниками и в коалиции с Марселем.²

Они не обратили никакого внимания на предупреждение и могли бы это произошло от того, что на юге третья партия, на которую им предлагали опереться, не существовала или имела очень ничтожную силу. Так как у них решено было наказывать террористов, они могли достигнуть этого только пользуясь их врагами.

Прибыв в Марсель, Кадрой начал жаловаться на своего коллегу Экспера, который прекратил преследования, начатые в уголовном суде против членов марсельских клубов, замешанных в манифестации на улицах вандемьера. Экспер, бывший местным уроженцем, хорошо знал, что если усилить репрессии, то неизбежно начнется самая разнузданная гражданская война. Кроме того он уважал республиканскую политику, покрытую многочисленными подписями. Комитет согласился с Кадрой, рекомендовал ему умеренность, и отозвал Экспера.³ С этого времени Кадрой и его коллеги и сообщники могли делать все что хотели. Они начали с того, что перенесли в Экс уголовный суд, который опять начал следствие против марсельских республиканцев. За 5 вантоза они объявили осадное положение в Арле, в провинции. Они разоружили весь дистрикт Арля, затем соседние дистрикты. Они закрыли последние демократические общества, оставшиеся еще открытыми, и восстановили национальную гвардию только со своими сторонниками.⁴ Если они сами не организовали общества Солнца, исполнителей их гнусных дел, то несомненно, что они покровительствовали им и вооружали их. Уже благодаря многочис-

См. оба доклада Ж. Шеня от 6 и 25 мессидора, доклад Деюне от 24 мессидора и переписку эмиссаров Пуллея Гранпье и Деспинасси в особенности их письмо от 13 мессидора в сборнике *Олара*.

Письмо комитет. Кадрой помечено 27 пювиоза в сборнике *Олара*. См. доклад Клазеля 6 пювиоза и письмо Кадроя, принятые им. См. в сборнике *Олара* письмо Мариетта и Шамбона, помеченное Марселем 5 вантоза.

Феррон напечатал в виде триложения к своему изданию мемуаров о репрессиях на юге постановление эмиссара Шамбона приказывать вернуть 110 тысяч сабель марсельскому обществу Солнца. Проглашение Дюрана де Мейльяна, фигурирующее среди дополнительных документов этого же мемуара, доказывает, что общество Солнца в Бриньоле в Вар было учреждено эмиссаром под именем свободного общества и поддерживалось Дюраном де Мейльяном. Он предписывал ему поддержание в случае необходимости установленных властью для поддержания порядка. (См. *Buchez et Roux t. XXXII p. 426*)

асным отдельным убийствам начиная с нивоза исчезли реальные солдаты или старые должностные лица прежнего режима.

Убийства начались в начале вангоза, когда вернулось большое количество эмигрантов 31 мая, воспользовавшихся законом 21 Первыми из них по времени были убийства в Ниме 5 вангоза окнами эмиссара Жиро-Пузоля и в присутствии многих муниципальных чиновников были убиты 4 политических арестанта, которых водили из тюрьмы здания судебных учреждений в тюрьму. А между тем они препровождались под конвоем состоявшего из отряда жандармерии и 300 человек национальной гвардии. Говоря о событии в самом развязном тоне, Жиро Пузоля не о том, приняты ли были им какие-либо меры для розыска в Отдельные покушения залила кровью Прованс, причем эмигранты палец о палец не ударили для того, чтобы прекратить их. 15 вангоза коллега Кадроя, Мариетта, отправился в Тулон, якобинский гвардейский матросы, укрывшиеся корсиканцы и рабочие арсенала, недолгого визитной жизни, вопли против реакции. Думая их ушам Мариетт закрыл революционный комитет, затем в следующие дни сменил муниципальных чиновников, мировых судей и их заседателей. Он приказал изгнать из города всех иностранцев, не слушавших флоте (это были рабочие, прибывшие сюда в поисках работы и жилища). Недовольство вспыхнуло 20 вангоза. В этот день 7 вангоза, нарушивших правила, были арестованы в Гиере (Нувель) и везены в Тулон. Там убила их, обвинив эмиссара в желании их и выпустить на свободу, обвинение довольно правдоподобно послужило поводом для Мариетта и Кадроя усилить репрессии марсельские террористы стояли в стороне от тулонских. Кадрой велел арестовать главных из них и приказал вести всеобщее разоружение, причем через несколько дней он делил собранное оружие между теми которых он называл своими друзьями отечества. Когда последние были организованы, члены общества Солнца были вооружены и размещены. М. Шамбон объявили Марсель после Арля в осадном положении, конец для увенчания системы они создали военный суд, про которого протестовал их коллега Пультье. Все было готово для большого масштаба, наподобие лючских убийств 21 флореаля. Солнца направились в Экс где находились политические заключенные. На следующий день они направили пушку в тюрьму, гудя, убили заключенных и подожгли здание. Эмиссар не сделал ничего чтобы рассеять толпу во время ее шествия.

¹ Неполный список можно найти у Buchez et Roux t XXXVI p. 419. См. рассказ об убийстве в l'Ami des lois от 23 вангоза III.

² Письмо Жиро-Пузоля в Комитет общественного спасения от 17 вангоза. Сборник О. Ро.

³ См. в сборнике Огари письма Кадроя и Шамбона от 29 вангоза. См. очерк Фредерика Массона La révolte de loulon en prairiale 1885. Этот очерк очень пристрастен отчасти незерен.

⁴ См. письмо Мариетта и Шамбона от 17 жерминаля.

⁵ См. письмо Пультье от 12 флореаля III.

⁶ См. протокол муниципального комитета Экса сообщавшего о событиях в Тулоне. Roux t XXXVI p. 419.

ты тюрьмы. Эмиссар Гупильо, который только что был отослан в Люз, был испуган тем, что он увидел и что бы о отчасти его.

Лючские убийства — писал он 25 флореаля своему другу Ровелю — возобновились возле нас. В Ниме убили 3 заключенных, среди них Кур (прежнего мэра Нима). В Эксе мы узнали вчера вечером что убито человек 60. У нас нет подробностей но уверяют, что не были пощажены ни женщины ни дети. »¹

В одном из позднейших писем Гупильо де Монтегю обвиняет своего коллегу Жиро-Пузоля в том что

он невольно был причиной смерти 13 человек. Пусть будет и виновных но они должны были быть наказаны в законных формах.

Он таким образом делает намек на убийство 13 патриотов, совершенное во время их перевода в тюрьмы Оранжа. Он наивно пугается арелища, которое представилось его глазам. Он не узнает больше патриоты, которой он оказал столько услуг во время первой своей командировки.

Люди, которые мне обязаны своей свободой и жизнью говорят, что я сделал только половину того, что должен был сделать. Я вижу бессмертных патриотов 89, тех которые боролись рядом с тобой (Ровером), чтобы сбросить иго и соединиться с Францией и которым не приходится упрекать себя ни в принуждениях, ни в преступлениях, преследуемых, беглецов, арестованных впоследствии, посаженных именно теми же самыми людьми с которыми они голодали в оковы. »²

Он меланхолически заканчивает:

« Недавно возмущались сторонниками Робеспьера, которые звали козловую войну, а теперь те которые раньше Европу освободили от убийцами, сами стали большими убийцами. »³

В другом месте он говорит:

« Теперь террористом является всякий притерженный причинно революции, и может быть, этого и не подозревал бы, считаясь одним из самых больших патриотов республики. Как и в то время начало во Франции в Вилле-Эта во Франции таких ужасных симптомов, какие я видел в Лозере и в Воклюзе.

Гупильо говорил это после последних массовых убийств на юге Франции убийств в Марселе и Тарасконе. И те и другие были, впрочем, следствием бунта в Тулоне. Провансальские республиканцы видели, вернувшиеся эмигранты оскорбляли и избивали патриотов, насилием изгоняли покупателей из национальных имуществ. » 28 флореаля тулонцы в числе до 360 явились в деревню Соллае на помощь патриотам, сражавшимся с эмигрантами. Они арестовали 11 человек из них; у 7 на шляпах были белые кокарды со словами. « *Liberté, égalité, fraternité* ». Людовик XVIII. Эмиссар Брюнель находившийся в Тулоне,

¹ Переписка Гупильо де Монтегю с Ровелем письмо от 25 флореаля из Тулона.

² Ibid. Письмо 12 жерминаля из Оранжа.

³ Ibid. Письмо 12 жерминаля помещенное Огари.

⁴ Ibid. Письмо 14 жерминаля из Авиньона.

⁵ Письмо 29 жерминаля из Монпелье.

⁶ См. письмо муниципального комитета Тулона, прочитанное в Конвенте 25 флореаля.

Письмо 1 жерминаля из Тулона.

хотел перевести этих 11 эмигрантов в форт Ламальг, чтобы избавить их от участи тех, которые были убиты 20 предыдущего вечера. Тулонцы воспротивились этому, заявив Брюнелю:

«Мы не допустим, чтобы эмигранты были законодателями. Те, кто привели, хотели убить патриотов в Конвенте Соляе, мы поспешим наказать их».

В своем письме от 28 флорсала, в котором он передает Брюнелю прибавляет:

«Утверждают, что большая часть установленных в этих тюрьмах заключенных, составлена из беглых и дезертиров».

т. е. из вернувшихся эмигрантов. Конфликт между эмигрантами и патриотами принял ожесточенный характер. Рабочие вооружались. Брюнелю в отчаянии лишил себя жизни после того, как арестованные патриоты были освобождены бунтовщиками, требующими конституции 1793 г. Они были хозяевами города в течение 4 дней. Эскадра была на их стороне. Узнав 4 прериала, что марсельскими патриотам, находящимся в тюрьмах, угрожает опасность, они выбрали себе предводителем Портала и направились в Марсель на помощь. Но марсельские эмисары Кадрой, Инар и Шамбон собрали регулярные войска под командованием генерала Пактода. Пактод рассеял толпу тулонцев, убил 40 — 50 человек, а 300 человек взял в плен. Военная комиссия для начала вынесла 47 смертных приговоров, а затем еще много других. Тулонцы были разоружены, 4 500 патриотов дезертировали. . . , чтобы спасти свою жизнь. . .¹

Тулонский бунт, происходивший почти одновременно с бавшим парижским восстанием 1 прериала, привел к усилению борьбы.

Общества Солнца приготовились к войне. В Ниме эмисары составили батальон, чтобы отправиться в Тулон.² Викарий Инар при первом известии о волнениях обратился к толпе.

«Если у вас нет оружия, если у вас нет ружей, что же? Выкопайте старые отцов и употребите их для уничтожения этих разбойников».³

Он составил отряд, чтобы пойти на Тулон. Через несколько дней после этого, ночью с 5 на 6 прериала, члены общества Солнца без всякого труда ворвались в форт Тараскон и убили там 24 политических заключенных, трупы которых были брошены в Рону. На следующий день они танцевали фарандолу при аплодисментах голпы.⁴

¹ Buchez et Roux, t. XXXVIII p. 428. См. еще о бунте в Тулоне, кроме брошюры Фредерика Малона, уже цитированной, письма эмисаров в Конвент об ответственном спасении и оба доклада Дюльсе де Понтекулан Конвенту 17 прериала III г.

² См. Заседание 17 прериала в Конвенте.

³ Buchez et Roux, t. XXXVI, p. 428.

⁴ Ibidem, pp. 429 — 433 (воспроизведение официальных документов). По рассказу южных патриотов в Конвенте, 17 вандемьера IV г., 65 республиканцев в Тарасконе были сброшены с башни в реку, а присутствующие, сидя на набережной дороге, ведущей из Тараскона в Бокер, наслаждались зрелищем и аплодировали. «На каждом трупе, который затем бросали в Рону, была деревянная табличка, прикрепленная кинжалом, на которой было написано: *Запрещено возмущать под страхом смерти*. И овчарки Крао (sic) три месяца бродили по берегу Роны («Moniteur»).

дустя 11 дней, 17 прериала, произошла ужасная резня в форте Блан в Марселе, которая была тщательно обдумана заранее, поскольку уже за несколько дней до этого у арестованных были отобраны их ножи, стулья, скамейки, даже тарелки. Убийцы пользовались пушками, чтобы распахнуть двери темниц. Их было много и они работали до 10 часов вечера, чтобы убить около сотни арестованных. Эскадрой Кадрой, предупрежденный комендантом гренадеров Лесеном, был ему бит тревогу для созыва своей команды на помощь заключенным. Он только через несколько часов появился в форте со своими гренадерами. Гренадеры задержали человека, десяти убитых, который велел их освободить. Гренадеры сообщили, что Кадрой велел убийц в медленной работе, которая в самом деле была еще не закончена, так как несколько арестованных были еще живы:

«Гусы, вы еще не отомстили за ваших отцов и братьев. А между тем у вас достаточно времени для этого».¹

Позднее депутат Устья Рочы, Блан публично упрекал Кадрой в том, что он посадил за свой стол нескольких убийц, а в свою карету атаковал убийц Экса, некоего Ролана.²

Последняя большая резня закончила эту красную серию. Когда Тараскон опять был наполнен, он второй раз был очищен 2 месяца. 23 трупа арестованных, среди них 2 женских, были брошены в Рону. Не было ни одного местечка в Провансе и в Конге, где не было бы жертв. Большей частью это были жертвы личной мести, политических и религиозных чувств.

Там убивали, как убивают дроздов в полях, везде, где только встречали, и в Дюран де Майльян, которого нельзя заподозрить в пристрастии».³

В Юге был белый террор, шуанство Юга. Одно шуанство было так жестоко, как и другое. Там совершались ужасные пытки. 80-летний старику камнями раскололи голову, один гражданин был разбит на куски, кровью его полили собак, а мозг его бросили свиньям (Блан). В Сент-Этьенне одна из жертв была распята, другой, которого были два сына в армии, был похоронен живым.

Вуаны, по крайней мере, вообще не рассчитывали на содействие и вмешательство властей. Белый террор, наоборот, почти всегда пользовался благосклонностью или нейтралитетом новых должностных назначенных термидорианцами, и не раз более или менее скрытым содействием некоторых эмисаров. Наконец шуаны не убивали безвинных людей в тюрьмах. В итоге гражданская война на юге была еще ужасна, чем на западе. В конце концов даже самим термидорианцам стало стыдно за нее.

См. показания коменданта Лесена и гренадеров у Buchez et Roux, t. XXXVI, pp. 4 — 463. Принцев Орлеанских, Монпансье и Божоле, заключенных в форте Блан, не беспокоили.

Louis Blanc, Histoire de la Révolution, édition des Docks de la librairie, t. II.

Mémoires de Durand de Maillane, p. 277.

ГЛАВА X.

ПРЕРИАЛЬСКИЕ ДНИ III ГОДА.

Ею именно время, когда тулонские рабочие восстали против террора, парижские рабочие и ремесленники сделали последнюю попытку остановить реакцию и опять захватили власть. Оба восстания вспыхнули на расстоянии двух дней: тулонское восстание 28 флореаля (18 мая 1795 г.), парижское — 1 прериала (20 мая 1795 г.). Но что бы ни говорили, между руководителями того и другого не было никакого предварительного соглашения. Одни и те же причины вели к разным последствиям.

Собрание видело, что с каждым днем увеличивалась его популярность среди всех классов населения. Находясь вечно, подобно директории, под страхом двух угрожающих ему противоположных опасностей, опасности террора, с одной стороны, и опасности реакции с другой, оно постоянно колебалось, принимая противоречивые меры. Только смело вернувшись назад, восстановив террор и коммунизм продовольствия, т. е. обратившись к террористам, которые везде были обезоружены, заключены в тюрьмы или убиты, оно могло остановить обесценение ассигнатов и решительно бороться с голодом. Но с другой стороны, давая разбиваться беслому террору, оно отдавалось роялистам. Возвращение короля для термидорцев, многие из которых голосовали за казнь короля, было верным путем к лишению жизни или по меньшей мере лишению свобод и потерей их состояний. Сжатые с двух сторон, они могли только делать эксперименты, которые ничего не решали. Они положили начало политике колебаний, ставшей затем политикой их преемников, дирекции, среди которых они впрочем увековечили себя.

Манифестация 12 жерминаля должна была бы послужить укреплению. Они проводили многочисленные заседания, вели и обсуждая противоречившие одни другим доклады о проекте обращения ассигнатов; проект Жюлио (Johannot), предложенный 20 жерминаля, заключался в том, чтобы заставить покупателей национальных имуществ и лиц, подлежащих обложению, всех государственных платить свои долги ассигнатами по курсу, а не по номинальной стоимости, и заменить ассигнаты закладными листами, которые не будут обращаться как деньги. Контр-проект Дюбуа заключался во взимании налога натурой (16 флореаля). Конференция ограничилась только на частичные меры, которые еще обострили голод: устроил лотерею, выигрыши которой состояли из домов эмигрантов (28 жерминаля). Он решил опять открыть и предоставить новые облегчения спекулянтам. Он восстановил

металлических денег, официально санкционируя таким образом обращение ассигнатов (6 флореаля); он кончил тем, что сразу деградировал все ассигнаты с королевским изображением, которые должны были приниматься в уплату за национальные имущества и лотерейные билеты только в течение 3 месяцев (27 флореаля). Было частичное банкротство, которое вызвало сильное недовольство среди того класса народа, который почти один еще владел королевскими ассигнатами, бывшими еще в обращении (это были мелкие ассигнаты от 5 до 50 ливров).¹

Ассигнаты, таким образом запрещенные с тех пор как Камбон был в тюрьме, должны были ускорить их крах. В начале флореаля ливр равнялся за 240 фр. бумажками; в середине флореаля за 325 фр. еще месяца за 400 фр. Бумажный франк стоил всего 6 сант. Цены на хлебных припасов поднимались с головокружительной быстротой. Все, что было какие-нибудь деньги, вдруг сделались купцами. Торговля занималась везде, даже в самых роскошных салонах. Хлеба было так мало, что если кого-нибудь приглашали к обеду, он приносил только хлеб, и ничего не доставляло большего удовольствия хозяину, чем если бы раньше присылали в подарок кулич или пирожные, или шоколад.² Люди из народа испытывали ужасную нужду.

Комитет общественного спасения, который должен был заботиться о продовольствии, поручил Баррасу охранять подвоз. Баррас имел в своем распоряжении корпус кавалерии из 3 500 человек, которых он разослал по дорогам в окрестностях Аббевиля, Амьена, Компьена, Реймса, Орлеана, Фонтенебло. Депутат Верхней Марны, Ру заменил д'Англа во главе продовольственного дела. Несмотря на присутствие войска сопротивление крестьян продолжалось. Количество раздаваемого парижским булочникам, все уменьшалось. Ру пришел в отчаяние; 25 жерминаля он объяснил следующим образом трудности испытываемых им затруднений:

«15 жерминаля происходили постоянные грабежи продовольствия в Сент-Боннейле, Ла-Шапелье, Верноне, Эвре, Дре, Шангилли. В Провансе крестьяне хотели молотить хлеб в пасхальную неделю; в Мондидье и в окрестностях при приближении обозов с продуктами ударили в набат, чтобы их остановить. Забирают все, что находят на фермах, и грабеж организован везде».

Баррасу присоединили двух других депутатов, Руйе и Ферро, но они имели небольшой успех. Хлебный паек в Париже упал до двух третей, которые притом выдавались нерегулярно. Рабочие секции несли голод. Во всем городе слышались оскорбления, угрозы по адресу Конвента, который морил голодом народ. Открыто сожалели о времени монархии или о времени монархии.⁴

Несмотря на разоружение террористов, несмотря на возвращение власти лицам, осужденным революционным судом, несмотря на оглашение

крупные купюры ассигнатов с королевским изображением подвергались уже изъятию по инициативе Шабо летом 1793 г.

secretelle, jeune, Dix années d'épreuves, p. 211.

Руйе был присоединен к Баррасу декретом 25 жерминаля, Ферро немного раньше декретом 19 флореаля.

М. полицейские доклады, напечатанные Оларом и изложенные Дьедонне в «Истории Предварительных условиях и причинах прериальских дней III г. революции française», t III, p. 442).

крытие баржи и на многие другие подобные же меры, богатые люди, те, которые до 10 августа составляли партию фанатов и фанатистов, те, которые до тех пор до хрипоты кричали: *Здравствуй Конвент!* Эти люди не были довольны.

Мюскаденны, которые заменили террористов почти на всех особенно в бюро комитетов и исполнительных комиссий, бывшие арестом журналиста Лесфорье, который был провозглашен Комитетом общей безопасности за то, что он напечатал в номере от 21 жерминаля перевод из немецкой газеты, где было сказано, что французы убили короля, лучшего из людей. ¹ Уж не могли термидорианцы посягнуть на свободу печати? Мюскаденны имели право свободно вести свою роялистскую пропаганду. Они пугались, когда они увидали, что Ж. Шенье и Луве, которых они считали своими людьми, произвели 12 флореаля две фанатические против успехов роялизма и белого террора и провели декрет, на протесты Таллена, декрет, который приказывал предавать вернувшихся тайком эмигрантов, давал месячный срок изгнания всем тем, которые «своими статьями или мятежными речами нарушали национальное представительство или проповедывали в пользу монархии». Подобные преступления карались вечным изгнанием. Реакционные секции, как, например, секция Монблана, провозглашали через посредство Тальма против этого покушения на свободу печати.

Чувствуя, что их непопулярность растет как справа, так и слева, термидорианцы стали обороняться. Они пытались привлечь на свою сторону силу. Прежде всего они пытались реорганизовать правительство. С тех пор как каждый из 13 комитетов издавал по одному постановлению, в правительстве не было больше единства; оно было парализовано противоречившими друг другу решениями. Один термидорианец, сохранивший еще представление о власти и который впоследствии был недавним спуском префектом при Наполеоне, Тибодо следующим образом критиковал 7 флореаля распыление власти:

«Теперь есть, так сказать, 13 правительств, которые не могут ни прийти друг с другом, ни столкнуться, которые тянут вожжи во все стороны и мешают движению дела, вместо того чтобы ускорять его».

Тибодо решительно предложил вернуть Комитету общественного спасения его прежнее главенство и даже отменить посылку комиссаров с неограниченными полномочиями которых мешали действиям администрации.

¹ См. «Le Messager du son» за 24 жерминаля III г.

² См. в «Moniteur», заседание 21 флореаля III г., текст петиции секции Монблана. Подавший ее Тальма указывал на фигурировавшее в законе предложение, которое в статьях или в речах пытаются уничтожить национальное представительство или проповедуют возвращение монархии. «Это, — говорил он — неограниченные выражения, смысл которых невозможно точно определить и которые трудно правильно применить, выражения, которые служили для формулировки юридических убийств, совершавшихся трибуналом Робеспьера. Благодаря этим пустым выражениям, этому неопределенному тексту существовавшего закона, тысячи невинных были отправлены на эшафот». Актер Тальма долгое время был почитателем Лафайетта.

Хиронидисты Ланжюны, Лезаж, Луве не хотели видеть в проекте ничего кроме косвенного возврата к террору. Камбасерес предложил соглашение, которое было принято 21 флореаля. Институт эмиссии был сохранен, но власть Комитета общественного спасения была усилена. Ему почти вернули главенство над исполнительными комиссиями.

Для подавления восстания, приближение которого уже чувствовалось для пополнения прежней молодежи Фрерона, верность которой вызывала сомнения, прибегли к военным мерам. Закон, запрещавший правительству посылать войска в известный район вокруг Парижа, называемый конституционным районом, был очень стеснителен. Он был отменен 28 жерминаля под предлогом обеспечения приличествующих припасов. Теперь Комитет мог призывать регулярные войска. Через несколько дней, 3 флореаля, другой закон объединил в единственное начальническое командование 17 военной дивизии и командование парижской национальной гвардии, которые до тех пор были разделены. Многие офицеры и генералы остались якобинцами. Некоторые армии, как, например, армии Восточных Пиренеев, подписали петиции в пользу конституции 1793 г., против мюскаденов и белого террора. Под предлогом экономии дали полномочия этому комитету, а фактически вдохновлявшему его реакционеру (Обри) произвести чистку в генеральном штабе (3 флореаля). Он производил чистку до Бонапарта. По предложению того же Обри было решено реорганизовать парижскую национальную гвардию. Отныне учреждалась конная гвардия из 2400 человек; она должна была экипироваться на свой собственный счет. Восстанавливались отряды гренадеров и стрелков, как при Лафайетте (закон 28 жерминаля). Но закон вызвал такие сильные протесты в народе, что принятием его в действие не спешили. К тому же опасались, чтобы эта не обратилась против Конвента с тех пор, как не были больше в лояльности богатых. Когда вспыхнуло восстание, закон был приведен в исполнение только в нескольких западных секциях. Пример в секции Елисейских полей.

Термидорианцы беспрестанно укрепляли ядро регулярных войск, конную кавалерию, которую они разместили в окрестностях Парижа для охраны подвоза продовольствия. 24 флореаля они вызвали новые батальоны, которые были размещены в Рамбуле, в Шартре, в Лон-

Ст. 2 декрета: «Комитет общественного спасения один только может издавать постановления, относительно мер, которые должны быть приняты по всем делам, входящим в его действительное ведение. Комитеты, которым поручено исполнение этих мер, сохраняют проект закона по тем же вопросам...» Ст. 3: «Все расходы ассигнуются комитетами общественного спасения и финансируются единственными в секцию, составленную из трех членов Комитета общественного спасения и трех членов Комитета финансов...» Ст. 4: «Комитет общественного спасения разделяется на секции, причем каждая имеет в своем ведении корреспонденцию и надзор за исполнительными комиссиями во всех тех случаях, в компетенцию комитета входит разрешение или принятие постановлений и исполнение...»

Лица, провозгласившие закон о национальной гвардии, подверглись оскорблениям и угрозам в демократических кварталах. В секции Муция Сцеволы они закончили чтение (доклад полиции 29 жерминаля), и Огара в Paris sous la thermidorienne.

жюмо. 25 флореаля они отдали приказ изъять из Северных из армии Самбра и Мааса 4 тыс. пехотинцев, которые должны быть размещены на окраинах столицы. Вывоз военной силы комментировавшийся чернью, ясно показывал беспокойство лей. Мысль о заговорах постоянно преследовала Комитет о опасности. Уже 28 жерминаля Ровер от его имени сообщила полиция открыла

«в куске сыра, принесенном Кронену, одному из главарей восстания, содержащемуся в Плесси, записку, в которой некий Швакардак его, что в тот день, когда он придет ему янца, натоловину половину белых, арестованные (политические) должны лечь спать одеты, потому что освобождение их обеспечено».

Паролем должна была служить карточка со словами: «*Восстает Гора!*» Заговорщики, говорил Ровер, замыслили по от Конвента введения в силу конституции 1793 г., ареста новленных в правах депутатов-жирондистов, смещения правительственных комитетов, изгнания Талльена и Фрерона, ареста Барбабуа-Крансе, Ровера, Лежандра, восстановления в правах депутатов-монтаньяров, пересмотра приговора четырех преступников. Как на руководителей заговора, указывали Камбона, Марибон Монто. Тюрно и Камбон были уже арестованы. Решено было подвергнуть аресту Марибона Монто, не произведя следствия, несмотря на его отрицание.

Неизвестно, имел ли этот тюремный заговор, этот заговор яниц, как его называли в шутку, какие-нибудь реальные основания, кроме фантазии полицейских Ровера, но несомненно, что президент председатель рейнской военной комиссии, действовавшей в городе при революционном правительстве, молодой человек 25 лет Брут Манье, почитатель Робеспьера, уже несколько месяцев находясь в тюрьме в Ренне, воспользовался своим вынужденным досугом издавать рукописную газету «*Le Démocrate français*», или «*L'ouïal du Midi*», в которой он описывал со всеми подробностями план длительного восстания, о котором он мечтал вместе со всеми соросами. Но эта газета выходила с 24 плювиоза до 23 вантоа, т. е. за три недели до восстания 12 жерминаля. Хотя Брут Манье в разгательном письме от 4 прериала, адресованном в Комитет общего разорения, как он называл Комитет общей безопасности, писал, что он был автором плана, которому последовали инсургенты 1 прериала, нет решительно никаких сведений о том, чтобы его рукописная газета могла проникнуть в Париж.¹

Представ перед судьями, которые даровали ему жизнь Брут Манье, впрочем, отрекся от своего заявления. Еще менее достоверно, что Брут Манье имел в то время сношения с депутатом-монтаньяром Пейссаром, которому из-за этого удалось избежать репрессий.

¹ См. об этом интересном человеке труд Жюль Кларети о послежиданьях.

² Пейссар, приговоренный военной комиссией к изгнанию 4 прериала, стал членом Бержера в IV г. Брут Манье, который, как и Пейссар, воспользовался амнистией 3 брюмера IV г., просил у него занятий. Пейссар принял его и дал ему маленькое место. Но Пейссар заявил, что он не знал Брута Манье.

Робеспьером Манье доказывает только, что мысль о восстании была в воздухе гораздо раньше, чем оно вспыхнуло. Уменьшение хлебного пайка, дошедшего 26 флореаля до двух унций, демонетизация ассигнатов с изображением короля, прибытие слухи о том, что парламентское вознаграждение депутатам тайно дано до 84 фр. в день, привели к восстанию часеления, возбужденного которого сильно росло с каждым днем.

Пора уже, — говорили в группах, — всем нам восстать, если мы не хотим быть убитыми и погибнуть от голода. Рабочие должны выступить против кулаков и эгоистов.¹

30 флореаля вечером и 1 прериала утром на улицах открыто раздали анонимный манифест, озаглавленный: *Восстание народа для восстановления хлеба и завоевания своих прав*. В нем выставлено было требование хлеба, высказывался протест против произвольных арестов, призыв к убийствам в тюрьмах; ссылались на статью Декларации прав человека, признающую за народом право на восстание, когда он подвергается угнетению. Требовали отмены революционного правительства, прекращения диктатуры Конвента,

которым каждая партия злоупотребляла поочередно — справедливо замечал манифест, — чтобы разорять, морить голодом и поработить народ»,

кому требовали введения в действие конституции 1793 г., т. е. назначения новых выборов на 25 прериала, смещения настоящего правительства, ареста его членов, освобождения политических заключенных. Манифест предлагал, наконец, войскам перейти на сторону народа, а секциям закрыть заставы и разрешить проход через них только повольственным агентам, снабженным разрешением, выданным ими из 48 делегатов секций. Но это собрание никогда не состоялось. У восстания не было вождей.

Утром 1 прериала забил тревогу, раздался сигнал, ударили в барабаны, сперва в рабочих восточных секциях в Антуанском предместье, а затем в предместьях Марсо, затем движение очень быстро охватило и Центр, Правительств, Города, Обсерватории, Пантеона. Почти во всех секциях женщины, за которыми тотчас же последовали мужчины, силой ворвались в помещения секций, на колокольни. В секции Министров, населенной рабочими, толпа ворвалась в кордегардию, вооружилась оружием и распределила его. Террористы были опять вооружены. В секции Пантеона и во всем 12-м округе толпа захватывала помещения секций. В Сент-Антуанском предместье, которое первое было, женщины заставляли закрывать лавки и увлекали находившихся там людей. Вооруженные люди собирались толпами и направлялись

на то, что он сблизился с ним в тюрьме См. статью Густава Германа в *Revolutions française*, t. I.

Речи, передаваемые в «*Le Messager du soir*» 24 флореаля.

По записям революционного комитета 2-го округа («*Archives nationales*» 2523 (Я пользуюсь записями комитетов 6-го округа. II округа, 1-го округа (F⁷ 2591; F⁷ 2513; F⁷ 2476). Я извлек много интересного из главы, в которой Раймон Гюйо рассказывает о восстании 1 прериала (*L. Thénard R. Guyot, Conventionnel Goujon, Paris 1908*). План, который Гюйо присоединил к своему, очень ясен и облегчает понимание событий.

влялись к Конвенту, предшествуемые пушками, под предводительством гравера Пьера Лима.¹

Для устрашения инсургентов комитеты издали декрет, объявляя вне закона «предводителей сборищ» и признавая водителями сборищ первых 20 человек, шествовавших во главе трибуны были уже заняты женщинами. Они встретили декрет с насмешками и криками: «Хлеба! Хлеба!». Замечательные скадены исчезли как бы по волшебству. Для охраны комитетов очень мало людей. Они заставили Конвент издать прокламацию парижскому населению, в которой они сбрасывали ответственность за беспорядки на якобинцев и призывали на помощь

«честных граждан, друзей законов, свободы и мира, принципиально за сохранение собственности».

Он делегировал также 11 своих членов в западные секции, чтобы подыять настроение защитников порядка. Было, вероятно, около 2 1/2 часов. Толпы инсургентов с надписями на шляпах: «Хлеба! Конституция 1793 г. все увеличивались и заполняли уже дворцы и сад Тюильри, проникали в передние Конвента и поставили себе целью силой взять доступ туда, который слабо охранялся. Андре Мюшон заменивший жирондиста Вернье на председательском месте в Конвенте, заметив у решетки бригадного генерала, некоего Фокса, назначив его главнокомандующим вооруженной силой Парижа и предприняв очистку трибуны, откуда раздавались оглушительные крики. Фокс с несколькими солдатами, вооруженными плетями, исполнил приказ. Удары плетей разогнали женщин. Но ненадолго. Манифестация на поливившие передние, завладела скамейкой и стали ударять ею в дверь залы, в которой заседало Собрание.² Они сломали ее и зашли в амфитеатр. Но через противоположную дверь вошли жандармы в сопровождении нескольких национальных гвардейцев, набранных предводителем Огисом. В зале началась свалка. Инсургенты сначала были побеждены. Они были оттеснены в зал Свободы, находившийся направо от председателя. Во время непродолжительного затишья Конвент декретом поручил эmissару Дельману руководство вооруженной силой Парижа. Но инсургенты пришли толпами не только со стороны зала Свободы, но также и с противоположной стороны, откуда в первый раз явились защитники Конвента. Началась новая свалка, более сильная, чем первая. Раздались выстрелы. Обе двери были выломаны. Представитель Ферио, который сражался во главе защитников, лег поперек левой двери. Толпа шагала через его тело. Они встали, чтобы притти на помощь председателю, Буасси д'Англа, зашли

¹ На своем допросе 8 прериаля Пьер Лим, 23 лет, признал, что и секции Монреиль принудили его взять на себя командование (Документы Великой комиссии, «Arch. nat.» W. 546).

² Чистильщик шерсти Пьер Дорис, 35 лет, из секции Музея был комиссией приговорен к изгнанию 1) за то, «что шел во главе женщин, шествовавших в Национальный Конвент, 2) за то, что в тот же самый день в 3 1/2 и 4 часа пополуночи, завладев в зале Свободы скамейкой длиной 5 футов, он сильно ударял ею во входную дверь залы заседаний и сломал ее, облегчил инсургентам доступ в нее, причем осквернил святилище законов (Документы военной комиссии, «Arch. nat.» W. 546).

на председательском кресле Дюмона. В него попала пуля, когда он упал на трибуну. Толпа овладела его телом, вытащила его из Конвента, прикончила и посадила его голову на пикет. Впоследствии рассказывали, что Ферио был принят за Фрерона. Но это легенда. Оба человека совершенно не были похожи друг на друга. Но Ферио пользовался ненавистью парижского населения, потому что ему вместе с Фрероном и Руйе поручено было продовольствие. В течение часа он отпор инсургентам и сражался с ними. Ферио, который был еще молод, ему было 31 год — был человек экзальтированный. Мерлен упоминал в письме от 25 фримера III года жаловался Мерлену на ужасную суету, окружавшую его, так как он имел коллегийного сумасбродного человека в мире, я говорю о представителе Ферио, главе всей армии. Надо прибавить наконец, что в газете Мерлен («Le Spectateur français» появился 6 жерминаля) появились статьи на Ферио, которого обвиняли в произвольных действиях, «более произвольных, чем королевские». Он сместил в армии генерала-адьютанта, правомерно оправданного военным судом. Совершенно невозможно было смешать Ферио с Фрероном. Оба были одинаково хороши. Наконец как объяснить то обстоятельство, что Фрерон ни разу не обмолвился об этом, по крайней мере в своей газете, и что газеты того времени подражали этому молчанию, если такая свалка произошла?

Если бы у инсургентов были вожди, то теперь, когда они были в Конвенте, они поспешили бы осуществить посредством этой программы, изложенную в их манифесте. А они больше двух часов после убийства Ферио выкрикивали среди ужасного шума разлазунги. Странное дело, председатель Собрания, которым был Вернье, сместивший Буасси д'Англа, не закрыл заседания и д'Англа оставался рядом с ним.¹ Опешившие депутаты монреильеры не знали того дела. Среди криков, ругани барабанного боя инсургента, Этьенн Шабрие, старый член революционного комитета, Арсенала, и Пьер Франсуа Дюваль сапожник той же секции, взошли на трибуну и прочитали, сменяя друг друга, из Декларации прав человека пункт о праве на восстание, настаивая на этом. Дюваль, обернувшись к председательствовавшему Буасси д'Англа, сказал ему, что единственным средством спасти республику было избрание народного трибуна. Другие инсургенты требовали от всех депутатов. Поднялись крики: «Составили сами Конвент! Они требовали домашних обысков для обнаружения продуктов, рождения патриотов, назначения новой коммуны в Париже. Дюваль Ромм, два раза пытавшийся заставить себя выслушать, должен был отказаться от этого. Настало 7 часов вечера. Зажгли лампы. Председатель Вернье, очевидно, очнулся. Он велел депутатам, укрывшимся в верхней части амфитеатра, спуститься и приблизиться к трибуне. Дюваль побуждал находившихся возле него инсургентов помочь ему очистить трибуну и нижние скамейки, чтобы опять начать совеща-

См. главный документ, в котором Вернье рассказывал о своей роли в 1 прериаля напечатано Бонне в «La Révolution française» за июнь — сентябрь 1926 г. См. показания Дювала и Буасси д'Англа в военной комиссии. Дюваль был приговорен к смертной казни, также как и Шабрие.

ние. Инсургенты согласились на это, а депутаты приблизились к председателю.

Приглашенные таким образом Вернье для совещания монтаньяры наконец решились. Ленвело и Тирьон были выбраны секретарями. Ромм потребовал освобождения всех арестованных депутатов: Депутаты голосовали предложение, подняв шляпы по способу голосования, указанному им председателем Вернье. Дю Рой таким же способом голосовал освобождение депутатов, арестованных 12 жерминаля. Ромм велел восстановить одинаковый хлеб для всех. Равенства II г., запрещение кондитерам делать пирожные и о производстве домашних обысков для обнаружения муки. И наконец раз председатель Вернье производил голосование посредством поднятия шляп, заявляя затем, что декрет принят. Неудовольствие было вызвано возобновлением гражданских комитетов каждой секции посредством выборов. Гужон тогда заявил, что недостаточно еще принимать декреты, но что надо еще позаботиться об их исполнении.

«Мы совершенно не знаем, что делают правительственные комитеты. Они не обнаруживают никакого движения. Я требую, чтобы Комитет назначил чрезвычайную комиссию для исполнения декретов, которые только что издал».

Если бы чрезвычайная комиссия, назначения которой требовал Гужон, была тотчас же избрана, восстание, может быть, вооружившись бы. Во всяком случае у него было бы руководство. Но Гужон сам усложнил свое предложение, требуя в то же самое время и созыва всех эmissаров. Некоторые из его коллег монтаньяров, как, например, Дю Рой, возражали. Они не хотели смещать правительственные комитеты, не выслушав их. Форестье требовал, чтобы комитеты были заменены раньше, чем они будут призваны для объяснений. Абуэбт ссылался на формальности. Бюро Собрания не было составлено правильно. Бурботт уклонился в сторону от вопроса, требуя ареста термидорианских журналистов. Другой депутат хотел отмены смертной казни. Дюкенуа после этих отступлений вернулся к вопросу. Он требовал немедленного роспуска Комитета общей безопасности и немедленного назначения четырех членов для образования чрезвычайной комиссии, требуемой Гужоном. Эти четыре члена должны были прежде всего завладеть всеми документами Комитета общей безопасности и его помещением. И он пророчески прибавил:

«Если мы не примем этой меры сегодня, завтра будет сделано то, что было сделано в ночь 12 жерминаля».

Тогда были назначены Дюкенуа, Приэр, де ла Марш, Бурботт и Дюруа для составления чрезвычайной комиссии.

Наступил критический момент. Вернье встал с кресла и был заменен Буасси д'Англа. Было больше 11 часов. Уже многие инсургенты, успокоившись обманчивой безопасностью, покинули площадь и вернулись в свои жилища.¹ Члены правительственных комитетов беспокоились нерешительностью и медлительностью инсургентов. Заседая с самого утра в помещении Комитета общей безопасности, они долгое

¹ Так, назначенный инсургентами секции Арсенала командующий Лам привел свои пушки в секцию в 7½ часов вечера («Arch. nat.» W. 546, дело Лам).

имели для своей защиты только несколько солдат и верную команду де Мулен (Пале Рояль) под командой старого фаяеттиста, который отличался уже 12 жерминаля. Если бы инсургенты захватили членами правительства, это было бы им очень легко. Но они упустили случай, как они упустили его уже 9 термидора. Термидорианцы признавали, что они подстергались величайшей глупости.¹ Но они не потеряли головы. Они поручили Раффе собрать около больше верных батальонов и назначили его главнокомандующим национальной гвардией, чтобы дать ему возможность отдавать приказания вооруженной силе сомнительных и враждебных секций, советуя ему разместить их в самых отдаленных пунктах.² Около 11 с половиной часов вечера батальон секции Ле Пельтье явился на подкрепление батальона секции Бютт де Мулен. Комитеты приехали уже на помощь 300 человек кавалерии. Они поставили охрану на преграду, у тюрьмы, у полицейской комиссии при помощи верного батальона секции Общественного договора. Командир этого батальона получил приказ не допустить захвата сообщения между Комитетом общей безопасности, заседавшим в павильоне Марсана, и президентом Собрания. Непрерывность этого сообщения была обеспечена помощью полицейского шпиона, Игнатия Экка. Приказы рассылались войскам в окрестности Парижа до департаментов Соммы и Эна относительно о том, что они должны спешно сконцентрироваться в окрестности Песков. Два депутата Дефермон и Дульсе де Понтекулан были встречены навстречу кавалерийским эскадронам.³ Из показаний очевидцев, в особенности депутатов Кассаниеса и Дизеса видно, что в конце дня, после убийства Феро комитеты располагали достаточным количеством войск, расположенных уже вдоль Тюильри, чтобы захватить здание и освободить Собрание.

Дюкенуа заявляю совершенно искренне, — говорит Кассаниес, — что если бы я находился во главе 50 гусаров или драгун или 100 человек пехоты, я меньше чем через час рассеял бы эту шайку бандитов и обратил бы их в бегство. Для этого потребовалось бы только желание и приказ правительства».⁴

Дизес заявляет, что для него является загадкой, почему правительство дало развиться движению.⁵

Разрешение этой загадки дает через 12 лет чтение объяснений председателя Вернье по поводу своего поведения:⁶

«Так как тайный пароль заключался в том, чтобы по возможности выиграть, чтобы лагерь беглецов тем, которые находились снаружи, освободить Конвент, основываясь на таком этом точкой зрения. Я опускаю здесь все, что я пустил

См. письма Ровера к Гупилье де Монтегю за 4 и 7 прериаля. Луве признал, что надгробном слове Феро, произнесенном 14 прериаля, что если бы из этой несчастливой явилась только третья часть, чтобы распустить правительственные комитеты, то они скончили бы с ними!

См. текст приказа, данного Раффе в труде Анри Монена, Notes sur la faction de Raffet в «La Révolution française», 1893, t. II.

См. постановления за 1 прериаля у Олара, t. XXIII.

Записки Кассаниеса, напечатанные в «La Révolution française» за сентябрь

Письмо Дизеса, помеченное 23 прериаля III г. в «Revue de France» за 15 1926.

См. «La Révolution française» за июнь — сентябрь 1926 г.

в дело, чтобы задержать их проекты (монтаньяров). Мне довольно... Конвент был освобожден внезапно...»

Вернье не говорит всего. По его собственному признанию, его выпускает. Но он говорит довольно, чтобы дать понятие, поведенье в президиуме было комедией, условленной в согласительными комитетами, с которыми он находился в через шпиона Игнатия Экка. В девять с половиной часов вечера командир батальона секции Ле Пельтье, Лекур-Виллер получил приказ выместить половину своих людей в зале Свободы, т. е. в передней ложной от председателя, через которую масса людей проникла в залу Собрания.¹ С этого момента инсургенты были жжены. Лекур Виллер получил затем «очень точное приказание», рит он, «даже свободой пройти тем людям, которые покинут здание». Ему трудно было сдерживать нетерпение своих людей, которые горели желанием немедленно очистить залу. Это пока не давало окончательный смысл заявлению председателя Вернье. Комитеты оставили инсургентов в течение восьми часов во в залой, если председатели Вернье и Буасси д'Англа не покинут, председателю места, если они руководили совещанием, они объявляли об издании декрета, то это было согласовано с правительственными комитетами. Им важно было основательно сгруппировать последних депутатов монтаньяров в связи с восстанием, чтобы иметь повод к добавочным репрессиям, на этот раз решительным.

Когда комитеты около полуночи узнали, что Конвент сменил и заменил Чрезвычайной комиссией из четырех членов, они наконец действовали. Лежандр в сопровождении Делеклау вошел в зал заседаний Конвента и потребовал, чтобы инсургенты разошлись и покинули это место.² Лежандр и Делеклау удалились, сопровождаемые гиканьем, но через несколько минут они опять появились в главе колонны, шедших ускоренным шагом, с направленными вперед пистолетами. После короткой остановки окруженные инсургенты разошлись через залу Свободы, именно для этого оставленную свободной.

И тотчас же началась расправа, которой требовали Лежандр, Дефермон, Пьерре, Бурдон де л'Уаз, Делаэ, Талльен, Леарди.

В три с половиной часа утра, когда Собрание разошлось, оно декретировало арест Дюроа, Дюкенуа, Бурботта, Приера де ла Марш, Ромма, Субрани, Гужона, Альбитта старшего, Пейссара, Ле Карпантье, Пиле, Бори, Файо, 13 известных монтаньяров, из которых многие не вносили никаких предложений во время предыдущего заседания. В то же утро депутаты, которых постановлено было арестовать, были посажены в кареты и отвезены в замок Торо, близ Марсе.

Однако не все еще было кончено. Это восстание имело гораздо более глубокий характер, чем восстание 12 жерминаля. В восстание 2 часа утра на следующий день, 2 прериаля, в якобинских секциях, которые вооружились, опять ударили в набат. Секции Антуанского предместья

Бирейль, Попенкур, Кенз-Вен) находились под предводительством кожаного Гильома Делорма, капитана канониров секции Попенкур. В большой зале городской думы собралась масса народа, называвшаяся Национальным Конвентом, выбрала Камбона мэром Парижа, а при прокурором Коммуны, но она рассеялась почти тотчас же, как узнала, что Собрание обвятило ее вне закона. После полудня секции явились к Конвенту. Последний принял меры защиты, которые в следующих выражениях описывает нам в письме к своему другу Гупильо:

«Никогда Конвент не подвергался такой большой опасности... Своим спасением мы обязаны только энергии честных граждан, выбранных по одному в каждой секции. Если бы мы не удалили черни, мы погибли бы. И это неизбежно было бы, если бы мы призывали массами секции, где господствуют злодеи, и что честные люди стыдятся смешиваться с ними. К счастью мы привлекли внимание. Мы обратились только к честным людям, к порядочным гражданам, имеющим имущество, которым они дорожат. Мы призывали их в каждой секции, и у нас сразу составила армия в 50 тыс. человек, которая вместе с принятой нами кавалерией спасла нас и общее дело».¹

Это признание, подтвержденное, между прочим, «Journal de Paris», не стоит забывать. Защитниками Конвента были отборные люди. Золотомолодежь, которая накануне блистала своим отсутствием, на этот раз собралась. Когда речь зашла о защите собственности, она забыла недовольство Конвентом, который мешал роялистской пропаганде. Но предместья, поддерживаемые секциями Центра, явились на помощь. Командир кавалерии Конвента, генерал Дюбуа, сознается, что в три с половиной часа полудня он должен был отступить перед войском более чем в 20 тыс. человек, которая оскорбляла его отряд, поставила его сойти с лошади. Он подвергался величайшим опасностям, говорит он.² В пять часов рабочий Париж, чернь, говорит он, и праздный Париж, порядочные люди, составляли два лагеря. Улицы, примыкающие к Тюильри, были полны вооруженными гражданами: улица Сент Оноре, почти во всю свою длину, площадь (Вандомская) и примыкающие улицы Бон-Занфан, Пти Шан и другие упираются в площадь Побед до улицы Монмартра, набережные, Пон Рояль.

Со времени существования этого большого города, говорит «Le Courrier Républicain», не видно было ничего подобного; ни 14 июля, ни 10 августа, ни 31 мая не было такого необычайного расположения военных сил... Около семи часов в предместьях захотели дойти до Национального Конвента, а другие секции, оставшиеся передовые посты, решились воспротивиться этому. Тотчас же началось военное передвижение; кавалерия бросилась на боковые части (les ailes). Упала глубокая тишина. Достаточно было одной искры, чтобы 60 тыс. человек начали убивать друг друга, не зная за что (sic).»

7 1/2, когда канониры предместий собирались уже зарядить свои орудия, канониры секций Конвента вдруг повернули свои орудия и открыли огонь на сторону инсургентов. Это был критический момент, который смутил Лежандра и комитеты. Но термидорианцы были люди

«Le Journal de Paris» за 4 прериаля подтверждает признание Ровера: «20 тыс. человек, выбранных в секциях из среды порядочных граждан, были вооружены, собраны и собраны без барабана в течение ночи».

Письмо генерала Алексиса Дюбуа эмигранту Жилле, помеченное 17 прериаля, г. в «La Révolution française», т. XLVII.

¹ Показание Лекур-Виллера в Чрезвычайной комиссии, «Arch. nat. W. 547».

² См. у Олара, т. XXIII, постановление комитетов, которые по указанию Жанару и Делеклау эту миссию.

находчивые. Они уже в течение целого дня несколько раз сменили гнев инсургентов, делая им некоторые уступки. Они отменили 6 флореаля, разрешавший торговлю деньгами. Эта торговля запрещалась, как при Робеспьере. Простое обманчивое обещание, которое они не думали исполнить и которое они поспешили исполнить после восстания. Другой декрет приказывал произвести общий сбор муки и хлеба. Затем комитеты распустили слух, что подписан мир с Голландией. Народу казалось, что окончание войны повлечет за собой конец всех его несчастий. Когда комитеты узнали о переходе конниров на сторону предместий, они прибегли к хитрости. Они подошли к секциям предместий и стали брататься с ними. Они обещали людям из народа удовлетворить их, они уверяли их в своих намерениях, они предлагали инсургентам послать делегацию в Собрание. Председатель Вернье сказал делегации много хороших и лестных слов. Он по-братски их приветствовал. Инсургенты поддались на удочку. Они без боя вернулись в свои предместья, не получив ничего, кроме бесплодных декретов, лживых обещаний и лицемерного приветствия.

3 прериаля были приняты меры окружения Антуанского предместья. 300 человек кавалерии прибыло в предыдущую ночь. Из этих отрядов командовал Иоахим Мюрат, который долгое время называл себя Иоахимом Маратом. Золотая молодежь приехала в Тюильри, вооружена ночью генералом Кильменом и перебралась в предместье. Она пустилась туда налегке и была встречена насмешками. Отступление ее было отрезано баррикадами, и она принуждена была унижаться и просить прохода. Жители предместий проявили великодушные и пропустили их, пропуская, впрочем, мяскаденов поодиночке, через отверстие, сделанное в баррикаде. Но население предместья было довольно, потому что оно освободило из рук полиции республиканского царя Тинеля, которого обвиняли в убийстве Феро и вели к нему на эшафот.

4 прериаля было последним днем восстания. Комитеты приказали декрет, который приказывал трем секциям предместья немедленно передать в руки правосудия убийцу Феро, сдать также свои пушки и свое оружие. Целая армия под командой генерала Мену сослась при входе в предместье. Предместью угрожали лишиться его существования, если оно не подчинится без всяких разговоров. Угроза оказалась действительной. Предместье сдалось без боя, сняло баррикады, сдало свое оружие и свои пушки.

В тот же день Конвент создал военную комиссию, чтобы устроить в установленном порядке акт узаконенной мести. Эта военная комиссия судила упрощенным порядком, без прений, без доклада и прения. Пять судей, составивших ее, все назначенные Ровером, имели то, чего от них ожидали. Они вынесли много смертных приговоров, часто по ничтожным поводам. Самыми известными были шесть депутатов, Ромм, Дюкенуа, Дю Руа, Бурботт, Гужон и Гужон, приговоренные к смертной казни.

«за устройство заговора против республики, — говорит приговор, — за разложение Национального Конвента, убийству его членов, за посредство в организации восстания и гражданскую войну и воскресение

успехи тирании, предшествовавшей 9 гермидору» «Пусть моя кровь, — скажи Сублини, — выслушав приговор, — будет последний пролитой невинной кровью, она послужит упрочению республики»

Спускался с лестницы трибунала. Бурботт нанес себе ножом удар в грудь со словами:

Вы увидите, как умеет умирают чело ек, имеющий сердце.

Гужон сделал то же самое и упал, не произнеся ни одной жалобы. Вынув оружие из раны Гужона, Ромм, в свою очередь, нанес себе удар. Дюкенуа, у которого было только одно лезвие от ножниц, всадило себе до сердца. Сублини всадило себе нож Бурботта. Дю Руа пытался убить себя. Трое умерли тотчас же. Трех остальных, закованных в кандалы, отнесли на гильотину. Сублини принесли уже мертвым не менее гильотинировали его труп. Это трагическое самоубийство шести депутатов монтаньяров, скомпрометированных в восстании, людей благородных и лояльных, которые прекрасно вели себя в армии, смутило и опечалило всех республиканцев, и сами термидорианцы сожалели о том, что они создали своим действиям ореол мученичества.

Но дело мести не было, однако, прервано. «La Gazette française» 4 прериаля исчисляет число парижских республиканцев, занесенных в списки, в 10 тысяч. Сперва шли те, которые остались от прежних членов комитетов II г.: Роберт Ленде, Вуллан, Жон Сент Андре, Жаго, Эли Лакост, Лавиконтери, Давид, Приэр, Кот д'Ор, Дюбарран и Бернар де Сент. Сам Карно, по доносу индиста Анри Ларивьера, 9 прериаля чуть не попал в огонь.

Не мешать преступлению, — сказал Ларивьер, — это значит совершить его» Карно, который был мужествен, когда защищал Бабефа, Колло и др., на этот раз поддался. Он оправдывался довольно неумело, за что подписал по доверчивости, одним словом, он ссылался на смягчающие обстоятельства. Карно был спасен только знаменитым именем, произнесенным неизвестным депутатом: он организовал после монтаньяров, которые были членами правительственных комитетов, настала очередь тех, которые исполняли всякие поручения, которые также сделаны были доносы. Таким образом постаново было арестовать Массие, Дартигойта, Пине, Ж. Б. Лакоста, Эню Лавалле, Алара, Лежена, Жавога, Потризеля, Сержана, Са, Тириона, Ленъело, Шарбонье, Эскюдье, Салисетти, Рикора, родный Мор, отданный под суд, застрелился, как сделал уже его старый эльзасец Рюль, когда он был отправлен в военную комиссию. Не меньше 60 депутатов Горы были, таким образом, исключены из Собрания.

На этот раз демократическая партия была раздавлена. Почему была побеждена? 1 и 2 прериаля как мы видели, она чуть не была побеждена. После монтаньяров, которые были членами правительственных комитетов, настала очередь тех, которые исполняли всякие поручения, которые также сделаны были доносы. Таким образом постаново было арестовать Массие, Дартигойта, Пине, Ж. Б. Лакоста, Эню Лавалле, Алара, Лежена, Жавога, Потризеля, Сержана, Са, Тириона, Ленъело, Шарбонье, Эскюдье, Салисетти, Рикора, родный Мор, отданный под суд, застрелился, как сделал уже его старый эльзасец Рюль, когда он был отправлен в военную комиссию. Не меньше 60 депутатов Горы были, таким образом, исключены из Собрания.

На этот раз демократическая партия была раздавлена. Почему была побеждена? 1 и 2 прериаля как мы видели, она чуть не была побеждена.

3 прериаля Бурдон де д'Уаз уже издал декрет об обвинении Паша, Бурдона, Добиньи, Эрона, Ксаверия Олусна (зять Паша), Бурсо присоединил к экс-генерала Россиньоля Клеманса, Гассенфранц Журдейль, которые заняли высокие посты в революционном правительстве, увеличили собой список были преданы уголовному суду в Эр и Луар. Их спасла амнистия 3 брюмера. Матье Термидорианцы реакция.

захватила опять власти. Она потерпела неудачу потому, что монтаньяры, которые должны были быть их лидерами, до последней минуты хранили нечто в роде трусливого и беспокойного негритенка. Парижские рабочие оставались в нерешительности, потому что им не у кого было получить указания. Ни 12 жерминаля, ни 13 жерминаля депутаты монтаньяры не сумели прямо и вовремя взять на себя ответственность. Они прикрывались легальностью. Обвинение в том, что они являются конспираторами, парализовало их.

Таким образом, как это часто бывает, демократические вои лучше своих предводителей. Эти ремесленники, голодавшие несколько месяцев, открыто возмущавшиеся и бросавшиеся на встречу полиции и армии порядка, вели себя совершенно иначе, чем депутаты, которые заранее отрицали всякое подозрение о связи с восстанием. Депутаты монганьяры, несмотря на искренность своих демократических чувств, принадлежали, тем не менее, к совершенно другому классу, чем простонародье. Все они были выходцами из буржуазии. Они понимали народ только мысленно. Они не были в простых отношениях с рабочими физического труда, от которых их отделяло отношение, состояние и семейные традиции.

В этом заключалась глубокая причина того, что депутаты монтаньяры не были настоящими вождями, главарями в полном смысле этого слова, главарями, вождями с инициативой, которые не думают об уклонении от ответственности, главарями, которые приказывают и заставляют повиноваться себе. Народ не имел еще представителей из своей собственной среды. Монтаньяры защищали его по доверенности. Должно было пройти около ста лет до тех пор, пока этот народ стал сам вести свои дела, пока он научился читать.

ГЛАВА XI

КИБЕРОН

ермидорианцы могли победить в пририале последние якобин-восстания, только прибегнув снова к помощи собственников и тников порядка и помирившись даже с мяскаденами. Своей поли- колебания они были вынуждены после победы удовлетворить вания своих временных союзников. Будучи весьма враждебно на- против духовенства вообще и в особенности против непокор- старого духовенства, являющегося в сельских местностях главным и роялистской партии, они думали, что вернут себе и республике атии части мирных католиков, если предоставят им новые облегче- в отправлении культа. Возможно также, что они и не могли по- ть иначе, так как их закон от 3 вантоза, которым после 18-ме- го перерыва были снова разрешены богослужения, нарушался по Франции.

тим законом, как читатели помнят, церкви не были возвращены. Он просто разрешал им совершать богослужения в своих зданиях. Но верующие, почти всегда при потворстве новых властей, вступали во владение старыми церковными зданиями. Некоторые коммуны, формально нарушая закон, устанавливали даже определенное жалованье или доходы непокорным священникам, отовсюду возвращавшимся на старые места. Так, коммуна Венеция в департаменте Ду заключила 26 вантаза III г. любопытный договор с возвращавшимся из-за границы капуцином Дессирье, предоставив ему по договору аренды 50 увре¹ принадлежащих коммуне виноградников за 300 ливров, подлежащую внесению в Мартынов день (14 мая). Капуцину не надо было выплачивать эту сумму из своих средств, так она собиралась для него путем установления особого налога на всех жителей коммуны. Этот договор подписан мэром, национальным агентом и муниципальными чиновниками. Это был не единственный случай. И вот, II прернала, когда репрессии против террористов и белый террор были в полном разгаре, старый жирондист и набожный католик Ланжюинэ провел новый закон, которым разрешал безвозмездно возвращались неотчужденные церкви при определенных условиях, что они будут их содержать и ремонтировать и оставлять в распоряжение властей «для установленных законом функций», т. е. для избирательных собраний и для декадных чтений

Prim per
Suzay, Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs, т. VII, стр. 187.

законов Подобно Буасси, который, кстати сказать, был британцем, заставил признать необходимость распространения на всю Францию привилегированного положения, которое уже было предоставлено Западным департаментам соглашениями в Ла Мабиле (13 мая 1795 г.) и в Сен-Флорине (2 мая), подписанными Корманом и Стоффле.

«Допустимо ли с точки зрения равенства, справедливости более снисхождение к департаментам, к коммунам, которые всегда сохраняли свою верность?»

Но в противоположность Буасси д'Англа, относившемуся снисходительно к католицизму и сожалевавшему, что обстоятельства не позволили продолжать притеснения против него, Ланжюне сожалел о том, что церковь, как о злое дело тирании. Общественное отправление культа казалось ему менее опасным, так как за ним легче следить, чем за отпращиванием культа в домашней обстановке. Кроме того, возвращение церквей верующим он поставил в зависимость от подписания священниками акта о подчинении законам республики. Ланжюне предполагал, что таким образом он поможет священникам, присягнувшим конституции, и устранит непримиримых и непокорных. Представленный им декрет был принят почти без прений.¹ Антиклерикалы попытались внести в него поправку, запрещающую отправление культа даже в домашней обстановке священникам, которые не подпишут акта подчинения. Но поправка была отклонена после возражения Ланжюне, что она не нужна и что следует избегать нарушения права граждан на убежище.² Циркуляром Законодательного комитета от 29 перриала (17 июня 1795 г.) властям предписывалось применять декрет в самом либеральном его понимании, а не в более благоприятном для католицизма.

Следите за тем, чтобы это подчинение (законам), требуемое от священников (т. е. от священника, ходатайствующего о разрешении по поводу культа), относилось не к прошлому. Не может поэтому быть никаких расследований или расспросов о поведении или политических взглядах священников. Закон требует от него в этом отношении только одного — подчинения законам республики. Нет надобности указывать на то, что гражданская конституция духовенства перестает действовать как закон, если оно в этом отношении не отошло от требований, которые вносились в него до 1793 г.

Из этого текста ясно, что закон относился также к непокорным. Относился ли он ко всем непокорным? Ошибочно было бы так думать. Законы об изгнании священников не были отменены. Но все непокорные, получившие законное разрешение остаться во Франции, могли участвовать в соревновании со священниками, присягнувшим конституции, на получение церквей. Равноправие культов, уже существовавшее в 1791 и 1792 гг., было восстановлено с той только разницей, что церкви были предоставлены не только в пользование, но и в собственность.

¹ «Были оживленные прения», говорит Олар в своей *Histoire politique de la Révolution*, стр. 540. Но в тех отчетах, которые я прочитал, я этого не нашел.

² О том значении этого законодательного акта равно как о том, чем см. мою книгу *La Révolution et l'Eglise*, особенно последние ее главы.

³ Олар допустил эту ошибку или по всяком случае, не заметил ее. См. *politique de la Révolution* (стр. 540).

иям, но также и для декадных церемоний, которые в теории могли существовать.

Этим декретом Конвент предполагал примирить часть католиков с революцией. Если непокорные священники действительно раскололись, если одни из них согласились подписать акт о подчинении законам, чтобы оспаривать у присягнувших конституции право регулирования церквей, то другие — и возможно, что их было много, — отказались сделать заявление, которое от них требовали, и что такое заявление было бы отречением с их стороны от верности королю. Все свидетельства согласно показывают, что декрет отнюдь не только не нанес удара роялистской пропаганде, но еще усиливал ее и придавал ей новый порыв. Белый историк религиозных преследований в департаменте Ду Соаз вынужден признать, что непокорные священники, весьма многочисленные в этом пограничном департаменте, были вместе с тем агентами королевской власти. Они добились быстрых успехов, особенно в деревнях. Многие приходы отказывались принимать обратно своих прежних священников, присягнувших конституции, потому что они скомпрометировали себя, отказавшись от своих функций.¹ На западе дело обстояло хуже. Несмотря на умиротворение, жизнь республиканских священников не была в безопасности: «Наши головы расцелены», писал Грегуару реннский епископ 5 термидора.² Никто также не сомневается, что декрет II перриала усилил смелость контрреволюционеров юга. Выступления членов общества Иисуса участились.

Реакционной лихорадке, последовавшей за неудачами перриала, Конвент не ограничился существенными уступками католикам. Преследуя из всех сил прежних работников революционного правительства, террористов, из которых не менее 30 тыс. человек были заключены в тюрьмы, он не мог отказаться выслушивать жалобы от жертв терроризма, т. е. от семейств тех, кто был осужден за поразительное, соглашения с неприятелем, заговоры против существующей власти, в период больших опасностей II г. Принцип возврата имущества осужденным был принят Конвентом еще 14 флореаля. Но оставшиеся еще провести закон, предложенный Буасси д'Англа 17 перриала, не комитетов. В виду того что пересмотр судебных дел был признан невозможным, остановились на общем возмещении путем выплаты денежных компенсаций соответственно стоимости имущества, которое было продано. Закон допускал только три исключения. Бурбоны, Дюбарри и робеспьеристы, объявленные 9 термидора вне закона, должны были получить ничего. Действия закона о возмещении распространялись на дантонистов и осужденных с ними негодяев и на тулонцев, бежавших с английским флотом.

По этому вопросу см. показания бывшего епископа Верхней Соны Флавина в его письме от 25 вантоза, адресованном Грегуару (Переписка Флавина опубликована Жоржем Газье в Мемуарах Общества соревнования в Ду 6 г.).

Переписка Ле Коза, опубликованная отцом Русселем т. I стр. 127 и 134. Это цифра, указанная Бентаблем на заседании 2 термидора III г. (1800 г.).

В прениях вопрос о дантонистах не подымался. Но Гийомар, хотя и умевший заявлять протест против возврата имущества семье Кюстина, предавшего, по

Возвращение имущества осужденных открывало путь к возвращению имущества эмигрантов и их возвращению на родину. При помощи периодической печати и брошюр их сторонники начали кампанию в этом направлении, так возросла их смелость. Старый аббаг Финаль, философские труды которого до 1789 г. пользовались огромным успехом, открыл огонь памфлетом, озаглавленным: «О полигических убийствах и грабежах или о смертных казнях без суда и о конфискации» (Des assassinats et des vols politiques ou des proscriptions et des confiscations)¹

«Вы караете, говорит он термидорианцам, убийц и казнокрадов и о в силе их дело — расхищения. Разве вы хотите, чтобы нынешнее поколение погостом говорило, что вы ненавидите только личности этих злодеев и что вы обожаете их несправедливость, что вы их покарали как своих личных врагов, хранив их законы, которые являются врагами рода человеческого, таковы законы того правосудия, которое их охраняет?»

«Courrier republicain» бывшего аббага Понселена поддерживал кампанию Рейналя. Он разделил эмигрантов на две категории: во-первых, тех, которые не подымали оружия против Франции и которые отплыли за границу только для того, чтобы избежать топора убийц, и, во-вторых, всех остальных. Первые, по его мнению, должны бы и быть приравнены во всех отношениях к жирондистским эмигрантам и заслуживали такого же отношения к себе как они — *Gazette universelle* делает обстоятельный разбор брошюры, озаглавленной: «Поздний призыв бурбонов к лояльности французской нации» (*La réclamation des Bourbons à la loyauté de la nation française*), чтобы закончить призывом к возврату имущества королевской семье. Испанский беглец Маршена, который был близким другом Бриссо, теке Талльена, в «Ответе Лежандру по вопросу о беглецах» (*La réponse à Lègendre au sujet des fugitifs*) потребовал возвращения всех эмигрантов, оставивших Францию после 2 сентября 1792 г. Он представил их жертвами и восклицал, что не они должны получить милость из рук своих палачей, но скорее они должны оказать эту милость этим самым палачам.

Если уголовные суды, — прибавлял Маршена, — не осмеливаются поступить жестоко с эмигрантами, то это объясняется тем, что они чувствуют всю несправедливость изданных против них законов. Наименьшим из своих жестоких законов является их невыполнение.

его словам, Майнц, и против возврата имущества тулонцам, «более важно, по его мнению, чем эмигранты». Бвасси и Пьерре возражали ему, что для того сделать исключение, надо было бы пересмотреть дела, что представлялось невозможным. Тем не менее против оставления в силе конфискации имущества или робеспьеристов этот довод не был применен. Робеспьеристов, в судили Маршен из Гювилья разразил Гийотару, что Кюстин и Майнца. Имущество дантониста Базона действительно было возвращено. См. *Martès Antoine de Danton* гл. I.

¹ Лондон и Париж, изд. Буиссона, 94 стр.

² «Courrier republicain» от 16 мессидора III г.

³ Статья *Gazette universelle* была отмечена и одобрена в «Courrier» от 18 мессидора.

«Courrier republicain» напечатал пространные выдержки из брошюры Маршена и расхвалил ее.¹

Термидорианцы не могли не испугаться такой кампании. Возвращение эмигрантов явилось бы прелюдией к возвращению короля и собственной гибели. Они ответили Рейналю пером одного из своих либеральных журналистов, Труве, будущего барона Империи, который в это время редактировал «Moniteur».

«Если бы мы приняли хотя бы один из ваших принципов, отвечал Труве Рейналю, нам надо было бы вернуть бывших принцев и короля Людовика XVIII и брата который стал Монсieur² в ожидании, пока он станет великим человеком. И пришлось бы вернуть им поместья, составлявшие их королевские владения, которые были отняты у них волей нации и которые никогда не возместят зла, которое они причинили своей стране»³.

Такая речь должна была проникнуть в сердце всех извлекавших выгоду из революции приобретателей национальных имуществ, с которыми термидорианцы отождествляли себя все более и более.

Наступил момент, когда надо было обратить взоры на партию журналистов, на ее силы и ее слабость. Термидорианцы боялись роялистской партии и имели на это свои причины.

Самые безумные надежды, — писал журналист Труве 18 прериаля, — высказываются со всех сторон. Вопрос только, кто скорее и более открыто сбросит маску. Читая похвальные писания слушая беседы людей, когда они полагают, что никто не слышит, можно подумать, что наступил уже конец республики. Если Конвент, поддерживаемый и даже подталкиваемый рвением и энергией граждан, одержал крупную победу над террористами, над преемниками Робеспьера, то может казаться, что ему только осталось провозгласить королевскую власть. Нет, народное представительство не может разделять эти преступные намерения, эти позорные замыслы; нет. Комиссия одиннадцати (которой поручено подготовить новую конституцию) не обманет доверия добродетельных граждан, которые питают к деспотическому, вероломному и лживому представительству не меньше отвращения, чем к кровавой анархии неразумной, тем и необузданной толпы.

Любопытная и весьма обличительная статья. Журналист признается, что он боится роялистского порыва, и, чтобы подавить его, он обращается, с одной стороны, к термидорианскому большинству, а с другой — к своей клиентуре из среды приобретателей национальных имуществ. Это значило признаться, что он не мог больше рассчитывать на народные массы.

И как могло быть иначе? Наиболее энергичные республиканцы, которые взяли в свои руки власть и взвалили на себя ответственность в период великих опасностей 1793 и 1794 гг., были тысячами брошены в тюрьмы и убиты. Те, которые пришли им на смену, были дискредитированы не только своим темным прошлым, своим отступничеством, но и отвратительной репутацией дельцов,⁴ но также результатами

¹ В номере от 16 фруктидора III г. Цитаты из брошюры Маршена с похвальными отзывами были также приведены в «Accusateur public» Рише де Серизи IX — XI, стр. 67).

² Титул старшего брата французского короля. Прим. пер. «Moniteur» от 11 фруктидора III г., перепечатанное издание, т. XXV, 577.

³ Вот как Робер Ленде клеймит ажиотажа депутатов большинства в своем отпоре наказу от 2 брюмера IV г. «не следовало, чтобы каждый представитель

своей политики. Они даже не были способны поддержать пер. док. Они каждый день посягали на самые элементарные свободы. Они прибегали к помощи военных судов (в революционных комиссиях), к произвольному заключению в тюрьму, чтобы избавиться от своих противников, и оставались беспомощными перед белым террором, в котором некоторые из них сами принимали тайно участие. Когда нищета не была более ужасной. Могло ли якобинское государство городов, которое робеспьеристы хоть продовольствием снабжали, любить их республику? А что касается массы сельских жителей, которые не приобретали национальных имуществ, которые желали окончания войны, отнимавшей у них детей и обременявшей их гужевыми повинностями для войсковых нужд, то их республика казалась им ненавистной, даже когда она возвращала им их священников, которые тотчас же стали тревожить их благочестивую совесть. Для роялистской пропаганды здесь имелись чудесные, почти неожиданные ресурсы.

Роялистские газеты, по выражению Труве, плодились без конца. «Journal de Perlet» насчитывал 21 тыс. подписчиков. Якобинские газеты прекращались одна за другой. Без поддержки со стороны секретных фондов термидорианские газеты не могли бы существовать. Роялистские журналисты, долгое время преследуемые робостью, становились все смелее. Сначала они стали нападать на один республиканский закон за другим, туманно обозначая их, как террористические. Затем они начали выступать против всей системы правления в целом. Они еще не признавали себя открыто роялистами, так как опасались арестов. Но они осторожно намекали на роялистскую партию всеми способами, которые допускали благоразумие и ловкость. Они подготавли-

становились приобретателем, и чтобы административные и финансовые канцелярии превращались в купеческие и банкирские конторы. Я не подавал такого скандального примера, я не содействовал ничьему обогащению и никого не заставлял содействовать этому... (Цитировано по работе A. Montier, Robert Lindet, стр. 319)

¹ Выходившая с перерывами газета Бабефа прекратилась со дня его ареста 20 пловиоза, «L'Ami des citoyens» Мере (Méhée), несмотря на перемену названия («Le Spectateur français»), прекратилась 16 жерминаля, «Le journal universel» Одэна — 14 прернала, «L'Ami du peuple» Лебуа — 16 жерминаля, «L'orateur du peuple» Фрерона, в свою очередь перестал выходить 25 термидора.

Газеты, которые должны были вести войну с роялистами и мяскаденцами, основаны в начале мессидора, как раз к тому времени, когда правители приступили к борьбе со своими прежними союзниками. «La Sentinelle» Луве появляется 6 мессидора, «Le Journal des Patriotes» де 89 Реала 1 фруктидора, «Le Journal du Bonhomme Richard» Лемэра 1 мессидора и т. д. Говорили, что новые листы ствуют на субсидии из секретных фондов, и это вполне правдоподобно: вот, писала газета Понселена «Le Courrier républicain» от 4 термидора, публикации, которые правительство взяло на свое содержание: «La Sentinelle» Луве. «Le Bonhomme Richard» Галетти — эта газета редактируется Пиччини, членом революционного комитета секции Bonnet rouge, одним из тех, который судился в военном трибуналом за воровство, растрату общественных денег, тиранию, жестокость за все жестокости, которые может придумать человеческая изощренность. Вот каковы люди, которым в должностном порядке поручена организация общественного мнения». Галетти выпускал «Le Journal des lois». В номере своей газеты от 6 фруктидора III г. Понселен извещал о появлении «Ami des lois»: «последняя, как следует быть, глупа и вполне может идти рядом со своими достойными коллегами». Вышедший сегодня первый номер отпечатан в 30 тыс. экземпляров во французском государстве. Кто несет расходы по изданию? первых номеров газеты «Ami des lois», которую редактировал бывший монах, член Конвента, Пулте, в Национальной библиотеке нет.

под самое основание республики, чтобы она рухнула внезапно из шума.

Успех роялистских эмблем и песен, распространявшихся в больших количествах также является признаком перемены общественного мнения. Так, «La Gazette française» от 17 термидора сообщала своим подписчикам о тайной раздаче «очень остроумно выполненной», как выразилась, гравюры, описание которой она приводила. С первого взгляда она представляла погребальную урну, которую кипарис покрывали своими свешивающимися ветвями. С каким бы вниманием вы ни глядели на эту карикатуру, вы ничего другого не увидите; но если кто-нибудь расскажет, в чем секрет, вы совершенно ясно различите четыре фигуры, которые находят похожими до совершенства. Одна фигура изображает Людовика XVI, вторая — Марию-Антуанетту, а две других — детей. Эти четыре фигуры, изображенные силуэтами, образуются линиями урны. Согласно газете, эта «безделушка» была распространена свыше чем в 50 тыс. экземплярах.¹

Песни пользовались не меньшим успехом, чем эти загадочные карикатуры. Куплеты Анжа Питу производили фурор. И, пожалуй, здесь следует отметить, вместе с его биографом, Фердинандом Анжероном, Анж Питу, оставив редакцию газеты Себастьяна Мерсье, «Appel à la patrie», перешел на службу к Людовику XVIII, для которого управлял оружие вандейцам и вел переговоры о займах для них. Но три обстоятельства воспрепятствовали роялистской реставрации, которой в прернала III г. не было ничего невероятного: во-первых, слабость армии и ее вождей по отношению к республике, затем несправедливость между роялистами и, наконец, смерть дофина, сына Людовика XVI.

Несмотря на плохое питание, армия оставалась цитаделью прежнего якобинского духа. Ее офицеры и генералы, выслужившиеся из старых солдат, были всеми обязаны республике. Они ненавидели дворян, места которых они заняли в армии. Они презирали религию. Их старые победы над врагом воспаляли их мистикой, в которой новая гордость смешивалась с убежденностью. Их солдаты, воспитанные в их школе, обожали их, потому что они все жили одной жизнью, вергались одним и тем же опасностям в одном и том же санкюлотном братстве. Хотя во II г. армия жила далеко в стороне от нации, вместе с ней переживала все возбуждения этого года. Но в то время как с закрытием клубов республиканский дух в тылу погас, он остался очень живым и очень восприимчивым на фронте. К тому же солдат, участвующий в сражениях, ненавидел в мяскадене заговора, оставившего ряды армии, чтобы укрыться в тылу. Армия являлась той несокрушимой силой, на которую опиралась республика. По внешности роялистская партия казалась очень сильной. Она овладела весь запад, почти все города, она господствовала на юге и в долине Роны. Лион, по словам самих эмигрантов, был всецело роялистским. Деревни Луары, Верхней Луары, Лозеры, Аверона были фанатизированы. Охлаждение к правительству все увеличивалось даже в

¹ «Gazette française» от 17 термидора, Олар в Paris sous la Reaction thermidorienne, t. II, p. 136.

северо-восточных департаментах. Роялистские и продовольственные беспорядки вспыхивали в Амьене, Руане и в других городах. Но среди роялистов возник глубокий раскол. Те из них, которые эмигрировали и которые группируются в Вероне вокруг бывшего графа Провансальского Monsieur, желают безусловного восстановления прежнего строя. Всякое соглашение с республикой осуждается ими как измена. Д'Антрэг, руководящий из Вероны тайными агентами роялистской партии во Франции, в раздаваемых ими по его поручению памфлетах ставит на одну доску членов Учредительного собрания и монганжаров. Авторы клятвы в Jeu de Paume в его глазах.

«более виновны, чем якобинцы, и не заслуживают снисхождения».

Малле дю Пан приводит следующую его фразу:

«Монлозье находит, что я неумолим, и он прав — я буду Маратом в революции, я отрублю 100 тыс. голов и его голову в первую очередь».¹

Наоборот, роялисты, оставшиеся во Франции, почти все являлись бывшими фельянтинцами и файетистами или раскаявшимися жирондистами. Королевская власть, которой они желают, это конституционная власть, которая не уничтожит сразу дела революции. Их ужасает деспотизм, они остаются либералами. Их идеалом все еще остается конституция 1791 г., номинальный король наподобие английского, именем которого будут править богатые классы. Почти все они сконцентрировали себя в первый период революции. Возвращение торжествующих эмигрантов, восстановление веронского короля явилось бы для них ужасным общественным бедствием. Но они спокойны, так как они надеются, что эта возможность не осуществится. Король, которого они желают, это маленький дофин, который находится в Тампле, несовершеннолетний король с регентом, который фактически будет только президентом республики.

Они пытаются добиться того, чтобы прежние революционеры разделяли их надежды. Роялист Лакретель младший становится доверенным Буасси д'Англа, с которым он совещается, по его словам почти каждый день.² Буасси д'Англа, который был тогда одним из важнейших лиц в правительстве, назначил Лакретеля генеральным секретарем бюро земледелия и торговли.

¹ Согласно Полю Тюро-Данжену в его *Royalistes et Républicains* стр. 10. Калонн, который в своей рассудительной и остроумной брошюре, озаглавленной *Tableau de l'Europe en novembre 1795 et pensées sur ce qu'on a fait et ce qu'on avait du faire et ce qu'on n'a pas fait*, высмеял эмигрантов, требовавших безусловного восстановления старого монархического строя, «что означает восстановление старых злоупотреблений», был резко осужден графом д'Артуа и впал в немилость. Против его брошюры выступили с опровержениями несколько эмигрантов: Утремон в «*Le nouveau siècle et la France encore monarchiste*» (новый век и еще монархическая Франция), Де-Блер в «*La France pendant des siècles ou preuves de la constitution de la monarchie française contre le livre intitulé «Tableau de l'Europe etc. (Франция в веках или в защиту французского монархического строя против книги, озаглавленной «Картина Европы» и пр.)*» Граф д'Артуа писал 20 июля 1796 г. своему доверенному Водрейлю, что Калонн снова подымет себя на мнении благоразумных людей только после того, как публично извинится. См. «*La Correspondance des Vaudreuil avec le comte d'Artois pendant l'émigration*», оцифрованную L. Pingaud, t. II, p. 255 — 260.

² Лакретель младший, *Dix années d'épreuves*, p. 243

«компетенция которого соответствовала компетенции современного министра».

Ла Ревельер-Лепо убежден, что Буасси д'Англа внушал конституционным роялистам надежды или, может быть, давал обещания, и им объясняет медлительность, с которой он ставил на обсуждение конституцию III г.¹ Буасси д'Англа не был единственным человеком, обратившим вопрошающий взор к Тамплю.

«Я знаю, — писал Малле дю Пан, указывая на Камбасереса в своем письме 16 апреля 1793 г., — что его стремления и тайные помыслы имеют роялистский характер».

Обри, который был всемогущ в Военном комитете, Анри Ларивьер-Андрей, Шамбон, эти покровители членов общества Иисуса, также давали повод к таким подозрениям. Конституционные роялисты полагают, что они могут рассчитывать даже на Талльена. Луи Блан утверждает, что через своего тестя Кабаррюса, оставшегося в Мадриде, где управлял сен-шарльским банком, Талльен завел тайные переговоры с Испанией, чтобы склонить ее к миру, устроив для дофина небольшое королевство в Наварре.² Имя Талльена дважды или трижды упоминается в переписке роялистского агента Леметра, но если доказано, что роялисты считали Талльена продажным человеком и думали, что плет его, то нет никаких указаний на то, что он принял их предложение. Как раз наоборот! Он оказался самым решительным противником реставрации.

Одно случайное событие раскрыло перед всем светом глубокие разногласия, царившие между роялистами, и нанесло последний удар их надеждам. Дофин, подтачиваемый золотухой и туберкулезом, как и его старший брат, который умер от этих же болезней, скончался 20 февраля (8 июня 1795 г.). Отныне королем должен был стать король веронский, король Кобленца, Людовик XVIII. Чтобы никто не ошибся насчет его намерений, он поторопился опубликовать 24 июня манифест к своему народу, чтобы оповестить его о своем восшествии на престол. Он объявил ему о своей твердой воле отомстить за смерть своего брата, беспощадно карая царевубийц, восстановить три сословия, к до 1789 г., вернуть католицизму его роль государственной религии, восстановить суды высшей инстанции в их прежних правах и т. п. Людовик XVIII буквально выполнил советы окружавших его эмигрантов.³ Граф Ферран, будущий министр после первой реставрации, потребовал у него только 44 тыс. казней, по одной на каждый муниципалитет, как только он вернулся. Граф Утремон хотел,

«чтобы повесили всех, кто остался от Учредительного собрания. Другие прилагали, что купившие имущества духовенства должны быть расстреляны».

Это вызвало непоправимый разрыв между обоими течениями ро-

¹ Ларевельер, *Mémoires* t. I, pp. 233 — 235.

² Ходили также слухи, что дофин будет провозглашен королем польским. Как говорит, что Себастьян Мерсье, который руководил газетой «*Les Annales patriotiques*», повторил в ней эти слухи (Бошан, Louis, XVII, p. 308).

³ См. разбор этого воззвания и сопровождавших его инструкций у Луи Блана в издании *des Docks de la Librairie*, t. II, pp. 719 — 720. См. статью Триве в «*Moniteur*» от 19 фруктидора III г.

⁴ Эрнест Долье, *Histoire de la l'émigration*, pp. 285 — 287.

ялистской партии и отсрочку реставрации на 20 лет. Смерть дофина привела прежних сторонников конституции 1791 г. в замешательство, так как она сразу разрешила всю ту работу по опутыванию противника, которую они искусно вели после термидора. Они мечтали о национальной династии с молодым дофином, который перейдет из Тампля в Тюильри, не приводя с собою эмигрантов и иностранцев. Они хотели вернуться к исторической жизни, в 1792, а не к 1791. И вдруг эта смерть поставила их лицом к лицу с королем эмигрантов. Как теперь примирить с конституционной монархией Буасси д'Англа Лежандров, Дюльсе де Понтекулянов, Талльенов, даревбийцев, которые испытывали свои силы? Малле дю Пан нам сообщает, что они были приведены в замешательство. И сам Малле дю Пан был в не меньшем замешательстве.² Им не надо было дожидаться королевского манифеста, чтобы знать, на чем остановиться. Уже на следующий день после смерти дофина они излили свою досаду в пущенных ими слухах о том, что дофин не умер естественной смертью, что его отравили, так же, как и лечившего его врача Десэ, который умер за 4 дня до него. Некоторые утверждали, что дофин не умер, что его подменили другим ребенком, и г. п. Таким образом в тот же момент создались легенда, которая ни на чем не была основана, но которую впоследствии политические сумасброды сумели использовать, выдавая себя за скрывшегося из Тампля дофина — легенда, которую промышленники от литературы впоследствии используют в своих так называемых исторических романах.³

Смерть дофина имела своим последствием еще то, что после нее проявились существовавшие и раньше разногласия между эмигрантами, которые группировались вокруг Людовика XVIII и австрийских и английских правительствами, которые их субсидировали. Оба эти правительства отказались признать Людовика XVIII, потому что они отлично понимали, что это признание помешает им найти подходящие условия, чтобы завязать переговоры с Францией. Они хотели смириться для себя путь к миру. Людовик XVIII уже давно, еще с Талльеном не доверял англичанам. Он принимал их субсидии, но неохотно. В своих секретных инструкциях, которые он рассылал своим агентам во Франции, он их обвинял в том, что они хотят расчленить Францию и, пожалуй, не был неправ. Английский посланник в Швейцарии Уикхэм, который после термидора раздавал крупные суммы на поддержку внутренних смут во Франции и который уже пытался по-

¹ В своем отчете от 13 мессидора о морском сражении 5 мессидора существовавшим высадке эмигрантов, Дюльсе вставил такую фразу: «республиканцы, англоманы 1789 г., сторонники конституции 1791 г., вам уготована отнюдь не чуждая участь, вас должно объединить одно знамя, выступайте все, выступайте все, чтобы истребить палачей, у которых нет другого желанья, кроме мести» (Moniteur).

² «Смерть молодого короля Людовика XVII является в настоящее время самым печальным событием. Оно привело в замешательство и отняло терпение монархистов, обеспечило торжество республиканцев и предупредило успех нового чепухи, которую они собираются декретировать под названием конституции» (Малле дю Пан, письмо от 21 июня 1795 г.).

³ О ходивших слухах см. документы, собранные Оларом в II томе его сочинения Paris sous la Réaction thermidorienne и, в особенности статью в La Gazette française от 26 прериаля. Газета высказывает сожаление об этой смерти и предсказывает ее тяжелые последствия.

пытать Пишегрю,¹ быстро сообразил, что восстановление абсолютной монархии было невозможно, так как оно противоречило настроениям огромного большинства населения и даже проживавших во Франции роялистов. Уикхэм известил об этом Питта, и ему нелегко было заставить его согласиться с его мнением. Агенты, которых Людовик XVIII содержал в Париже и которые поддерживали переписку с Антрегом, предостерегали своих приверженцев от происков англичан и иногда противодействовали выступлениям Уикхэма.

Австрийский канцлер Тугут не доверял Людовику XVIII в такой мере, как и Питт. Когда Людовик XVIII попросил у него разрешения стать во главе эмигрантского корпуса, который принц Конде собирался бросить на Франш-Конте в то самое время, когда англичане готовили десант у Киберона, Тугут отказал ему в этом разрешении.² Тугут хорошо разбирался в делах Франции, о чем свидетельствует следующее место в письме, которое он написал 15 августа 1795 г. А. Кобенцлю:

«Вполне верно, что принцы не пользуются во Франции ни любовью, ни уважением, и что несмотря на почти всеобщее недовольство правительством и нарастающим положением дел, недостает еще многого, чтобы Monsieur и граф д'Артуа могли рассчитывать на сколько-нибудь прочную партию».

Внутри роялистской партии был полный раскол и она была ослаблена извне в результате разногласий между принцами и союзниками, которые пользовались ими, но не доверяли им. Такова была обстановка, в которой вандейцы и шуаны снова взяли за оружие, а вскоре после этого последовала экспедиция англичан и эмигрантов на побережье Бретани.

Кажущееся умиротворение Жоне и Мабиле явилось для вандейцев и шуанов лишь ловким маневром, чтобы усыпить республиканцев и дать возможность Пюизе и англичанам закончить подготовку экспедиции. Корматен, Санино, Стоффле, Шаретт и их помощники приносили себе 20 миллионов из секретного фонда, которые республиканцы прямоточно им выдали, чтобы купить их покорность. Ни на одну минуту они не распустили своих войск (впрочем одной из статей договора о перемирии им разрешалось держать их под рукой). Ни на одну минуту они не прекращали своей переписки с англичанами. Они продолжали морить города голодом, убивать отдельных республиканцев и особенно старых священников, присягнувших конституции. В севренях принимались деньги только с изображением Людовика XVI. Слуги пагубны не могли ни вернуться к своим очагам, ни пользоваться своим имуществом, которое оставалось в руках главарей шуанов. Земельские власти не могли быть организованы. Жизнь всех, кто вне

¹ Гренвиль писал Уикхэму 8 июня 1795 г., что Гарденберг, который вел переговоры относительно Базельского мира с Пруссией, рассказывал министру иностранных дел из немецких князей, что Мерлен из Тионвилля и Пишегрю разработали в мае 1795 г. план провозглашения Людовика XVII королем и что он ездил в Париж убеждать прусского короля поддержать этот проект (Кодрилье, La trahison de Pichegru, p. 24).

² Людовик XVIII сделал еще две попытки — 14 июня и 8 июля 1795 г. — и его письмо у Вивено в Quellen zur Geschichte der deutschen Kaisers politik, т. IV, p. 241 и след.

³ Вивено, там же, стр. 329.

городов не носил белой кокарды, находилась в опасности. Эмиссар Жарри писал из Нанта 13 прериаля комитету:

«поведение шуанов становится все хуже и хуже. Нельзя больше делать себе иллюзий относительно целей этой организации. В каждом приходе имеется вооруженный начальник, который вербует жителей, заставляя их выступать под гербовому знаку. Этот приходский начальник подчинен начальнику части, который командует округом. Высший начальник объединяет несколько округов, а все вместе подчиняются главнокомандующему, в ведении которого находится вся территория. Повидимому, Де Сепо является главнокомандующим всей территории западного берега Луары».

Гош непрестанно обращал внимание Комитета общественного спасения на невыполнение условий соглашения. Он описывал, как Корматен управляет всею Бретанью из своего замка в Превале, близ Ренна, распоряжается, раздает паспорта от имени Людовика XVII и поощряет дезертирство в рядах голодных республиканских солдат.

Поведение Корматена мерзко, речи, которые он держит, это речи Себастьяна, он воинственно потерял голову и считает себя диктатором Бретани»¹.

Несколько дней спустя, 4 прериаля, эмиссары в Ванне (Quézno), Гермер и Брю перехватили гонца, которого Корматен направил к графу Зильцу, начальнику шуанов в Морбигане. Перехваченные бумаги не оставляли больше никакого сомнения в двурушничестве шуанов и в их подготовке к возобновлению войны.

«Пошлите мне вашу подпись на бланке, чтобы сделать заем, который я раз решаю. — писал Корматен. — Необходимы четыре подписи: Буагарди, де Шантро и моя. Доверьте нам ваш бланк».

Эмиссары переслали бумаги своим коллегам в Ренне Грегю и Боле, а последние немедленно велели арестовать Корматена, Солиака, Жарри и некоторых других главарей шуанов и расклевить на глазах наиболее существенные выдержки из дела (6 прериаля).

Шуаны Морбигана тотчас взялись за оружие, а за ними вскоре последовали шуаны всей Бретани. В Вандее Шаретт, который только что был произведен регентом, как, впрочем, и Стоффле, в чин генерал-лейтенанта католических и королевских армий, не тотчас же выступил в поход. Он, наоборот, пытался еще отвлекать внимание республиканцев и имел новое совещание с эмиссарами 8 июня в Жонэ. Он выжидал, чтобы экспедиция эмигрантов, отплывшая с эскадрой адмирала Уоррена, показалась у берегов Бретани. Тогда он 7 мессидора нарушил перемирие, внезапно напав на республиканский сторожевой пост, который он перебил. После этого в воззвании к вандейцам он объявлял, что республиканцы отравили дофина, чтобы не надо было выполнять обещание возвести его на трон, которое они ему дали, когда он им покорился.

За два дня до выступления Шаретта английский флот адмирала Уоррена разбил в открытом море у Одьерна французский флот адми-

¹ См. обширный труд Шассена и том V l'Histoire de la Révolution en Bretagne А. Дюшатель. Последний труд, уже весьма старый (1836 г.), еще очень ценен содержащимися в нем документами, которые Луи Блан приводил только в выдержках.

Письмо, приводимое Дюшатель, т. V, стр. 35.

а Вилларе-Жуайеза и открыл проход для флотилии из 50 судов, которая везла шуанам и вандейцам обещанные подкрепления.

К счастью для республиканцев, оба командующие экспедицией, Пуизе и д'Эрвильи, не ладили между собой. Их полномочия не были достаточно определены. Пуизе был сторонником Питта, д'Эрвильи не верял англичанам. В Карнакской бухте было беспрепятственно выгружено 4 500 эмигрантов и солдат. Предупрежденные шуаны прибыли в числе нескольких тысяч человек, чтобы получить порох и оружие. Орэ был взят без затруднений. Экспедицию сопровождал епископ Дольский, назначенный папским наместником на всю Бретань. Но синие были застигнуты врасплох. В этот самый день Гош был в Ванне и вызвал к себе из всех бретонских городов имевшиеся в его распоряжении подкрепления. В Белл-Иль, приведенный в состояние обороны, было уже переброшено 3 тыс. человек. Были высажены флотские матросы. Эмигранты из Англии и шуаны не смогли взять Ванна. Они должны были отступить на полуостров Киберон, овладев фортом Пантьевр, господствовавшим над узким проходом перешейка, соединявшего его с материком. Гош, который не давал им передышки, отдал им Оре 12 мессидора. Когда он увидел, что неприятель отнесен на полуостров, он быстро принял решение. Он построил перед фортом Пантьевр на утесе, господствовавшем над морским берегом, сильное укрепление в 1 500 м, вооруженное пушками и с редутами по бокам, чтобы лишить эмигрантов и шуанов всякой возможности нападения. Эмигранты ожидали прибытия второй группы экспедиции, которая оставила Англию позже их и которой командовал граф де Сомбель. Когда 27 мессидора Сомбель прибыл с 2 тыс. человек, д'Эрвильи и Пуизе отдали на следующий день приказ о наступлении на французскую линию окопов, предприняв в то же время диверсионные атаки на фланги при помощи высаженных ими отрядов. Гош дал продвигаться на достаточное расстояние, а затем открыл свои батареи, которые обстреливали их картечью. Д'Эрвильи был тяжело ранен. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Республиканцы подошли почти к самому форту Пантьевр (28 мессидора).

На следующий день после этого удачного боя в лагерь Гоша прибыли оба эмиссара, Блад и Талльен. Эмигранты перед отплытием из Англии допустили ошибку, включив в свои ряды, в целях увеличения своей армии, три тысячи французских пленников, которые воспользовались этим случаем, чтобы оставить свои плывучие тюрьмы. Но эти республиканские пленные в большинстве дали друг другу слово уйти со своих товарищей по неволе. У Киберона они дезертировали одни за другими. Через них Гош узнал расположение защищенных укреплений форта Пантьевр. В одну бурную ночь, когда небо было покрыто туманом и море бушевало, что заставило английские канонерки удалиться от берега, он послал отряд под руководством двух дезертиров для нападения на форт. Когда отряд бесшумно подошел тайной тропинкой до самого бруствера, бывшие военнопленные, охранявшие эту часть крепостного вала, с распростертыми объятиями приняли республиканцев. Форт был взят почти без боя. Вся армия Гоша двинулась вперед в то же утро (3 гермидора) и внезапно напала на эмигрантов, оттеснив их под обстрелом в глубь полуострова. Часть из

них спаслась вместе с Пюизе на английских судах. Сомбрель, который обозвал Пюизе трусом, был вместе с другими и с шуанами взят в плен. Кроме огромных запасов провианта на армию в 40 тыс. человек, 20 тыс. ружей, 150 тыс. пар обуви, огромного количества муки, сухарей, рома, сыра, в руки победителей попало не менее 8 тыс. воинов (около 1 тыс. эмигрантов, из которых только были дворяне или бывшие офицеры военного флота, 3 600 солдат, 3 тыс. пленных, завербованных в Англии, и т. д.).¹ Пюизе, чем поспешно вернуться в Конвент, чтобы получить лавры победителя, Талльен велел отпустить на свободу 3 тыс. жен и детей пленных. Его товарищ Блад остался на месте и стал организовывать военные комиссии, которые должны были судить эмигрантов со всей строгостью.

Военная комиссия, работавшая в Орэ, писала Бладу 10 термидора, после своего второго заседания:

«почти все взятые в плен эмигранты, опрошенные нами, ссылаются на обещания, данные им при капитуляции. Они указывают, что сдались только потому, что несколько офицеров и солдат республиканской армии уверили их, что их жизнь будет пощажена, если они сложат оружие, что, рассчитывая на это словесное обещание, они сдались, чтобы избежать обоюдного кровопролития. Они так были уверены в этом, что один из них бросился в воду, чтобы сообщить о капитуляции на корвет или фрегат, огонь которого тревожил наши бои, и что тот тотчас же прекратил стрельбу, а этот офицер вернулся на берег. Мы знаем, есть ли такой договор о капитуляции. Если он есть, то мы не знаем, как действовать. Мы поэтому просим вас сообщить нам истинное положение и указать нам линию, которой мы должны держаться в той тяжелой работе, которую мы выполняем. Сомбрель, Лаландель и Пти-Гюйо, правда, уже осуждены, но Сомбрель был начальником, а двое других ничего не говорили о капитуляции».

Блад ответил, что никакой капитуляции не было, и тут же оставил распустить Военную комиссию, которую заменил другой.

В тот же день он объяснил комитету, что он принял эту меру потому, что несвоевременная отсрочка могла нарушить спокойствие этого края, большинство населения которого очень расположено к войне. Он в пользу врагов, задержанных в Орэ. «Эта мера, прибавляет он, еще казалась мне тем более необходимой, что английский флот все время угрожает нашим берегам, что шуаны внутри страны продолжают разбойничать и что пленные, как и их сообщники, несмотря на все принятые до настоящего времени меры предосторожности, моментально узнают все, что может интересовать тех и других, и что самый несчастный случай может вызвать врагов республики на преступление и превратить самые блестящие победы в наше несчастье». Блад не преувеличивал. В Орэ республиканцы стояли лагерем в враждебной стране. Многие пленные убежали при содействии знатных дам города. Отряды шуанов еще продолжали партизанскую войну в окрестностях. Если Блад придавал большое значение выполнению закона со всей строгостью, то потому, что он считал необходимым пример для

бунтовщиков и их сторонников. В сообщении, расклеенном 14 термидора, он отрицал, что существует договор о капитуляции и что эмигрантам были даны какие-либо обещания.¹ Спустя два дня Гош подтвердил сообщение Блада:

«Я был во главе 700 гренадеров, которые взяли в плен Сомбреля и его отряд. Ни один солдат не заявлял, что с эмигрантами будут обращаться как с пленными, и я бы тут же опроверг такие заявления».²

Военные комиссии, которые действовали с 9 термидора III г., до жерминаля IV г. освободили 2 918 французских пленных и 1 200 шуанов и присудили к смертной казни 751 эмигранта, из которых 748 человек были расстреляны.

Шаретт и англичане пытались отомстить за киберонскую катастрофу. Шаретт, в качестве репрессии, велел расстрелять без всякой пощады всех взятых в плен республиканцев в количестве нескольких сот человек. Англичане снарядили вторую экспедицию, которая выгрузила ружья и припасы для Шаретта на вандейском побережье в августе 1795 г. На этот раз граф д'Артуа рискнул своей жизнью. Он сел на один из английских кораблей. Адмирал Уоррен 30 сентября 1795 г. высадел островом Ийе и высадил на нем тысячу эмигрантов и 2 000 английских солдат.

Шаретт надеялся, что этот корпус присоединится к нему вместе с принцем. Но Шаретт ждал напрасно. Англичане и принц в ноябре уехали с острова Ийе в Англию после того, как они убедились, что Гош охраняет все пункты побережья.

Эти две неудачных экспедиции упрочили республику и наметили шительную перемену фронта в политике термидорианцев. Конституционные роялисты, руководящие парижской печатью, осуждали действия эмигрантов у Киберона, так же как и крайний манифест Людовика XVIII. Но казнь пленных, составлявших цвет красных мантий бывшей королевской морской гвардии, их возмутила. Они стали прерать и ненавидеть Талльена, который раньше был их божеством. Они предпочитали верить, что распоряжение о капитуляции существовало и что только Талльен распорядился применить закон. Лакретель младший рассказывает, что он пошел к мадам Талльен, чтобы вылить ей свою скорбь. Если верить ему, мадам Талльен пролила слезы и выразила сожаление, что не присутствовала в Кибероне. Вскоре был пущен слух, что она собирается развестись со своим мужем.⁴

Талльен и его друзья стали предметом ожесточенных нападков даже

¹ Кломадек, стр. 206.

² См. у Кломадека, стр. 81, письмо Гоша.

³ См. у Лакретеля младшего, *Dix années d'épreuves*, стр. 235 и след. Все читатели, умеющие сколько-нибудь соразмерять и сколько-нибудь предвидеть, не изумлены, узнав о десанте эмигрантов у Киберона, но еще больше они изумлены, узнав о катастрофе, недвижимыми зрителями которой англичане оказались на своих судах». Лакретель младший сравнивает киберонскую авантюру с авантюрой герцога Беррийской в Вандее после 1830 г.

⁴ Талльен намекал на это в своей речи от 19 фруктидора III г. «они имеют шпионов также у народных представителей, — сказал он, — говоря о листах, они могут желать разорвать самые священные узы, связывающие два брата, которые всегда были несчастны» («Moniteur»).

¹ Письмо департаментских административных органов Морбигана от 14 термидора у Кломадека в Quiberon, стр. 75. Талльен в своем сообщении, от 9 термидора, приводит другие цифры: 1 500 эмигрантов, 1 500 5 тыс. зачисленных в армию пленных. Кломадек в своих выводах приводит другие цифры.

² Приводится Кломадеком в его прекрасной книге Quiberon, стр. 111.

со стороны тех, кто прежде возносил их до небес.¹ Но термидорцы приняли решение. Новым поворотом руля налево они призвали на помощь тех самых террористов, которых они бросили в тюрьмы и которых они теперь выпустили на свободу, назвав их патриотами 89 г. Но главным образом они все более и более опирались на армию, верность которой республике они испытали у Киберона. С этого времени тоска между ними и золотой молодежью были разрушены. Сам Фрерон резко меняет свои убеждения и готовится к борьбе против белого террора. Страх перед реставрацией и возвращением эмигрантов царил в последние месяцы в Конвенте. Собрание теперь спешит принять конституцию — конституцию, которая должна будет обезопасить его членов и от мести роялистов и от репрессий якобинцев.

ГЛАВА XII.

ВАНДЕМЬЕР.

Нет ничего печальнее, чем конец Конвента. Это Собрание, которое до великим, когда осуществляло защиту нации и защиту республики, свои последние мгновения думает только о частных интересах своих членов, которые стараются упрочить свое положение почти против единодушного желания нации.

Одинаково непопулярный как в правых, так и в левых кругах, он держивается только чудесами равновесия и благодаря армии, которая его защищает, впрочем, без убежденности, но как меньшее из зол. Конституция, которую он принимает перед тем, как разойтись, устанавливает не настоящую республику, но нечто в роде олигархии политиканов, республики приятелей, которая будет называться Директорией.

Эта конституция, долго разрабатывавшаяся комиссией из 11 членов, из которых один был консервативнее другого, за единственным исключением Берлие, и из которых троих, по меньшей мере, подозревали в тяготении к роялизмам¹, эта конституция была представлена Конвенту только 5 мессидора в то самое время, когда эмигранты из Англии начали появляться на побережье Бретани, через две недели после смерти дофина, когда уже невозможно было думать о введении действие монархической конституции 1791 г. Буасси д'Англа, докладчик по конституции, ничего не хотел сохранить из конституции 1793 г.,

«этого объявления для публики (pancarte), которое Робеспьер скорее написал, чем написал»,

как выражался Фрерон после 9 плювиоза. Буасси ставил в упрек этой конституции, что она устанавливала анархию, узаконяла восстания,

«вкладывала скипетр в руки демократических обществ и партий, превращала французов в непрерывно совещающийся народ» и т. п.²

¹ Эти 11 членов были: Тибодо, Ла Ревельер-Лепо, Лезаж из департамента М-и-Луары, Буасси д'Англа, Крезе-Латуш, Луве, Берлие, Дону, Ланжюине, Де из Арденн и Дюран де Майльян. Берлие был единственный с демократическим уклоном. Тибодо писал в своих воспоминаниях (стр. 179), что Лезаж из М-и-Луары, Буасси д'Англа и Ланжюине принадлежат к партии монархистов, «что они все же не были сторонниками Бурбонов, что было от них положе на задку, если не иметь в виду, что несколько раз замыслили в целях достижения мира, предложить корону какому-нибудь принцу из царствующих домов России, Пруссии или даже Австрии. Крезе-Латуш, Боден, Ла Ревельер, Дону, Ланжюине и Луве были старые жирондисты, весьма часто действовавшие заодно. Буасси д'Англа и Дюран де Майльян принадлежали к Долине.

² «Créateur du peuple» от этого числа.

¹ Особенно против Талльена мяскаденам было легко действовать. Уже Колло д'Эрбуа напомнил, что во время празднества Разума в Бордо 28 фримьера II г. Талльен велел нести перед собой 5 знамен, на которых были написаны следующие бессмертные даты: 14 июля, 5 и 6 октября, 10 августа, 2 сентября, 1 мая (Колло своим товарищам). См. заметку о Талльене в Dictionnaire des Convulsionnaires Кичинского.

Без прикрас он выставил следующие положения:

«гражданское равенство — вот все, чего может требовать благоразумный человек... Нами должны управляться лучшие. Лучшие это наиболее сведущие более заинтересованные в соблюдении законов. А за очень малыми исключениями вы таких людей найдете только среди тех, кто владеет собственностью, т. е. принадлежит к тому месту, где она находится, к тем законам, которые ее защищают, к миру, который ее сохраняет, и к коим обязан этой собственностью и доставляемому благополучию образованней, которое сделало их способными разумнее и лучше, но обсуждать достоинства и недостатки законов, определяющих судьбу их государства... Страна, которой управляют собственники, находясь в состоянии гражданского порядка, а страна, в которой правят лица, не имеющие собственности, находится в натуральном состоянии».

Другими словами плутократия должна была занять место демократии.

Все остальное вытекало отсюда. Из конституции 1791 г. комиссия заимствовала различие между гражданами, имеющими активное и пассивное избирательное право, и установила это различие на практике. Конвент к этому прибавил избирательные собрания по департаментам, другими словами двухстепенные выборы заменили прямые выборы монаньярской конституции, и сделал оговорку, что выборщики могут быть избраны только из числа крупных налогоплательщиков¹. Из старого проекта конституции Кондорсе были взяты постановления об упразднении дистриктов, для уничтожения господства торговых местечек над деревнями, и объединение коммун в кантонные муниципалитеты, и к этому прибавили разделение больших городов на округа, чтобы воспрепятствовать возрождению «коммун», которые внушали страх. У Кондорсе было также заимствовано разделение национального представительства на две палаты. Совет старейших в составе 250 человек и Совет пятисот, причем первый не имел права законодательной инициативы, а только право утверждения законов. Вследствие недоверия к голосованию избирателей, даже при наличии цензовых ограничений, была сделана оговорка об обновлении обоих этих собраний ежегодно на одну треть. Совету старейших было предоставлено исключительное право устанавливать место пребывания законодательного корпуса, чтобы в случае надобности вывести его из сферы влияния Парижа. Две палаты были установлены для того, чтобы избежать возврата террористской тирании, которой благоприятствовало существование только одного Собрания, которое поддалось власти Робеспьера. По этой же причине не надо никакого президента республики. Он мог переродиться

¹ В съездах избирателей могли голосовать только французы, платящие прямые налоги. Е выборщики могли быть избраны только собственники, лица, имеющие право (*usufruitiers*) пользования или арендаторы имений, стоимость которых по местным ценам определялась в 200 дней работы, или арендаторы помещений, доход которых был оценен равным 150 дням работы в городах с населением свыше 6 тыс. жителей и т. д. Кроме того, выборщики не получают никакого вознаграждения за то время, когда будут находиться в главном городе департамента для выполнения своих обязанностей. Солдаты для участия в съездах избирателей не должны были удовлетворять условиям ценза.

² В коммунах с населением менее 5 тыс. человек был только один муниципальный агент и один помощник. Собрание муниципальных агентов составляло муниципалитет кантона (ст.ст. 179 и 180).

³ Кондорсе выдвинул этот проект лишь путем внесения тайком дополнения во время печатания его доклада. См. *А. Матвеев*, Конституция 1793 в *Рассуждениях* от 15 июля 1928 г.

диктатора. А Луве прибавил, как указывает Тибодо, что если бы президент выбирался, как в Америке, народом, последний мог бы избрать кого-нибудь из Бурбонов!

В своем проекте конституции Кондорсе предложил, чтобы исполнительный совет назначался народом посредством сложной системы коммандательных списков. Но народ, даже профильтрованный, теперь вызывает подозрения. Исполнительная власть будет вверена 5 директорам, которые будут избираться Советом старейших из списка в 50 человек, представляемого Советом пятисот, другими словами, Директория будет Комитетом общественного спасения с сокращенным числом членов, назначаемым Советами на более длительный период и ежегодно обновляемым на одну пятую. Так же как Комитет общественного спасения сам не осуществлял своих постановлений, а действовал через исполнительные комиссии, Директория должна будет ограничиваться обсуждением вопросов, а выполнять свои решения будет через 6 назначаемых ею министров, которые будут ответственны только перед ней.

«Почему комиссия одиннадцати установила Директорию из 5 членов и 6 министров? Потому что 5 и 6 составляют 11».

говорит Лезэ-Марнезия. Замечание журналиста показалось настолько неудовольственным, что один из членов комиссии Боден из Арденн считал необходимым заявить 2 фруктидора с трибуны протест против этого ложного предположения¹.

Директория унаследовала сферу компетенций Комитета общественного спасения, которая была еще расширена². Во имя разделения власти она была лишена права законодательной инициативы. В ведение комитета общественного спасения никогда не входило управление финансами, которое было вверено специальному комитету. Это разграничение было сохранено. Казначейство, также состоявшее из 5 членов, значимых по тому же списку 50 кандидатов, что и 5 директоров, было независимой властью. Лишая Директорию доступа к казне, ей тели воспрепятствовать переиги к тирании. Рассчитывали, что засящая в своем возникновении от советов и лишенная законодательной инициативы, она будет послушным исполнителем воли правящей олигархии. Но в этом сильно ошиблись.

Из декларации прав был тщательно удален весь ее демократический дух. Даже знаменитая статья декларации 89 г.

«люди рождаются и остаются свободными и равноправными»

стала во втором чтении отменена. Ланжюнна объяснил, что эта статья, представленная Петионом и им самим в декларацию 89 г., как оружие против возвращения дворянства, в настоящее время уже потеряла свое значение. Гамон возразил ему, что она, однако, была бы полезна для

¹ Брошюра Лезэ-Марнезия озаглавлена *Qu'est ce que la Constitution de 1793*.

² Директория, — говорит Буасси д'Англа в своем докладе от 5 мессидора, — имеет такой же объем власти, каким в настоящее время наделен ваш Комитет общественного спасения. Мы полагаем, что она должна иметь такое же право объявления войны, какое было присвоено исполнительной власти конституцией 91 г.

³ Но она получила право официальными отношениями сноситься с Советом пятисот, с указанием подлежащих обсуждению вопросов (ст. 163).

того, чтобы воспрепятствовать восстановлению рабства.¹ Но все это напоминало о равенстве, вызывало неудовольствие.

Комиссия сначала оставила форму декларации 1793 г.:

«целью общества является общее счастье».

Ланжюинэ ее высмеял:

«2 000 лет тому назад насчитывали 288 видов счастья!»

Статья была исключена.²

Жан Дебри хотел было оставить право на труд. Ланжюинэ заявил, что это было бы страшным оружием в руках мятежников. Это знало бы хотеть

«снова зажечь пожар анархии»

Тибо, бывший епископ, уже сказал:

«Завтра еще придут к нам требовать хлеба».

Свобода оказалась опасной. Если она будет неограниченной, — сказал жирондист Байльель. — она может стать

«самым страшным оружием, какое только можно было бы вложить в руки тех, кто захочет подорвать основы общественного порядка».

Дополнительной статьей конституции допускалась отмена свободы печати на срок, который не должен превышать одного года.

Что касается свободы собраний, то она была обставлена такими ограничениями, что в действительности ее больше не было: запрещалось всяким собраниям граждан называться демократическими обществами, запрещалось всем политическим обществам сообщаться друг с другом, запрещалось этим обществам устанавливать условия вступления в них и правила выборов в их органы, присваивать себе право исключения из состава членов, проводить открытые собрания с разделением присутствующих на членов общества и гостей и т. д. Клубы стали пугалом для термидорианцев.

Несмотря на то, что их декларация прав была сведена почти к нулю, они нашли еще нужным прибавить к ней декларацию обязанностей, нечто в роде наставления, предназначенного для того, чтобы окружить их творение уважением, в котором ему отказывали. Там было сказано, что

«никто не может быть назван честным человеком, если он чистосердечно и добросовестно не соблюдает закона, что «каждый гражданин должен почитать отечеству и поддержке свободы, равенства и собственности всякий раз, когда закон призывает его на их защиту» и т. д.

Ни на одну минуту у Собраний не было мысли, что оно должно будет целиком исчезнуть, как только конституция войдет в силу, чтобы, наконец, предоставить слово народу, или, вернее, цензовой буржуазии, которую был ограничен круг лиц, получивших право участвовать в законодательстве. Если оно предусмотрело по конституции ежегодное обновление обеих палат на одну треть, если оно установило число членов этих двух Собраний в 750 человек, то это было сделано с мудрым

расчетом. В Конвенте было 750 членов. В момент вступления в силу конституции из его состава должна была бы выступить только треть из них, и эта треть могла еще надеяться, что она будет переизбрана избирательными куриями в департаментах. Во всяком случае две трети членов Собраний остались бы в новых советах. Одна из глав конституции, названная «об охране членов законодательного корпуса», преграждала депутатам в олигархию, недостижимую для общих судов. Они не должны были подлежать компетенции этих судов по уголовным делам. Даже против застигнутых на месте преступления судебное преследование могло быть возбуждено лишь по постановлению Совета пятисот о предании суду и по распоряжению Совета старейших. Но депутат, против которого было возбуждено обвинение, мог быть судим только специальным судебным присутствием из 5 судей и 2 национальных обвинителей, привлеченных из кассационного трибунала, и из 8 присяжных, назначаемых избирательными куриями департаментов.¹ Депутаты составляли в полном смысле слова новую знать, поставленную конституцией вне рамок общего права. Привилегия подсудности по уголовным делам только исключительному суду восстанавливала для них в известном смысле прежнее право *Commitimus* (право судиться высшим придворным судом), которыми пользовались королевские сотрапезники.

Пока шла обсуждение конституции, которое длилось очень долго, термидорианцы остерегались обнаруживать свои тайные замыслы. Но когда конституция была принята, Боден из Арденн заявил 1 фруктидора от имени комиссии, что производство выборов совершенно новой законодательной власти было бы верным средством через полгода разрушить конституцию.

«Интересы нации и конституции в равной мере поэтому обязывают нас сохранить две трети Конвента в составе законодательного корпуса».

Но как установить, какая треть должна выбыть? Доверить эту задачу самому Конвенту? Это значило бы повторить якобинскую чистку избирательными записками! Поручить произвести это выделение трети избирательным собраниям? Боден не желает применять и этот способ. Каждое избирательное собрание превратилось бы в дисциплинарный суд и доставило бы аристократии столько же побед, сколько и поражений. Он предложил специальную комиссию из состава членов Конвента, на которую должна быть возложена обязанность тайно принимать от уставших и дискредитированных членов Конвента, а в случае надобности и заставлять их подавать добровольные заявления об отставке до тех пор, пока наберется нужное число в 250 человек. Но эта доверительная комиссия из 9 членов натолкнулась на одновременное сопротивление и правых и левых, которые объединились, чтобы добиться ее отклонения. Боден должен был признаться, что предложенная им доверительная комиссия была придумана для того, чтобы с почетом отстранить депутатов, на которых возвели возмутительную клевету, как он выразился, т. е. депутатов монтаньяров, на которых были сделаны доносы в связи с их полномочиями во II г.

Правые и левые объединились на требовании, чтобы выделение

¹ См. заседание 17 мессидора и 26 термидора III г.

² См. заседание 16 мессидора III г.

³ Ст. 355 Свобода торговли могла быть отменена с таким же условием.

¹ См. ст. ст. 110 — 123.

трети производилось выборщиками. Решение в этом смысле было принято 4 фруктидора, после того как способ разрешения вопроса посредством жребия был отвергнут. Избирательные собрания должны были наметить из числа членов Конвента те две трети, которые составят в обязательном порядке часть новых Собраний.

Но в виду опасения, что все избирательные собрания вместе наметят лишь небольшое число членов Конвента, не составляющее двух третей, новым декретом от 13 фруктидора, им было предписано избрать сначала тех членов Конвента, которые должны были составить часть остающихся двух третей, и кроме того составить список с тройным числом кандидатов к ним, также взятых из числа членов Конвента.

«В случае, если общее число кандидатов по спискам всех избирательных собраний будет недостаточно для переизбрания 500 членов Конвента, это число будет пополнено теми, кто будет переизбран самим Законодательным корпусом, чтобы составить его две трети».

Другими словами, в конечном счете Конвент должен был донести до число, которое будет недостаать вследствие воздержания выборщиков, причем сам он превратится в избирательное собрание, и это именно и произошло.

Никто не заметил, что одним из своих последних приемов Конвент подразумевал, что не подлежат избранию все те из его членов, против которых были возбуждены судебные преследования или кто находился под арестом, т. е. почти весь состав Горы.

В самом деле, декретом от 13 фруктидора было предписано составить список членов Конвента, состоящих на активной работе¹. Этот список должен был быть разослан избирательным собраниям, которые могли выбирать членов Конвента, остающихся в числе двух третей только по этому списку. А не менее 60 депутатов монтаньяров не состояло на активной работе, т. е. скрывались или находились в тюрьме. Помимо тех, относительно которых имелись судебные постановления после жерминальских и прериальских восстаний, были еще другие, относительно которых Законодательный комитет вынес постановления в результате частных доносов. Так 21 и 22 термидора, в то самое время когда принималась конституция, относительно 10 депутатов монтаньяров было вынесено постановление об аресте, и они, следовательно, были сняты с активной работы (Лекинью, Лано, Лефио, Дюпен Бо, Пиорри, Массие, Шодрон-Руссо, Лапланш и Фуше).

Термидорианцы намеревались закрыть доступ в новые Собрания как роялистам, так и террористам. Особенно они боялись священников и эмигрантов. Священники были исключены из съездов избирательных статей 12 конституции:

¹ Ст. 2 декрета от 13 фруктидора. После 4 фруктидора Гарнье д'Арль потребовал, чтобы те, относительно которых после 1 жерминаля были вынесены постановления о возбуждении судебного преследования или об аресте, не числились членами, состоящими на активной работе.

² В номере от 19 фруктидора газета «Sentinelle» опубликовала письмо одного из своих читателей, в котором говорилось: «В виду того, что имеются люди, которые часто говорят, что Конвент не будет очищен, если вновь будет назначена только одна треть его членов, быть может, вы найдете возможным отметить, что число монтаньяров, исключенных за последний год из Конвента, доходит до 98 человек».

использование правом гражданина теряется... во-вторых, вступлением во второе иностранное сообщество, допускающее различия, обусловленные рождением или требующее религиозных обетов...»

Из Совета старейшин они были косвенно исключены положением, решавшим доступ в это Собрание только женатым или вдовцам (83). Последующим законом, от 20 фруктидора, было восстановлено действие всех прежних законов против непокорных священников, из них, кто подлежал высылке, был дан двухнедельный срок, чтобы оставить территорию республики, под угрозой, что с ними будут поступать как с эмигрантами. Этим же законом воспрещалось отправлять культ даже частным порядком священникам, не подписавшим заявления о подчинении законам республики, и предписывалось арестовывать их.

На ряду с этим был принят ряд все более и более строгих мер против возвратившихся эмигрантов. Те из них, кто ходатайствовал об исключении из списков эмигрантов, были обязаны, согласно закону от 4 фруктидора, оставить Париж, где их присутствие считалось опасным. В то же время они были лишены прав гражданства до их окончательного исключения из списков. Новым законом от 13 фруктидора были отменены все исключения. 19 фруктидора Фрероном были изъяты из действия закона о беглецах от 31 мая участники тулонского восстания, чтобы успокоить приобретателей национальных имуществ, дополнительная статья к конституции устанавливала, что имущество эмигрантов безвозвратно отошло к республике, и запрещала новым Союзникам вводить новые исключения к законам, установленным против эмигрантов (ст. 373).

Но легче было издавать законы против священников и эмигрантов, чем проводить их в жизнь.

Конвент подготавливал, таким образом, плебисцит о конституции и переизбрании его членов. Начиная со 2 фруктидора, его Комитет общественного спасения стал рассылать эмиссарам при армиях циркуляры с распоряжением провести немедленно принятие конституции списками:

«мы говорим о быстром принятии (подчеркнуто в тексте), так как именно от скорости здесь зависит значительный эффект предложенного Комиссией единства предприятия (то есть назначения двух третей). Особенно важно, чтобы вы как можно скорее прислали протоколы принятия для того, чтобы съезды избирательных обществ могли из них знать к тому времени, когда они будут организовываться, т. е. 10 фруктидора».¹

Намерения здесь ясны. Речь идет о том, чтобы произвести давление на голосование гражданского населения сообщением о результатах голосования армии, на положительный исход которого рассчитывали. И действительно, правители поспешили оповестить о результатах голосования войск, как только эти результаты были получены первоначально по мере поступления дальнейших сведений. Но их ожидания не вполне оправдались: под ружьем было не менее 500 тыс. человек, а за конституцию голосовали только 71 тыс., в западной армии 25 тыс., в северной 20 тыс. Турский гарнизон отверг декреты о двух третях. Во

¹ Циркуляр опубликован в одаровском сборнике актов Комитета общественного спасения под указанным числом.

внутренней армии, расположенной в окрестностях Парижа, было относительно большее количество голосов, поданных против Конституции.

Термидорианцы пытались привлечь к себе умеренных роялистов прежних фельянтийцев, гарантии, которые конституция предоставляла богатству, и угрозами гражданской войны. В то же время они пытались привлечь демократов, пугая их эмигрантами и обещая амнистию тем из террористов, за которыми не будет числиться преступлений против общего права. Их официальная печать, «La Sentinelle», Луве², Le Journal des Patriotes de 89» Мере и Реаля, «Le Journal du Bomhomme Richard», Лемэра, «Moniteur» Труве проводили кампанию в этом смысле. Они старались осуществить объединение центров.

«Патриоты 89 года, монархисты, сторонники конституции, якобинцы, ренные, крайние, демократы, республиканцы, все вы, наконец, кто совершили революцию или дал ей совершиться, — писала газета Реаля от 7 фруктидора — раскройте глаза, для вас осталась только свобода или смерть». 8 фруктидора она призывала к объединению «всех, кто может упрекнуть себя только в ошибке». 13-го она обратилась со специальным призывом к умеренным, «которые присягнули монархической конституции 1791 года», и приглашала их объединиться во круг новой конституции, которая так на нее похожа». Пусть всякие волнения от роялистских до крайних якобинских, будут навсегда позабыты!»³

И Луве в «La Sentinelle» также говорил, что все партии могут объединиться вокруг этой новой конституции, так как решительно все партии, на которые разделилась Франция, могут в ней найти все самое благоразумное из того, чего они требовали (4 фруктидора).⁴

Эти призывы к единению, исходившие от людей, которые прежде всего стремились упрочить за собой власть и которых уже называли «бессменными», должны были быть встречены с понятным недоверием. Однако прежние якобинцы оказались более чувствительными к ним, чем прежние конституционные роялисты, так как правитель подкрепил свои призывы принятыми по отношению к ним мерами удовлетворения и защиты.

Чтобы сделать действительным подавление белого террора, законом 4 мессидора большинство, необходимое в судах присяжных для вынесения обвинительного приговора, было снижено с 10 до 7, и кроме того было отменено право прибегать к кассациям. До этого уголовные суды и суды присяжных регулярно оправдывали членов общества Иисуса Эмиссары, причастные к избиениям, были отозваны. Декретом 28 мессидора предписывалось при смене караула играть *Марсель* и воспрещалось военным музыкантам играть «*Пробуждение народа*». И этот декрет, который вызвал возбуждение мюскаденов, был при-

ной довольно серьезных волнений, которые в Париже продолжались дня. 29 мессидора было произведено 60 арестов.¹

Комитеты предложили в начале термидора выпустить на свободу из 30 тыс. находившихся в заключении террористов, передавая находившихся в департаментах в трибуналы, а находившихся в Париже в специальную комиссию. Бантадол высказался 3 термидора против передачи их дел в трибуналы, которые все состояли, по его словам, из роялистов и эмигрантов...

«У меня здесь есть список присяжных по моему департаменту, в котором значится 8 эмигрантов. Я требую поэтому, чтобы заключенных не судили люди, которые будут и судьями и сторонами».

6 термидора Конвент распорядился организовать специальную миссию из 12 членов, чтобы пересмотреть дела заключенных и выслать их на свободу. Но правые, руководимые Ларивьером и Лангониэ, добились 19 термидора отмены этого мероприятия. Между комитеты вынесли в Париже много постановлений об освобождении террористов, вызвавших ярость секций. Наконец 19 фруктидора Ларивьер провел декрет, по которому только дела политических заключенных, признанных судом присяжных виновными в преступлениях против общего права, должны были передаваться в трибуналы. Им был предоставлен выбор между трибуналами, наиболее близко расположенными в соседних департаментах. Террористы, воспользовавшиеся этими мерами, должны были в известной мере примириться с Конвентом.

У прежних конституционных роялистов, фельянтинцев и файетистов, несомненно, не было серьезных оснований быть недовольными новой конституцией, которую они, впрочем, без труда одобрили. Они были заинтересованы только в эмигрантах своей партии, эмигрантах смертного часа, которые оставили Францию лишь после падения королевской власти. Журналист Маршена являлся их орудием, когда требовал амнистии для всех, кто эмигрировал лишь после 2 сентября 1792 г. В большинстве своем неверующие, они мало тревожились за часть непокорных священников. Их социальный консерватизм получил удовлетворение во всем, в чем он мог его желать. Комитеты разрешили им вернуться во Францию некоторым из их прежних главарей, как Талейран и Монтескью, которые были вычеркнуты из списка эмигрантов.

Мне кажется также несомненным, что прежние фельянтинцы вообще не были бы в оппозиции, если бы конституция была введена в действие немедленно и целиком. Декрет, которым в должности оставались две трети членов Конвента, явился главной причиной их недовольства и возмущения. Они использовали термидорианцев, но вместе с тем

¹ А. Лажюзан, Плебисцит III г в «La Révolution française», t LX, стр. 129.

² Г. Зиви опубликовал выдержки из постановления Комитета общей безопасности, которым в распоряжение газеты Луве «La Sentinelle» предоставлялось помещение в юридическом бюро с четырьмя соответствующими печатными станками и шрифтами и прочими принадлежностями для печатания его газеты («Le 13 septembre démière», стр. 34, примечание). Не следует забывать, что тот же Луве был поставлен во главе общественного мнения, которое Ролан организовал при посредстве внутренних дел после 10 августа 1792 г.

³ Я заимствую эти цифры из упомянутого выше очерка Лажюзана.

⁴ Уже председательствовавший в Конвенте Дону сделал призыв к единению в своем ответе делегациям секций 23 термидора, в годовщину дня 14 июля. Первый камень алтаря милосердия должен быть заложен в этот день» («Moniteur»).

¹ См доклад Делонэ от 1 термидора III г («Moniteur»).

² См Заседания Конвента 17 и 18 фруктидора III г. «Le Courrier républicain» от 7 фруктидора сообщает о возвращении Матье де Монморанси и некоторых других эмигрантов, которые в отношении себя ссылались на декрет о бегстве от 31 мая. «Они были встречены, — пишет газета, — своими друзьями с живейшим интересом, который вызывают несчастья и преследования». Матье де Монморанси часто бывал в салоне мадам де Сталь. Утверждали, что умеренные будущих советов имели в виду провести в Директорию Монтескью и Талейрана.

презирали их. Они не могли забыть их голосования за казнь короля, участия многих из них в кровавых сценах террора. Киберонские казни, как раз восстановили в их памяти эти воспоминания. Они терпели, поскольку они могли надеяться на общие выборы, которые должны были очистить места. Большинство из них талантливые журналисты, бывшие члены административных органов и собраний в период конституционной монархии, стремились выступить снова или впервые на политическом арена. Они хотели в свою очередь сделаться депутатами, они хотели управлять Францией. И вдруг прежние дискредитированные выскочки революции им говорили:

Остановитесь! Здесь нет прохода!

Они были охвачены дикой яростью против бессменных. Они их понимали в своей прессе и памфлетах резкими нападениями.

Они напоминали Талльену сентябрьские избиения, Мари-Жозефу Шенье — смерть его брата (они прозвали его Каином), Фрерону — тулонские и марсельские расстрелы, они называли Луве наемным галетным писаккой, они разбили окна в его книжной лавке, не считаясь с властвовавшей там Лодойской, они осыпали своими оскорблениями почти весь Конвент, они выставляли его сборищем спекулянтов и лиц, преследующих свои выгоды, которые цепляются за власть, чтобы продолжать свои грабежи. Бессменные отвечали, называя своих оскорбителей шуанами, членами общества Иисуса, агентами Питта, заговорщиками, роялистами. Это был кошачий концерт из брани и эпиграмм. Не были пощажены даже женщины. Лежандр обвинял мадам де Сталь в том, что она устраивала в своем салоне заговоры с авторами роялистских памфлетов и поддерживала переписку с эмигрантами.²

Правда ли, — писала газета Ланглау «Le Messager du soir», что нами в настоящее время управляют три женщины и, что Лодойская (любовница Луве) сказала мадам Габаррюс (sic!), чтобы сообща погубить мадам де Сталь».

Разумеется, противники Конвента обвиняли его членов в том, что они хотят возобновить террор, а члены Конвента отвечали, что они, очевидно, желают падения республики и контрреволюции. Это была брань для галерки. О вопросе о режиме не было речи. Сущностью спора

¹ Отметив из брошюр «de Lettre de J. J. Dussault à J. B. Louvet» (написано Дюссо к Луве) от 21 мессидора III г. «La Réponse de Lacietelle jeune à Tallien» (Ответ Лакретеля младшего Талльену), «La Réponse de Marchena à Legendre» (Ответ Маршена Лежандру) и др.

² См. заседание Конвента 1 фруктидора III г. Согласно Тибодо в его Мемуарах стр. 236, после ванدمьера комитеты вынесли решение об изгнании мадам де Сталь за пределы Франции, но ее мужу, шведскому посланнику, барону де Сталь удалось добиться отмены этого решения. Мадам де Сталь, несомненно, принимала в своем салоне многих противников Конвента. Однако, если верить Лакретелю, который был одним из завсегдатаев ее салона, мадам де Сталь не советовала нападать на Конвент. Это было во время торжественного обеда, на котором он присутствовал. «Это спор, — сказала мадам де Сталь своим гостям, — который может быть решен только оружием. Вы хотите закончить революцию, и необходимо будет сражаться на улицах Парижа. Конвент, который обязан своим возникновением 10 августа, прочитается новым 10 августа». Когда Лагарп ей ответил, что все настроено против Конвента, мадам де Сталь бросила ему: «Я спрашиваю Лагарпа, какого камбжа пучки общественного мнения...» («Dix années d'épreuves», стр. 251).

³ Номер от 16 фруктидора III г.

ялись мандаты и законодательные органы, которые обе партии привали одна у другой.

Среди противников Конвента были представлены все оттенки роялизма.¹ Но были и террористы, которые оставались глухи к зазываниям Фреронов, Талльенов и Луве. Никто, или почти никто, не осмелился в своих воззрениях брать под защиту декреты о двух третях. Чтобы привлечь на свою сторону мирных жителей, руководители партии противников Конвента остерегались поднимать вопрос о монархии или о республике. Они дали своим сторонникам лозунг признать конституцию и отклонить только декреты от 4 и 13 фруктидора о двух третях. Они выступили защитниками суверенности народа, которая беспрерывно нарушалась. Они ссылались на революционные принципы, чтобы бороться против Конвента.

В предвидении беспорядков комитеты усилили организацию парижской полиции, поставив ее под руководство комиссии из трех членов декрет от 24 термидора, изданный по предложению Делона² — попытка удалить из Парижа мяскаденов, проводя закон от 10 термидора, которым полностью отменялись все отсрочки, за исключением тех, которые были даны Комитетом общественного спасения,³ отозвали с фронта новые войска — 4 батальона пехоты и два кавалерии, лагеря которых были расположены в ущельи Enfer de Marly.⁴

Приближение войск вызвало протесты секций, ораторы которых упустили случая напомнить в заседаниях Конвента о 14 июля 89 г.

«14 июля народ сломал штыки деспотов, клятвы свободных людей не будут расны. . . — сказал оратор секции Майль. — Разве национальная гвардия чем-нибудь провинилась, что ее окружают войсками».

Лакретель младший, оратор секции Елисейских полей, на этом же заседании 11 фруктидора пошел еще дальше:

«Не надо, чтобы мы увидели появление знамен террора на совещаниях, где род будет осуществлять свою свободу».

Но секционеры III года не имели смелости революционеров 89 г. Конвент не позволил, чтобы с ним обошлись как с Людовиком XVI.

¹ Лакретель младший рассказывает, что за несколько дней до 13 ванدمьера имел беседу с Рише-Серизи, непримиримым редактором «Accusateur public». Рише-Серизи ему сказал, что результатом победы должно явиться восстановление Бурбонов. «Если нация этого желает, то она призывает их обратно только условно», ответил Лакретель. «Я вас понимаю, — сказал Рише. — вы закоренелый фельянец. . . — «Ведь вы объединялись», — продолжал Рише, — только на четыре или пять дней». «Во всяком случае, мы, по всей видимости, не будем объединены политически на более продолжительное время», закончил Лакретель («Dix années d'épreuves», стр. 255 — 256).

² Отсюда возникло Центральное бюро, которое будет управлять парижской полицией при Директории.

³ Этим же законом объявлялась амнистия дезертирам, которые вернутся в свои части в 10-дневный срок.

⁴ Полицейский отряд, организация которого усугублялась декретом от 10 мессидора, вряд ли был организован на время. Повидимому, войска Марлийского края должны были войти в этот отряд, который должен был состоять из двух горнигов пехоты и одного толка драгун, всего из 4800 пехотинцев и 1916 кавалеристов. См. Зивы Le 31 vendémiaire an IV, примеч. на стр. 20. Мы часто делаем заимствования из этой прекрасной монографии.

В обращении к французам от 14 фруктидора он защищал декреты о двух третях. Суверенитет народа не был нарушен, так как декреты были подвергнуты обсуждению граждан, как и сама конституция. Если Законодательный корпус будет целиком состоять из новых людей,

«установится другая система революции, будут яростно преследовать всех, кто поддерживает республику, всех патриотов 1789 г., всех тех, кто занимал общественные должности со времен революции... всех приобретателей национальных имуществ; в особенности храбрые защитники отечества вызовут всю ярость этих новых революционеров».¹

Это значило косвенно признать, что если бы выборы были свободными, Конвент остался бы в меньшинстве. Чтобы избежать угрозы в том, что оно составлено из спекулянтов, разбогатевших на общественной нужде, Собрание постановило 14 вандемьера IV г., по предложению Гарро, что все члены его обязываются сообщить о размерах своего состояния до и после революции. Та часть имущества, о которой не будет дано сведений, должна была быть конфискована в пользу республики.

Но напрасно пытались бессменные снова овладеть событиями. Съезды избирателей всех парижских секций, за исключением одной — Кенз-Вен (Quinze-Vingts) высказались против декретов о двух третях. Очень многие из них отказали вооруженным террористам в праве голоса, в нарушение точного постановления Конвента². На их трибунах — так как они объявили себя непрерывными — раздавались пламенные речи. Все прежние главарь золотой молодежи, все журналисты и писатели, охваченные честолюбием, рисковали появляться в этих легальных и неприкосновенных клубах: Лакретель младший из Елисейских полей, адвокат Шово-Лагард, бывший защитник королевы, журналист Бертен из Unité, Дюссо из Тюильри, Лагарп, Болье, Лезе-Марнезия из Butte des Moulins, Ладевэз из секции Ле-Пелтье, Мишо, Николь, Фьеве и Рише-Серизи из Французского театра, Лебрен из секции Брута, Брусс де Фошере из Арсенала, Шерон из Руль³ и др. Но секция Ле-Пелтье, секция банкиров, которая защищала короля еще 10 августа, тотчас же встала во главе движения. Она приняла акт о гарантиях, которым все граждане брались

«под защиту соответствующих съездов избирателей и 47 остальных собраний этого города»,

и этот акт гарантий был немедленно принят остальными секциями. Больше того, она попыталась организовать Центральный комитет, который должен был объединять делегатов (или уполномоченных) остальных секций. Конвенту пришлось аннулировать это постановление и запретить съездам избирателей принятым в тот же вечер (21 фруктидора) декретом сообщаться между собой через уполномоченных

¹ Редактором этого обращения был Ла Ревельер-Лепо, будущий член Директории, бывший жирондист.

² Декрет от 15 фруктидора, изданный по докладу Роже Дюко.

³ Съезды избирателей сами устанавливали свой распорядок, они заседали сколько им хотелось, чтобы назначить выборщиков, которые должны были избирать депутатов в главный город департамента. Кандидатуры этих выборщиков публично обсуждались в самых собраниях.

⁴ См. «Le Courrier républicain» от 30 фруктидора IV г.

низовывать центральные комитеты, но секции не обратили внимания его запрещение.¹ Они стали посылать одну депутацию за другой к солдатам Марлийского лагеря, чтобы привлечь их на свою сторону. Повидимому, их руководители пустили по всей Франции одинаковое лозунг: голосовать за конституцию, отклонить декреты и не расхо-рся до тех пор, пока не будет назначен новый законодательный корпус.² Во всяком случае, в многочисленных городах Парижского уга секции объявили себя по примеру Парижа — постоянными — уре, Блуа, Ниме, Шалоне, Труа, Мелене и др.

Результаты плебисцита блестяще доказали непопулярность бес-ных. В 1793 г. монтаньярская конституция была одобрена 91 908 голосами против 17 610. В III г. в голосовании участвовало 1 107 378 человек, из которых 1 057 390 приняли конституцию, 2 978 отклонили ее. Что касается декретов о двух третях, то они и приняты лишь 205 498 голосами и отклонены 108 784 голосами. ди не принимавших участия в голосовании было много республи-цев, как, например, в Воклюзе, где белый террор удалил их из ада избирателей.

Но среди оппозиционеров были республиканцы-демократы и листы всех оттенков. Наиболее многочисленные были, повиди-му, сторонники непокорных священников.⁴ Во многих районах, как, ример, в Париже, дворяне, прежние подозрительные во время тер-а, люди богатые и осмотрительные, были избраны в выборщики, атем в депутаты. Декреты были отклонены 19 департаментами. ение народа не вызвало сомнений. Несмотря на официальное

¹ Это следует из протоколов Съезда избирателей Fontaine de Grenelle («Archives nationales» F⁷ 2509). 22 фруктидора секретарь съезда избирателей этой сек-читает вчерашний декрет, требует его соблюдения и вследствие этого отмены новления Собрания, которое накануне делегировало уполномоченного в Цен-льный комитет. После очень оживленной дискуссии Собрание постановило, нить в силе свое предыдущее решение, мотивируя его тем, что постановление, ятое 21 числа, не может потерять свою силу вследствие опубликования 22 а декрета, принятого после этого постановления. 23 фруктидора собрание aine de Grenelle объявило себя постоянным — «до создания нового законо-ального корпуса и организации правительства».

Единство, Север, Верность, Хлебный рынок, Бонди, Инвалиды, Арсис в тот день поступили таким же образом, а за ними Монмартрское предместье, Фран-ский театр, Ботанический сад, Bonne Nouvelle, Арсенал, Тюильри (24 фрук-ра). Секция Вандомской площади объявила декрет от 5-го дополнительного III г., которым родители эмигрантов были лишены политических прав (про-а секции Fontaine de Grenelle от 2 вандемьера), покушением на права человека. дия Fontaine de Grenelle заявила также протест против лишения прав, коснува-ся целой категории граждан, и против произвольного ограничения для вы-щиков круга лиц, которых они могут выбирать. Депутат Леконт из Нижней ы заявил 5 вандемьера Конвенту: «У меня имеются вещественные доказа-ства существования организованного в Париже Центрального комитета (Moniteur)».

² См. по этому вопросу печатный проект, посланный комиссии в Бове и про-анный на заседании Конвента 19 фруктидора.

³ См. Лажюзан, Le plébiscite de l'an III, «La Révolution française», т. LX.

⁴ Согласно Лажюзану, 80 съездов избирателей заявили протест против зако-ограничивавших свободу вероисповеданий, или даже потребовали восстано-ния католицизма, как единственной господствующей религии. В Ду многими адами избирателей руководили непокорные священники (см. Созэ, Histoire, a persécution révolutionnaire dans le département du Doubs. т. VII, стр. 653—667).

давление, оказанное их ставленниками, бессменные, бывшие всюду за яевами положения, ¹ смогли собрать в пользу декретов о двух третях только 200 тыс. голосов из 5 с лишком миллионов граждан, пользующихся гражданскими правами. Это было жалкое положение.

Когда результаты плебисцита за конституцию и декреты о перенесении были объявлены 1 вандембера IV г., парижские секции отказались признать их правильными.

Секция Хлебного рынка потребовала в заседании Собрания 1 вандембера проверки протоколов уполномоченными, назначенными съездами избирателей. Она сделала то, что большое число съездов избирателей обошло молчанием декреты о двух третях.

«Если молчание является формальным отклонением декретов, как полагают многие, то это мнение противоречит мнению вашего комитета, который считает его в вашу пользу... В Парижской коммуне насчитывается 75 тыс. человек имеющих право голоса, и они почти единогласно отклонили декреты. Как же можно после этого утверждать, что вся республика дала только 95 тыс. противников декретов? Это требует разъяснения».²

Многие секции (Ле Пелтье, Люксембург, Арсис, Прав человека Майл, Монблан, Друзей отечества, Сите, Арсенал, Réunion, Пон деиф, Французский театр, Фонтен де Гренель) отказались признать плебисцит и разрешить огласить его результаты.

Уже начали переходить к действиям. 2 вандембера вечером на гренадеров законодательного корпуса было сделано неожиданное нападение у Пале-Рояля. Были произведены выстрелы, и один гренадер был ранен. Провинция опередила столицу. Первичное избирательное собрание в Шатто-Неф в департаменте Эр-и-Луар еще 27 фруктидора захватило общественные кассы. Шартр восстал и заставил эми-сара Теллье установить таксы на пищевые продукты. С отчаяния Теллье покончил самоубийством (в 4-й дополнительный день). В департаменте Сент-Ипполит 23 фруктидора в то самое время, когда происходили съезды избирателей, вспыхнуло восстание с целью освобождения репрессированных священников.

Обеспокоенный Конвент заседал в ночь с 3 на 4 вандембера до 3 1/2 часов утра. По докладу Лезажа из Эр-и-Луар он в результате этого продолжительного заседания вынес постановление, что если будет сделано покушение на его свободу, новый законодательный корпус и Директория соберутся в Шалоне-на Марне. По предложению Мерлена из Дуэ он принял на следующий день декрет, который секциям и избирательным собраниям Парижа воспрещалось усугублять выступления национальной гвардии или вооруженной силы. Тот же Мерлен предупредил Собрание, что в некоторых секциях готовились к выступлению национальную гвардию, чтобы арестовать республи-

¹ В Ду члены департаментской администрации перед голосованием конституции совершили с целью пропаганды турне по всем округам.

² «Moniteur». 18 секций послали уполномоченных в декретную комиссию Собрания, чтобы проверить подсчет голосов по столице. Уполномоченные указывали, что в объявленные результаты были включены только голоса 15 секций, указавших число участвовавших в голосовании. Остальные 33 секции, которые единогласно отклонили декреты, не были включены в подсчет, так как в протоколах они не указали подробностей голосования.

³ Соез, т. VII, гл. LXX.

ицев. Он провел декрет, по которому смотрители арестных домов не должны были принимать граждан, незаконно арестованных таким образом. Наконец последним декретом, внесенным Мариеттом, объявлялись виновными в покушении на безопасность государства

«все председатели или секретари съездов избирателей, которые будут стоять на голосование или подписывать постановления, не относящиеся к цели их мандата».

В то же время комитеты посылают генералу Ландремону, командовавшему лагерем в Сент-Омар, распоряжение прислать им для подкрепления 3 тыс. человек.

Инициатива вооруженного выступления принадлежала противникам извне. 9 вандембера стало известно, что серьезное восстание вспыхнуло в Дре и Нонанкуре. Произошло сражение между войсками миссара Флери и противниками декретов. Последние потеряли 10 человек убитыми и 30 ранеными. У республиканцев был убит один солдат.¹ Секция Ле Пелтье тотчас же послала уполномоченных к другим секциям, чтобы предложить им протестовать против этой бойни, которая, по ее словам, являлась прелюдией возобновления террора.

«Неужели мы допустим возрождение тех дней ужаса и резни, которые мы пережили? Неужели снова будут воздвигнуты эшафоты и снова загорится пожар едана? Неужели мы еще раз будем зрителями того, как тонут старики и дети? Неужели мы опять услышим о расстрелах Коло?...»²

Без замедления секция Ле Пелтье разослала всем выборщикам Парижа приглашение на экстренное собрание, назначенное на следующий день 11 вандембера в зале Французского театра, нынешнего Олона. Это было незаконное собрание, так как Конвент назначил на 10 вандембера день собрания избирательных курий, которые должны были избрать депутатов в законодательный корпус.

Но энтузиазм уже значительно остыл. Многие буржуа стали колебаться, боясь нарушить законность и подвергнуться репрессиям со стороны Конвента. Только десятка полтора секций были представлены отней выборщиков на собрании в Одеоне, происходившем под охраной нескольких национальных гвардейцев и под председательством старого герцога Нивернэзского, который взял на себя эту обузу с репетом.

Вы меня ведете на смерть,³ говорил он тем, кто его привел.⁴ Фьеве, Лакретель, Лебуа выступили речами. Вечером представители Конвента хотели огласить на пло-

¹ См. заседание Конвента 9 вандембера IV г. Согласно докладу депутата Флери, который был эмисаром в Дре, восставшие в Нонанкуре собрались под бело-синим знаменем с вышитыми цветами лилий. Флери развернул эту эмблему перед Конвентом 16 вандембера IV г. («Moniteur»).

Волнения распространились по всей Франции. Эмисар Кассаньер, посланный в Савойю в фруктидоре, должен был снарядить против непокорных священников и дезертировавших новобранцев, образовавших две банды, настоящие экспедиции. Когда он прибыл 11 вандембера в Аннеси, у него под окнами стали распевать бунтовщические песни. В летучих листках провозглашали: «Смерть членам Конвента и да здравствует восстановление монархии». Он вызвал два батальона и велел направить на город две пушки (см. мемуары Кассаньера, опубликованные П. Видалем в «La Révolution française», 1890 г., т. II, стр. 240—250).

² Приведено у Г. Зизи 13 vendémiaire, стр. 44, по книге записей секции Арсенал.

³ По Тибодо, Mémoires, стр. 208.

Матье, Термидорианская реакция.

щади Одеона изданный им декрет, предписывавший выборщикам разойтись. Чтение декрета было заглушено возгласами *Долой депутатов! Долой две трети!* Но это было все. Когда воинский отряд явился ночью, чтобы очистить зал, он был пуст.

В тот же вечер Конвент учредил Чрезвычайную комиссию из 5 членов¹ и объявил свои заседания непрерывными. В то же время комитеты обратились с призывом к революционерам Сент-Антуанского предместья и республиканским офицерам, смещенным Обри и нашедшимся в то время в большом числе в Париже. Комитеты вооружили их, разделили на 3 батальона под командой старого генерала Беррье и окрестили их на этот случай патриотами 89 г. Их было около 1500 человек, и они немедленно заняли позиции вокруг Тюильри. На следующий день Конвент, чтобы увеличить число защитников, отменил закон 21 жерминаля, которым предписывалось разоружить террористов. Таким образом они могли снова вооружиться.

Новое вооружение террористов снова подняло затихавшее возбуждение. Секция Ле Пелтье распространила сообщение об этом по всему городу с барабанным боем, призывая секции вооружиться против кровопийц. В богатых секциях лавки закрылись. Гнев и страх доставили зачинщикам то содействие, в котором им было отказано накануне. Был объявлен сбор, стали вооружаться, вернули в тюрьму генералов террористов, которых удалось найти, была обещана взаимная поддержка.

Комиссия пяти хотела разогнать секцию Ле Пелтье, которую она справедливо считала очагом восстания. Она отдала приказание командующему войсками генералу Мёну окружить ее тремя колоннами. Но Мёну, который подавил прерияльское восстание, в душе был с секционерами. Он заявил комитетам в 2 часа пополудни протест против вооружения батальона террористов:

«Я узнал, — сказал он, — что вооружают всех бандитов. Я вам заявляю официально, что не желаю иметь ни под своей командой, ни в рядах моей армии ни выступать в поход со сборищем злодеев и убийц, организованных в батальон патриотов 1789 г.»²

Комиссия пяти, вместо того чтобы немедленно снять его с командования, пошла ему навстречу, передав патриотов под исключительное управление генерала Беррье. Мёну еще заявил, что не желает, чтобы патриоты 89 г. сопровождали его в его экспедиции против секции Ле Пелтье. Ему снова пошли навстречу. Патриоты были оставлены в казармах Тюильри. Мёну сообщил об этом командующему национальной гвардией Раффе, который всей душой был с реакционерами.

¹ В Комиссию пяти вошли Мерлен из Дуэ Летуэрн, Дону, Баррас и Келомбель.

² Согласно докладу Мерлена из Дуэ от 14 вандемьера секции Ле Пелтье La Butte des Moulins. Общественного договора, Французского театра, Люксембург, Брута, Тампль и некоторые другие, которых он не называет, открыто восстали вечером 11 вандемьера и огласили свои постановления «с весьма смелой торжественностью».

³ По докладу Барраса на заседании 30 вандемьера IV г.

письмо было прочитано на собрании секции La Butte des Moulins, которая внесла его в свои записи. Один из помощников Мёну, генерал Лесперьер, вместо того чтобы выступить против секций, лег спать. Все эти обстоятельства задержали наступление колонн Конвента. Распоряжение выступить в поход было, наконец, выполнено только к половине часам вечера. Секция Ле Пелтье, которая проводила свои заседания в бывшем монастыре дев св. Фомы (на месте нынешней Биржи), взялась за оружие. Мёну, отделившись от своих колонн, отправился на переговоры с председателем секции молодым Лелло. Обе стороны договорились, что вооруженные секционеры удалятся и разойдутся, а войска вернутся на свои места. Тотчас же, не ожидая, пока секционеры уйдут, Мёну отдал распоряжение отступить.

Когда непрерывно заседавший Конвент узнал об этом жалком отступлении, поднялись крики негодования. Арестованный Мёну был смещен, и на его место был назначен для руководства защитой Баррас. С лихорадочной поспешностью, ночью, Баррас пригласил к себе на помощь в качестве начальника главного штаба молодого генерала Бонапарта, который был смещен реакционером Обри и уже несколько месяцев обивал у него пороги. Положение было критическое. Ободренные отступлением Мёну, секции стали массами стекаться для оказания помощи секции Ле Пелтье. Можно было опасаться, что Тюильри окажется окруженным. Необходимо было доставить туда продовольствие, боевые припасы и особенно пушки. Пушки остались в аблонском лагере. Бонапарт отдал распоряжение начальнику эскадрона 21-го стрелкового полка Мюрату доставить их в кратчайший срок. В шесть часов утра пушки были в Тюильри. Тюильри и вся группа окружающих его зданий с пересекающими его узкими улицами Старого Лувра до садов были превращены в укрепленный окопами город. У выходов из всех переулков со стороны улицы Сент-Оноре, равно как у выходов с мостов на Сене (Новый мост, Королевский мост) устанавливаются посты и пушки. Генерал Карто, также жертва Обри, командует линией реки. Генерал Брюн, старый друг Талльена, командует выходом из Пале-Рояля. Выходы непосредственно из Конвента к церкви св. Роха охраняются патриотами 89 г. генерала Беррье. Наконец значительный резерв на площади Согласия наблюдает за подступами к Тюильрийскому саду, а 21-й стрелковый полк стоит для прикрытия отступления на Сен-Клу в случае несчастья. Все приготовления закончены к 10 часам утра.

Секционеры, которые вооружались всю ночь, назначили, с своей стороны Центральную комиссию, председателем которой является наиболее роялистски настроенный Рише де Серизи. Они назначили главным командующим генерала Даникана, бывшего эбертиста, перешедшего к роялистам и резко заявившего в качестве протеста против секретов о двух третьих отказ от должности командующего, которую занимал в Руане. Даникан собирает левобережные кадры и занимает Новый мост. Эмигрант Лафон командует правобережными силами, собравшимися в секции Ле Пелтье. Секционеров набралось — 25 тыс. — в 4 раза больше, чем защитников Конвента, но у них 7 пушек. После прерияльного восстания секция Ле Пелтье подала

пример и отдала свои пушки Конвенту, и все остальные секции последовали за нею.

Даникан дал своим войскам лозунг брататься с солдатами, охраняющими Тюильри. Баррас, с другой стороны, приказал своим солдатам не стрелять первыми. К трем с половиной часам пополудни секционеры заполняют набережную левого берега и улицу Сент-Оноре по всей ее ширине. Конвент окружен. Начинается братание. Секционеры с оружием в руках приближаются к постам сторонников Конвента. Наступает критический момент. Баррас, опасавшийся, что его солдаты дадут обойти себя, приказывает предложить секционерам удалиться. Это требование встречено улюлюканьем, угрозами и вскоре после этого выстрелами.¹ Кто стал стрелять первым? Лакретель младший говорит, что эmissар Дюбуа-Крансе, стоявший на посту у ресторана Венюа, выстрелил из окна в секционеров, собравшихся у церкви св. Роха.² Как бы то ни было, ружейные выстрелы прекратили столь опасное для Конвента братанье. К ружьям присоединились пушки. Секционеры отступили и не только те, которые находились у св. Роха, но и те, которые подходили со всех сторон. Карто осыпал снарядами колонну Даникана, которая продвигалась по набережной Вольтера и не могла выйти на Королевский мост. Ночью войска Конвента в свою очередь переходят в наступление и очищают улицы, прилегающие к Пале-Роялю. На следующее утро инсургенты улетучились. Наиболее скомпрометированные бежали и стали скрываться. С каждой стороны было по 200 и 300 убитых и раненых.

Репрессии против участников прерияльского восстания были беспощадны. По отношению к вандемьерским повстанцам было проявлено гораздо больше мягкости. Трех военным советам, которые были учреждены 15 вандемьера, пришлось выносить только заочные решения, так как подсудимых совершенно не старались разыскивать. Было только два смертных приговора, действительно приведенных в исполнение — над бывшим судьей Лебуа и над эмигрантом Лафоном. Мену, относительно которого член Конвента Тибодо дал благоприятные показания, был оправдан. Заочно приговоренный к смерти Канстеллан свободно расхаживал по улицам, и его не тревожили. Лезе-Марнезия нашел убежище у мадам де Сталь в парке Сен-Грасвен. Лакретель младший, которому покровительствовал его бывший патрон Буасси д'Англа, ограничился тем, что перестал показываться.³

Наоборот, «террористы», защищавшие Конвент, получили кое-какие награды. 17 вандемьера Барасс добился отмены декрета от 12 фруктидора, которым некоторые из них предавались суду трибуналов.⁴ В конце концов к ним была применена общая амнистия из

которой были исключены участники вандемьерского восстания, эмигранты и непокорные священники (амнистия 3 брюмера IV г.). Однако появление патриотов 89 г. в Тюильрийском саду было не всем ленам Конвента по вкусу. Не один из них опасался этих беспокойных рюзишников. После 15 вандемьера их три батальона были поспешно асфальтированы.

Но результаты выборов в советы сразили термидорианцев, руководивших сопротивлением, в особенности Талльена, Барраса, Бурона де л'Уаз, Дюбуа-Крансе, Лежандра — всех тех, кто имел за собой прошлое монтаньяров и царубийц. Несмотря на тщательные меры предосторожности, в виде декретов от 5 и 13 фруктидора, принятые ими в целях обеспечения переизбрания двух третей членов Конвента, несмотря на уловку с дополнительными списками, переизбрано было только 379 депутатов, из них 124 посредством дополнительных списков. Эти 379 депутатов должны были сами дополнить общее число депутатов до установленной цифры в 500 человек, наметив еще 104 своих товарищей, которые были таким образом избавлены от провала. Депутаты, переизбранные выборщиками, были самые умеренные из Собрания: Буасси д'Англа, Анри Ларивьер, Ланжюинэ, Деферрион, Камбасерес, Дюран де Майльян, Пеле из Лозеры, Саладэн и др. Фрерон не был переизбран и даже не был назначен по указанию переизбранных депутатов. Новая треть была почти целиком составлена из более или менее перерядившихся роялистов, большинство которых были очень преданы католицизму. Париж выдвинул Лафон-Ладеба, Мюрэра, Жильберта, Демольера, Дамбрэ, Портали, Лекуте де Кантеле и др., из которых все оплакивали падение королевской власти 10 августа.

Левое крыло термидорианской партии, особенно старые царубийцы, хотели было воспользоваться победой для того, чтобы аннулировать результаты выборов. И для этого надо было сделать лишь более или менее значительное усилие. Но бывшие жирондисты, как Шенье, Луве, Ла Ревельер, Дону, которые до этого сражались бок о бок с ними, отказались следовать за ними.¹ Талльен, который перешел с правой стороны, чтобы снова пересечь на Гору, потребовал 23 вандемьера устройства секретного заседания (Генерального коми-

теристов, против которых не будет выдвинуто обвинений в преступлениях против общих законов.

¹ Вожди термидорианцев собирались вместе с бывшими жирондистами за столом у некоего Формалагеа, который кормил их обедами дважды в неделю. Когда биржа была снова открыта, Формалагез был назначен Комитетом общественного спасения биржевым маклером. Он имел «деловые связи», говорит Тибодо, с бордосским банкиром Лафон-Ладеба, который был депутатом Законодательного собрания. Миранда и Серван, Маршена до своего разрыва с Лежандром также бывали в этом обществе. 19 вандемьера, на обеде у Формалагеа, на котором присутствовали Буасси, Ланжюинэ, Ларивьер, Лезаж, Лежандр, Талльен, Тибодо, Лежандр стал упрекать их за молчание, которое они хранили во время восстания секций, и за похвалы, которые им расточали секционеры. Разгорелся животный спор. Ланжюинэ заговорил о «бойне» 13 вандемьера. При этих словах Талльен пришел в ярость и стал обвинять Ланжюинэ и его товарищей справа в единомыслии с секциями. Он назвал их заговорщиками, а Формалагеа шпионом. Тибодо рассказывает об этой сцене в своих Мемуарах, стр. 220. См. также стр. 197 — 199.

¹ Доклад Барраса от 30 вандемьера IV г.

² «Dix années d'épreuves», стр. 261. Лакретель был среди секционеров у св. Роха.

³ «Dix années d'épreuves», стр. 266 — 270.

⁴ Законом 21 вандемьера было воспрещено судьям выносить смертные приговоры членам прежних революционных комитетов, муниципалитетов или административных комиссий за отпущенные ими во исполнение своих обязанностей распоряжения об арестах. Вместе с тем этим законом отменялись приговоры, вынесенные в нарушение с этим положением. Законом 22 вандемьера предписывалось освободить все пер-

тета, как выражались), чтобы донести на некоторых своих товарищей, Ланжюинэ, Буасси д'Англа, Лезажа, Ларивьера как на сообщников мятежников.

В подтверждение своего сообщения он сослался на документы захваченные у роялистского агента Лемэтра. Лежандр подтвердил его сообщение на следующий день и возвел на Ровера обвинение, которое Луве еще усилил. Было издано постановление об аресте Ровера и Саладэна, а несколько позднее также и их товарищей Ломона, Обри и Го. 30 вандемьера Бентабол внес предложение, чтобы Конвент немедленно разделится на две палаты для избрания Директории, не дожидаясь прибытия новой трети.

Вслед за ним Баррас и Талльен потребовали, чтобы была восстановлена Чрезвычайная комиссия пяти для принятия мер общественного спасения. Комиссия была назначена и составлена целиком из монтаньяров, сторонников крайних мер: Талльена, Дюбуа-Крансе Флорана Гюйо, Ру из Верхней Марны и Понса из Вердена.

Но за ночь умеренные сговорились между собой. Тибодо, который был в их числе, произнес 1 брюмера резкую обвинительную речь против Талльена:

«Защитник сентябрьской резни, с каким правом выступает Талльен с обвинениями против своих товарищей в роялизме (протесты на скамьях левых)? Но и вы, которые протестуете, вы также объявили его покровителем роялизма, и вы должны будете согласиться, что если после 9 термидора была роялистская реакция, то больше всего ее следует приписать Талльену... В Комитете общественного спасения имеется письмо претендующего на престол Monsieur, в котором он говорит, что сильно рассчитывает в восстановлении королевской власти на Талльена...¹ Талльеном руководит честолюбие, он действует только под впечатлением досады на то, что не попал в число руководителей Законодательного собрания. За несколько дней до собрания Генерального комитета Талльену говорили: Гора снова подымается. «Вадор, — ответил он, — это крамольная партия неумелых людей. У них нет ни одного оратора». А на следующий день он оказался с ними

Под этим натиском Талльен отступил, хотя его энергично поддерживала Гора. Он не решился предложить кассацию выборов. И прежде чем приступить к выборам Директории, подождали прибытия новой трети.

Есть ли надобность делать выводы. Широкая непопулярность, которая окружает Конвент в его последние дни и которая будет тяготеть на следующем правительстве, это непопулярность заслуженная. После 9 термидора люди, которые свергли Робеспьера, отождествляли себя и свои частные интересы с республикой. Они беспрестанно нарушали принципы демократии. В появлении произвола они превзошли прави-

¹ Это письмо Monsieur, адресованное герцогу д'Аркур, было перехвачено вместе с другими 24 вантоза III г. на английском пакетботе «La princesse Royale» шедшем из Гамбурга в Лондон. В письме имела такая фраза: «у меня не может быть сомнений в том, что Талльен склоняется к королевской власти, но мне трудно поверить, что это настоящая королевская власть», см. все письмо в Мемуарах Тибодо, стр. 229. Тибодо заявляет, что «одного этого документа было бы достаточно, чтобы погубить всякого другого депутата, кроме Талльена. Но можно быть совершенно другого мнения. Тибодо ссылается еще на дипломатические отчеты, в которых упоминается Талльен, и, наконец, прибавляет, что Бентабол и Сизейс, вернувшись из Голландии, сказали, что они собрали ценные сведения, неблагоприятные для Талльена и Фрерона. Все это кажется нам не имеющим большого значения.

тельство, место которого они заняли. Их непоследовательная и противоречивая политика, строившаяся только на требованиях момента, последовательно возбудила недовольство всех партий — якобинцев, которых они заключили в тюрьмы и допустили подвергнуть избиениям, конституционных роялистов, которым они, в конечном счете, закрыли доступ к власти своими декретами о двух третях. Французы, в огромном своем большинстве, презирают людей, которые из политики сделали ремесло и источник дохода. За бессменными стоят только приобретатели национальных имуществ и поставщики — отряд довольно ограниченный, но дисциплинированный и смелый. Этого для них было достаточно, чтобы с помощью армии держаться против воли большинства. Но серьезное значение имеет то обстоятельство, что установленный парламентарный образ правления был извращен с самого начала в своей основе и в своем практическом применении и что народные представители стали представлять только самих себя. Это было несомненным признаком того, что республика, которую они использовали как свою собственность, долго не просуществует.